

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2022. Том 69

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русь

2022. № 69

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2022. Nr. 69

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Русsev

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodol'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: str. Miorita, 1C, ap. 83, Chisinau, MD 2028, Moldova,

Tel.: (+373 22) 28-75-59. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2005-2022

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9

ИСТОРИЯ

<i>Юрасов М.К.</i> Существовала ли «империя печенегов» в степях между Трансильванией и Нижним Доном?	11
<i>Зиновьев В.П., Суляк С.Г.</i> Урбанизация и этнодемографические процессы на Украине в конце XIX – начале XXI в.	31
<i>Степнов А.О., Некрылов С.А.</i> Русский контингент студенчества Томского университета в свете национальной политики императорской России в конце XIX – начале XX в.	53
<i>Медоваров М.В.</i> Русинский вопрос в зеркале русских консервативных журналов (1890–1894 гг.)	73
<i>Суляк С.Г.</i> Русинская тематика в работах Е.Н. Водовозовой	97
<i>Стогов Д.И.</i> Русская правоконсервативная периодическая печать начального этапа Первой мировой войны о русинах	130
<i>Конев К.А.</i> К истории международной деятельности Центрального Карпаторусского совета в Сибири (1919 г.)	146
<i>Сушко А.В., Петин Д.И.</i> Русин в эпоху социальных катаклизмов в России (пример судьбы Григория Мокрого)	164
<i>Чемакин А.А.</i> Несостоявшиеся выборы в Державный сейм Украины (1918 г.)	179
<i>Нам И.В.</i> Сибирско-польская история на страницах журналов «Sybirak» и «Каторга и ссылка»	197
<i>Трезубов М.Д.</i> Концепция «Старой» и «Новой» Европы Романа Дмовского и её роль в дискурсе современной польской международной политики	213

Котов В.В.

Идея славянской взаимности в мышлении чешских националистов в 1860-е – начале 1870-х гг. (на примере сокольского движения)	233

Ковалева Е.О.

В.В. Шульгин: размышления о происхождении Руси и украинском вопросе (по материалам эмигрантской публицистики)	256

Федосов Е.А.

Эволюция графической модели праздничных выпусков газет Советской Украины (1953–1984 гг.)	269

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Трубникова Н.В., Саркисова А.Ю.

Герои национальных нарративов в зеркале исторической памяти Рунета (на материале больших данных социальной сети «ВКонтакте»)	282

Казак О.Г.

Русинский вопрос в общественно-политическом дискурсе Беларуси (1990-е гг.)	306

БИБЛИОГРАФИЯ

Посадский А.В.

Васильченко М.А. Чехословацкий корпус в борьбе за Поволжье (май – ноябрь 1918 года). Саратов: Техно-Декор, 2021. 172 с.	321

CONTENTS

Editorial	9

HISTORY

<i>Yurasov M.K.</i> Was there the “Pecheneg Empire” between Transylvania and the Lower Don?	11
<i>Zinoviev V.P., Sulyak S.G.</i> Urbanization and ethnodemographic processes in Ukraine in the late 19th – early 21st centuries	31
<i>Stepnov A.O., Nekrylov S.A.</i> Russian students in Tomsk University and the national policy of late Imperial Russia	53
<i>Medovarov M.V.</i> The Rusin question in Russian conservative journals (1890–1894)	73
<i>Sulyak S.G.</i> The Rusin theme in the works by Elizaveta Vodovozova.....	97
<i>Stogov D.I.</i> Russian right-wing conservative periodical press about Rusins at the beginning of WWI	130
<i>Konev K.A.</i> On the history of the international activity of the Central Carpatho-Russian Council in Siberia (1919)	146
<i>Sushko A.V., Petin D.I.</i> A Rusin in the era of social cataclysms in Russia (a case study of Grigoriy Mokriy)	164
<i>Chemakin A.A.</i> The failed elections to the Sovereign Sejm of Ukraine (1918)	179
<i>Trezubov M.D.</i> The concept of “Old” and “New” Europe by Roman Dmowski and its role in the discourse of modern Polish foreign policy.....	213
<i>Kotov V.V.</i> The idea of Slavic reciprocity in Czech nationalist thinking in the 1860s and early 1870s (a case study of the Sokol movement).....	233

Kovaleva E.O.

Vasily Shulgin: Reflections on the origin of Rus and the Ukrainian question (based on the émigré journalism)	256

Fedosov E.A.

The evolution of graphics in newspaper holiday issues in the Soviet Ukraine (1953–1984)	269

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Trubnikova N.V., Sarkisova A.Yu.

Heroes of national narratives in the Runet historical memory (based on big data from the VKontakte social network)	282

Kazak O.G.

The Rusin question in the socio-political discourse of Belarus (1990s)	306

BIBLIOGRAPHY

Posadsky A.V.

Vasilchenko M.A. The czechoslovak corps in the struggle for the Volga region (May – November 1918). Saratov: Techno-Decor, 2021. 172 p.	321

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели журнала!

7–8 октября 2022 г. Томском государственном университете прошла VI Международная конференция «Славянский мир в условиях современных вызовов». Её организаторами традиционно выступили Томский государственный университет и международный исторический журнал «Русин».

В работе конференции приняли участие 32 учёных из России, Белоруссии, Молдавии, Словении. В их числе 15 представителей Томского государственного университета и девять – Санкт-Петербургского государственного университета. Прозвучало 27 докладов, восемь из них сделали молодые исследователи – лаборанты и студенты.

В частности, сотрудники Томского государственного университета подняли тему участия русинов в Гражданской войне (доктор исторических наук Д.Н. Шевелев «Мобилизация русинов в Сибири летом–осенью 1919 г.: идеологический контекст, военная необходимость и политические комбинации», кандидат исторических наук К.А. Конев «К истории международной деятельности Центрального Карпаторусского Совета в Сибири (1919 г.)»).

Кандидат исторических наук Д.И. Стогов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова-Ленина) рассказал об освещении русской право-консервативной периодической печатью русинской проблематики на начальном этапе Первой мировой войны. Кандидат исторических наук С.Г. Суляк (Санкт-Петербургский государственный университет) сделал доклад «Русинская тематика в работах Е.Н. Водовозовой».

Кандидат исторических наук А.А. Чемакин (Санкт-Петербургский государственный университет) представил своё исследование о несостоявшихся выборах в Державный сейм Украины (1918), доктор исторических наук В.П. Зиновьев (Томский государственный университет) – об урбанизации и этнодемографическому процессу на Украине в конце XIX – начале XXI в., кандидат исторических наук Н.И. Наумова (Томский государственный университет) – о проблемам самоопределения и самоорганизации русских на Юге России в годы Гражданской войны, кандидат исторических наук Е.А. Федосов (Томский государственный университет) – об эволюции графической модели праздничных выпусков газет Советской Украины (1953–1984 гг.).

Ряд статей, написанных на основе прозвучавших докладов, размещены в этом номере журнала.

С.Г. Суляк,
главный редактор

Dear members of the Editorial Board, authors and readers!

On October 7–8, 2022, National Research Tomsk State University and the Editorial Board of the *Rusin International Historical Journal* held the Sixth International Conference “The Slavic World: Responding to New Challenges.” The attendees were from Russia, Belarus, Moldova, and Slovenia, including 15 from Tomsk State University and 9 from St. Petersburg State University. They presented 27 papers, 8 of which were presented by young researchers – laboratory assistants and students.

In particular, the scholars from Tomsk State University discussed the participation of Rusins in the Civil War (Dmitry Shevelev’s “Mobilization of Rusins in Siberia in the summer–autumn of 1919: Ideological context, military necessity and political combinations”, Kirill Konev’s “On the history of the international activities of the Central Carpatho-Russian Council in Siberia (1919)”).

Dmitrii Stogov (St. Petersburg State Electrotechnical University) spoke about the coverage of Rusin problems by the Russian right-wing conservative periodicals at the initial stage of the First World War. Sergey Sulyak (St. Petersburg State University) presented about the Rusin question in the works by Elizaveta Vodovozova.

Anton Chemakin (St. Petersburg State University) presented his research on the failed elections to the Sovereign Sejm of Ukraine (1918); Vasily Zinoviev (Tomsk State University) discussed urbanization and ethno-demographic processes in Ukraine in the late 19th – early 21st centuries. Natalia Naumova (Tomsk State University) raised the problems of self-determination and self-organization of Russians in the South of Russia during the Civil War. Egor Fedosov (Tomsk State University) dwelt on the evolution of the graphics in the holiday issues of newspapers in Soviet Ukraine (1953–1984). Some articles based on these presentations are published in this issue.

Segey Sulyak,
Chief Editor

УДК 94(4)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/2

Существовала ли «империя печенегов» в степях между Трансильванией и Нижним Доном?

М.К. Юрасов

Институт российской истории РАН

Россия, 117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Авторское резюме

Попытки некоторых исследователей представить упоминаемую Константином Багрянородным «Печенегию» кочевой империей представляются чисто умозрительными. Раздробленность печенегов на отдельные племена сохранялась весь период времени их проживания в европейских степях. У них не было верховного вождя, отсутствовали развитое этническое самосознание и элементы имперского мышления. Они не организовали ни одного разорительного нашествия объединёнными военными силами всех племён. Вместо этого соседние государи использовали ополчение какой-то их части в качестве вспомогательного войска для борьбы со своими противниками.

Ключевые слова: печенеги, кочевая империя, этническое самосознание, внешняя политика Древней Руси, Византии, Венгрии, Польши в X–XI вв.

Was there the “Pecheneg Empire” between Transylvania and the Lower Don?

Mikhail K. Yurasov

Institute of Russian History, Academy of Sciences

19 D. Ulianov Street, Moscow, 117292

E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Abstract

The attempts by some researchers to present “The Pechenegia” mentioned by Konstantin Porphyrogenitus as a nomadic empire seem purely speculative. The Pechenegs were fragmented into separate tribes, which persisted for the entire period of their residence in the European steppes. They had neither supreme leader nor developed ethnic identity nor imperial thinking. They failed to organize a single devastating invasion by the joint military forces of all the tribes. Instead, their neighboring sovereigns used some of their militia as an auxiliary force to fight their opponents.

Keywords: Pechenegs, nomadic empire, ethnic identity, foreign policy of Ancient Russia, Byzantium, Hungary, Poland in the 10th–11th centuries

В отличие от хазар и половцев печенегам в исторических исследованиях традиционно уделяется значительно меньше внимания. Это связано, прежде всего, со скудостью сохранившихся о них достоверных сведений источников. Долгое время печенегов рассматривали вместе с другими кочевыми этносами Восточной Европы, в рамках изучения истории степной полосы от Нижнего Поволжья до Нижнего Дуная, не стараясь собрать воедино все касающиеся их сведения источников¹. Монографий или больших статей, специально посвящённых политической истории печенегов во время их пребывания в степях Восточной Европы, мне пока обнаружить не удалось.

На рубеже XX–XXI вв. печенеги привлекли внимание сторонников теории существования т. н. вожеств (chiefdoms), простого и сложного, которые предшествовали появлению ранних государств у дошедших до такой ступени политического развития народов. Об этом, в частности, писал П.Б. Голден [24], которого в его оценках уровня политического развития печенежского общества поддержал А.В. Марей [10]. При этом в высказываниях названных исследователей присутствует явное противоречие: признавая печенегов X–XI вв. находившимися на уровне сложного вожества, т. е. догосударственном, П.Б. Голден и А.В. Марей пишут о существовании «империи печенегов» в степях Восточной Европы. Основанием для такого утверждения является информация известного персидского географического сочинения «Пределы мира...» («Худуд ал-'алам...»), написанного ок. 982 г., где содержатся сведения, в том числе, о народах Восточной Европы, причём не только современной его автору эпохи, но местами и взятые из источников более ранних времён.

В «Пределах мира» сведения о печенегах крайне скудны, однако там, в отличие от других мусульманских географических сочинений раннего Средневековья, содержится известие о том, что у печенегов

есть единый лидер с титулом *михтар* (§ 20). В.Ф. Минорский переводит это слово как «предводитель» [25: 313]². П.Б. Голден считает, что это слово было хорошо известно в мусульманском мире и обозначало правителя каганата, т. е. «кочевой империи» [24: 273]. Это утверждение, поддержанное А.В. Мареем [10: 341–342], представляется явным преувеличением. Не вдаваясь в подробности дискуссии исследователей о значении титула «михтар» (который был всё же намного скромнее «кагана»), ставлю главной целью настоящей работы выяснение на основании известных нам фактов внешнеполитической истории степного пояса Восточной Европы середины IX – середины XI в., создали ли печенеги единое государство, воспринимавшееся соседями как «кочевая империя».

Всякая древняя или средневековая «империя» в эпоху своего расцвета отличалась от обычных государств прежде всего размерами своей территории. Площадь пространства, подконтрольного печенегам с начала X в., достигла почти полумиллиона квадратных километров – от низовьев Дона до Нижнего Подунавья, включая всю южную часть современной Румынии. На севере ареал кочевания печенегов ограничивался лесостепной полосой, за контроль над которой боролись с восточнославянскими земледельцами не только печенеги, но и их предшественники венгры, а также вытеснившие печенегов из Северного Причерноморья во второй половине XI в. половцы. На востоке владения печенегов сначала ограничивались территорией, подвластной Хазарскому каганату. После краха Хазарии в конце 960-х гг. сильнейшим восточным соседом печенегов до середины XI в. были аланы, которых затем сменили половцы. На юге печенежская территория ограничивалась побережьями Азовского и Чёрного морей, за исключением южного побережья Крыма, принадлежавшего Византии. Что же касается западных пределов распространения печенегов, то их кочевья достигали восточных границ современной Воеводины, занимая пространство между южными отрогами Карпат и Нижним Дунаем.

Столь значительная территория вполне соответствовала размерам «кочевой империи», что непременно было бы отмечено книжниками, жившими в соседних государствах, или учёными-географами. Но для этого правящая верхушка печенежских племён должна была проявить стремление к консолидации всех печенегов в единый «народ», сопровождавшееся складыванием хотя бы архаичных органов центральной власти. По этому пути пошли во второй половине IX в. венгры, что позволило им, в отличие от печенегов, не только сохранить себя как этнос, но и создать одно из сильнейших средневековых европейских государств. Сравнение отдельных черт

эволюции венгерского и печенежского общества в рассматриваемое время ярко показывает, что печенеги, с точки зрения внутривосточного развития, пошли путём прямо противоположным тому, который избрали венгры.

Одним из неперемённых атрибутов империи в любую эпоху человеческой истории, но особенно в древности и Средневековье, является наличие у неё огромного войска, способного внушать страх у соседних народов и государственных образований. Как известно, установление реальной численности средневековых армий является одной из серьёзных проблем для историков, поскольку книжникам было свойственно преувеличивать число врагов и преуменьшать количество «своих» воинов. Относительно печенегов до нас дошли сведения ал-Мас'уди о набеге на Византию коалиции двух печенежских «племён» (баджнук и баджна), новгородцев и венгров. Названный автор сообщает о том, что правитель румов Арманус (византийским император Роман I Лакапин, 920–945) послал против войска коалиции названных «народов» 12 тыс. профессиональных воинов, к которым присоединилось ещё 30 тыс. ополченцев, а у вторгшихся в северо-западные провинции Византии «варваров» было вдвое меньше вооружённых людей [7: 5].

Хотя достоверность приводимых ал-Мас'уди данных не может быть проверена, они представляются вполне правдоподобными: напавших на Византию в 934 г. было ок. 20 тыс. воинов, из которых печенеги составляли примерно половину или немного больше, т. е. ок. 10–12 тыс. Трудно поверить в то, что в данном случае в успешном походе антивизантийской коалиции на Балканы участвовало ополчение всех печенежских племён, которое должно было быть, по крайней мере, в два раза больше. Как свидетельствуют мусульманские авторы (Ибн Русте и его последователи), численность венгерского войска в рассматриваемое время составляла 20 тыс. конных воинов [3: 48–50], а в эпоху Константина Багрянородного венгры (по его утверждению) панически боялись печенегов и признавали их более многочисленным народом, чем они сами [8: 44–45]. Отсюда следует вывод о том, что упоминаемые ал-Мас'уди этнонимы «баджнук» и «баджна» не распространялись на все печенежские племена, часть которых не направила свои ополчения для участия в рассматриваемом походе. В 969–970 г. печенеги сражаются против Византии в составе войска, собранного Святославом Игоревичем (начало 960-х – 972). Разгром василевсом Иоанном Цимисхием (969–976) русско-болгарско-венгерско-печенежского войска в битве под Аркадиополем (970) заставляет сделать аналогичный вывод: и на этот раз на Балканы отправились отряды далеко не из всех, а, скорее всего, лишь ближай-

ших к театру боевых действий печенежских племён, кочевавших к западу от нижнего течения Днепра.

Ещё одной характерной чертой раннесредневековой империи было её стремление к расширению своих пределов. При этом неважно, кем был правитель такой державы – христианином, мусульманином или язычником. Империя того времени должна была вызывать уважение и страх не попавших под её власть соседей. Это в свою очередь требовало от императоров, каганов и других, равных им по престижу лидеров государственных образований, проявления стратегической инициативы. Применительно к печенегам это означает организацию широкомасштабных нашествий, результатами которых было бы если не присоединение всех или части разорённых земель, то хотя бы обложение их населения данью. Таких целей печенеги, судя по всему, с начала X в. перед собой не ставили, ограничиваясь набегами отдельных племён на соседние области. Разгромленные же и вытесненные печенегами из степей Восточной Европы венгры в 899–955 гг. оспаривали у норманнов репутацию самой большой внешней опасности для цивилизованных государств, образовавшихся после распада империи Карла Великого (768–814, император с 800). Печенеги, заняв места венгров в Северном Причерноморье, достаточно быстро распылили свои военные силы на степных просторах протяжённостью более 1 000 км, угрожая соседям набегами, но не опустошительными нашествиями.

Помимо распространения контроля отдельных племён на огромную территорию, для создания раннего государства, которое соседи признали бы «империей», необходимо ещё наличие сформировавшегося этнического самосознания, включающего в себя не только представление о том, что каждое племя является частью единого этноса, но и элементы имперского мышления – при сравнении себя с соседями. У венгров это проявилось уже в 870–880-е гг., о чём свидетельствует Ибн Руста [15: 106]³. Объединившиеся вокруг сильнейшего племени медьер (мадьяр), венгры уже во второй половине IX в. считали себя равными хазарам и византийцам [15: 111; 16]. У печенегов, судя по сведениям дошедших до нас источников, «имперские устремления» так и не проявились.

Главной причиной невозможности создания «кочевой империи» печенегов было сохранение ими раздробленности на отдельные племена с момента миграции из-за Волги на земли «Внешней Хазарии». Уже само их появление в Восточной Европе заложило основу будущей «хронической» разобщённости печенегов. Константин Багрянородный свидетельствует о том, что печенеги пришли в страну, которую они занимали во время написания трактата «Об управлении империей»

двумя «волнами»: сначала там обосновались «кангары», а позднее из-за Волги пришла основная масса «пачинакитов». Исследователи спорят о том, сколько времени прошло между приходом этих «волн»⁴. Автор этих строк придерживается точки зрения, согласно которой, первая «волна» печенегов пришла из-за Волги в первой половине 850-х гг., а вторая – в первой половине 90-х гг. того же столетия [18].

«Кангары» разгромили первый племенной союз венгров (для обозначения которого Константин использует этноним «саварты-асфалы») – прежних хозяев причерноморского степного «коридора» и ограничили ареал их кочевания землями к западу от Днепра. Примерно три-четыре десятилетия между венгерскими племенами и «кангарами» сохранялось военное равновесие, но приход второй «волны» печенегов нарушил этот баланс сил и в конечном счёте новый союз семи венгерских племён (Хетумогер) вынужден был переселиться в Среднее Подунавье. Поскольку вытеснение венгров досталось печенегам относительно легко (они воспользовались участием ополчения венгерских племён одновременно в конфликтах на Балканах и в Моравии) [17], вместо консолидации с целью создания кочевой «империи» они рассредоточились на пространстве от Нижнего Дона до земель к югу от Трансильвании.

Источники, возникшие в рассматриваемую эпоху, свидетельствуют о сохранении печенегами раздробленности на отдельные племена, в лучшем случае – на «крылья». Как указывалось выше, арабский путешественник и писатель ал-Мас'уди (ум. в 956) в своём сочинении «Промывальни золота и рудники самоцветов» в описании совместного набега на «ар-Рум» (Византию), совершённого ок. 934 г. четырьмя «тюркскими народами», упоминает среди них две этнические общности печенегов под этнонимами *баджнā* и *баджнāk* [7: 5–7]. Большинство исследователей связывает описанный ал-Мас'уди набег «четырёх тюркских народов» с набегом венгров и печенегов на Византию, состоявшийся в апреле 934 г., о котором повествует Продолжатель Георгия Амартола [6: 566]. Сам ал-Мас'уди в рассматриваемом отрывке из его сочинения сообщает о том, что пишет об этом в 332/943–944 гг. [7: 5]. Различение ал-Мас'уди «народов» *баджна* и *баджнак* можно расценить, в том числе, и как свидетельство того, что и в середине X в. кангары и пачинакиты не стали единым этносом.

Константин Багрянородный, называя современных ему «пачинакитов» народом («этносом»), подчёркивает их разделение на восемь «фем» (племен), которые, в свою очередь, состоят из сорока частей [8: 154–155]. Побывавший в 1008 г. у печенегов с миссионерскими целями Бруно Кверфуртский (ум. в 1009), описывая в письме германскому королю Генриху II (1002–1024) ареал обитания печенегов,

говорит о том, что этот народ разделён на четыре части, три из которых Бруно и его соратникам удалось обойти в течение пяти месяцев [2: 60; 23: 46]. Названные выше сторонники концепции о широком распространении «вожеств» видят в письме Бруно доказательство существования «кочевой империи печенегов». А.В. Марей выделяет в тексте Бруно сведения, позволяющие предположить существование политического центра всех проживавших в Северном Причерноморье печенежских племён – «главного стана», поскольку «факт сбора народа свидетельствует о том, что люди знали, куда ехать». При этом исследователь опирается на приведённое выше мнение П.Б. Голдена, согласно которому употреблённый в «Худул ал-‘алам» титул верховного правителя печенегов *mihtar* означает ‘князь; господин’, но при этом А.В. Марей признаёт, что археологических свидетельств существования у печенегов «главного стана» до сих пор не обнаружено [10: 341–342].

Последнее подтверждает тезис об отсутствии у печенегов в рассматриваемое время мощного политического объединения, которое можно было бы назвать «кочевой империей». Представители отдельных печенежских племён, безусловно, помнили об этнической общности всех печенегов, но отсутствие серьёзной внешней опасности не способствовало их политической консолидации. В данном случае не так важно, на сколько племён или временных племенных объединений делились печенеги – кангаров и пачинакитов, баджнак и баджна, четыре части, восемь «фем» или тринадцать «родов», о чём свидетельствует византийский хронист второй половины XI в. Иоанн Скилица [26: 455]. Важнее то, что они оставались при этом на догосударственном уровне своего политического развития.

Геополитическая ситуация в эпоху преобладания печенегов в степной полосе к западу от нижнего течения Дона была намного сложнее, чем в Центральной Азии, где они проживали в более ранние эпохи своей истории. Распространение печенегов на территории в виде полосы большой протяжённости, поделённой между отдельными их племенами, способствовало сохранению их политической разобщённости. Правители соседних государств не были заинтересованы в появлении на своих границах мощной кочевой империи, поэтому они призывали (в случае необходимости) на помощь ополчение лишь ближайших печенежских племён.

Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империи» (гл. 4) так наставляет своего сына относительно печенегов: «...пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки (= венгры) не могут нападать на державу ромеев по закону войны. <...> Пачинакиты, связанные дружбой с василевсом и побуждаемые

его грамотами и дарами, могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жён и детей и разорять их землю» [8: 38–39]. Несмотря на явные преувеличения в цитированном отрывке (до нас не дошли сведения о регулярных разорениях печенегами Руси и Венгрии в первой половине X в.), в целом южные группы восточного славянства и осваивавшие трансильванские земли венгры жили в условиях существования опасности внезапных нападений со стороны печенегов.

Часть печенегов, кочевавшая на территории «Внешней Хазарии», в первые десятилетия после переселения из-за Волги должна была противостоять стремлениям Хазарского каганата вернуть контроль над этими землями. Упадок Хазарии в середине X в. происходил на фоне усиления Руси и постепенного распространения части узов (торков) по территории «Печенегии» [8: 332]. Уничтожение киевским князем Святославом Игоревичем Хазарского каганата во второй половине 960-х гг. заметно улучшило геополитическую ситуацию для печенегов, хотя крах Хазарии способствовал усилению Алании, поэтому ополчения восточных племён печенегов не могли оставить надолго свои кочевья ради участия в походах в Юго-Восточную Европу. Под 985 г. Повесть временных лет (ПВЛ) упоминает торков в качестве союзников Владимира Святославича (978–1015) во время его похода на (волжских) булгар [5: 71; 9: 84]. Это свидетельствует о том, что, несмотря на мирные отношения между торками и печенегами, последние не были гарантированы от оказания торками военной помощи врагам печенегов.

Самыми беспокойным соседом печенегов была Русь, противостояние с которой ярко демонстрирует отсутствие «империи» у печенегов, поскольку объединёнными силами всех племён они могли бы, подобно хазарам, обложить данью южнорусские земли. До нас не дошло сведений источников о войнах объединителя Руси «вещего» Олега с печенегами. ПВЛ содержит сведения о том, что в 882–885 гг. Олег подчинил своей власти полян, древлян, северян и радимичей, но война с уличами и тиверцами успеха ему не принесла [5: 16–17; 9: 23–24]. Возможно, именно печенеги помогли уличам избежать в то время подчинения Киеву, а венгры – тиверцам, с которыми, по мнению молдавских исследователей, венгры в последние десятилетия своего проживания в Северном Причерноморье составляли военно-политическую общность [14: 263, 275–276].

Укрепление власти киевских князей при Игоре «Старом» (912/922–944/945) сопровождалось его стремлением к расширению владений Руси в южном направлении, особенно в Нижнем Поднепровье, где проходил наиболее опасный для русских торгов-

цев участок пути «из варяг в греки». Константин Багрянородный свидетельствует о том, что в районе днепровских порогов, где русы вынуждены были выходить на берег и перетаскивать свои моноksилы на руках, на них нападали печенеги. Это побуждало «росов» к борьбе за обладание всем течением Днепра. Как известно, Киев был центром «славинии» полян, ниже которых по течению Днепра располагались уличи. Во время написания императором Константином трактата «Об управлении империей» (между 948–952) уличи («ультины») уже были данниками киевского князя [8: 156–157]. Наличие в русско-византийском договоре 944 г. специальной статьи «О Корсунстей стране» [5: 39; 9: 51] позволяет предположить распространение власти (или влияния) киевского князя на Нижнее Поднепровье и Тавриду, что также свидетельствует о временной потере печенегами к началу 940-х гг. контроля над частью «степного коридора».

О том, что до подчинения Игорем уличей граница Руси с печенегами проходила в одном дне пути от Киева, свидетельствует Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей», явно приводя более ранние данные [8: 156–157]. Возможно, уличи перестали подчиняться власти Киева во время междоусобицы сыновей погибшего в битве с печенегами Святослава Игоревича. Однако к концу правления Владимира Святославича (978–1015), по свидетельству Бруно Кверфуртского, от Киева до южной границы Руси было уже два дня [2: 58; 23: 45]. Хотя на этом Русь остановила своё продвижение в Нижнее Поднепровье, поскольку не было людских ресурсов для освоения более южных территорий, сам этот факт говорит о неспособности степняков помешать процессу возвращения под власть Киева земель, где обитали уличи.

Несмотря на то что земли южной Руси более всего страдали от печенежских набегов, характер этих походов за добычей и полоном также не подтверждает тезиса о существовании «кочевой империи» печенегов. Хотя междоусобицы Святославичей создавали благоприятную ситуацию для печенежских разорений, ранние русские летописи сообщают об этом только начиная с 988 г. Под этим же годом в ПВЛ сообщается об укреплении Владимиром границы со Степью путём возведения городов, в которых поселялись «лучшие мужи» из ильменских словен, кривичей, чуди и вятичей [5: 106; 9: 121]. Последнее сообщение явно имеет обобщающий характер и относится к последующим десятилетиям правления Владимира, поскольку печенеги совершали набеги на Русь в 992, 996 и 997 гг., а их описание в ПВЛ дано в виде пересказа связываемых с ними народных преданий [5: 106–109, 112–114; 9: 122–125, 127–129].

После 997 г. печенеги появляются на страницах ПВЛ в следующий раз лишь под 1015 г. в описании событий, предшествовавших смерти Владимира Святославича. Поскольку трудно поверить в то, что эти степняки после 997 г. в течение почти двух десятилетий до их привлечения в качестве союзников Святополком «Окаянным» во время борьбы за власть между наследниками Владимира Святого (1015–1019) не предпринимали никаких набегов на русские земли, приходится допускать (хотя и самую минимальную) возможность того, что уникальные свидетельства Никоновской летописи отражают какие-то реальные события. Имеющие ещё более легендарный (чем «Сказание о белгородском киселе») характер известия этого летописного свода, созданного XVI в., о печенежских набегах помещены под 1000, 1001 и 1004 г. [11: 68]. Несмотря на всю свою мифологичность⁵, они вполне соотносятся со свидетельством, безусловно, вполне достоверного источника, каковым является уже рассматривавшееся выше послание Бруно Кверфуртского германскому королю Генриху II 1008 г., где будущий святой католической церкви сообщает о том, что ему удалось добиться заключения мира между Русью и печенегами [2: 61; 23: 46]. При этом следует подчеркнуть, что учитываемые исследователями при воссоздании истории княжения Владимира Святославича предания, содержащиеся в ПВЛ, и признаваемые недостоверными уникальные сказания Никоновской летописи только подтверждают мнение о нежелании печенегов объединять свои военные силы для нашествий на Русь. Судя по всему, это были набеги ополчения отдельных племён.

Отсутствие у печенегов стремления к консолидации было одной из причин недостаточного внимания, а порой и презрительного отношения к ним правителей соседних с ними государств. Наиболее показательным, с точки зрения темы настоящей работы, является привлечение печенежского племенного ополчения в качестве вспомогательного войска во время международных конфликтов и внутренних междоусобиц. То, что печенеги начиная с X в. никогда не оказывали военную помощь тем, кто просил их об этом, объединёнными силами всех своих племён, ярко показывают приводимые далее свидетельства источников.

Во время войны болгарского правителя Симеона (893–927) с Византией 917 г., после поражения византийского войска на р. Ахелой (25 августа), «Друнгарю Роману было приказано переправить печенегов (через Дунай. – М.Ю.) на помощь Льву Фоке против болгар, однако между Романом и Иоанном (Вогой, стратигом Херсона. – М.Ю.) начались распри, и печенеги, видя, как они враждуют и ссорятся между собой, вернулись домой» [12: 162]. Трудно представить себе, что так повело бы себя объединённое войско всех печенежских

племён. Скорее всего, это было ополчение кочевавшего на левом берегу нижнего Дуная печенежского племени (по Константину, «фема Гиазихопон») [8: 156–157].

В 943 г. киевский князь Игорь «Старый» отправился в поход на Византию, намереваясь отомстить за поражение, понесённое им под стенами Константинополя двумя годами ранее⁶. Византия предприняла меры для недопущения киевского князя на Балканы, сначала выплатив ему дань, а в следующем году заключив с ним новый русско-византийский договор. Поскольку вместе с Игорем на Нижний Дунай в 943 г. пришли, в том числе, и печенеги, князь, по-видимому, обещавший им долю от будущей добычи, отправил их в набег на Болгарию [5: 34–35; 9: 45–46]. Второй пример так же, как и первый, явно свидетельствует об участии в рассматриваемом походе ополчения какой-то части печенегов, а не всех восьми «фем» (племён), названия которых приводит Константин Багрянородный, иначе они самостоятельно приняли бы решение совершить набег на Болгарию.

Поскольку, судя по всему, печенегов, расселившихся по степной полосе протяжённостью более 1 000 км, вполне устраивало такое разобщённое существование, привлекавшие их на помощь правители соседних государств относились к не представлявшим грозной опасности степнякам как к союзникам «второго сорта». Это ярко проявилось во взаимоотношениях одного из их племён с польским князем Болеславом I Храбрым (ок. 992–1025). В 1013 г. он пришёл на Русь с вспомогательным печенежским войском. Немецкий хронист Титмар Мерзебургский (ум. в 1018) свидетельствует о том, что после разорения Руси между воинами Болеслава и печенегами вспыхнули раздоры, узнав о которых, польский князь приказал истребить помогавших ему степняков [2: 68; 22: 382]. Можно с большой долей уверенности утверждать, что в данном случае союзниками поляков было воинство одного из печенежских племён, скорее всего Явдертим [2: 68, примеч. 31], малочисленность которого позволила Болеславу так поступить с ним.

Несмотря на презрительное отношение к печенегам Болеслав Храбрый продолжал использовать их отряды в качестве вспомогательного войска в конфликтах с соседними государями. Между 1014 и 1017 гг. печенеги совершили набег на Трансильванию, сведения о котором содержатся в гл. 13 «Большого жития Иштвана Святого» [27: 389], написанного во время подготовки к его канонизации, состоявшейся в 1083 г. [20: 268]. По мнению историков, этот набег был одной из военных операций длившегося с 1003 по 1017 г. польско-венгерского конфликта. Скорее всего, инициатива в организации этого набега принадлежала печенегам. Поскольку источники не содержат

сведений о мести печенегов за убийство их воинов поляками в 1013 г., скорее всего, Болеслав Храбрый на этот раз нанял другое печенежское племя. Версия о том, что он выплатил компенсацию за истреблённых его воинами печенегов, представляется менее вероятной.

Военное и политическое могущество Болеслава Храброго, активно поддерживавшего своего зятя Святополка «Окаянного» в борьбе за Киев в 1018 г., побуждало печенегов оставаться его союзниками, тем более что во время княжения Владимира Святославича (978–1015), как указывалось выше, Руси удалось отодвинуть от своей столицы границу с печенегами на один день пути, а также создать линию пограничных укреплений на новых рубежах. Всё это делало печенегов естественными союзниками могущественного польского князя. Нападение на Русь в 1015 г. перед смертью Владимира, представленное в ПВЛ как предпринятое по инициативе печенегов [5: 115; 9: 130], вполне могло быть совершено по договорённости с Болеславом. И вновь напрашивается вывод о том, что и в данном случае силы остановленных на р. Альте степняков были невелики, поскольку для их сдерживания Владимир отправил лишь свою дружину во главе с сыном Борисом.

Участие ополчения отдельных печенежских племён в военных конфликтах в Восточной и Юго-Восточной Европе в X–XI вв. также подтверждается тем, что печенеги чаще всего воевали в составе коалиций, численность объединённого войска которых была достаточной для успешных набегов, но не для нашествий, в ходе которых разорялись целые государства или значительные их части. Выше уже приводились примеры участия печенегов в качестве союзников Византии в 917 г., их нахождения в составе войска Игоря «Старого» в 943 г. и в созданной Святославом Игоревичем в 969 г. антивизантийской коалиции, куда ему удалось также привлечь покорённую им Болгарию и венгров. Что касается также рассматривавшихся выше сведений ал-Мас'уди о походе 934 г. четырёх «тюркских племён» на Нижний Дунай, то в них фигурируют две этнические общности печенегов (баджнā и баджнāk), а также баджгирд (венгры) и нукардā, в которой И.Г. Коновалова видит отряд, пришедший из Новгорода [7: 11–13]. Неоднократно привлекавший печенегов в качестве вспомогательного войска Болеслав Храбрый в 1018 г. для изгнания Ярослава Мудрого из Киева создал коалицию, в которую кроме поляков вошли дружина Святополка «Окаянного», печенеги и венгры, о чём свидетельствует Титмар Мерзебургский [2: 82; 22: 530].

В связи с тем, что набеги на соседей совершали отряды отдельных печенежских племён, одним из их излюбленных тактических приёмов было внезапное нападение на тех соседей, военные силы

которых находились на отдалённых театрах боевых действий, когда на местах их проживания оставались лишь незначительные отряды самообороны. Так печенеги использовали в 895 г. участие венгров в византийско-болгарском конфликте и привлечение их в качестве вспомогательного войска великоморавским князем Сватоплуком I (870–894), умершим до прихода своих степных союзников. Смерть призвавшего их государя побудила венгров подвергнуть Моравию разорению, чем воспользовались печенеги, напав в то время на венгерские кочевья.

Так же печенеги поступили и в 968 г., когда Святослав Игоревич воевал на Балканах, оставив Киев (где находились его мать Ольга и сыновья) без надёжной защиты, что едва не закончилось взятием столицы Руси печенегами [5: 53–55; 9: 65–67]. Совершая такие внезапные нападения, печенеги, несомненно, понимали, что так же могут поступить и те, на кого они нападали. В ПВЛ под 915 г. можно прочесть о том, что перед тем как оправиться (в 917 г.) по призыву греков на войну с болгарским правителем Симеоном, печенеги заключили соглашение с киевским князем Игорем [5: 32; 9: 43]. Это было сделано явно для того, чтобы обеспечить безопасность тех, кто остался в местах их кочевания.

Создатель Венгерского королевства Иштван I Святой (997–1038, король с 1000/1) умело использовал процесс христианизации своей страны для укрепления центральной власти и ликвидации очагов сепаратизма, созданных местными вождями. Окружённые государствами, раньше или позже ставшими частями христианского мира и исповедовавшей иудаизм Хазарией (переставшей существовать в конце 960-х гг.), печенеги также должны были столкнуться с проблемой «выбора веры». Выше уже говорилось о миссионерской деятельности Бруно Кверфуртского среди печенегов в 1008 г. Будущий святой западной христианской церкви, объехав со своими соратниками три четверти страны печенегов и пообщавшись с представителями знати, прибывших к нему из четвёртой четверти, честно признаётся в том, что христианами из печенегов стали всего лишь «тридцать душ» [2: 60–61; 23: 46]. Через год Бруно принял мученическую смерть во время миссионерской деятельности среди язычников-пруссков. О судьбе основанного им печенежского епископства ничего неизвестно.

Не оставили печенегов без внимания и исламские миссионеры. По свидетельству арабского учёного-энциклопедиста Абу Убайда Абдаллаха ал-Куртуби ал-Бакри (ум. в 1094), «После четырёхсотого года хиджры (1009/10 г.) случилось быть у них (печенегов. – М.Ю.) пленнику-мусульманину, учёному богослову, он начал проповедь ислама среди некоторых из них, те приняли ислам самым искрен-

ним образом; проповедь ислама стала распространяться среди них, за это порицали их те другие, кто не принял ислам, дошло у них до сражения, помог бог мусульманам, а их было приблизительно двенадцать тысяч, а неверных – вдвойне, они поубивали их, остальные же приняли ислам» [3: 75–76]. Попытки ал-Бакри представить всех или большую часть печенегов после 1010 г. мусульманами не находят подтверждения в европейских и византийских источниках. Не стали печенеги в то время и христианами. Сама же борьба между сторонниками «веры предков» и одной из двух мировых религий не могла не разделить печенежский этнический массив по конфессиональному признаку на три враждующих «лагеря».

Укрепление южных и юго-восточных границ Руси после окончательного изгнания из Киева Святополка «Окаянного» в 1019 г. и успешного похода Мстислава Владимировича на ясов и касогов в 1022 г. сузило возможности печенегов для разорения соседних территорий, но не побудило их к консолидации в единое раннегосударственное образование. Согласно приведённому выше свидетельству Иоанна Скилицы, в рассматриваемое время печенеги делились уже на 13 «родов». Часть их после смерти Василия II Болгаробойцы (1025) возобновила нападения на Византию, отмечаемые в 1026, 1032 и 1035 гг. [13: 7].

О враждебности печенегов, проживавших на землях вдоль южных границ Руси, к венграм свидетельствуют венгерские средневековые хроники в рассказе о бегстве на Русь двоюродных племянников Иштвана I Святого Эндре и Левенте ок. 1034 г. Во время их вынужденного пребывания среди печенегов некий пленный венгр предупредил братьев о намерении степняков убить их, что заставило принцев покинуть печенежские становища [21: 336; 28: 177]. Однако тот же Эндре, ставший в 1046 г. венгерским королём (Эндре/Андраш I), призвал печенегов на помощь во время похода в Германию в 1051 г. [21: 346].

Разгром печенегов под стенами Киева в 1036 г. вызвал дальнейшее падение роли печенегов в степном мире Восточной Европы и их постепенное перемещение на запад, поскольку с востока их всё больше теснили торки, а с середины XI в. более сильные противники – половцы, быстро ставшие хозяевами Поволжья и Подонья, а потом и всего Северного Причерноморья. Вынужденные откочевать на земли к северу от Нижнего Дуная, где сходились пределы Венгерского королевства и Византийской империи, печенеги так и не объединились ради сохранения своего этноса. Вместо этого у них разразилась война между верховными вождями двух печенежских племён – Кегеном и Тирахом [1: 9–22]. Возможно, в сложившихся

условиях печенеги попытались объединяться под властью наиболее сильных племенных вождей, но, как часто бывает в подобных случаях, между претендентами на роль главного лидера всех племён развернулась жестокая непримиримая борьба, результатом которой стала полная потеря печенегами статуса равноправного субъекта международных отношений в глазах правителей соседних государств.

На основании приведённых выше данных можно сделать однозначный вывод о том, что печенеги во время проживания в степном поясе Восточной и Юго-Восточной Европы не только не создали «кочевой империи», но и не предприняли никаких усилий для этого. Географические особенности «Печенегии», протянувшейся с востока на запад на 1 000 км и разделённой на отдельные сектора крупными реками, естественным образом способствовали обособлению печенежских племён, знать которых не желала подчиняться власти верховного вождя всех печенегов, поэтому таковой потестарный институт у них так и не сложился. Консервация племенной раздробленности печенегов также стимулировалась внешними факторами – попытками включения их в христианский или исламский мир, использованием правителями соседних государств в своих политических целях воинства отдельных печенежских племён, тех, которые обитали поблизости. Ни киевские князья, ни венгерские короли, ни правители Польши и Византии не были заинтересованы в объединении печенегов в сильное раннегосударственное образование.

Всё это свидетельствует о крайней недалёковидности правящей верхушки печенежских племён, так и не осознавшей необходимость консолидации всех разрозненных этнических групп в единый «народ». Пример соседних венгров, некогда разгромленных печенегами и вытесненных ими из степей Восточной Европы, но благодаря объединению отдельных племён создавших в начале XI в. сильное государство, не вдохновил печенежских вождей и их окружение пойти таким же путём. В результате этого печенеги в эпоху классического Средневековья постепенно исчезли со страниц истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Важнейшую библиографию см.: [4].
2. Мной использован помещённый в Интернете перевод с английского издания «Худуд ал-‘алам» В.Ф. Минорского, выполненный И. Стариковым. См.: URL: http://voslit.narod.ru>rus4>Hudud>text20_22.
3. Хотя В.П. Шушарин не был востоковедом, в его цитате из Ибн Русте учтены не только русскоязычные переводы отечественных

специалистов, но и интерпретация этого текста венгерским востоковедом К. Цегледи.

4. См. об этом: [18].

5. Упоминание легендарных персонажей в летописных статьях не является исчерпывающим доказательством недостоверности всей информации такого рода. Первый набег руси на Константинополь 860 г. летописцы также приписывают полулегендарному князю Аскольду, сопровождая своё повествование легендарными подробностями, но у исследователей в данном случае есть множество свидетельств зарубежных источников об этом походе. Можно также подвергать сомнению датировки Никоновской летописью событий рассматриваемого периода, но признаваемые достоверными сведения Бруно Кверфуртского о заключении при его посредничестве мира между Русью и печенегами в 1008 г. позволяют допустить возможность отражения Никоновской летописью сведений о событиях той войны, которую остановил Бруно.

6. О датировке второго похода Игоря на греков см.: [19].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

SRH – *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque Arpadianae gestarum / Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Vol. I–II. Typographiae REg. Universitatis Litter. Hung. sumptibus, 1937–1938.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги // *Васильевский В.Г. Труды.* Т. I. СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1908. С. 1–118.

2. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Т. IV: Западноевропейские источники / сост., пер. и комм. А.В. Назаренко. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.

3. *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М.: Изд-во восточной литературы, 1967.

4. *Иванов В.А., Котляр Н.Ф., Плетнёва С.А.* Печенеги // *Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия* / под общ. ред. Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2014. С. 610.

5. *Ипатьевская летопись* / ПСРЛ. Т. II. 2-е изд. [репр.]. М.: Языки славянской культуры, 1998.

6. *Истрин В.М.* Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1. Пг.: Российская государственная академическая типография, 1920.

7. Коновалова И.Г. К вопросу об этнониме нѹкарда у ал-Мас'уди // Средневековая Русь. Ч. 2. М.: Едиториал УРСС, 1999. С. 4–20.
8. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, пер., комм. / под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. 2-е изд. М.: Наука, 1991.
9. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. 2-е изд. [репр.]. М.: Языки славянской культуры, 1997.
10. Марей А.В. Особенности социально-политической организации печенегов // Альтернативные пути и цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 337–343.
11. Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. IX [репр.]. М.: Языки славянской культуры, 2000.
12. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / изд. подг. Я.Н. Любарский. СПб.: Наука, 1992.
13. Расовский Д.А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondakovianum*. VI. Praha, 1933. С. 1–64.
14. Рябцева С.С., Рабинович Р.А. О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX–X вв. // Русь в IX–XII веках: Общество, государство, культура. Москва; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 263–279.
15. Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: РОССПЭН, 1997.
16. Юрасов М.К. Элементы имперского мышления у венгров в IX веке // Славяне и их соседи. Вып. 8: Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1998. С. 12–18.
17. Юрасов М.К. Внешнеполитические акции венгров в Центральной Европе во второй половине IX в. // Славяне и их соседи. Средние века – раннее новое время. Вып. 9: Славяне и немцы. 1 000-летнее соседство: мирные связи и конфликты. М.: Наука, 1999. С. 47–54.
18. Юрасов М.К. К вопросу о времени появления первой волны печенегов в степях Восточной Европы // Историческая русистика в XXI веке: материалы X Международной научной конференции будапештского Центра Русистики от 18–19 мая 2015 г. Budapest: Russica Pannonicana, 2017. С. 73–83.
19. Юрасов М.К. Русы и венгры на Нижнем Дунае в 943 г. // Русин. 2022. № 67. С. 30–46. DOI: 10.17223/18572685/67/3
20. Az államalapítás korának írott forrásai // Az előszót írta, a szövegeket válogatta. A kötetet szerkesztette Kristó Gy. Szeged: Szegedi Középkorász Műhely, 1999.
21. *Chronici Hungarici compositio – Chronici Hungarici composition saeculi XIV* / ed. by A. Domanovszky // SRH. I. P. 217–505.
22. Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung / ed. by R. Holtzmann. Berlin, 1935 (MGH SS rer. Germ. NS. T. 9).
23. DHA – *Diplomata Hungariae antiquissima*. Vol. I. 1000–1131 / Edendo opera praefuit G. Györffy. Budapestini: Akadémiai kiadó, 1992.

24. Golden P.B. The Peoples of the South Russian Steppes // The Cambridge History of Early Inner Asia / ed. by D. Sinor. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 256–285.

25. *Hudud al-Alam*. The Regions of the World. A Persian Geography 371 A.H. – 982 A.D. / transl. by V. Minorsky. London: Cambridge University Press, 1937.

26. *Ioannis Scylitzae*. Synopsis Historiarum / Fec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci: De Gruyter, 1973.

27. *Legendae* S. Stephani regis maior et minor, atque legenda ab Hatrvico episcopo conscripta / ed. E. Bartoniek // SRH. II. P. 363–440.

28. Simonis de Keza – Simonis de Keza Gesta Hungarorum / ed. by A. Domanovszky // SRH. I. P. 129–194.

REFERENCES

1. Vasilevsky, V.G. (1908) *Trudy* [Works]. Vol. I. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 1–118.

2. Dzhakson, T.N., Konovalova, I.G. & Podosinov, A.V. (eds) (2010) *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiya* [Old Rus in Foreign Sources. A Reader]. Vol. 4. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science.

3. Zakhoder, B.N. (1967) *Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope* [The Caspian Summary of Information about Eastern Europe]. Vol. 2. Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury.

4. Ivanov, V.A., Kotlyar, N.F. & Pletneva, S.A. (2014) Pechenegi [Pechenegs]. In: Melnikova, E.A. & Petrukhin, V.Ya. (eds) *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya* [Old Rus in the Medieval World]. Moscow: Lodomir.

5. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1998) *Ipat'evskaya letopis'* [The Hypatian Codex]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

6. Istrin, V.M. (1920) *Knigy vremen'nyya i obraznyya Georgiya Mnikha. Khronika Georgiya Amartola v drevnem slavyano-russkom perevode* ["Knigy vremennyya i obraznyya" by George Mnikh. The Chronicle of George Hamartolos in ancient Slavic Russian translation]. Petrograd: The Russian State Academic Printing House.

7. Konovalova, I.G. (1999) K voprosu ob etnonime nŷkarda u al-Mas'udi [On the ethnonym of Nukarda by Masudi] In: Goresky, A.A. (ed.) *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus']. Vol. 2. Moscow: Editorial URSS. pp. 4–20.

8. Litavrin, G.G. & Novoseltsev, A.P. (eds) (1991). *Konstantin Bagryanorodnyy. Ob upravlenii imperiei* [Constantine Porphyrogenitus. Managing the Empire]. 2nd ed. Moscow: Nauka.

9. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1997) *Lavrent'evskaya letopis'* [Laurentian Chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

10. Marey, A.V. (2000) Osobennosti sotsial'no-politicheskoy organizatsii pechenegov [Features of the socio-political organization of the Pechenegs]. In: Kradina, N.N., Korotaeva, A.V., Bondarenko, D.M. & Lynshi, V.A. (eds) *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative Ways to Civilizations]. Moscow: Logos. pp. 337–343.

11. Kloss, B.M. (ed.) (2000) Nikonovskaya chronicle [The Nikon Chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 9. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

12. Lyubarsky, Ya.N. (ed.) (1992) *Prodolzhatel' Feofana. Zhizneopisaniya vizantiyskikh tsarey* [The Successor of Theophan. Biographies of the Byzantine Kings]. St. Petersburg: Nauka.

13. Rasovsky, D.A. (1933) Pechenegi, torki i berendei na Rusi i v Ugrii [Pechenegs, Torks & Berendeys in Rus' & Hungary]. In: *Seminarium Kondakovianum*. Vol. 6. Prague: [s.n.]. pp. 1–64.

14. Ryabtseva, S.S. & Rabinovich, M.A. (2014) O vozmozhnosti vydeleniya vengerskikh drevnostey v Karpato-Dnestrovskom regione v IX–X vv. [On the possibility of identifying Hungarian antiquities in the Carpathian-Dniester region in the 9th–10th centuries]. In: *Rus' v IX–XII vekakh: Obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura* [Rus in the 9th–12th centuries: Society, State, Culture] Moscow; Vologda: Drevnosti Severa. pp. 263–279.

15. Shusharin, V.P. (1997) *Ranniy etap etnicheskoy istorii vengrov. Problemy etnicheskogo samosoznaniya* [The Early Stage in the Ethnic History of the Hungarians. Problems of Ethnic Identity]. Moscow: Rosspen.

16. Yurasov, M.K. (1998) Elementy imperskogo myshleniya u vengrov v IX veke [Elements of Imperial thinking among Hungarians in the 9th century]. In: Florya, B.N. (ed.) *Slavyane i ikh sosedi* [Slavs and Their Neighbors]. Vol. 8. Moscow: Nauka. pp. 12–18.

17. Yurasov, M.K. (1999) Vneshnepoliticheskie aktsii vengrov v Tsentral'noy Evrope vo vtoroy polovine IX v. [Foreign policy actions of Hungarians in Central Europe in the second half of the 9th century]. In: Litavrin, G.G. (ed.) *Slavyane i ikh sosedi. Srednie veka – rannee novoe vremya* [Slavs and Their Neighbors. The Middle Ages – Early Modern Times]. Vol. 9. Moscow: Nauka. pp. 47–54.

18. Yurasov, M.K. (2017) K voprosu o vremeni poyavleniya pervoy volny pechenegov v stepyakh Vostochnoy Evropy [On appearance of the first wave of the Pechenegs in the steppes of Eastern Europe]. In: Szvák, Gy. (ed.) *Istoricheskaya rusistika v XXI vek* [Historical Russian studies in the 21st century]. Budapest: Russica Pannonicana. pp. 73–83.

19. Yurasov, M.K. (2022) The Rus and Hungarians on the Lower Danube in 943. *Rusin*. 67. pp. 30–46 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/67/3

20. Kristó, Gy. (1999) *Az államalapítás korának írott forrásai*. Szeged: Szegedi Középkorász Műhely. DOI: 10.17223/18572685/67/3

21. Domanovszky, A. (ed.) (n.d.) *Chronici Hungarici compositio – Chronici Hungarici composition saeculi XIV*. SRH. I. pp. 217–505.

22. Holtzmann, R. (ed.) (1935) *Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung*. Berlin: [s.n.].
23. Hungary. (1992) *Diplomata Hungariae antiquissima*. Vol. I. Budapestini: Akadémiai kiadó.
24. Golden, P.B. (1990) The Peoples of the South Russian Steppes. In: Sinor, D. (ed.) *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 256–285.
25. Hudud al-Alam. (1937) *The Regions of the World. A Persian Geography 371 A.H. – 982 A. D.* Translated by V. Minorsky. London: Cambridge University Press.
26. Scylitzae, I. (1973) *Synopsis Historiarum*. Berolini; Novi Eboraci: De Gruyter.
27. Bartoniek, E. (ed.) (n.d.) *Legendae S. Stephani regis maior et minor, atque legenda ab Hatrvico episcopo conscripta*. In: *Scriptores Rerum Hungaricarum*. Vol. 2. Budapest: [s.n.]. pp. 363–440.
28. Simonis de Keza. (n.d.) *Gesta Hungarorum*. In: Domanovszky, A. (ed.) *Scriptores Rerum Hungaricarum*. Vol. 1. Budapest: [s.n.]. pp. 129–194.

Юрасов Михаил Константинович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Россия).

Mikhail K. Yurasov – Institute of Russian History, Academy of Sciences (Russia).

E-mail: mihail-yurasov@mail.ru

УДК 94(47+477)"19/21"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/3

Урбанизация и этнодемографические процессы на Украине в конце XIX – начале XXI в.

В.П. Зиновьев¹, С.Г. Суляк²

¹ Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: vpz@tsu.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Этнические процессы на Украине в конце XIX – начале XXI в. рассматриваются как часть процесса индустриализации территории Юга Европейской России (СССР). Прослеживается приток сельского населения в города и растущие транспортные, промышленные, торговые и культурно-образовательные центры. Попадавшие в города с преобладающим русским и еврейским населением воспринимали русский язык общения и общерусскую культуру, постепенно меняя свою идентичность с украинской на русскую. Этот естественный процесс не могла остановить официально проводившаяся в советское время политика поддержки украинского языка и культуры. Тенденции усиливал также приезд русских специалистов и рабочих на индустриальные объекты Украины и отъезд специалистов из Украины в другие республики. Наиболее интенсивно процесс шёл в индустриальных регионах юга и востока Украины, где и сформировалось русскоязычное большинство населения, что и обусловило цивилизационный разлом Украины на русский юго-восток и украинский северо-запад.

Ключевые слова: Украина, русский язык, украинизация, индустриализация, этнодемографические процессы

Urbanization and ethnodemographic processes in Ukraine in the late 19th – early 21st century

Vasiliy P. Zinoviev¹, Sergey G. Sulyak²

¹ Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: vpz@tsu.ru

² St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Ethnic processes in Ukraine in the late 19th – early 21st century are to be considered as part of the industrialization in the South of European Russia (USSR). People tended to migrate from rural to urban areas, which resulted in the growth of transport, industrial, trade, cultural, and educational centers. Those who migrated to predominantly Russian and Jewish cities adopted the Russian language of communication and all-Russian culture, gradually modifying their Ukrainian identity. This natural process could not be stopped by the policy of supporting the Ukrainian language and culture, officially pursued in Soviet times. The trends were also strengthened by the arrival of Russian specialists and workers to the industrial facilities in Ukraine and the departure of Ukrainian specialists to other republics. The process was most intensive in the industrial regions of the south and east of Ukraine, where the Russian-speaking majority formed, which led to the civilizational break of Ukraine into the Russian southeast and the Ukrainian northwest.

Keywords: Ukraine, Russian language, Ukrainization, industrialization, ethno-demographic processes

В связи с объявленной президентом России В.В. Путиным специальной военной операцией по денацификации и демилитаризации Украины, направленной на защиту Донбасса и «освобождение страны от преступного режима и неонацистских формирований», в российском обществе обострились дискуссии о причинах победы на Украине крайнего национализма (нацизма) после её выхода из состава СССР в 1991 г.

Цель статьи – показать, как в течение конца XIX–XX вв. продолжился естественный процесс формирования единой русской нации,

вопреки национальной политике советской власти, направленной на поддержку национальных языков и культур, в том числе и украинских. Чаще всего в создании условий для формирования национализма на Украине обвиняют политику большевиков, которые признавали национальные республики независимыми, пошли на создание с ними Союза ССР и проводили политику коренизации управления и культурного строительства в союзных республиках. Заметим, что эта политика, на наш взгляд, была неизбежной и единственно правильной, усыпляющей национализм в союзных республиках. Естественный процесс формирования единой экономики, социальной и общественной жизни вёл к образованию единого советского народа на основе русского языка и русской культуры, вбирая лучшее из наследства других народов СССР. Над этим сейчас смеются либеральные публицисты, в большинстве своём спонсируемые западными режимами. Распад СССР прекратил позитивный процесс национального строительства, выпустил националистического зверя в сознании людей. В ряде бывших союзных республик поиск идентичности приобрёл дикие формы национального эгоизма вплоть до нацизма и русофобии. Это сейчас поддерживается западным миром, поставившим целью уничтожить русскую государственность и русский народ.

Большевики также часто обвиняются в том, что они «подарили» те или иные территории, населённые русскими, новым республикам. Применительно к Украине называются таковыми земли Харьковской (Слобожанщины), Екатеринославской (Донбасс и Криворожье), прибрежных Таврической, Николаевской и Херсонской губерний (без Крыма) в 1922 г. и Крыма в 1954 г. Положим, что передача Крыма Украине к трёхсотлетней годовщине Переяславской Рады действительно прошла с нарушениями конституции и без учёта мнения населения для реализации проекта Северо-Крымского канала. Это можно расценивать как подарок Украине от Н.С. Хрущёва. А вот с остальными территориями вопрос непростой.

В статье анализируются материалы переписей населения Российской империи и СССР за 1897–1989 гг. Они обработаны и опубликованы коллективом сотрудников Института демографии НИУ ВШЭ имени А.Г. Вишневского в приложении к журналу «Демоскоп Weekly» (<http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php?ysclid=l1xbe62n86>). В качестве реперных точек выбраны Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., Всесоюзная перепись 1939 г., которая даёт представление о территории и населении Украинской ССР в предвоенный период, Всесоюзная перепись 1959 г., дающая представление о населении послевоенной Украины, и Всесоюзная перепись 1989 г. – итоговая для существования Украины в составе СССР.

Обратимся к анализу материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. (перепись проводилась по родному языку, в графе группы и языки: русские, ниже: великорусский, малорусский, белорусский). Причём признание родным языком малорусского не означало наличие украинского самосознания. Все губернии, на землях которых была объявлена Украинская ССР, имели преобладающее население с малорусским родным языком (табл. 1). Население малороссийских и новороссийских губерний насчитывало 23 440 тыс. чел., из него малороссийское наречие назвали родным языком 16 856 тыс. чел. (71,9 %), 2 768 тыс. чел. (11,8 %) – великорусское наречие, 2 178 тыс. чел. (9,3 %) – еврейский язык, 1 637 тыс. чел. (7,0 %) – прочие языки [11].

Не все носители малорусского языка вошли в состав Украинской ССР и приобрели впоследствии украинское самосознание. В других республиках, прежде всего в РСФСР, учтены 5 524 тыс. чел. Крупные группы носителей малорусского языка обнаружили в Области Войска Донского, Воронежской, Курской, Бессарабской губерниях, Кубанской области. Таким образом, о «подарках» В.И. Ленина Украине [8] говорить не приходится. Большевики отрезали Украине ровно те губернии, в которых явно преобладали носители малорусского наречия. На самом деле «подарок» русского народа украинскому состоял в самой возможности создания национальной государственности, так как малороссы самостоятельно не имели шансов создать и отстоять государственность, потерянную в средние века.

Но существуют факторы, которые до сих пор влияют на восприятие причерноморских земель россиянами как на земли русские. Именно дружины Московского царства и войска Российской империи отвоевали Северное Причерноморье у Речи Посполитой и Оттоманской Порты, Переяславская Рада 1654 г. была и остаётся символом единства русского и украинского народов, Одесса и Севастополь считаются городами русской военной славы. Кроме того, крупные городские центры (Харьков, Донецк, Одесса) на Украине почти всегда были преимущественно русскими по составу населения, по языку и культуре.

Особенностью состава городского населения Юга России была большая доля русских и евреев. Перепись 1897 г. учла в числе 3 085 тыс. городских жителей малороссийских и новороссийских губерний 1 050 тыс. великороссов, 937 тыс. малороссов, 831 тыс. евреев, 268 тыс. жителей иных национальностей. Таким образом, малороссы в населении на территории будущей Украинской ССР составляли более двух третей, а в населении городов – немногим более четверти. Вот эта особенность структуры населения Украины и сыграла злую шутку с её цивилизационным самоопределением и государственностью, так

Таблица 1
Деление населения по родному языку на территории Юга России по данным переписи 1897 г. [11]

Губернии, области		Распределение населения по родному языку				
		Все население	Велико-русский	Мало-русский	Еврейский	Крупные группы прочих народов*
Волынская	Вся	2 989 482	104 889	2 095 537	394 774	184 161 ¹
	Города	233 847	44 351	46 060	118 727	17 834 ¹
Екатеринославская	Вся	2 113 674	364 974	1 456 369	99 152	80 973 ² ; 48 740 ³
	Города	241 005	98 047	65 166	62 602	
Киевская	Вся	3 559 229	209 427	2 819 145	430 489	68 791 ¹
	Города	459 253	152 190	129 354	142 222	21 581 ¹
Подольская	Вся	3 018 299	98 984	2 442 819	639 306	69 156 ¹
	Города	221 870	33 353	72 188	102 204	10 866 ¹
Полтавская	Вся	2 778 151	72 941	2 583 133	110 362	
	Города	274 294	31 246	156 752	80 941	
Таврическая	Вся	1 447 790	404 463	611 121	55 418	78 305 ² ; 196 854 ⁴ ; 41 260 ⁵
	Города	289 316	142 062	30 197	34 242	49 640 ⁴ ;
Харьковская	Вся	249 216	44 036	2 009 411	12 650	
	Города	367 343	145 504	198 774	11 795	
Херсонская	Вся	2 733 612	575 375	1 462 039	322 537	32 894 ¹ ; 123 453 ²
	Города	788 960	354 738	135 862	223 769	24 609 ¹ ; 12 810 ²

Окончание табл. 1

Губернии, области		Распределение населения по родному языку				
		Все население	Велико-русский	Мало-русский	Еврейский	Крупные группы прочих народов*
Черниговская	Вся	2 297 854	495 963	1 576 072	113 787	151 465 ⁶
	Города	209 453	48 527	102 184	54 401	
Итого малороссийские и новороссийские губернии	Все	23 439 407	2 767 952	16 855 646	2 178 475	1 637 334
	Города	3 085 341	1 050 018	936 537	830 903	267 883
Область Войска Донского	Вся	2 564 238	1 712 898	719 655	15 121	
	Города	318	260 272	20 958	14 339	
Курская	Вся	2 371 012	1 832 498	527 778	40 66	
	Города	221 527	189 329	25 544	3 140	
Воронежская	Вся	2 531 253	1 602 948	915 883	2 277	
	Города	169 632	136 012	28 687	2 015	
Кубанская	Вся	1 918 881	816 734	908 818	1 942	105 592 ⁷
	Города	221 208	129 855	72 560	1 260	7 578 ⁸
Бессарабская	Вся	1 935 412	155 774	379 698	228 168	60 206 ² ; 920 915 ⁹ ; 103 225 ⁵
	Города	293 332	71 621	46 214	109 065	41 549 ⁹ ; 11 571 ⁵
Российская империя	Вся	125 640 02	55 746 966	22 380 551	50 63 156	42 449 348

Примечание. ¹Поляки; ²немцы; ³греки; ⁴татары; ⁵болгары; ⁶белорусы; ⁷народы Кавказа; ⁸армяне; ⁹молдаване. * Более 5 тыс. чел.

как в процессе индустриализации, которая началась в дореволюционной России с XIX в. и продолжалась все советское время, население городов росло, а сельское население сокращалось, влияние русского языка и общерусской культуры возрастало, а влияние малороссийских наречия и культуры ослабевало, несмотря на государственную поддержку.

Перепись 1939 г. показала, как изменилась этническая структура населения Украины (табл. 2)¹. Последствия первых лет индустриализации сказались на этническом составе городов. Поток сельского, в основном украинского, населения хлынул в города на промышленные предприятия и стройки. Доля городских жителей выросла до 36,2 % по сравнению с 13,2 % в 1897 г. Во всех регионах и городах преобладало украинское население, только в Одессе треть из 600 тыс. населения составляли евреи, немногим им уступали русские – 187 тыс. и украинцы – 179 тыс. В Сталинском горсовете русских насчитывалось 228 тыс., украинцев 220 тыс., евреев 25 тыс. из 503 тыс. населения города.

Одновременно проявились более быстрые темпы урбанизации индустриальной Новороссии по сравнению с аграрной Малороссией. В Сталинской (Донецкой) области в городах жили 78,1 % населения, в Ворошиловградской (Луганской) – 65,7 %, Днепропетровской – 53 %, Одесской – 41,9 % при среднем показателе урбанизации Украины в 36,2 %. Более высокой в наиболее индустриальных областях была и доля русских среди населения: в Сталинской – 31,3 %, в Ворошиловградской – 32,5 %, Одесской – 16,2 % при среднем показателе по Украине 13,5 %.

Те же тенденции стали более явными в послевоенное время (табл. 3). Несмотря на присоединение к Украине регионов аграрной Западной Украины, доля горожан увеличилась до 45,7 %. Среди населения Украины доля русских выросла с 13,5 до 16,9 %, а в городах – до 29,9 %; доля третьей по численности страны населения – евреев – упала с 5 % в 1939 г. до 2 % вследствие геноцида в период Великой Отечественной войны, но в городах они составляли 4 % населения. На востоке доля русского населения выросла до заметного уровня: в Луганской области – до 38,7 %, в Донецкой – до 37,6 %, Харьковской – до 26,4 %, в Одесской – до 21,7 %. В Крымской области русские были большинством – 71,4 %, украинцы составляли 22,3 % населения.

Накануне распада СССР состав населения Украины стал ещё более русским (см. табл. 4).

По данным переписи 1989 г. доля русских в республике выросла до 22 %, а в городах – сохранилась на уровне 29 %. В то время как доля украинцев среди населения республики снизилась с 76,8 % в 1959 г. до 72,7 % в 1989 г., а в городах выросла с 61,5 % до 65,8 %.

Т а б л и ц а 2

Население Украины по переписи 1939 г. [2]

Области		Национальности				
		Все насе- ле- ние	Русские	Украинцы	Евреи	Крупные группы прочих народов
Винницкая	Вся	2 344 736	106 061	2 017 990	141 825	55 610 ¹
	Города	270 795	20 933	148 044	9 100	7 480 ¹
Ворошиловград- ская	Вся	1 841 585	597 633	1 166 504	19 945	10 033 ⁶ ; 17 516 ²
	Города	1 209 392	461 299	693 112	19 120	8 594 ⁶ ; 6 008 ²
Днепропетров- ская	Вся	2 273 427	258 934	1 812 563	129 439	24 122 ⁶ ; 26 159 ²
	Города	1 205 602	200 538	849 844	116 786	16 669 ⁶ ; 6 099 ²
Житомирская	Вся	1 690 489	85 656	1 315 520	125 007	105 298 ¹ ; 25 393 ²
	Города	346 793	27 566	183 640	100 872	36 356 ¹ ; 4 638 ²
Запорожская	Вся	1 597 968	338 496	1 058 319	43 321	38 185 ⁵ ; 89 389 ²
	Города	567 932	147 786	352 987	35 744	3 948 ⁵ ; 14 486 ²
Каменец-Подоль- ская	Вся	1 739 083	61 956	1 441 488	121 335	95 679 ¹
	Города	204 254	14 108	103 904	70 929	12 463 ¹
Киевская	Вся	3 560 709	251 028	2 929 830	297 405	30 509 ¹ ; 17 265 ⁶ ; 7 645 ²
	Города	1 241 420	165 411	749 553	282 015	18 166 ¹ ; 11 664 ⁶
Кировоградская	Вся	1 175 457	88 987	1 028 165	26 419	
	Города	218 359	22 179	169 152	20 546	
Николаевская	Вся	2 344 736	106 061	2 017 990	141 825	
	Города	335 748	76 904	203 264	44 269	

Одесская	Все	1 642 779	265 930	964 011	233 155	26 730 ⁹ ; 24 455 ⁵ ; 91 462 ²
	Города	687 956	192 541	240 199	212 625	9 374 ⁹ ; 5 225 ⁵ ; 10 494 ¹
Полтавская	Вся	2 229 813	111 560	2 042 509	46 928	
	Города	411 089	28 466	332 896	43 811	
Сталинская	Вся	3 099 810	969 465	1 839 809	65 556	8 966 ¹ ; 47 154 ² ; 95 232 ³
	Города	2 421 432	888 389	1 340 819	64 089	8 007 ¹ ; 16 464 ² ; 39 071 ³
Сумская	Вся	1 707 233	187 147	1 489 578	16 363	
	Города	319 112	36 465	263 674	14 297	
Харьковская	Вся	2 552 696	549 534	1 820 061	136 746	9 505 ¹ ; 8 000 ²
	Города	1 344 200	345 443	832 589	1 351 143	5 773 ¹
Черниговская	Вся	1 782 379	80 602	1 642 168	31 887	5 819 ²
	Города	282 274	23 338	224 285	29 083	
Молдавская АССР	Вся	599 156	61 278	303 825	37 035	3 390 ¹ ; 11 947 ² ; 7 355 ⁵ ; 170 982 ⁹
	Города	124 012	25 940	56 273	30 006	14 547 ⁹
Украинская ССР	Вся	30 946 218	4 175 299	23 667 509	1 532 776	1 570 634
	Города	11 190 370	2 677 306	6 738 235	1 310 336	464 493

Примечание. ¹ Поляки; ² немцы; ³ греки; ⁴ татары; ⁵ болгары; ⁶ белорусы; ⁷ кавказцы; ⁸ армяне; ⁹ молдаване.

Т а б л и ц а 3

Население Украины по переписи 1959 г. [3]

Области		Национальности					
		Все население	Русские	Украинцы	Евреи	Крупные группы прочих народов	
Винницкая	Вся	2 142 045	93 525	1 966 404	50 157	20 766 ¹	
	Города	363 135	55 260	255 045	41 648	5 955 ¹	
Вольнская	Вся	890 456	37 063	842 048			
	Города	231 184	31 783	191 536			
Днепропетров- ская	Вся	2 704 783	465 995	2 102 936	73 256	6 130 ¹	
	Города	1 898 765	417 388	1 358 025	72 430	5 515 ¹	
Донецкая	Вся	4 262 048	1 601 260	2 368 120	42 501	63 284 ⁶ ; 93 188 ³ ; 224 519 ⁴	
	Города	3 656 240	1 517 860	1 902 583	42 256	59 726 ⁶ ; 45 581 ³ ; 23 935 ⁴	
Житомирская	Вся	1 603 604	86 989	1 355 169	42 048	102 995 ¹	
	Города	417 057	58 740	276 519	39 805	34 551 ¹	
Закарпатская	Вся	920 173	29 599	686 464	12 169	18 346 ¹⁰ ; 146 247 ¹¹	
	Города	26 444 859	25 280	162 490	9 226	47 989 ¹¹	
Запорожская	Вся	1 463 849	379 149	999 425	20 811	36 598 ⁵	
	Города	828 892	266 436	512 662	20 113	10 914 ⁵	
Ивано-Франков- ская	Вся	1 094 639	37 937	1 037 748		10 425 ¹	
	Города	2 494 37	31 996	203 726		6 479 ¹	
Киев	Города	1 104 334	254 269	663 851	159 466	8 482 ⁵	
	Вся	1 719 100	82 395	1 602 026	14 783	7 197 ¹	
Киевская	Города	443 573	58 635	360 178	13 886		
	Вся	1 217 929	102 232	1 079 846	9 505		
Кировоградская	Города	375 842	59 502	299 953	8 640		

Крымская	Вся	1 201 517	858 273	267 659	23 674	21 672 ⁶
	Города	775 456	575 686	143 618	23 699	12 560 ⁶
Луганская	Вся	2 452 172	950 024	1 416 307	13 939	12 591 ¹
	Города	1 944 633	832 857	1 031 116	13 795	12 294 ¹
Львовская	Вся	2 107 858	181 089	1 818 317	30 030	59 139 ¹
	Города	821 338	168 937	575 377	29 701	30 495 ¹
Николаевская	Вся	1 013 839	139 233	833 828	20 277	5 985 ⁵ ; 12 572 ⁶
	Города	400 310	93 546	271 908	19 028	
Одесская	Все	2 026 009	440 399	1 124 365	121 377	153 115 ⁵ ; 125 045 ⁹
	Города	956 694	341 720	421 126	118 962	250 32 ⁵ ; 19 823 ⁹
Полтавская	Вся	1 631 706	83 324	1 524 633	12 287	
	Города	483 773	59 902	405 222	12 007	
Ровенская	Вся	926 226	39 078	864 848		
	Города	157 702	30 400	116 944		
Сумская	Вся	1 513 718	167 588	1 330 768	6 259	
	Города	484 864	74 790	398 035	6 025	
Тернопольская	Вся	1 085 586	26 904	1 030 166		23 510 ¹
	Города	179 599	20 666	149 782		5 749 ¹
Харьковская	Вся	2 520 129	665 481	1 734 144	84 192	11 817 ⁶
	Города	1 573 738	503 074	956 369	83 740	9 264 ⁶
Херсонская	Вся	824 167	128 205	668 148	10 437	6 865 ⁶
	Города	332 761	75 576	240 358	9 556	
Хмельницкая	Вся	1 611 412	61 589	1 452 859	19 050	70 068 ¹
	Города	304 880	41 262	219 027	17 735	22 708 ¹
Черкасская	Вся	1 503 264	66 900	1 413 072	13 110	
	Города	345 519	48 012	279 212	12 281	

Окончание табл. 3

Области		Национальности				
		Все население	Русские	Украинцы	Евреи	Крупные группы прочих народов
Черниговская	Вся	1 553 773	61 139	1 468 154	12 562	6 606 ⁶
	Города	334 809	43 751	286 841	12 220	
Черновицкая	Вся	774 121	51 268	518 189	42 140	6 007 ¹ ; 79 790 ¹⁰ ; 71 645 ⁹
	Города	203 025	39 148	100 247	40 717	10 819 ¹⁰ ; 5 261 ⁹
Украинская ССР	Вся	41 869 046	7 090 813	32 158 493	840 311	1 779 429
	Города	19 147 419	5 726 476	11 781 750	810 031	829 162

Примечание. ¹ Поляки; ² немцы; ³ греки; ⁴ татары; ⁵ болгары; ⁶ белорусы; ⁷ кавказцы; ⁸ армяне; ⁹ молдаване; ¹⁰ румыны; ¹¹ венгры.

Таблица 4

Население Украины по переписи 1989 г. [4]

Области		Национальности				
		Все население	Русские	Украинцы	Евреи	Крупные группы прочих народов
Винницкая	Вся	1 920 783	112 484	1 757 948	26 200	
	Города	842 523	94 539	706 713	25 599	
	Вся	1 058 438	46 900	1 001 329		
Волынская	Города	514 055	42 986	462 707		
	Вся	3 869 858	935 749	2 769 560	50 096	5 436 ¹ ; 49 536 ⁶
Днепропетровская	Города	3 218 479	872 414	2 197 851	49 872	41 934 ⁶
	Вся	5 311 781	2 316 091	2 693 432	28 135	6 893 ¹ ; 83 691 ³ ; 25 495 ⁵ ; 76 935 ³
Донецкая	Города	4 791 165	2 199 688	2 329 669	28 037	6 413 ¹ ; 56 150 ³ ; 24 413 ³ ; 72 112 ³

Житомирская	Вся	1 537 604	121 443	1 306 140	21 749	69 413 ¹ ; 8 364 ⁶
	Города	813 500	105 973	630 049	21 567	41 871 ¹ ; 6 527 ⁶
Закарпатская	Вся	1 245 618	49 458	976 749		29 485 ¹⁰ ; 7 329 ¹² ; 155 711 ¹¹ ; 12 131 ¹³
	Города	506 464	43 143	374 760		52 33 ¹⁰ ; 6 304 ¹² ; 58 756 ¹¹ ; 7 551 ¹³
Запорожская	Вся	2 074 018	664 085	1 308 038	14 361	18 359 ⁶ ; 34 633 ⁵
	Города	1 567 839	554 270	942 706	14 171	14 391 ⁶ ; 16 586 ⁵
Ивано-Франковская	Вся	1 413 211	57 005	1 342 888		
	Города	589 016	53 925	523 557		
Киев	Города	2572212	536 707	1 863 674	100 584	25 274 ⁶ ; 10 445 ¹
	Вся	1 934 369	167 938	1 729 240	7 001	5 106 ¹ ; 12 117 ⁶
Киевская	Города	1 031 587	139 523	864 010	6 822	8 891 ⁶
	Вся	1 228 093	144 076	1 046 984		10 694 ⁹ ; 9 648 ⁶
Кировоградская	Города	730 382	114 927	594 496		5 761 ⁶
	Вся	2 430 496	1 629 542	625 919	17 731	
Крымская	Города	1 684 269	1 211 923	373 415	16 953	6 157 ¹ ; 38 365 ¹⁴ ; 50 054 ⁵ ; 10 762 ⁴
	Вся	2857031	1 279 043	1 482 232	8 230	33 516 ⁶ ; 5 785 ⁹ ; 11 937 ⁴
Луганская	Города	2 464 785	1 162 160	1 214 442	8 180	31 133 ⁶ ; 52 89 ⁹ ; 11 470 ⁴
	Вся	2 727 410	195 116	2 464 739	14 240	26 876 ¹ ; 10 787 ⁶
Львовская	Города	1 612 012	188 923	1 366 201	14 181	18 158 ¹ ; 9 962 ⁶
	Вся	1 328 306	257 964	1 003 591	11 910	14 476 ⁶ ; 16 673 ⁹
Николаевская	Города	870 350	214 425	612 409	11 673	92 48 ⁶ ; 5 463 ⁹

Окончание табл. 4

Области		Национальности				
		Все население	Русские	Украинцы	Евреи	Крупные группы прочих народов
Одесская	Все	2 624 245	719 039	1 432 737	69 105	5 456 ¹ ; 21 251 ⁶ ; 144 534 ⁹ ; 165 821 ⁵
	Города	1 725 049	621 246	8 838 312	68 679	17 464 ⁶ ; 40 084 ⁹ ; 54 877 ⁵
Полтавская	Вся	1 748 716	178 965	1 536 630	6 668	9 543 ⁶
	Города	981 161	152 223	805 498	6 594	6 476 ⁶
Ровенская	Вся	1 164 241	53 634	1 085 729		18 090 ⁶
	Города	526 681	49 518	464 439		5 060 ⁶
Сумская	Вся	1 427 498	190 050	122 0487		6 421 ⁶
	Города	877 916	141 098	723 432		
Тернопольская	Вся	1 163 974	26 610	1 126 395		6 704 ¹
	Города	470 887	24 011	440 283		
Харьковская	Вся	3 174 675	1 054 207	1 992 976	48 921	22 898 ⁶ ; 6 541 ¹⁵
	Города	2 488 425	910 468	1 465 186	48 695	17 672 ⁶ ; 5 355 ¹⁵
Херсонская	Вся	1 236 970	249 522	936 944	7 370	12 642 ⁶ ; 5 716 ¹⁴
	Города	755 224	188 213	533 085	7 217	7 888 ⁶ ; 4 681 ¹⁴
Хмельницкая	Вся	1 521 564	88 018	1 374 749	10 323	36 693 ¹
	Города	717 046	76 330	399 755	10 208	21 988 ¹
Черкасская	Вся	1 527 353	122 308	1 381 742	6 505	
	Города	801 841	105 223	678102	6 423	
Черниговская	Вся	1 412 770	95 562	1 292 106	6 184	10 650 ⁶
	Города	794 848	84 156	645 505	6 136	

Черновицкая	Вся	940 801	63 066	666 095	16 469	100 317 ¹⁰ ; 84 519 ⁹
	Города	394 415	55 497	277 446	16 388	26 784 ¹⁰ ; 10 975 ⁹
Украинская ССР	Вся	51 452 034	11 355 582	37 419 053	486 326	2 191 073
	Города	34 297 231	9 943 509	22 573 225	482 246	1 298 251

Примечание. ¹Поляки; ²немцы; ³греки; ⁴татары; ⁵болгары; ⁶белорусы; ⁷кавказцы; ⁸армяне; ⁹молдаване; ¹⁰румыны; ¹¹венгры; ¹²словаки; ¹³цыгане; ¹⁴татары крымские; ¹⁵азербайджанцы.

Т а б л и ц а 5
Русское население юго-восточной Украины по переписи населения СССР 1989 г.

Области	Население области			Городское население		
	Всего	Русские		Всего	Русские	
		Абс.	Доля, %		Абс.	Доля, %
Днепропетровская	3 869 858	335 749	24,0	8 218 479	872 414	27,0
Донецкая	5 311 781	2 316 091	43,6	4 791 165	2 199 688	45,9
Запорожская	2 074 018	664 085	32,0	1 567 839	554 270	35,4
Крымская	2 430 496	1 629 542	67,0	1 684 269	1 211 923	72,0
Луганская	2 857 031	1 279 043	44,8	2 464 785	1 162 160	47,2
Николаевская	13 283 306	257 962	19,4	870 350	214 425	24,6
Одесская	2 624 245	719 039	27,4	1 725 049	621 246	36,0
Харьковская	3 174 675	1 054 207	33,2	2 488 425	910 468	36,6
Херсонская	1 236 970	249 522	20,2	755 224	188 219	24,9

Примечание. Подсчет по данным табл. 4.

Это объясняется интенсивной урбанизацией УССР, в том числе в аграрных западной и центральной частях республики: доля горожан составила ровно две трети населения республики – 66,66 %. За это же время серьезно снизилась в городах доля евреев – с 2 до 1,4 %, вероятнее всего за счёт зарубежной миграции, и других этносов – с 4,3 % до 3,8 %.

Русские в большинстве своем сосредоточились в индустриальных регионах юго-восточной Украины (см. табл. 5), их доля от населения областей составляла не ниже пятой части, а в городах – свыше четверти. В Крымской области русские преобладали и в городах, и в сельской местности. Можно отметить также постепенное возвращение в регионы юга Украины крымских татар и увеличение числа белорусов во всех областях юго-востока республики (см. табл. 4).

Доля той или иной национальности не всегда точно отражает ее культурное влияние на другие народы. Что касается русских на Украине, то данные переписи 1989 г. показывают: владеющих русским языком было в два с половиной раза больше, чем самих русских. Так, среди всего населения Украины на 1989 г. русских, владеющих языком своей национальности, было 11 172 508, не владеющих русским языком – 183 074 чел., лиц других национальностей, считающих русский родным языком, насчитывалось 5 725 765, лиц, свободно владевших, кроме родного языка, русским языком, было учтено ещё 23 303 865. Всего граждан Украины, свободно владевших русским языком, было 40 202 138 чел. или 78,1 % населения республики, из них 26,8 млн чел считали себя украинцами. Лиц, свободно говоривших на украинском языке, насчитывалось 42,7 млн чел., из них 3,7 млн русских.

В городах доля населения, говорящего на русском языке, была еще выше. Из 34,3 млн горожан Украины 9,8 млн были русскими, владевшими русским языком, 5,3 млн чел. считали русский язык родным и 14,8 млн лиц свободно общались на русском языке, итого 29,9 млн чел., владевших русским языком, или 87,1 % среди жителей городов. Неудивительно поэтому, что, приезжая на Украину, русские не испытывали языковых неудобств. Это ощущение и служит основанием уверенности русских, что мы с украинцами и белорусами один народ. Не знаящие истории современные публицисты принимают сложившуюся в последние десятилетия XX в. этнодемографическую ситуацию на Украине за вечноданное. Может быть, восточные славяне и стали бы одним народом, если бы не распад СССР и растаскивание народов великой страны по национальным квартирам вновь возникшими элитами, жаждущими суверенитета, а на самом деле – безраздельного господства в своём уделе.

По данным Всеукраинской переписи населения 2001 г., численность населения Украины составила 48 457 тыс. чел. Украинцами назвали себя 37 542 тыс. чел, русскими – 8 334,1 тыс. Во время переписи был задан вопрос о языке, который считают родным, а не о языке, на котором жители обычно общаются между собой. Украинский язык был родным для 67,5 % населения (на 2,8 % больше, чем в 1989 г.), русский – для 29,6 % (на 3,2 % меньше, чем в 1989 г.). В тех регионах, где почти все население говорит по-русски, доля назвавших украинский язык родным упала, несмотря на рост доли украинцев. В Донецкой области русский родным назвали 74,9 % (в 1989 г. – 67,7 %), украинский – 24,1 % (в 1989 г. – 30,6 %). В Луганской области русский родной для 68,8 % (в 1989 г. – 63,9 %), украинский – для 30 % (в 1989 г. – 34,9 %). В то же время, по данным Киевского международного института социологии в марте 2002 г., хотя русские оставляли 16,8 % населения Украины, а украинцы – 78,4 %, 53,2 % населения Украины обычно разговаривали на русском языке и только 44,7 % – на украинском [15].

Такая тенденция сохраняется и сегодня. Согласно данным социологического опроса, проведённого украинским Центром «Социальный мониторинг» в марте 2021 г., 51,3 % респондентов используют в разговоре с семьёй (дома) русский язык [1].

Опубликованные данные о численности населения на 1 декабря 2019 г. показали 37,3 млн чел. и вызвали неутешительные выводы украинских публицистов. Приведём два из них.

«Если к концу тёмных времён кровавого тоталитаризма нас было 52 миллиона, а через 30 лет свободы и демократии стало 37 миллионов, можно ли из этого, наконец, сделать вывод, что кто-то кого-то обманул?», – саркастически высказался запорожский журналист Павел Волков.

«За годы Второй мировой войны Украина потеряла по разным оценкам 8–14 млн населения. По переписи 2001 г. нас было 48,5 млн жителей. Сегодня министр Дубилет озвучил новую цифру обитателей нашей страны – 37,2 млн. За неполных 20 лет цветных революций и последующих компрадорских режимов с войной и бегством регионов мы потеряли 11,2 млн населения – цифру, сопоставимую с нацистской агрессией, объявленной преступлением против человечности. И главное, всё легально – в рамках освоения нашей страны “свободным миром”. Меняются только методы, но не цели и результаты западной интервенции», – отмечал одесский блогер Вячеслав Азаров, напоминая о том, что Евросоюз и США также несут прямую ответственность за случившуюся с украинцами катастрофу [9].

Населённые русинами и их потомками регионы были последними присоединены к Украине. В 1939 г. к СССР отошла Галичина (совре-

менные Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области Украины). В 1940 – Северная Буковина (современная Черновицкая область) и Бессарабия (населённый в большинстве своём русинами Хотинский уезд и малороссами – Аккерманский и Измаильский уезды вошли в состав Украинской Советской Социалистической Республики). В 1945 г. к СССР была присоединена Подкарпатская Русь. Бывшая автономная область Чехословакии стала Закарпатской областью СССР. В СССР русинская тематика была под запретом. Русинский вопрос мог помешать процессу создания единой украинской нации. Поэтому исчезли упоминания о русском движении Галиции, Буковины и Угорской Руси, которое боролось с украинофильскими организациями, поддерживаемыми властями Австро-Венгрии, о первых концлагерях в Европе, созданных австро-венграми против русских галичан и буковинцев. Также прекратились и научные исследования по этой проблематике – как в СССР, так и в большинстве стран проживания русинов, которые стали союзниками СССР по социалистическому лагерю (Польше, Чехословакии, Румынии, Венгрии) (подробнее см.: [5; 13]).

Советизация Галичины без учёта местной специфики, в том числе и религиозной, способствовала росту среди части населения Западной Украины национализма, негативного отношения к СССР и к «москалям» (русским). Просчётами политики СССР в западных областях Украины воспользовались в своё время нацистская Германия, а после войны западные спецслужбы.

Судя по результатам совместного проекта Киевского международного института социологии (КМИС) и российской негосударственной исследовательской организации «Левада-Центр» (внесена Минюстом РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента) «Ставлення населення України до Росії та населення Росії до України, лютий 2020 року» (Отношение населения Украины к России и населения России к Украине, февраль 2020 года), на Украине в феврале 2020 г., несмотря на антироссийскую политику Киева, хорошо или очень хорошо продолжали относиться к России 54 % украинцев, плохо или очень плохо – 33 % [12].

К сожалению, многолетняя пропаганда нацизма и «героев» ОУН – УПА постепенно даёт свои всходы. Согласно опросу общественного мнения, проведённому КМИС на тему «Динаміка оцінки діяльності ОУН-УПА у часи Другої світової війни: результати телефонного опитування, проведеного 7–13 вересня 2022 року» (Динамика оценки деятельности ОУН – УПА во время Второй мировой войны: результаты телефонного опроса, проведённого 7–13 сентября 2022 года), с 2013 г. более чем в 5 раз стало меньше тех, кто негативно оценивает

деятельность ОУН–УПА, – с 42 до 8 %. В то же время с 22 до 43 % возросла доля тех, кто положительно оценивает деятельность ОУН–УПА. Также с 27 до 37 % стало больше избравших вариант «трудно сказать наверняка, негативно или положительно». В 2022 г., согласно исследованию КМИС, во всех регионах Украины доля оценивающих положительно деятельность ОУН–УПА превышает долю тех, кто оценивает отрицательно. В то же время тенденция уменьшения положительной оценки с запада на восток сохраняется. На западе Украины 57 % оценивают положительно по сравнению с 4 %, которые оценивают отрицательно. В центре соотношение уже 43 % против 6 %, на юге – 37 % против 11 %, на востоке – 27 % против 16 %. Кроме того, на юге и востоке Украины фактически большинство выбирали вариант «трудно сказать наверняка, положительно или отрицательно» или (реже) «не знаю». Среди лингво-этнических категорий лучше оценивают ОУН–УПА украиноязычные украинцы – 52 % положительных оценок против 5 % негативных оценок. Среди двуязычных украинцев соотношение 34 % против 6 %, а среди русскоязычных украинцев – 36 % против 11 % [7].

После провозглашения независимости власти Украины по нарастающей стали проводить процессы дерусификации и декоммунизации (десоветизации) в совокупности с «лояльностью» к нацистской идеологии. Это вылилось в переписывание истории и демонтажи памятников советской эпохи, в марши бывших ветеранов дивизии СС Галичина, привело к убийствам и травле политических оппонентов, закрытию неудобных СМИ и постоянным попыткам ликвидации Украинской православной церкви (Московского патриархата), к запретам обучаться на родном языке, гонениям на русский язык, к дискредитации исторического наследия Великой Отечественной войны и важнейшего праздника страны – Дня Победы и т.д. В результате «линия разлома» сегодня продолжает ещё сильнее разъединять граждан Украины (подробнее см.: [6; 14]).

ПРИМЕЧАНИЕ

1. О сложностях этнических процессов на Украине в первые десятилетия после победы советской власти свидетельствуют первые советские переписи. К примеру, в специальном дополнении к инструкции по проведению переписи населения СССР в 1926 г. для Украины говорилось, что большей правильности записи национальности лиц, которые будут называть себя «русскими», необходимо спрашивать, до каких «русских» они себя причисляют (росіян, українців, або білорусів). Кроме того, во время переписи в особом листе фигурировал термин «народность», а не «национальность» [10: 56].

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзенко Т. Больше половины украинцев разговаривает в быту на русском языке. URL: <https://ukranews.com/news/768441-ukraintsy-v-bytu-predpochitayut-russkij-yazyk> (дата обращения: 12.09.2022).

2. Всесоюзная перепись населения 1939 года // Демоскоп weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=2> (дата обращения: 12.09.2022).

3. Всесоюзная перепись населения 1959 года // Демоскоп weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3> (дата обращения: 12.09.2022).

4. Всесоюзная перепись населения 1989 года // Демоскоп weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=0 (дата обращения: 12.09.2022).

5. Давиденко А., Михайлишин В. Почему западные украинцы не любят россиян. Западная Украина и русские: запутанная история. URL: <https://politua.org/izbrannoye/15331-rochemu-zapadnye-ukraincy-ne-ljubyat-r> (дата обращения: 12.09.2022).

6. Данилова Е.А., Суляк С.Г. Праздник со слезами на глазах: об отношении ко Дню Победы на Украине // Русин. 2021. № 65. С. 296–315. DOI: 10.17223/18572685/65/16/3.

7. Динаміка оцінки діяльності ОУН-УПА у часи Другої світової війни: результати телефонного опитування, проведеного 7–13 вересня 2022 року. URL: <https://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=1146&page=1> (дата обращения: 12.09.2022).

8. Земли, переданные советским республикам из состава России // <http://marena99.livejournal.com/9854393.html?ysclid=l1xo9vy34r> (дата обращения: 12.09.2022).

9. Манчук Андрей. 37 миллионов: темпы вымирания Украины растут. URL: <https://ukraina.ru/opinion/20200123/1026440807.html?> (дата обращения: 12.09.2022).

10. Наулко В.І. Етнічний склад населення Української РСР. Київ: Наукова думка, 1965. 136 с.

11. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. Т. 1 – 50. Санкт-Петербург: 1903–1905 // Демоскоп weekly. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=0 (дата обращения: 12.09.2022).

12. Ставлення населення України до Росії та населення Росії до України, лютий 2020 року. URL: <https://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=news&id=934&page=17> (дата обращения: 12.09.2022).

13. Суляк С.Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16
14. Суляк С.Г. Тема «советской оккупации» в молдавских учебниках истории // Новая и новейшая история России. 2019. Т. 9, вып. 4. С. 1073–1089. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.415>
15. Тульский М. Итоги переписи 2001 года на Украине // Демоскоп weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0113/analit03.php> (дата обращения: 12.09.2022).

REFERENCES

1. Borzenko, T. (n.d.) *Bol'she poloviny ukraintsev razgovarivaet v bytu na russkom yazyke* [More than half of Ukrainians speak Russian in everyday life]. [Online] Available from: <https://ukranews.com/news/768441-ukraintsy-v-bytu-predpochitayut-russkij-yazyk> (Accessed: 12th September 2022).
2. Demoskop weekly. (2022a) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda* [All-Union population census of 1939]. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=2> (Accessed: 12th September 2022).
3. Demoskop weekly. (2022b) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 goda* [All-Union population census of 1959]. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3> (Accessed: 12th September 2022).
4. Demoskop weekly. (2022c) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda* [All-Union population census of 1989]. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=0 (Accessed: 12th September 2022).
5. Davidenko, A. & Mikhaylishin, V. (n.d.) *Pochemu zapadnye ukraintsy ne lyubyat rossiyan. Zapadnaya Ukraina i russkie: zaputannaya istoriya* [Why Western Ukrainians do not like Russians. Western Ukraine and Russians: a tangled story]. [Online] Available from: <https://politua.org/izbrannoye/15331-pochemu-zapadnye-ukraincy-ne-ljubyat-r> (Accessed: 12th September 2022).
6. Danilova, E.A. & Sulyak, S.G. (2021) A holiday with tears upon our eyes: On the attitude towards Victory Day in Ukraine. *Rusin*. 65. pp. 296–315 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/65/16/3.
7. Ukraine. (2022) *Dinamika otsinki diyal'nosti OUN-UPA u chasi Drugoi svitovoi viyni: rezul'tati telefonnogo opituvannya, provedenogo 7–13 veresnya 2022 roku* [Dynamics of assessment of the activity of the OUN-UPA during the Other World War: the results of a telephone survey conducted on 7–13 September 2022]. [Online] Available from: <https://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&iid=1146&page=1> (Accessed: 12th September 2022).
8. Livejournal.com. (2021) *Zemli, peredannye sovetskim respublikam iz sostava Rossii* [Lands transferred to the Soviet republics from Russia]. [Online] Avail-

able from: <http://marena99.livejournal.com/9854393.html?ysclid=l1xo9vy34r> (Accessed: 12th September 2022).

9. Manchuk, A. (2020) *37 millionov: tempy vymiraniya Ukrainy rastut* [37 million: the rate of population extinction in Ukraine is increasing]. [Online] Available from: <https://ukraina.ru/opinion/20200123/1026440807.html?> (Accessed: 12th September 2022).

10. Naulko, V.I. (1965) *Etnichniy sklad naseleennya Ukraïn'skoi RSR*. Kiïv: Naukova dumka.

11. Demoskop weekly. (2022d) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii 1897 g. Raspredelenie naseleniya po rodnomu yazyku i uездam 50 guberniy Evropeyskoy Rossii* [The First General Census of the Russian Empire of 1897. Distribution of the population by native language and counties of 50 provinces of European Russia]. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=0 (Accessed: 10th September 2022).

12. Ukraine. (n.d.) *Stavleniya naseleennya Ukraïni do Rosii ta naseleennya Rosii do Ukraïni, lyutyi 2020 roku*. [Online] Available from: <https://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=news&id=934&page=17> (Accessed: 12th September 2022).

13. Sulyak, S.G. (2019a) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

14. Sulyak, S.G. (2019b) "Soviet occupation" in Moldavian history textbooks. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 9(4). pp. 1073–1089. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.415

15. Tul'skiy, M. (2003) *Itogi perepisi 2001 goda na Ukraine* [Results of the 2001 census in Ukraine]. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0113/analit03.php> (Accessed: 12th September 2022).

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия).

Vasiliy P. Zinoviev – National Research Tomsk State University (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 947.083

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/4

Русский контингент студенчества Томского университета в свете национальной политики императорской России в конце XIX – начале XX в.*

А.О. Степнов¹, С.А. Некрылов²

Томский государственный университет

Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: brothe.numb1@gmail.com

² E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Авторское резюме

Исследование процесса интеллектуальной колонизации в русскую Сибирь конца XIX – начала XX в. позволяет нюансировано подойти к репертуару национальной политики позднеимперской России и проследить, как схожие политические действия вызывали различные эффекты на западных и восточных окраинах империи. В 1880-е гг. было решено сконструировать русское большинство студенчества Императорского Томского университета (ИТУ) путём допуска в него воспитанников православных духовных семинарий. Приблизительно в тот же период этот опыт использовался и для русификации Варшавского и Юрьевского (Дерптского) университетов. Данное решение, инициированное в отношении ИТУ В.М. Флоринским, не встретило, однако, единодушия в правящих кругах. Популярность среди студентов-поповичей леворадикальных политических идей и возникшие тенденции к развитию автономного малороссийского самосознания в ИТУ действительно обнаружили уязвимость проектируемых целей. Допуск семинаристов в университеты западных окраин империи, которым, в отличие от Сибири, так и не суждено было стать русскими имел схожие последствия. Однако стратегические эффекты этих манипуляций отличались. Предполагается, что масштабы радикализма студентов ИТУ часто намеренно преувеличивались. Конспирологические трактовки их активности в исторических

*Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

источниках объясняются атмосферой недоверия и противоборства в пространстве взаимодействия профессуры ИТУ, попечителей Западно-Сибирского учебного округа и Министерства народного просвещения. Вместе с тем последствия реализации проекта Флоринского проявились на длительной исторической дистанции, когда образованный класс русских стал рассеиваться по Сибири. Этот эффект был вполне релевантен замыслу Флоринского, для которого будущее Сибири как «цветущей провинции Российского государства» обеспечивалось не столько механическим движением русских на восток, сколько расширением культурной гегемонии русской нации.

Ключевые слова: Российская империя, национальная политика, русификация, императорские российские университеты, Сибирь.

Russian students in Tomsk University and the national policy of the late imperial Russia*

Aleksei O. Stepnov¹, Sergei A. Nekrylov²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: brothe.numb1@gmail.com

² E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Abstract

The article examines the process of intellectual colonization in Russian Siberia in the late 19th – early 20th centuries. A nuanced approach to the national policy repertoire of the late imperial Russia allows tracing how similar political actions caused different effects on the western and eastern outskirts of the empire. The Russian majority of the student body formed at the Imperial Tomsk University (further referred to as ITU) in the late 1880s, when the trustee of the West Siberian Educational District Vasily Florinsky proposed to enroll graduates of Orthodox theological seminaries. This method was also used to russianize Warsaw and Yuriev (Derpt) Universities. However, this decision, initiated in relation to ITU, did not meet with unanimity in the ruling circles, since there were plenty of radical leftists among the clergy students, who championed an autonomous Little Russian self-consciousness and became activists of the Ukrainian

* The research is supported by the Development Program of Tomsk State University (Priority 2030).

Students Zemlyachestvo during 1909–1910. The admission of seminarians to universities in the western outskirts of the empire, which, unlike Siberia, were never destined to become Russian, had similar consequences. However, the strategic effects of these manipulations differed. It is assumed that the radicalism of ITU students was often exaggerated. The conspiracy interpretations of their activity in historical sources are explained by the atmosphere of distrust and confrontation between the ITU professors, the trustees of the West Siberian Educational District, and the Ministry of National Education. However, the consequences of Florinsky's project implementation manifested themselves over a long historical distance, when the educated class of Russians, who graduated from ITU, dispersed across Siberia. It was Florinsky's strategic aim, since he believed that the future of Siberia as a "flourishing Russian province" was guaranteed not so much by the mechanical migration of Russians to the east, as by the expanding cultural hegemony of the Russian nation.

Keywords: Russian Empire, national policy, russification, Imperial Russian Universities, Siberia.

В историографии разнятся оценки национальной политики позднеимперской России. Так, если М. Раев характеризует её как дискриминационную, отмечая её «исключительный шовинизм и культурно-религиозную русификацию» [23: 260], то Б.Н. Миронов, напротив, делает акцент на толерантном и «ненасильственном» её образе, используя, впрочем, то же понятие русификации [14: 181]. Однако, несмотря на тенденцию к унификации и отход от доминирующего ранее принципа имперского регионализма, и во второй половине XIX – начале XX в. национальная политика Российской империи оставалась гибкой, варьируясь в зависимости от региона и с течением времени [6: 108–109]. Разнообразием отличались и её инструменты. Полярность в оценках, отражённая на примере Раева и Миронова, является следствием и неопределенности понятия «русификация», используемого нередко для описания разных процессов [13: 58]. Империя Романовых, в которой присущие всякой империи гетерогенность и асимметричность дополнялись эфемерностью титульной нации, хронически уклонялась от монолитных и стабильных моделей самоопределения. Совокупность сценариев регулирования национального разнообразия империи, отличающихся нередко скорее оттенками, чем типологически, отражает это состояние.

С одной стороны, национальное измерение политики в отношении императорских российских университетов не позволяет дифференцировать её по региональному критерию. Профессорско-преподавательский корпус университетов и в целом высшей школы Российской

империи в абсолютном большинстве состоял из православных и, как принято считать, русских учёных. Это было результатом сознательной селекции, которая находила продолжение в формировании студенческого контингента: в 1913/14 учебном году православные составляли 74,5 % от общего числа учащихся в 10 университетах империи [8: 285]. Вместе с тем манера государственного регулирования университетов в Царстве Польском (Привислинском крае) и Западном крае была если не исключительной, то по крайней мере наиболее brutальной. В то время как в конце 1880-х – 1890-е гг. Дерптский (с 1893 г. Юрьевский) университет (ИЮУ) был «русифицирован» быстро и эффективно [10: 200], национальная история Императорского Варшавского университета (ИВУ) оказалась циклична, обнаруживая пределы возможностей русификаторской политики.

Изначально польская молодёжь бойкотировала деятельность Варшавского университета, открытого в 1869 г. на базе преобразованной польской Главной школы. Это сказалось на общей численности студентов ИВУ. Однако вплоть до 1908 г. доля поляков в его контингенте всё же превалировала. Этому способствовало не только то, что русская молодёжь не стремилась в университет чужого края, но и декларированные государственные цели, сводившиеся к воспитанию из числа в первую очередь польской молодёжи лояльных империи чиновников, пригодных для управления Привислинским краем [9: 24]. Всё же радикальные русификаторские тенденции заявили о себе полным вытеснением польского языка из преподавания, сокращением к 1913 г. преподавателей католического вероисповедания до 24 % от общего числа профессорско-преподавательского состава, сосредоточением учебных программ гуманитарных дисциплин на темах, связанных с историей и культурой России. Многие русские профессора ИВУ организовывали свои исследования в славянофильском и панславистском духе. Эта же черта была свойственна их публицистике.

Было бы, однако, заблуждением ограничивать эту картину агрессивными мерами самодержавия. Напротив, и в среде учёных, и в правительственных кругах судьба ИВУ была противоречивым предметом. Известно о выдвинутых в период Первой русской революции 1905 – 1907 гг. министром народного просвещения И.И. Толстым планах колонизации Варшавского университета и придания национального характера всей образовательной системе Варшавского учебного округа. Реализация этого проекта была заблокирована варшавским генерал-губернатором Г.А. Скалоном и попечителем Варшавского учебного округа В.И. Беляевым, что нашло сочувствие у преемника Толстого на посту министра П.М. Кауфмана, который предлагал даже перенести ИВУ во внутреннюю Россию. Хотя М. Рольф утверждает,

что уменьшение польского элемента в составе студенчества ИВУ после возобновления в 1908 г. прервавшейся на время революции его деятельности связано с «новыми альтернативами на варшавском рынке образования» [25: 395], всё же эта реконфигурация была спровоцирована решениями Петербурга.

Новый оттенок в палитру «русификаций» привнёс возглавивший в январе 1908 г. Министерство народного просвещения (МНП) А.Н. Шварц, ранее занимавший должность попечителя Рижского, а затем Варшавского учебного округа. Уже к 1909 г. доля русского и православного студенчества ИВУ составила 82 %, а доктрина «идеологической и культурной русификации» поляков уступила место экспансии русского элемента [9: 30]. К тому времени МНП уже могло руководствоваться опытом организации студенческого контингента в самом отдалённом университете империи в Томске.

Ситуация в Сибири позднеимперского периода отлична от происходившего на западных окраинах. В то время, когда в Польше и в меньшей степени в Малороссии сложились предпосылки к созданию современных окраинных национализмов, слабозаселённая Сибирь, где оседлые, кочевые и бродячие инородцы жили рядом с русскими переселенцами, едва ли могла быть приоритетом национальной политики. Вместе с тем организация во второй половине XIX – начале XX в. массового крестьянского переселения из Европейской России в Сибирь, строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, топонимические и архитектурные аспекты национально-символического присвоения пространства Азиатской России во многом говорят об обратном. Дело «Общества независимости Сибири» 1865 г. способствовало интенсификации направленных на включение Сибири в русскую сферу инициатив. Одна из них была связана с учреждением первого сибирского университета.

С одной стороны, согласно записке «Об учреждении Императорского Томского университета», составленной в 1875 г. генерал-губернатором Западной Сибири Н.Г. Казнаковым, подготовка чиновничьих и врачебных кадров для сибирского региона являлась основной целью проектируемого университета [26: 3–4]. Позднее, в 1884 г., устроитель Томского университета и первый попечитель Западно-Сибирского учебного округа (ЗСУО) В.М. Флоринский подтвердил эту цель в своём докладе министру народного просвещения И.Д. Делянову: «Идея открытия Сибирского университета главным образом была основана на том, чтобы даровать этой до сих пор тёмной стране свет науки, заменив существующих ныне крайне неудовлетворительных деятелей людьми более просвещёнными и более способными, обновить действительно строй гражданского управле-

ния, государственной школы и частной промышленности в этой стране (Сибири. – А.С., С.Н.)» [27: 5 об.]. Это в известной мере сближает план учреждения сибирского университета с ранними административно-русофикационными проектами ИВУ и ИЮУ. И в записке Казнакова, и в состоявшихся во второй половине 1870-х – 1880-е гг. обсуждениях перспектив сибирского университета отсутствует явно выраженный национальный акцент. Действительно, прагматические доводы были решающими в вопросах об учреждении (1878 г.) и открытии (1888 г.) Императорского Томского университета (ИТУ) [17: 32–72]. С другой стороны, национальный фактор всё же возник в связи с перспективами комплектования студенческого корпуса нового университета.

На первый взгляд, допуск семинаристов для поступления в число студентов Томского университета выглядел безальтернативным. В 1870–1880-е гг. число выпускников сибирских гимназий не превышало 65–70 человек в год, а рассчитывать на гимназистов Европейской России в силу отдалённости Томска не приходилось. Главным протagonистом истории с открытием воспитанникам духовных семинарий доступа в ИТУ был В.М. Флоринский. Сам выходец из духовенства и выпускник Пермской духовной семинарии, Флоринский высоко ценил «неизбалованных удобствами жизни и вместе с тем привычных к труду и к умственной деятельности» семинаристов [15: 54]. В 1887 г. эта идея встретила влиятельную оппозицию в лице членов Государственного совета обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева и министра финансов И.А. Вышнеградского. В представлении Победоносцева открытие Томского университета только способствовало бы отдалению Сибири от Европейской России. В личном разговоре с Флоринским, состоявшемся в январе 1887 г., он выразил уверенность, что университет в Сибири станет точкой притяжения ссыльнополитической среды и центром социалистической мысли [15: 16–18]. Из дневниковых записей Флоринского следует, что о привлечении семинаристов в Сибирь Победоносцев «не хотел и слышать» [15: 55–56]. Схожей позиции относительно семинаристов в составе Томского университета придерживался Вышнеградский. 11 февраля 1887 г. в ходе особого совещания по делу об открытии ИТУ было замечено, что привлечение в новый университет семинаристов противоречит «прямому назначению последних» [28: 185].

В дореволюционной России отношение к отпрыскам духовного сословия, которые в силу бедности часто вынужденно поступали в православные духовные семинарии, было двойственным. С одной стороны, поповичи, пополнявшие сословие разночинцев, воспринимались с подозрением, и примеры Н.А. Добролюбова и Н.Г. Чернышевского – выходцев из духовенства и воспитанников духовных

семинарий, ставших затем кумирами революционной молодёжи, только усиливали эти впечатления. В условиях, когда в 1880-е гг. на фоне политизации студенчества удельный вес представителей различных кругов среди обучающихся в университетах увеличивался интенсивнее, чем доля детей дворянства, для представителей высшей бюрократии империи и консервативно настроенной общественности всеобщность университетского образования становилась мишенью критики [36: 199–201].

С другой стороны, скреплённое глубокими наследственными традициями духовное сословие было, пожалуй, наиболее устойчивым в империи вплоть до конца XVIII в. Ограниченность сословной мобильности была обусловлена, в частности, и специфичным для духовенства средним образованием, которое долгое время блокировало процесс размытия его сословной структуры [37: 146]. Хранители титульной веры, поповичи вступили в XIX в. обладателями потенциала, который ассоциировался с ядром русской нации. С точки зрения Л. Манчестер, наследственные линии этого сословия были заметны и в ходе динамичных процессов транссословной мобильности в XIX – начале XX в., когда, покидая своё сословие, духовники всё же сохраняли набор специфических качеств. Их носители во многом определили становление национального самосознания в России [12: 377].

Амбивалентность образа поповичей наложила отпечаток и на университетскую политику второй половины XIX – начала XX в. Положения общих уставов российских университетов 1863 и 1884 гг. допускали в них только гимназистов. Однако особым циркуляром 1863 г. МНП было предусмотрено исключение из университетского законодательства, и окончившие как четыре общеобразовательных класса, так и полный шестилетний курс духовных семинарий имели возможность поступать в университеты империи. В 1875 г. правила поступления в университеты для семинаристов ужесточились, а в 1879 г. все предусмотренные для них льготы были отменены [10: 65–67]. Впрочем, царская бюрократия возобновляла ограниченный доступ поповичей в университеты впредь, используя эту меру как инструмент исключительной русификации Юрьевского и Варшавского университетов. Именно к этому механизму вытеснения польского студенчества прибегнул А.Н. Шварц в 1908 г. Для него это стало непростым решением, которое он вынужден был принять, когда, при изначальном запрете на поступление для семинаристов, в ходе отборочной кампании 1908 г. из 214 абитуриентов 114 оказались евреями [4: 199].

Несмотря, однако, на то, что часть университетских студентов – воспитанников семинарий соответствовала ожиданиям консервативного

чиновничества, пополняя, в частности, ряды черносотенцев, в целом говорить об оправдании замысла не приходится. По всей вероятности, большинство из них отдавало предпочтение амплу прилежных учеников, далеких от политики, а часть была ангажирована леворадикальными идеями [4: 211]. Немало русских студентов и профессоров чувствовало себя в Привислинском крае скорее незванными гостями, чем полноправными представителями имперской нации [10: 202; 30: 250–251].

В Сибири отпрыски духовного сословия если и испытывали отчуждение, то имело оно иную природу. С 1816 по 1897 г. темпы прироста русского населения Сибири в 3,5 раза превышали темпы роста сибирских инородцев. В ходе строительства Транссибирской железнодорожной магистрали, а затем и реализации реформ П.А. Столыпина, с 1896 г. по 1914 г. в Сибирь переселилось более 4 млн русских. Значительная их часть оседала в Западной Сибири [7: 93–94]. В целом оправдавшиеся оптимистические ожидания от расширения большой русской нации на восток порой, однако, оборачивались результатами, шокирующими современников. Русских, в той или иной мере ассимилированных инородцами, к началу XX в. можно было встретить в самых разных частях Азиатской России. Хотя масштабы обратной ассимиляции не позволяют говорить о ней как о заметной тенденции, тем не менее наследие романтических иерархий человеческого рода и представления о цивилизационной миссии русских на востоке радикально противоречили наблюдаемым явлениям «обынородчивания». Считается, что данный феномен беспокоил власть и общественную мысль России прежде всего потому, что обнаруживал хрупкость конструкта русской нации [24: 184; 39: 824].

Масштабная колонизация Сибири русскими не вызывала иллюзий у В.М. Флоринского. Открыв для себя сибирскую среду, он не находил в ней достойных претендентов на обучение в университете. Конечно же, он рассчитывал, что из детей местных русских чиновников, крестьян, мещан и купцов, «большую часть грамотных только со вчерашнего дня», «выработаются хорошие силы», но «не в первом поколении». Отталкивала Флоринского и перспектива обучения в университете отпрысков местных инородцев и иноверцев, особенно евреев. «Исходя из того принципа, – замечал Флоринский в своих дневниках, – что русский университет должен служить исключительно русским национальным интересам, я бы не считал нормальным и желательным размножение в нем еврейских элементов» [15: 102–106].

Устроитель Томского университета верил в высокую сопротивляемость чуждой среде представителей русской нации. Однако он делал ставку не на русских в целом, а не тех из них, кто обладал

набором особых качеств – духовно-сословным происхождением, образованностью и упомянутой уже аскетичностью. Дети духовенства, обременённые высоким доверием некоторых русских чиновников, демонстрировали вместе с тем пристрастие к уклонению от ожидаемых от них ролевых моделей. Неудивительно, что прогнозы последствий их допуска в университеты не всегда были оптимистичными. Флоринскому предстояло взять на себя ответственность за этот эксперимент в Сибири.

В январе–феврале 1887 г. вопрос о семинаристах в Томском университете стал своего рода западнёй. Настаивая на их допуске, велика была возможность отказа от открытия университета. В случае же удовлетворения претензий Победоносцева и Вышнеградского первый университет в Азиатской России мог столкнуться с недостатком абитуриентов. Министр внутренних дел Д.А. Толстой, в прошлом возглавлявший МНП и потому погружённый в процесс создания сибирского университета, посоветовал Флоринскому в ходе совещания 11 февраля 1887 г. «о семинаристах не говорить», а решить вопрос об их допуске не законодательным актом, а «частным и притом временным распоряжением» [15: 127]. В дальнейшем это позволило, в обход Государственного совета, действующему главе МНП И.Д. Делянову обратиться по этому поводу с «Высочайшим докладом». Опытный царедворец Толстой на совещании нарочно преувеличил количество сибирских гимназистов, что во многом предопределило благополучный исход дела [15: 159–160]. Александр III одобрил открытие Императорского Томского университета с 1888 г.

Из 236 прошений о принятии в число студентов ИТУ в год его открытия 79 принадлежало воспитанникам духовных семинарий. Для тех из них, кто не окончил полный курс, организовывались испытания в университете. Всего было принято 40 воспитанников семинарий. По преимуществу это были выходцы из губерний Центральной России. Количество православных в первом наборе студентов ИТУ (всего было принято 74 человека; соответственно, 54 % из них были бывшими семинаристами), среди которых были также гимназисты и бывшие студенты других университетов, составило 63 человека, или 87,5 % от общего числа зачисленных на 1-й курс [19: 9–11].

Национальная статистика высшего образования в Российской империи практически не велась. Судить о соотношении национальностей в студенческом корпусе университетов, однако, можно, исходя из статистики вероисповедной. Представлений о высокой степени их идентичности придерживался А.Е. Иванов в своих классических исследованиях высшей школы поздней императорской России [8:

284–285; 10: 195–196]. С точки зрения Иванова, сопоставление имеющихся данных по вероисповедным группам с редкими официальными документами (касающимися студенческого контингента ИВУ), в которых конфессиональная статистика конкретизирована национальной, а также с материалами некоторых студенческих самопереписей, обосновывает эти представления вполне. Действительно, по данным, собранным в ходе проведённой в 1907/08 учебном году студенческой половой переписи среди учащихся ИТУ и Томского технологического института, 68 % респондентов отнесли себя к «великороссам» [35]. Почти половина респондентов была из «универсантов». В тот же учебный год количество православных студентов ИТУ, согласно годовому отчёту, составило 882 человека, или 88,4 % от общего числа студентов, т. е. без учёта посторонних слушателей и фармацевтов [22: 27]. Принимая во внимание распространённый в то время обычай подразделять русский народ на великороссов, малороссов и белорусов, мыслимо предполагать, что часть православных студентов могла отнести себя к иной, нежели великорусской, ветви¹. Так, по подсчётам православных выходцев из малороссийских и белорусских губерний, согласно списку студентов ИТУ [32], общее их число в 1907/08 учебном году составляло 72 человека, или 8,16 % (5,21 % малороссов и 2,95 % белорусов) от общего числа православных студентов. Следовательно, число великороссов среди студентов ИТУ должно было составлять около 80 %, что приблизительно соответствует данным половой переписи.

Приведённые аргументы позволяют с доверием подойти к почерпнутой из отчётов [20: 9–13; 21: 17–18; 22: 26–27] статистике православного состава студенчества ИТУ как источнику сведений о его русском контингенте. В приведённой ниже таблице она дополнена данными о количестве выходцев из духовного сословия и воспитанников духовных семинарий. На протяжении всего периода существования ИТУ православные составляли абсолютное большинство его студенческого контингента. Всегда значительна была и доля воспитанников семинарий, причём подавляющее их большинство пребывало из семинарий Европейской России². Однако с 1888 до 1914 г. в студенческом контингенте ИТУ наблюдалось снижение доли как воспитанников семинарий (за исключением периода с 1889 по 1901 г.), так и выходцев из духовного сословия – в основном детей священников, дьяконов, псаломщиков. Аналогичная тенденция наблюдалась тогда в ИВУ и ИЮУ [10: 72–75]. Объясняется она тем, что с 1905 г. доступ воспитанников духовных семинарий в российские университеты в целом расширился, что и вызвало отток и снижение их доли в университетах окраинных. Даже Победоносцев к

1904 г. стал более снисходителен к вопросу о допуске семинаристов в университеты.

**Доля православных, воспитанников духовных семинарий и выходцев
из духовенства от общего числа студентов ИТУ**

Студенческий контингент	1889/90 акад. год		1901/02 акад. год		1907/08 акад. год		1913/14 акад. год	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Православные	163	85,79	503	93,15	882	88,38	784	86,92
Воспитанники духовных семинарий	123	64,74	393	72,77	575	57,61	292	32,37
Выходцы из духовного сословия	117	61,58	293	54,26	435	43,59	266	29,49

В 1890 г. В.М. Флоринский с удовлетворением отмечал в своих записках, что студенты ИТУ – воспитанники семинарий, в сопоставлении с гимназистами, оказались «несравненно развитые, талантливые и усердные» [16: 9 об.]. Большинство из них хорошо выдерживало экзамены и стоически принимало трудности проживания в далеком и суровом крае. В сибирской прессе впоследствии не утихала критика дискриминационного положения семинаристов – «пасынков храмов науки». Многие профессора ИТУ высоко ценили среднее духовное образование студентов и в процессе обучения предъявляли к ним повышенные требования, что представлялось скорее привилегией, чем бременем. Выпускники университета из числа поповичей неизменно ставились в пример [29].

Вместе с тем Флоринского настораживало подчас попустительское отношение студентов к посещению торжественных актов и богослужений. Записи в штрафной книге ИТУ за период с 1893 по 1900 г. сообщают о не самом рьяном отношении студентов, и не в последнюю очередь поповичей, к исправлению духовных обрядов и не всегда благопристойном их поведении в доме общежития, стенах университета и за его пределами [2: 1–231]. Томские студенты принимали участие во всероссийских студенческих волнениях 1899, 1901, 1908 и 1911 гг., в событиях Первой русской революции, организовывали локальные беспорядки в университете. В этой ситуации то и дело актуализировался страх перед «нигилизмом» и «антиобщественными стремлениями» семинаристов [11]. Немало духовников действительно поступало в университет из семинарий, будучи уже эрудированными народниками, а затем и марксистами. По воспоминаниям бывшего студента ИТУ К.М. Гречищева, первыми марксистами в университете были студенты А.А. Вилков и в будущем председатель Центральной

ревизионной комиссии ВКП(б) и депутат Верховного Совета СССР М.Ф. Владимирский. Оба были детьми священников и в ИТУ поступили из Нижегородской духовной семинарии [31: 64, 186]. Гречищев отмечал, что именно на скамьях семинарии «им посчастливилось знакомиться с трудами В.И. Ленина» [5: 376]. Гречищев и сам был воспитанником Рязанской духовной семинарии, исключённым из ИТУ за участие в студенческих волнениях 1899 г.

Совет томских студенческих землячеств организовывал корпоративные собрания, поддерживал нелегальную библиотеку, координировал студенческие бойкоты. Землячества, которые в период подполья и после 1906 г. организовывались не только по географическому, но и по национальному принципу, рассматривались как источник неблагонадёжности в Томском университете. Деятельность украинского землячества при ИТУ в 1909–1910 гг. после запроса товарища министра народного просвещения Л.А. Георгиевского была подвергнута расследованию. По его результатам А.Н. Шварц пришел к выводу о «нежелательном развитии среди малорусов национализма и сепаратизма». 14 апреля 1910 г. он велел ликвидировать украинское землячество при ИТУ [3: 17–17 об.]. Внеучебная активность студентов Томского университета на протяжении всего дореволюционного периода не прекращала быть предметом невротического наблюдения со стороны инспектора студентов, попечителя ЗСУО, министра народного просвещения.

Картина радикализации русского дореволюционного студенчества имеет глубокие историографические корни и стала уже довольно тривиальной. Своё место в ней занимают и ненадёжные отпрыски духовного сословия. В то же время подобная интерпретация представляется не во всех отношениях безупречной. 14 сентября 1901 г. в своём секретном циркулярном послании глава ведомства МНП П.С. Ванновский, предупредив о мерах к предотвращению огласки этого, делегировал попечителю ЗСУО Л.И. Лаврентьеву право позволять массовые собрания студентов ИТУ. Данную возможность, не предусмотренную, заметим, правилами для студентов университета, Ванновский предлагал использовать временно, в исключительных случаях и с рядом условий. Ранние расследования МНП показали, что источник студенческих волнений исходил часто от «незначительного количества» политически ангажированной молодёжи, в то время как «благомыслящие студенты, составляющие громадное большинство», «оказываются слепым орудием в руках меньшинства». Со всем тем постановления сходов принимались «от имени всех студентов» конкретного учебного заведения. Скрытая либерализация, по замыслу Ванновского, должна была естественным образом предотвратить

эскалацию волнений. В послании Лаврентьеву он подчёркивал, что данная мера уже имела «хорошие результаты» в столичных высших учебных заведениях [1: 16–17].

Иная стратегия была избрана А.Н. Шварцем, который предпочитал подавлять угрозу, не дожидаясь её явного проявления. Произведённое Томским губернским жандармским управлением расследование деятельности украинского землячества при ИТУ показало, что в конфискованных документах «ничего явно преступного не было». Однако обнаруженная тогда рукопись «Статутъ Томської української студентської громади», написанная на малороссийском наречии, содержала в себе положение о «пробуждении национального самопознания у членов громады». В официальном уставе землячества оно отсутствовало. Статут был обнаружен в квартире, где проживали председатель землячества В.Д. Сумневич и его казначей Ф.Д. Левинский. Оба были выходцами из Подольской губернии, сыновьями священников, окончившими Подольскую духовную семинарию [32: 15, 106]. Всего в 1907/08 учебном году, т. е. незадолго до расследования, в студенческом корпусе ИТУ из 46 православных уроженцев Малороссии насчитывалось 27 выходцев из духовенства. Почти все они ранее обучались в духовных семинариях (подсчитано по: [32]).

Присутствовавший на заседаниях украинского землячества 15 сентября и 26 ноября 1909 г. помощник проректора ИТУ И.Я. Каминский стал свидетелем обсуждения только материальных вопросов. Но уже 24 марта 1910 г. попечитель ЗСУО Л.И. Лаврентьев в служебном письме Георгиевскому отмечал, что землячество это состоит «из лиц, стремящихся отделиться от единой и неразделимой России». Вероятно, именно характер докладов Лаврентьева подтолкнул Шварца к мнению о том, что упомянутый статут был альтернативным, «не легализованным» уставом украинского землячества [3: 17–19]. Ранее, в феврале 1910 г., В.В. Сапожников, ректор ИТУ в 1906–1909 гг., сообщил Лаврентьеву, что обсуждаемое землячество «не представляет опасности ни для академического, ни для общего порядка». Для Лаврентьева, который с давних пор питал недоверие к Сапожникову и фактически находился в непрерывном скрытом противоборстве с ним и либеральной профессурой университета в целом, положительной характеристики бывшего ректора ИТУ, вероятно, оказалось вполне достаточно, чтобы поверить в преступные цели украинского землячества. О преувеличенности «украинской» угрозы в ИТУ говорит и то, что в 1907/08 учебном году доля православных выходцев из малороссийских губерний составляла в нем 5,21 % от общего числа православных студентов. К 1914 г. она снизилась до 2,42 % (19 человек)³. Невозможность отделить мнимую угрозу от реальной

была спутником жизни императорских российских университетов, затрудняя оценку последствий допуска семинаристов в отдельные университеты, в т. ч. в ИТУ.

Таким образом, несмотря на разные условия на западных окраинах Российской империи и в Сибири, допуск в располагавшиеся на этих территориях университеты семинаристов, на первый взгляд, имел схожие последствия. Духовники в Томском, Варшавском и Юрьевском университетах использовались как инструмент расширения пространства большой русской нации. Они, призванные в долгосрочной перспективе укреплять национальный каркас самодержавия, оставались, однако, его ахиллесовой пятой.

Допуск в ИТУ семинаристов, ставший возможным благодаря умелым переговорным действиям Д.А. Толстого и В.М. Флоринского, был фактором конструирования русского большинства в студенческом корпусе первого сибирского университета. Это, впрочем, был и фактор дестабилизации университетского пространства, заявивший о себе политической ангажированностью поповичей и даже тенденцией к развитию автономного национального самосознания отдельных ветвей русской нации. Однако исходившие от русского и православного по преимуществу студенчества ИТУ угрозы во многом были предметом конспирологического изваяния. Эта карта разыгрывалась в ходе противостояния в кругах профессуры ИТУ, управления ЗСЮ и в целом МНП. Между тем уже к 1898 г. выяснилось, что из 166 врачей первых трёх выпусков ИТУ (в т. ч. 107 воспитанников духовных семинарий) больше половины остались на службе в Сибири. Ректор ИТУ А.И. Судаков замечал, что они служили Сибири не только «своими специальными знаниями», но и способствуя «развитию и других сторон культуры» среди населения края [34: 11].

Сегодня Сибирь устойчиво воспринимается как зона масштабного расширения границ русской имперской нации во второй половине XIX – начале XX в. [38: 354–357]. Говорить, однако, о том, что этот процесс был беспрепятственным, не приходится. Сопряжённые с ним риски подчеркивают различие аналогичных процессов в университетах западных и восточных окраин империи. Удивительно, но если Шварц, направляя в 1908 г. поток семинаристов в Варшавский университет – в среду сильного окраинного национализма, руководствовался уверенностью в экспансионистской силе русской нации, то Флоринский, настаивая на том же решении в отношении региона, заселённого русскими переселенцами и находящимися в основном на архаических стадиях развития инородцами, напротив, испытывал сомнение в этой силе. Судить о том, насколько оправдала себя ставка Флоринского, можно только рассматривая её эффект в

долгосрочной перспективе. Это была ставка не столько на русский народ как таковой, сколько на культурный потенциал образованного его класса, и в основе такого подхода лежала уверенность в том, что главная опасность на пути расширения русской нации исходила от самой русской нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В докладе по итогам половой переписи среди томских студентов информация об абсолютном и относительном количестве среди них малороссов и белорусов отсутствует.

2. К 1898 г. из 1 033 студентов, обучавшихся в ИТУ за весь период с момента его открытия, воспитанников духовных семинарий было 766, в т. ч. 691, или 90,21 % от общего числа студентов – бывших семинаристов, из семинарий Европейской России [34: 11].

3. Статистика студенчества ИТУ не составлялась по ветвям русского народа. Доля православного студенчества ИТУ – выходцев из малороссийских губерний относительно общего числа православных студентов Томского университета определена, исходя из подсчётов по спискам студентов за соответствующие учебные годы [32; 33].

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 10. Ед. хр. 4.
2. ГАТО. Ф. 102. Оп. 12. Ед. хр. 17.
3. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Ед. хр. 2485а.
4. Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М.: Индрик, 1999. 272 с.
5. Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 368–406.
6. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Избранное. Т. II: Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). 2-е изд., испр. и доп. Иркутск: Оттиск, 2018. 416 с.
7. Дамешек Л.М. Избранное. Т. III: Сибирские окраины Российской империи (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 2018. 256 с.
8. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: б.и., 1991. 392 с.
9. Иванов А.Е. Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // Отечественная история. 1997. № 6. С. 23–33.

10. *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 414 с.

11. К вопросу о допущении семинаристов в университет // *Сибирская жизнь*. 1898. 11 янв.

12. *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.

13. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. 2-е изд., испр. и доп. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.

14. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 896 с.

15. Национальный музей республики Татарстан. Отдел хранения изобразительных и документальных источников (НМРТ. ОХИДИ). Ед. хр. КППи-117959/106.

16. НМРТ. ОХИДИ. Ед. хр. КППи-117959/108.

17. *Некрылов С.А.* Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Т. 1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 514 с.

18. Отдел I. <...> О студентах, вольнослушателях и вольнослушательницах <...> // Отчёт о состоянии Императорского Томского университета (ИТУ) за 1913 г. Томск: Типо-литография Сиб. тов-ва печатного дела, 1914. С 1–58.

19. Отчёт о состоянии ИТУ за 1888 г. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1889. 71 с.

20. Отчёт о состоянии ИТУ за 1889 г. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1890. 69 с.

21. Отчёт о состоянии ИТУ за 1901 г. Томск: Типо-литография Макушина, 1902. 220 с.

22. Отчёт о состоянии ИТУ за 1907 г. Томск: Типография Сиб. тов-ва печатного дела, 1908. 221 с.

23. *Раев М.* Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской империи. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. 304 с.

24. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи // *Полития*. 2010. № 3–4 (58–59). С. 150–191.

25. *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.

26. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 149. Ед. хр. 211.

27. РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Ед. хр. 833.

28. РГИА. Ф. 1152. Оп. 10. Ед. хр. 47.
29. Семинаристы и университет // Утро Сибири. Газета общественно-экономическая, политическая и литературная. 1915. 21 июня.
30. Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 386 с.
31. Список студентов и посторонних слушателей ИТУ за 1895–1896 ак. г. Томск: Том. губ. типография, б.г. 243 с.
32. Список студентов, вольнослушателей и вольнослушательниц ИТУ за 1907–1908 ак. г. Томск: Типография Сиб. тов-ва печатного дела, 1908. 191 с.
33. Список студентов, слушателей, вольнослушателей и вольнослушательниц ИТУ на 1913–1914 уч. г. Томск: Типография Сиб. тов-ва печатного дела, 1913. 129 с.
34. *Судаков А.И.* Очерк истории развития и деятельности Императорского Томского университета за первое десятилетие его существования // Изв. ИТУ. Кн. 15. Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1899. С. 3–23.
35. *Фалевич Я.* Итоги томской студенческой половой переписи (доклад, читанный 18 февр. 1910 г. на заседании Пироговского студенческого медицинского общества при Томском университете) // Сибирская врачебная газета. 1910. 2 мая.
36. *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 г. М.: Наука, 1976. 232 с.
37. Freeze G. Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983. 508 p.
38. Miller A. Romanov Empire and Russian Nation // *Nationalizing Empires* / ed. by S. Berger, A. Miller. Budapest; New York: Central European University Press, 2015. P. 309–368.
39. Sunderland W. Russians into Yakuts? “Going Native” and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870s–1914 // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55, No. 4. P. 806–825.

REFERENCES

1. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 102. List 10. File 4.
2. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 102. List 12. File 17.
3. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 126. List 2. File 2485a.
4. Gorizontov, L.E. (1999) *Paradoxy imperской politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.)* [Paradoxes of Imperial Policy: Poles in Russia and Russians in Poland (19th – early 20th century)]. Moscow: Indrik.
5. Grechishchev, K.M. (2014) Iz zhizni studentov Tomskogo universiteta (do 1900 g.) [From the Life of Tomsk University Students (before 1900)]. In: Fominikh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov*

[Imperial Tomsk University in the Memoirs of Contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.

6. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (2018) *Izbrannoe* [Selected Works]. Vol. 2. Irkutsk: Ottisk.

7. Dameshek, L.M. (2018) *Izbrannoe* [Selected Works]. Vol. 3. Irkutsk: Ottisk..

8. Ivanov, A.E. (1991) *Vyssшая shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [Higher School in Russia (late 19th – early 20th century)]. Moscow: USSR AS.

9. Ivanov, A.E. (1997) *Russkiy universitet v Tsarstve Pol'skom. Iz istorii universitetskoy politiki samodержavniya: natsional'nyy aspekt* [Russian University in the Kingdom of Poland: From the History of Tsarist Autocracy: A National Aspect]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 23–33.

10. Ivanov, A.E. (1999) *Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: sotsial'no-istoricheskaya sud'ba* [Russian Students (late 19th – early 20th century): The Social and Historical Fate]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).

11. *Sibirskaya zhizn'*. (1898) K voprosu o dopushchenii seminaristov v universitet [On admitting seminarians at Russian Universities]. 11th January.

12. Manchester, L. (2015) *Popovichy v miru: dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovlenie sovremennogo samosoznaniya v Rossii* [Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

13. Miller, A.I. (2010) *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

14. Mironov, B.N. (2018) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modern* [The Russian Empire: from Tradition to Modernity]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

15. The National Museum of the Republic of Tatarstan. Department of Manuscripts and Art Sources (NMRT. OKhIDI). File KPPI-117959/106.

16. The National Museum of the Republic of Tatarstan. Department of Manuscripts and Art Sources (NMRT. OKhIDI). File KPPI-117959/108.

17. Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University – the First Scientific and Educational Center in the Asian Russia (1870th – 1919)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

18. Imperial Tomsk University. (1914) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta (ITU) za 1913 g.* [Report on the state of the Imperial Tomsk University (ITU) for 1913]. Tomsk: Tipo-litografiya Sib. tov-va pechatn. dela. pp. 1–58.

19. Imperial Tomsk University. (1889) *Otchet o sostoyanii ITU za 1888 g.* [Tomsk University Report for 1888]. Tomsk: Mikhaylov & Makushin.

20. Imperial Tomsk University. (1890) *Otchet o sostoyanii ITU za 1889 g.* [Tomsk University Report for 1889]. Tomsk: Mikhaylov & Makushin.

21. Imperial Tomsk University. (1902) *Otchet o sostoyanii ITU za 1901 g.* [Tomsk University Report for 1901]. Tomsk: Mikhaylov & Makushin.
22. Imperial Tomsk University. (1908) *Otchet o sostoyanii ITU za 1907 g.* [Tomsk University Report for 1907]. Tomsk: Tipografiya Sib. tov-va pechatn. dela.
23. Raev, M. (1990) *Ponyat' dorevolyutsionnuyu Rossiyu: gosudarstvo i obshchestvo v Rossiyskoy imperii* [Understanding the Imperial Russia: The State and Society in the Russian Empire]. London: Overseas Publications Interchange Ltd.
24. Remnev, A.V. & Suvorova, N.G. (2010) Controlled Colonization and Spontaneous Migration Processes on Asian Peripheries of Russian Empire. *Politiya*. 3–4 (58–59). pp. 150–191 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2010-5859-3-150-191
25. Rolf, M. (2020) *Pol'skie zemli pod vlast'yu Peterburga: ot Venskogo kongressa do Pervoy mirovoy* [Imperial Russian Rule in the Kingdom of Poland, 1864–1915]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
26. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 149. File 211.
27. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 149. File 833.
28. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1152. List 10. File 47.
29. *Utro Sibiri*. (1915) Seminaristy i universitet [Seminarists and University]. 21st June.
30. Vishlenkova, Y. & Savelyeva, I. (eds) (2013) *Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov* [The Social Class of Russian Professors. Architects of Statuses and Implications]. Moscow: HSE.
31. Imperial Tomsk University. (n.d.) *Spisok studentov i postoronnikh slushateley ITU za 1895–1896 ak. g.* [The List of Students and Externs of the Imperial Tomsk University, 1895–1896]. Tomsk: Tom. gub. tipografiya.
32. Imperial Tomsk University. (n.d.) *Spisok studentov, vol'noslushateley i vol'noslushatel'nits ITU za 1907–1908 ak. g.* [The List of Students and Externs of the Imperial Tomsk University, 1907–1908]. Tomsk: Tipografiya Sib. tov-va pechatn. dela.
33. Imperial Tomsk University. (n.d.) *Spisok studentov, slushateley, vol'noslushateley i vol'noslushatel'nits ITU na 1913–1914 uch. g.* [The List of Students and Externs of the Imperial Tomsk University, 1913–1914]. Tomsk: Tipografiya Sib. tov-va pechatn. dela.
34. Sudakov, A.I. (1899) Oчерк istorii razvitiya i deyatel'nosti Imperatorskogo Tomskogo universiteta za pervoe desyatiletie ego sushchestvovaniya [The History of the Imperial Tomsk University for the First Decade since its Foundation]. *Izvestia Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 15. pp. 3–23.
35. Falevich, Ya. (1910) Itogi tomskoy studencheskoy polovoy perepisi [The Report about the Results of the Student Census]. *Sibirskaya vrachebnaya gazeta*. 2nd May.
36. Shchetinina, G.I. (1976) *Universitety v Rossii i ustav 1884 g.* [The Russian Universities and the Charter of 1884]. Moscow: Nauka.

37. Freeze, G. (1983) *Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press.

38. Miller, A. (2015) Romanov Empire and Russian Nation. In: Berger, S. & Miller, A. (eds) *Nationalizing Empires*. Budapest; NY: Central European University Press. pp. 309–368.

39. Sunderland, W. (1996) Russians into Yakuts? “Going Native” and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870s–1914. *Slavic Review*. 55(4). pp. 806–825.

Степнов Алексей Олегович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник научно-учебной исследовательской лаборатории «Сибирь: исторические традиции и современность», ассистент кафедры российской истории Томского государственного университета (Россия).

Alexei O. Stepnov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: brothe.numb1@gmail.com

Некрылов Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Томского государственного университета (Россия).

Sergei A. Nekrylov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: medicinahistory@yandex.ru

УДК 94(47).082

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/5

Русинский вопрос в зеркале русских консервативных журналов (1890–1894 гг.)*

М.В. Медоваров

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена восприятию русинского вопроса в Галиции, Буковине и Закарпатье российскими консервативными журналами на протяжении пятилетнего периода 1890–1894 гг., границы которого определяются заметными политическими изменениями в Австро-Венгрии, России и Германии. Подробно рассмотрена история изучения русинского вопроса в последней трети XIX в. в свете исследований общественного мнения в Российской империи. Продемонстрирована недостаточная изученность отражения русинской темы в общественном сознании России 1890-х гг. Рассмотрена позиция «Русского вестника» Ф.Н. Берга по русинскому вопросу на примере статей С.С. Татищева, который рассматривал вопрос об освобождении Галиции от австрийского господства в отвлеченной плоскости. Основное внимание уделено эволюции позиций «Русского обозрения». Данный консервативный журнал нового типа под руководством князя Д.Н. Цертелева скептически относился к идее помощи зарубежным славянам и избегал обширных комментариев о русинах. При новой редакции А.А. Александрова ключевую роль в «Русском обозрении» стал играть панславист С.Ф. Шарапов, симпатии которого к полякам и венграм не помешали ему ставить вопрос об освобождении русинов. В результате новой редакционной политики в 1893–1894 гг. в журнале были опубликованы важные материалы по истории и текущей политической и церковной ситуации в Галиции, Буковине и Закарпатье, рассмотрена проблема переселения русинов в Российскую империю и деятельность

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10006, <https://rscf.ru/project/22-78-10006>.

И.Г.Наумовича и А.И.Добрянского. Сделан вывод о недостаточном внимании русских консервативных журналов к русинскому вопросу и осознании его стратегического значения.

Ключевые слова: «Русское обозрение», «Русский вестник», русский консерватизм, позднее славянофильство, русины, Галиция, Буковина, Закарпатье, Иоанн Наумович.

The Rusin question in Russian conservative journals (1890–1894)*

Maxim V. Medovarov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

23 pr. Gagarina, Nizhny Novgorod, 603950, Russia

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

Abstract

The article focuses on how Russian conservative journals in 1890–1894 discussed the Rusin question in Galicia, Bukovina, and Transcarpathia in connection with some noticeable political changes in Austria-Hungary, Russia, and Germany. Drawing on the research of public opinion in the Russian Empire, the author analyses the study of the Rusin question in the last third of the 19th century and argues that little is known about the reflection of the Rusin question in the Russian public consciousness in the 1890s. He analyses the stance of Fedor Berg's *Rusky Vestnik* on the Rusin question based on the example of Sergei Tatishchev's articles. Tatishchev considered the liberation of Galicia from Austrian domination in theory. The main attention is paid to the evolution of the *Russkoe obozrenie* – this new type of a conservative journal under Prince Dmitry Tsertelev was skeptical about helping foreign Slavs and avoided extensive comments about Rusins. In the new editorial board headed by Alexander Alexandrov, the key role belonged to the pan-Slavist Sergei Sharapov, whose sympathies for the Poles and Hungarians did not prevent him from raising the question of the Rusin liberation. The new editorial policy in 1893–1894 allowed publishing important materials on the history and current political and ecclesiastical situation in Galicia, Bukovina, and Transcarpathia. The journalists discussed the resettlement of Rusins in the Russian

* The research was supported by the RSF, Project 22-78-10006, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10006>.

Empire and the activities of Ivan Naumovich and Adolf Dobryansky. The author concludes that Russian conservative journals did not pay enough attention to the Rusin question and its strategic importance.

Keywords: *Russkoe Obozrenie, Russky Vestnik*, Russian conservatism, late Slavophilism, Rusins, Galicia, Bukovina, Transcarpathia, Ivan Naumovich

История изучения восприятия в России событий в жизни австро-венгерских русинов последней трети XIX в. небогата. Как правило, исследователи русинского вопроса уделяли основное внимание периоду начала XX в. [7; 24], а не предыдущему этапу. В крупной монографии по истории русинов К.В. Шевченко уделил менее 20 страниц обсуждению положения Галичины и Закарпатья в последней трети XIX в. [41: 77–96], при этом тема отношения российского общества к русинским проблемам затронута не была. Некоторые авторы ограничивались общими замечаниями о положении подкарпатских русинов в Австро-Венгрии, несправедливо противопоставляя их «украинцам-галичанам» [3: 206], в то время как до конца XIX в. говорить об «украинстве» галицких русинов было бы анахронизмом. Статья М.Л. Ивашкина специально посвящена истории борьбы галицких русинов с поляками и австрийскими властями с 1867 по 1914 г., рассматривает становление украинофильского и москвофильского течений, однако совершенно не касается вопроса о восприятии в России происходивших в Восточной Галиции событий [8]. Как отмечает автор, история русинов «не имеет прочной традиции в отечественной науке» [8: 68].

Следует признать малочисленность работ по восприятию внешнеполитических вопросов российским общественным мнением, особенно прессой. Этой проблемой применительно к славянскому вопросу занимались И. Колейка [10], В.А. Дьяков [5], В.М. Хевролина [33–35]. Однако исследованием общественного мнения в России по поводу австро-венгерских русинов ни историки дипломатии и международных отношений, ни историки общественной мысли практически не занимались. Все работы в этой сфере (А.В. Игнатьев, А.С. Аветян, И.В. Бестужев, В.С. Дякин, И.Е. Воронкова, В.А. Кустов), в том числе специально касающиеся галицко-русского вопроса (А.А. Чемакин), рассматривают лишь период начала XX в. Историки русского панславизма конца XIX в. Д.П. Золотарёв и А.А. Поповкин также не останавливались специально на месте русинского вопроса в учении поздних славянофилов [6; 22].

На этом фоне выделяется статья А.И. Миллера. В основном посвященная истории противоборства между галицкими поляками и

русинами и австрийским центром в Вене, она вскользь затрагивает роль России в этой схватке: Миллер упоминает, что в 1868 г. под давлением Петербурга император Франц-Иосиф не осмелился поехать в Галицию [15: 68–69]. Историк также утверждает, что с 1867 г. якобы «Россия активно вела» панславистскую пропаганду в Австро-Венгрии, хотя в действительности ее вели на свой страх и риск русские панслависты, а никак не российское государство или Министерство иностранных дел.

В монографии Н.М. Пашаевой об истории галицких русинов под властью Австро-Венгрии связям с российской общественностью уделено всего несколько страниц. Акцент сделан на вкладе А.С. Будиловича и славянских благотворительных обществ Петербурга, Москвы, Киева в поддержку львовских лидеров русинов в 1890-е гг., на частых публикациях на галицкую тему в органах печати поздних славянофилов [19: 110], их трактовки русинов как особой части русского народа [19: 111]. Н.М. Пашаева отмечает негативную роль российских либеральных журналов в освещении событий в Галиции с антироссийских, украинофильских позиций («Вестник Европы», А.Н. Пыпин, К. Арабажев, М.П. Драгоманов). «Русские правительственные круги не разорялись на постоянную поддержку своих русских соотечественников за рубежом», – констатирует историк [19: 111–112]. Исключениями она считает пожертвования русинским лидерам со стороны таких русских консерваторов, как В.А. Черкасский и К.П. Победоносцев. Обер-прокурор Синода отмечал «отчаянный вопль русского населения в Галиции о безысходном положении их в борьбе с польским правительством, которому предала их Австрия» [19: 116]. Именно благодаря Победоносцеву император Александр III обеспокоился судьбами галицких русинов и в 1885 г. наложил резолюцию: «Чрезвычайно больно и грустно... Авось даст Бог и нам, и им светлый день когда-нибудь» [19: 116].

Монография М.Э. Клоповой наиболее подробно рассматривает движения русинов Восточной Галиции (эпизодически также Буковины) в период 1898–1914 гг., но всё же уделяет некоторое внимание и предыдущему этапу. В исследовании затрагивается деятельность И.Г. Наумовича, процесс Ольги Грабарь 1882 г. и начало австрийских репрессий против русинского движения [9: 46–54]. М.Э. Клопова солидаризируется с мнением А.И. Миллера о полной пассивности официального Петербурга относительно судьбы русинов и проигрышности данной позиции. Однако с точки зрения М.Э. Клоповой, украинофильское движение в Галиции было слабым и маргинальным до тех пор, пока в 1890 г. под давлением австрийского наместника Бадени не было заключено соглашение с украинскими «народов-

цами». Эту дату и следует считать поворотной в истории Галиции [9: 62]. Следующим этапом стало утверждение М.С. Грушевского на должность профессора во Львовском университете в 1894 г., совпавшее по времени, однако, с разрывом польско-украинского соглашения и неудачной попыткой консолидации украинофильских и русофильских русинов [9: 64–66].

Мнения русских консерваторов о русинском вопросе выборочно представлены в новой статье Д.И. Стогова [23]. Однако он приводит примеры 1880-х и 1900-х гг., но не 1890-х гг., а также делает акцент на высказываниях крупнейших мыслителей, а не рядовых обозревателей периодической печати. В.Б. Колмаков [11], напротив, рассмотрел галицкий вопрос в русской периодике, но за период 1900-х гг.

Статья М.А. Шульги специально посвящена интересующему нас вопросу [42]. Рассматривая Карпаты как важнейшую пограничную лимитрофную зону между Россией-Евразией и Европой, как область борьбы русской и квазиевропейской идентичностей, автор через эту призму анализирует учение крупнейшего русского геополитика и ученого-слависта второй половины XIX в. В.И. Ламанского. Ламанский, как известно, проделал долгую идейную эволюцию [14], к 1892 г. закончив разработку учения о нескольких культурных мирах и постаравшись определить статус Восточной Европы как буферной зоны греко-славянского мира на его границах с романо-германским [21]. Эти земли, по мысли ученого, вместе с Россией образуют «Средний мир». Отличительная особенность Ламанского заключалась в его необычайной прозорливости и точности его прогнозов на XX в., предусматривавших англоамериканскую гегемонию в мире и резкое обострение военной борьбы за восточноевропейские лимитрофы вдоль границ России. От исхода культурной, языковой, идейной борьбы за умы и идентичность восточноевропейского пояса народов, считал Ламанский, зависит будущее всей России как самостоятельной силы [42: 20–21].

Поэтому В.И. Ламанский настаивал на присоединении русинов Галичины и Карпат к Российской империи в силу их автохтонности и изначально русской идентичности. В плане тактики он предпочитал делать упор на «мягкую силу» (распространение русского языка и книжности в данном регионе, обучение русинских студентов в университетах России). На этом пути Ламанскому пришлось столкнуться с глухотой российского общества, его непониманием важности поддержки русинов [42: 22]. Это было характерно для российских либералов и социалистов, но и среди консерваторов, как мы увидим, далеко не все столь же ясно осознавали значимость русинского вопроса для Российской империи.

Таким образом, следует обратиться к русской периодической печати, прежде всего журналам, чтобы выяснить позицию российских консерваторов по русинскому вопросу и уровень уделявшегося ему внимания. Целью данного исследования является анализ освещения положения дел у русинов Австро-Венгрии русскими консервативными журналами.

Для анализа наиболее перспективны четыре издания разных оттенков. Во-первых, это «Русский вестник» (после смерти М.Н. Каткова находившийся под редакцией Ф.Н. Берга в кризисном состоянии и оскудевший идейно). Во-вторых, «Русское обозрение» – основанный в 1890 г. журнал нового типа, под редакцией Д.Н. Цертелева ставший широкой площадкой для выражения и столкновения различных мнений и течений в русском правом лагере, а после 1892 г. под редакцией Н.М. Боборыкина и затем А.А. Александрова претерпевший небольшую эволюцию в сторону более строгого дворянского и церковного консерватизма. В-третьих, речь идет об официальном органе поздних славянофилов, который в 1890–1891 гг. представлял собой еженедельник «Славянские известия», а в 1892 г. был сменен «Славянским обозрением» А.С. Будиловича, последний раз изданным в виде альманаха в 1894 г. В-четвертых, отдельного упоминания заслуживает радикально левое крыло панславистов и его орган «Благовест», по сути отколовшийся от более правых «Славянских известий».

Ввиду ограниченного объема статьи в данной работе будет представлен анализ первых двух журналов, осторожно относившихся к панславизму. Русинский вопрос на страницах «Славянских известий»/«Славянского обозрения» и «Благовеста» будет рассмотрен позднее в другой работе.

Выбор хронологических рамок для анализа в рамках данной работы – с 1890 по 1894 г. – обусловлен рядом политических событий. В 1890 г. произошла отставка германского канцлера О. фон Бисмарка и венгерского премьер-министра К. Тисы, резко обострились международные противоречия в Австрии, в том числе «украинский вопрос» в Галиции. Тогда же появились «Русское обозрение» и «Славянские известия». На рубеже 1894–1895 гг. произошли такие события, как смерть Александра III и российского министра иностранных дел Н.К. Гирса, отставка германского канцлера Л. фон Каприви, австрийского министра-президента А. фон Виндишгреца, венгерского премьер-министра Ш. Векерле и австро-венгерского министра иностранных дел Г. Кальноки. Таким образом, выбранный промежуток времени является относительно целостным периодом, позволяющим судить о позиции русской консервативной печати и общественного мнения

по русинскому вопросу на фоне эпохальных кадровых перестановок в Австро-Венгрии и поддерживавшей ее Германии.

В «Русском вестнике» материалов по русинской теме за пять лет не было вовсе, за исключением упоминаний в «Политическом обозрении» С.С. Татищева, который систематически вел агитацию за русско-французский союз против Германии и Австро-Венгрии, выступал с позиций православного панславизма и мечтал о захвате Константинополя. Львиную долю внимания Татищев уделял балканской политике Австро-Венгрии, однако в опубликованном в январе 1890 г. ретроспективном обозрении событий 1889 г. развернуто высказался о галицко-русской проблеме: «Между Дунайской монархией и нами существует другой повод к раздору, прямой и непосредственный: мы разумеем поведение венского двора в Галиции, обращенной им в очаг польских национальных козней и метаний. Мы не скажем пока ни слова о бедственном состоянии, в которое ввергнуто коренное русское население этого края, поработанное польскому меньшинству, но тем более будем настаивать на вызывающем по отношению к России характере заигрываний с поляками, возбуждении в них несбыточных надежде на восстановление Речи Посполитой под главенством австрийского дома» [28: 282].

Таким образом, для С.С. Татищева галицкий вопрос на тот момент существовал лишь как вопрос русско-польской борьбы, без малейшего намека на украинофильство: «Австро-Венгрия предоставляет польскому элементу полный простор в Галиции» [28: 282]. Правда, публицист тут же оговаривался насчет планов австрийской экспансии в сторону Днестра и Буга. По мнению Татищева, русская дипломатия должна предупредить Вену, что «неосторожное обращение с огнем в Галиции или на Балканском полуострове легко может зажечь пожар, который пожрет и сотрет с лица земли дряхлую и ветхую монархию Габсбургов. Внутреннее ее состояние таково, что достаточно одного толчка извне, чтобы вызвать полное ее разложение» [28: 283].

На протяжении 1891 г., когда Татищев несколько месяцев жил в Австрии, он делал акцент на балканской и польской политике Венy. Галицко-русинский вопрос был упомянут им лишь дважды, да и то вскользь. И в Австрии, и в Венгрии, напоминал читателям «Русского вестника» Татищев, «большинство населения составляют славяне, естественно тяготеющие к великой покровительнице славянского племени, единокровной России» [30: 379]. Поэтому славянская пресса Габсбургской империи поддерживала Россию, в то время как немецкая, венгерская, еврейская, польская пресса являлась крайне антирусской. Говоря об идее австрийских славян о союзе Австрии с Россией, Татищев отмечал: «Поразительное единодушие, с которым

развивают эту мысль национальные органы во всех славянских землях Дунайской монархии, чехи и хорваты, словаки и словинцы, русские Галича и сербы Баната. В таком обороте внешних дел надеются они притом обрести и улучшение собственного своего приниженного положения, действительное дарование им той равноправности с немцами и мадьярами, которая торжественно провозглашена в основных законах, но доселе оставалась и остается мертвою буквою» [28: 367].

Не выделяя тем самым галицких русских из общего списка славянских народов, Татищев скорбел о том, что немецко-венгерская пресса приписывает России «всякое проявление ропота и неудовольствия австрийских славян»: «Тяготение же их к единоплеменникам или единоверцам по ту сторону австро-мадьярского рубежа вменяется им в государственную измену. Жестоко преследуется всякая попытка их войти в более близкое общение с русскими людьми: изучение русского языка и словесности, сношения с нашими учеными или литературными деятелями, даже просто поездка в Россию» [28: 367]. Казалось бы, из этого должны следовать требования решительных мер по развалу Габсбургской монархии и воссоединению русинов с Россией. Однако вместо этого в апреле 1891 г. Татищев высказался против идеи раздела Австро-Венгрии между Россией и Германией, выразив нежелание ради Галиции рисковать стратегически: «Русский императорский двор не пойдет ни на какую сделку, в основание которой положены насилие и обман. На что ему распадение Австро-Венгрии? Возвращение древнего Галича не возместило бы нам приращения могущества Германской империи вследствие присоединения к ней немецких земель монархии Габсбургов» [29: 377–378]. Публицисту пришлось ограничиться общими словами о тяготении славян дуалистической монархии к «великой покровительнице» России [31: 379].

После этого галицкие проблемы вообще исчезли из «Русского вестника» до конца 1894 г., если не считать заметку анонимного рецензента на антирусскую книгу австрийского депутата, галицкого поляка Йозефа Поповского. Обозреватель восклицал: «Следовало бы оглянуться на то, что ныне творится со славянами в Венгрии или с южно-россами в Галиции. Как хорошо живет славянам и как соблюдено уважение к дорогим для народа религиозным обрядам и языку, мы недавно видели из речей русских послов львовского сейма, изданных отдельной брошюрой. Уж не будет ли и г. Поповский утверждать, что отношения между его родичами и несчастными рутенами нормальные и вся беда лишь от каких-то московских рублей?» [16: 320–321] В этом пассаже примечательно употребление редкого слова «южно-россы» для определения галицких русин. К сожалению, в дальнейшем эта тема в «Русском вестнике» не получила развития. Причина, на наш взгляд, заключается в

том, что редакция Ф.Н. Берга с ее охранительскими взглядами, несмотря на свою неприязнь к Германии и Австро-Венгрии, не желала рисковать стабильностью Российской империи ради русинского вопроса.

В «Русском обозрении» – журнале с более широким и гибким идейным диапазоном – тон редакции по внешнеполитическим вопросам задавал В.А. Грингмут, регулярно нападавший на страницах журнала на славянофилов и панславистов. Первый редактор «Русского обозрения» князь Д.Н. Цертелев в целом разделял взгляды Грингмута, исходившие из абсолютного приоритета интересов России над желаниями зарубежных славян [12: 86–91]. Тем не менее отношение к Австро-Венгрии и Германии в журнале было враждебным, хотя в этой связи русинский вопрос упоминался нечасто. В цикле статей Грингмута «Текущие вопросы международной политики» он не затрагивался вовсе, а его упоминания в «Современной летописи», которую вел лично Цертелев, были единичны.

Впрочем, одним из авторов, иногда печатавшихся в «Русском обозрении», был А.А. Киреев – сторонник обмена Царства Польского на Галицию с ее присоединением к Российской империи и укреплении в ней православия [13: 231, 244, 248, 278]. 20 апреля 1890 г. он записал в дневнике: «Галицкие *польские* власти равнодушно смотрят на голод и нищету несчастных галицких русских мужиков, а помогают лишь тем из них, которые продают свои голоса за кусок хлеба детям» [17: 286–286 об.]. Но Кирееву в «Русском обозрении» на данную тему не позволяли высказываться. Поэтому за рассматриваемое пятилетие 1890–1894 гг. русинский вопрос поднимался в этом журнале крайне нерегулярно.

В первом номере «Русского обозрения» Цертелев, говоря об австрийской агрессии на Балканах, связывал ее с внутренней антиславянской политикой Вены: «Россия могла спокойно смотреть на происки австрийской дипломатии только до тех пор, пока им не были затронуты жизненные интересы русского народа, и для защиты этих интересов Россия не остановилась бы ни пред какою коалицией. Австро-Венгрия, обессиленная внутренней борьбою различных национальностей и подталкиваемая злым гением своим, мадьярами, надеялась возвратить себе силы распространением своего влияния на народы Балканского полуострова» [36: 376–377]. В марте 1890 г. Цертелев коснулся отставки венгерского премьер-министра К. Тисы, в самых черных красках описывая его 15-летнюю политику мадьяризации и жесточайшего угнетения всех народов Транслейтании. Русофобское и славянофобское влияние Тисы, по мнению обозревателя, чувствовалось и во внешней политике Австро-Венгрии, принявшей в 1880-е гг. крайне антирусский характер [37: 416–417].

Большое значение имело обозрение Цертелева в сентябре 1890 г., в котором он поразительно точно предсказал общие контуры будущей мировой войны, дав прогноз столкновения русско-итало-французской коалиции с австро-германо-турецкой. Такой расклад был не характерен для того момента, но редактор «Русского обозрения» блестяще смог предвидеть ситуацию четверть века спустя. Говоря о целях войны, он впервые отдельно упомянул русинский вопрос: «Австрия имеет скорее причины опасаться трех миллионов русинов в Восточной Галиции, которые могут навлечь на нее нападение России, чем желать увеличения своих владений» [38: 436].

В апреле 1891 г. Цертелев вторил Грингмуту, выдвигая тезис о ненужности России поддерживать зарубежных славян. Из контекста неясно, распространял ли он эту максиму на русинов или нет. Во всяком случае, осуждая панславизм и принцип передела границ по этническому принципу, обозреватель восклицал: «Неужели одного имени и более или менее сомнительных этнографических особенностей достаточно, чтобы перевесить единство, основанное на тождестве материальных, а в значительной степени и нравственных интересов?» [39: 895]

С весны 1891 до лета 1893 г. упоминания русинов вообще исчезают из «Русского обозрения». Две смены редакции журнала подряд в 1892 г. привели к корректировке его политической ориентации. «Современную летопись» стал вести новый редактор А.А.Александров – ученик К.Н. Леонтьева, скептически настроенного по отношению к галицким русинам. Поначалу Александров стал высказываться за мир между Россией и Австро-Венгрией [1: 414–415]. Лишь в июне 1893 г. он опубликовал статью закарпатского корреспондента под псевдонимом *Угро-Русс* о гонениях на русинов со стороны венгерских властей [32]. В том же номере журнала сам Александров отметил: «Венгры фанатически ненавидят Россию – которой вовсе не знают – и стараются изо всех сил смадьярить венгерских славян» [2: 881]. Но здесь же редактор делал оговорку, что не все мадьяры таковы, приводя в пример сочувственное к России письмо некоей дамы в загребской газете. Славянам «принадлежит будущее, и ничто не воспрепятствует их расцвету», – предрекала венгерка [2: 882].

Что касается статьи *Угро-Русса*, то она преследовала цель познакомить широкие круги русских читателей с положением в Закарпатье: «Чтобы почтенные читатели в России кое-какое понятие о том, какими способами и средствами мадьяры и их приверженцы из других народностей, как-то: немцы, евреи и пр., мадьяризуют живущих в Венгрии русских и вообще славян, сообщу здесь ряд неоспоримых фактов, почерпнутых мною из верных источников» [32: 634–635].

По оценкам автора, численность русских в Венгрии (380 тыс. чел. по переписи 1890 г.) была явно занижена и в действительности достигала 650 тыс. чел. Автор напоминал, что русские (он не употреблял слова «русины») – коренные жители Закарпатья, обитавшие там еще до прихода венгров в 889 г. и в XIV в. пополненные массовыми потоками мигрантов из Галицко-Волинской земли. В Мукачеве в это время даже был русский князь – вассал венгерского короля, построивший там православный монастырь [32: 635–637]. На протяжении XIV–XVII вв. русины Венгрии наслаждались полным самоуправлением, отмечал автор, главным же источником проблем было насаждение латинского языка в качестве государственного и первые попытки католиков насильственно обратить православных в свою веру. В статье рассматривались русские православные мукачевские епископы в период героической борьбы с унией, длившейся полтора века вплоть до 1690 г. [32: 638–642].

С этих пор, по словам Угро-Русса, закарпатские русины были зажаты между австрийской католической латинизацией и венгерской протестантской мадьяризацией. Местное дворянство и духовенство к концу XVIII в. в основном забыло родной язык. Тем не менее русский язык (как ясно из цитируемых документов, представлявший собой смесь местного диалекта с церковнославянизмами) применялся при обучении в униатских семинариях, и именно униатское духовенство Закарпатья уже с начала XIX в. выступило против мадьяризации [32: 643–646]. Кроме Библии и униатского катехизиса, какой-либо другой литературы на русском языке в крае не было. Всю вину за искусственную поддержку венгерского языка с 1791 по 1848 г. Угро-Русс возлагал на австрийские власти. В таких условиях «национальное развитие русского народа в Венгрии совершенно прекратилось, и даже лучшими русскими людьми овладели национальный индифферентизм, робость и нерешительность, и никто из них не дерзал даже намекнуть мадьярам о своих национальных или политических правах» [32: 647]. Исключением был А.И. Добрянский, но и он был вынужден бежать в Галицию.

Подавление венгерской революции 1848–1849 гг. российскими войсками, по мнению Угро-Русса, спасло русинов от ассимиляции. С 1849 г. австрийские власти стали поощрять создание русских школ в Закарпатье, продвигать русинов на государственную службу. Добрянский стал жупаном четырех округов и сделал в них русский язык официальным. Униатские епископы и священники издавали буквари и учебники, в Ужгороде русский язык был введен в гимназии. При помощи галицких русинов в Закарпатье распространялись местные и привозные русские газеты: «Словом, русские в Венгрии вполне

пришли к своему национальному сознанию и начали совершенно новую, самостоятельную национальную жизнь, заявляя при всяком случае о своем существовании и о своих национальных правах» [32: 649]. В 1858–1859 гг. австрийские власти предприняли ряд репрессий против русинов, но с 1860 г. их права вновь были расширены. Русский язык стал официальным языком не только местного делопроизводства, но и униатской церкви; вскоре возникли два русских просветительских общества.

Новый этап борьбы начался с назначения мукачевским епископом в 1866 г. рьяного поборника мадьяризации Стефана Панковича, который стал вытеснять русинских лидеров из Закарпатья в другие регионы, а к 1871 г. с применением военной силы добился разгона сторонников Добрянского и захвата в свою пользу Общества св. Василия Великого [32: 651–653]. К церковной мадьяризации с 1867 г. добавилась и государственная. В Пряшевской епархии ситуация была несколько лучше, но в целом к началу 1890-х гг. русское движение в Закарпатье было подавлено: «Положение русской народности в Венгрии в настоящее время так печально, как оно никогда не было прежде. <...> Мадьярский язык сделался языком русского общества, его гостиной и даже семьи» [32: 654]. По словам Угро-Русса, запуганное население боялось читать русские книги, газеты, словари; во всем крае осталась лишь одна русская газета – «Листок» священника Е. Фенцика. «Русский же язык, которым говорит русский простой народ в Венгрии, представляет жалкую смесь с мадьярским, словацким и даже польским языками. Ввиду всего этого можно смело утверждать, что русская народность в Венгрии находится на положении совершенного разложения и уничтожения и что, если дела и впредь пойдут так, как они шли до сих пор, в непродолжительном времени *русская народность* совершенно исчезнет с лица “*мадьярского глобуса*”», – предостерегал автор, не предлагая никакого пути выхода [32: 655–656].

С июля 1893 г. «Современная летопись» была разделена на «Внутреннее обозрение» и «Иностранное обозрение», которое стал вести славянофил С.Ф. Шарапов. Уже в сентябре он отреагировал на острый кризис в Богемии и введение австрийским правительством Тааффе осадного положения в Праге. Чешский конфликт Шарапов рассматривал как шанс на примирение России с венграми: «Усмирять чехов, как мадьяр в 1848 году, Россия, наверное, не пойдет, а малейшее вмешательство Германии будет сигналом к общему взрыву в Венгрии, где уже и сейчас ведется весьма серьезная агитация, направленная против Тройственного союза и в пользу сближения венгров со славянами, Россией и Францией» [40: 430].

Таким образом, с июня – июля 1893 г. «Русское обозрение» сменило курс и начало публикацию специальных материалов о русинах. Вслед за рассмотренной выше статьей Угро-Русса свет увидела подробная биография духовного вождя галицких русинов – о. Иоанна Наумовича, написанная о. Иоанном Соловьевым [22]. Эта публикация была приурочена к двухлетней годовщине смерти Наумовича, но фактически была посвящена широкому спектру вопросов по текущей ситуации в Галиции.

Сорокалетняя просветительная работа И.Г. Наумовича в Галиции, а в 1886–1891 гг. – в Киеве, Петербурге, Москве и Новороссийске преподносилась о. Соловьевым как общерусское дело защиты «дедовской кирилло-мефодиевской веры», поднятия «нашего православно-русского самосознания» [22: 271–272]. Автор разделял обеспокоенность «Московских ведомостей» и «Киевского слова» о малоизвестности в России заслуг Наумовича, чья могила находилась в пренебрежении и разрушалась. Особый интерес в данном очерке, однако, представляют не разделы с биографией о. Наумовича, а общий обзор ситуации в Галиции с полонизацией и засильем иезуитов [22: 274–277]. Автор крайне скептически оценивал потенциал русского национального и православного самосознания в Галичине, указывая на польские и униатские симпатии местной интеллигенции. После 1860 г. положение галицких русинов стало отчаянным: «Все народности, входящие в состав австрийской монархии, при всей разрозненности своих взаимных интересов, единодушно сходятся в одном – в национально-религиозной вражде ко всему русскому-православному» [22: 277]. Австрийская власть, по словам автора, в обмен на польские голоса в рейхсрате отдала галицких русских в рабство полякам и евреям. Обедневшие галичане эмигрировали, польские власти препятствовали деятельности их банка. Вопреки канонам униатской церкви, в нее насильно внедрялись латинские обряды и догматы.

Умонастроения большинства галицких крестьян о. Соловьев со слов Наумовича характеризовал как крайнее невежество и полное непонимание: «Что же касается национально-русского самосознания галичан и их умственного движения, то в этом отношении дело обстоит и совсем худо» [22: 279]. Он утверждал, что до 1848 г. галицкие крестьяне считали себя особой народностью, а не частью русского народа. Затем появились деятели русского движения, газета «Слово», журнал «Наука» и т. д., но к текущему моменту (1893 г.), по оценкам И.С. Соловьева, украинофильство в Галиции решительно преобладало над москвофильством. В этих тяжелых условиях о. Наумович и совершил свой подвиг, отрехшись после 1848 г. от увлечений польским

национализмом в пользу формирования в Галиции русской идентичности. Сблизившись с простым народом, издавая «народные календари» с советами по земледелию и пчеловодству и художественные повести о жизни сельского священника [22: 281–287], он исподволь внушал крестьянам неприязнь к немецкому правительству и польским панам и звал нищий и неграмотный народ на неравную борьбу с иноземной властью. «С 1848 г. засияла звезда свободы и нашлись во Львове люди, которые имели столько отваги в сердце, чтобы громко сказать, не боясь ни гвардии, ни польских насмешек: *тут наш древний Галич, тут наша Русская земля и мы Русский народ, а не польский*», – писал Наумович [22: 289]. Он начал проповеди «о кровном родстве галичан с Великою Россией и о несродности галичанам западной романской культуры» [22: 292]. Национальную борьбу Наумович не отделял от классовой: «Теперь произойдет борьба между могучим землевладельцем и бедным поселянином, между ученым адвокатом и темным хлебопашцем» [22: 289].

И.С. Соловьев впервые знакомил массового русского читателя с газетами и журналами Галицкой Руси, выходившими в 1860–1880-е гг. под редакцией о. Наумовича или с его участием, с написанным им повестями, рассказами, богословскими сочинениями в защиту православия [22: 781–791]; особое внимание при этом уделялось языку сочинений Наумовича на основе русского литературного языка с добавлением галицких диалектизмов. Также о. Соловьев дал очерк общественно-политической и церковной биографии Наумовича, отмечая невероятную популярность о. Иоанна в народе. Подчеркивалось, что поначалу он боролся лишь за восточный обряд в униатской церкви против латинизаторов, но поворотным моментом стало заключение лидера галицких русинов в тюрьму и его отлучение папой римским от церкви (1883 г.) и переход в православие (1885 г.) [22: 791–796]. В итоге император Александр III, киевский митрополит Платон, М.Н. Катков оценили по достоинству дела Наумовича, а министр финансов И.А. Вышнеградский выделил средства на галицко-русский банк. Последним делом русинского духовного вождя стало перенаправление потока эмиграции русинов с Бразилии на Кавказ [22: 799–800].

В сентябре 1893 г. серия публикаций о Галиции была продолжена анонимной статьей венского корреспондента [4]. В качестве эпиграфа к ней была приведена галицко-русская народная песня, обвиняющая в нищете края «цесарика» Франца-Иосифа и «жидов». В статье отмечалось новое явление: если в 1880-е гг. галицкие русины эмигрировали в Америку (22 тыс. чел.), то с лета 1892 г. они массово потянулись в Российскую империю (6 тыс. чел. с августа по октябрь из

Галиции и около 1 тыс. чел. из Буковины). Российские власти оказали им недружелюбный прием, но вернуться обратно крестьяне, объявленные в Австрии «изменниками», часто тоже не могли (вернулись 3 тыс. чел.). Тем не менее полякам в буковинском сейме пришлось пойти на уступки и ввести льготные условия кредита и аренды для русинских крестьян, а также привлекать их на строительстве дорог [4: 229]. Автор статьи отмечал, что многие крестьяне пускались в путь под влиянием фантастических слухов о благодатных краях и огромном количестве земель в русской Подолии. В действительности Россия не вела абсолютно никакой агитации в Галиции и Буковине в пользу переселения крестьян, но австрийские власти всё равно обвиняли ее в этом. Жертвами австрийских репрессий стали несколько крестьян, приговоренных к реальным срокам заключения за мнимое оскорбление Габсбургов и «возбуждение ненависти и презрения к правительству» [4: 230]. В частности, были арестованы редакторы галицко-русских газет Д. Козарищук и Г. Купченко, опубликовавшие письма покойного о. Наумовича.

Экономические причины невероятной нищеты в Буковине и Галиции автор статьи усматривал в грабительских, разорительных для крестьян условиях отмены крепостного права в 1848 г. Лишённые пастбищ, леса, большей части земли, обремененные невыносимым поземельным налогом и целым рядом других налогов, русины (особенно приграничных с Россией уездов) разорялись и эмигрировали. Имели место случаи дикого произвола и расправы со стороны полиции в городах. В итоге недобор налогов в Галиции были в три раза выше, чем в других австрийских провинциях (36 % против 12 %); то же самое повторялось в Буковине [4: 231–235]. К этому прибавлялись бедствия естественного характера: вырубка лесов привела к ухудшению климата и оскудению почв в тернопольском Подолье и коцманской Буковине, в то время как их население быстро росло, а его плотность к 1890 г. оказалась едва ли не самой высокой во всей Австрии. Это приводило к дроблению земельных участков на крошечные наделы (каждый третий – менее десятины), в то время как оплата за иные промыслы в силу большого предложения труда была нищенской [4: 235–240].

Публицист резюмировал: «Главными причинами, побуждающими галицко-русский народ выселяться в Россию, являются: малоземелье и раздробление поземельной собственности, затем отсутствие отхожих промыслов в крае и ничтожная плата за сельские работы и, наконец, непомерное возвышение налогов и несправедливое их взывание» [4: 238]. К экономическим причинам автор статьи добавлял «нравственные»: польские гонения на униатов с целью обратить их

в латинский обряд; засилье евреев в администрации, суде, торговле, промышленности; рассказы земляков о хорошей жизни в России как стране с низкими налогами, с дешевым и справедливым судом; незаконное принуждение крестьян работать по воскресеньям и в церковные праздники; ложные слухи о передаче в России пустующих после эпидемии холеры земель русинам-иммигрантам [4: 238]. «Всё русское и православное» считается «непримиримым врагом Австро-Венгрии», сетовал публицист [4: 240]. Автор предлагал комплекс мер по улучшению ситуации: «Необходимо поднять благосостояние крестьянина, обеспечить его землей, ограничить разделы, дать ему заработок, оградить его от эксплуатации евреев, защитить от произвола помещиков, посессоров и чиновников. Русский крестьянин Галиции, хотя живет в стране, где по конституции все равноправны, терпит преследование за свой язык, за свое письмо, за свою веру православную» [4: 239].

Таким образом, с июня по сентябрь 1893 г. в «Русском обозрении» увидели свет целых пять работ по русинскому вопросу в Галиции, Буковине и Закарпатье. Лишь отчасти это можно объяснить падением 15-летнего режима Тааффе в Австрии, ключевой же причиной стала общая переориентация журнала в сторону позднего славянофильства. Эта тенденция продолжилась: в ноябре 1893 г. Шарапов обратил внимание своих читателей на глубокий безвыходный кризис управления в Цислейтании, который, по его мнению, еще при жизни его поколения завершится ее распадом. В Венгрии же причиной острых межнациональных конфликтов Шарапов объявлял евреев как якобы главных проповедников мадьяризации, вызывающей ненависть у всех подвластных народов [25: 492–493]. При этом обозреватель в различных номерах журнала одобрительно отзывался о «христианских и консервативных» венграх, в связи со смертью Л. Кошута одобрял восстание 1848 г. против Габсбургов и т. д. Именно поэтому венгерские гонения на закарпатских русинов для Шарапова было удобнее приписать евреям, а не самим венграм.

Напротив, вину за преследования галицких русинов Шарапов возлагал на австрийское правительство, поляков же считал колеблющимися. В мае 1894 г. публицист одобрительно отзывался об объединении всех галицко-русских депутатов в рейхсрате в одну фракцию, оппозиционную к кабинету Виндишгреца. Только теперь, четыре года спустя, «Русское обозрение» поведало своим читателям о событиях 1890 г., известных как сговор Романчука – Бадени. Однако ни одним словом Шарапов не обвинил в этом поляков (к которым вообще благоволил), считая причиной упомянутого сговора «австрийский иезуитизм и неурядицу» и представляя Романчука как жертву обмана

со стороны Вены, который теперь осознал свою ошибку, прозрел и объединил всех русинских депутатов: «Трудно себе представить, чем теперь Австрия обманет русский народ в Галиции» [26: 479]. Лишь в следующем выпуске журнала Шарапов всё-таки признал, что русские Галиции борются именно против ополячивания и в силу этого входят в число народов, которые разрушат Австро-Венгрию [27: 898]. Публицист резюмировал: «Про русских Галиции нечего и говорить. Никому Австрия не была так ненавистна, как несчастным червонорусам, прекрасная родина которых, позабытая в эпоху общеевропейской перекройки начала этого века, осталась вне великой единой Руси и подпала под самое худшее из господств: тройное господство поляков, евреев и Австрии» [27: 899]. «После долгой и мучительной борьбы галицкие русские кончили тем, что сплотились в одну политическую партию», целью которой является сокрушение Австрии и создание славянского союза, подчеркивал Шарапов.

Озвучивание подобных взглядов в «Русском обозрении» во времена Цертелева и Грингмута было невозможным: статьи Шарапова свидетельствовали об изменении позиции журнала по славянскому вопросу в целом (в том же выпуске Шарапов призывал даже к присоединению Сербии и Болгарии к России на правах автономий, что категорически отрицалось предыдущей редакцией) и галицко-русскому в частности. Эти претензии подкреплялись публикацией исторических исследований, как случилось с работой А.С. Павлова об истории попыток создания галицко-волынскими и литовскими князьями и польскими королями отдельных галицкой [18: 217–235] и киевской [18: 236–251] митрополий на протяжении всего XIV в. путем их откола от общерусской. Сейчас этот исторический сюжет достаточно известен и хорошо освещен в общих курсах церковной истории (например, у А.В. Карташёва), но для того времени статьи Павлова была новаторской.

Таким образом, «Русское обозрение» с середины 1893 до середины 1894 г. отличилось повышенным (по сравнению с «Русским вестником») вниманием к русинской теме, чтобы потом вновь надолго забыть о ней. В целом, однако, оба журнала в 1890–1894 гг. уделяли русинскому вопросу явно недостаточное внимание. Обращаясь к политике Австро-Венгрии, они чаще рассматривали чешский и польский вопросы, чем русинский; еще большим вниманием (хотя не всегда сочувствием) консерваторов пользовались сербы и болгары. В 1890 г. на страницах упомянутых журналов регулярно обсуждались финский и еврейский вопросы, в 1894 г. – прибалтийский и корейский, но по русинскому вопросу русские правые продолжали отделяться единичными фразами. Даже такие судьбоносные события, как

соглашение галицких поляков с украинофилами против русинского движения в ноябре 1890 г. («новая эра») и введение школьным советом Галиции украинского фонетического правописания в 1892 г., не были упомянуты «Русским вестником» и «Русским обозрением».

На фоне сотен страниц, которые эти журналы в данные годы посвящали Южной Америке, Китаю и Африке, единичность упоминаний русинов наводит на мысль о явной недооценке консерваторами критической значимости данного вопроса для целостности самой России. Между тем число русинов в 1890-е гг. можно оценить в 3 млн чел., и нежелание заниматься проблемами такой значительной части славянства и русского народа (в тогдашнем понимании) выглядит неестественным. Впрочем, тема украинофильского движения внутри России тоже консервативными журналами тогда не поднималась. Это свидетельствует о недостатке прогностического даже у С.С. Татищева, Д.Н. Цертелева, В.А. Грингмута, С.Ф. Шарапова. Допуская в целом возможность русско-австрийской войны, они не придавали такого стратегического значения карпатскому региону и русинскому вопросу, какое уже тогда было очевидным для В.И. Ламанского, А.А. Киреева и иных представителей Славянских благотворительных обществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. [Александров А.А.] Современная летопись // Русское обозрение. 1892. № 11. С. 414–419.
2. [Александров А.А.] Современная летопись // Русское обозрение. 1893. № 6. С. 872–884.
3. Бирюков С.В. Австро-Венгерская империя, генезис национальных движений и русинский вопрос // Русин. 2018. № 3 (53). С. 193–209. DOI: 10.17223/18572685/53/11
4. Г*** Почему галицкие русские бегут из Австрии? (Письмо из Вены) // Русское обозрение. 1893. № 9. С. 228–240.
5. Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М.: Наука, 1993. 207 с.
6. Золотарев Д.П. Позднее славянофильство и его роль в общественно-политической мысли России 60-х – 90-х гг. XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж: ВГУ, 2004. 24 с.
7. Иванов А.А. Граф Владимир Бобринский и Второй Мармарош-Сигетский процесс: по материалам российской прессы // Русин. 2018. Т. 54, № 4. С. 145–168.
8. Ивашкин М.Л. Этнополитическая ситуация в Австрийской Галиции во второй половине XIX – начале XX в.: польский и русинский вопросы // История в подробностях. 2011. № 4 (10). С. 62–73.

9. *Клопова М.В.* Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2016. 279 с.

10. *Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1964. 263 с.

11. *Колмаков В.Б.* Проблема Галиции в русской консервативной публицистике начала XX века // Берегиня 777. Сова: общество, политика, экономика. 2012. № 1. С. 15–21.

12. *Медоваров М.В.* Геополитические концепции русских консерваторов 1890-х годов (по материалам журнала «Русское обозрение» и его оппонентов) // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 85–98. DOI: 10.24030/24092517/2020-0-3-85-98

13. *Медоваров М.В. А.А.* Киреев в общественно-политической жизни России второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород: ННГУ, 2013. 357 с.

14. *Медоваров М.В., Снежницкая С.И.* Раскол среди поздних славянофилов (1887–1897 гг.) и роль В.И. Ламанского в нем // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 38–47.

15. *Миллер А.И.* Галиция в системе австро-венгерского дуализма // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 63–70.

16. Новости литературы // Русский вестник. 1893. № 9. С. 309–321.

17. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 126. Оп. 1. Д. 11. Дневник А.А. Киреева 1887–1894 гг.

18. *Павлов А.С.* О начале галицкой и литовской митрополий и о первых тамошних митрополитах по византийским документальным источникам XIV в. // Русское обозрение. 1894. № 5. С. 214–251.

19. *Пашаева Н.М.* Очерки русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: ГПИБ, 2001. 201 с.

20. *Поповкин А.А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж: ВГУ, 2013. 570 с.

21. *Снежницкая С.И.* Регионы Евразийского материка в концепции В.И. Ламанского // Регионы мира в трудах молодых учёных: проблемы истории, культуры и политики. Вып. 2. Н. Новгород: ННГУ, 2020. С. 52–57.

22. *Соловьев И.С., священник.* О. Иоанн Наумович (очерк его жизни и духовно-просветительской деятельности) // Русское обозрение. 1893. № 7. С. 270–293; № 8. С. 781–803.

23. *Стогов Д.И.* Русинская проблематика в трудах русских консерваторов конца XIX – начала XX в. // Русин. 2022. № 67. С. 174–187. DOI: 10.17223/18572685/67/10

24. *Суляк С.Г.* Русинский и украинский вопросы накануне Первой мировой войны // Русин. 2009. № 2 (16). С. 96–119.

25. С.Ш. [Шарапов С.Ф.] Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1893. № 11. С. 478–493.
26. С.Ш. [Шарапов С.Ф.] Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1894. № 5. С. 474–479.
27. С.Ш. [Шарапов С.Ф.] Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1894. № 6. С. 895–903.
28. Татищев С.С. Политическое обозрение // Русский вестник. 1890. № 1. С. 265–290.
29. Татищев С.С. Политическое обозрение // Русский вестник. 1891. № 1. С. 360–370.
30. Татищев С.С. Политическое обозрение // Русский вестник. 1891. № 5. С. 367–378.
31. Татищев С.С. Политическое обозрение // Русский вестник. 1891. № 7. С. 376–385.
32. Угро-Русс. Латинизация и мадьяризация русских в Венгрии // Русское обозрение. 1893. № 6. С. 634–656.
33. Хевролина В.М. Внешнеполитические взгляды славянофилов в конце XIX в. // Новая и новейшая история. 1998. № 2. С. 22–41.
34. Хевролина В.М. Идея славянского единства во внешнеполитических представлениях поздних славянофилов (конец 70-х – середина 90-х годов XIX в.) // Славянский вопрос: вехи истории. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 90–106.
35. Хевролина В.М. Проблемы внешней политики России в общественной мысли страны // История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Международные отношения, 1999. С. 302–343.
36. [Цертелев Д.Н.] Современная летопись // Русское обозрение. 1890. № 1. С. 357–388.
37. [Цертелев Д.Н.] Современная летопись // Русское обозрение. 1890. № 3. С. 390–417.
38. [Цертелев Д.Н.] Современная летопись // Русское обозрение. 1890. № 9. С. 426–450.
39. [Цертелев Д.Н.] Современная летопись // Русское обозрение. 1891. № 4. С. 878–899.
40. Шарапов С.Ф. Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1893. № 9. С. 418–430.
41. Шевченко К.В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М.: Regnum, 2010. 414 с.
42. Шульга М.А. Русинский вопрос и геополитические миры Владимира Ламанского // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (36). С. 15–26.

REFERENCES

1. Aleksandrov, A.A. (1892) *Sovremennaya letopis'* [Modern Chronicle]. *Russkoe obozrenie*. 11. pp. 414–419.
2. Aleksandrov, A.A. (1893) *Sovremennaya letopis'* [Modern Chronicle]. *Russkoe obozrenie*. 6. pp. 872–884.
3. Biryukov, S.V. (2018) The Austro-Hungarian Empire, the genesis of national movements and the Rusinian question. *Rusin*. 3(53). pp. 193–209 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/11
4. G.** (1893) *Pochemu galitskie russkie begut iz Avstrii?* (Pis'mo iz Veny) [Why Galician Russians are running away from Austria? (A Letter from Vienna)]. *Russkoe obozrenie*. 9. pp. 228–240.
5. Dyakov, V.A. (1993) *Slavyanskiy vopros v obshchestvennoy zhizni dorevolutsionnoy Rossii* [Slavic Question in Social Life of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow: Nauka.
6. Zolotarev, D.P. (2004) *Pozdnee slavyanofil'stvo i ego rol' v obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii 60-kh – 90-kh gg. XIX veka* [Late Slavophilism and its Role in Russia's Social and Political Thought in 1860–1890s]. Abstract of History Cand. Diss. Voronezh: Voronezh State University.
7. Ivanov, A.A. (2018) Count Vladimir Bobrinsky and the second Marmaros-Sziget legal trial: Based on Russian press. *Rusin*. 4(54). pp. 145–168 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/9.
8. Ivashkin, M.L. (2011) *Etnopoliticheskaya situatsiya v Avstriyskoy Galitsii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: pol'skiy i rusinskiy voprosy* [Ethnopolitical Situation in Austrian Galicia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Polish and Rusin Questions]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 4(10). pp. 62–73.
9. Klopova, M.V. (2016) *Rusiny, russkie, ukraintsy. Natsional'nye dvizheniya vostochnoslavianskogo naseleniya Galitsii v XIX – nachale XX veka* [Rusins, Russians, Ukrainians. National movements of the East Slavic population of Galicia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Indrik.
10. Kolejka, J. (1964) *Slavyanskije programmy i ideya slavyanskoy solidarnosti v XIX i XX vekakh* [Slavic Programms and the Idea of Slavic Solidarity in the 19th and 20th Centuries]. Prague: Státní pedagogické nakladatelství.
11. Kolmakov, V.B. (2012) *Problema Galitsii v russkoy konservativnoy publitsistike nachala XX veka* [The Problem of Galicia in Russian Conservative Journalism in the Early 20th Century]. *Bereginya 777. Sova: obshchestvo, politika, ekonomika*. 1. pp. 15–21.
12. Medovarov, M.V. (2020) *Geopoliticheskie kontseptsii russkikh konservatorov 1890-kh godov (po materialam zhurnala "Russkoe obozrenie" i ego opponentov)* [Geopolitical Concepts of Russian Conservatives in the 1890s (According to the Materials of Russkoe Obozrenie Journal and Its Opponents)]. *Tetrady po konservatizmu*. 3. pp. 85–98. DOI: 10.24030/24092517/2020-0-3-85-98

13. Medovarov, M.V. (2013) *A.A. Kireev v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [A.A. Kireev in Social and Political Life of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. History Cand. Diss. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

14. Medovarov, M.V., Snezhnitskaya, S.I. (2019) Raskol sredi pozdnikh slavyanofilov (1887–1897 gg.) i rol' V.I. Lamanskogo v nem [The Split Among the Late Slavophiles and Vladimir Lamansky's Role in It (1887–1897)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. No. 5. pp. 38–47.

15. Miller, A.I. (1995) Galitsiya v sisteme avstro-vengerskogo dualizma [Galicia in the System of Austro-Hungarian Dualism]. *Avstro-Vengriya: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva*. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of Russian Academy of Sciences. pp. 63–70.

16. Anon. (1893) Novosti literatury [Literature News]. *Russkiy vestnik*. 9. pp. 309–321.

17. Kireev, A.A. (n.d.) *A.A. Kireev's Diary. 1887–1894*. The Manuscript Section of Russian State Library (OR RGB). Fund 126. List 1. File 11.

18. Pavlov, A.S. (1894) O nachale galitskoy i litovskoy mitropolii i o pervykh tamoshnikh mitropolitakh po vizantiyskim dokumental'nym istochnikam XIV v. [On the beginning of Galician and Lithuanian Metropolises and on the first Metropolitans there according to Byzantine documental sources of the 14th century]. *Russkoe obozrenie*. 5. pp. 214–251.

19. Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays of Russian Movement in Galicia in the 19th – 20th Centuries]. Moscow: State Public Historical Library.

20. Popovkin, A.A. (2013) *Slavyanskije blagotvoritel'nye obshchestva v Moskve i Sankt-Peterburge (1858–1921 gg.)* [Slavic Charitable Societies in Moscow and St. Petersburg (1858–1921)]. History Cand. Diss. Voronezh: Voronezh State University.

21. Snezhnitskaya, S.I. (2020) Regiony Evraziyskogo materika v kontseptsii V.I. Lamanskogo [Regions of Eurasian Continent in V.I. Lamansky's Concept]. In: *Regiony mira v trudakh molodykh uchenykh: problemy istorii, kul'tury i politiki* [Regions of the World in the Works of Young Scientists: Problems of History, Culture and Politics]. Vol. 2. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. pp. 52–57.

22. Soloviev, I.S. (1893) O Ioann Naumovich (ocherk ego zhizni i dukhovno-prosvetitel'skoy deyatel'nosti) [Revd. Ivan Naumovich (An Essay of His Life, Spiritual and Educational Activities)]. *Russkoe obozrenie*. 7. pp. 270–293; no. 8. pp. 781–803.

23. Stogov, D.I. (2022) The Rusin Agenda in the Works of Russian Conservatives of the Late 19th – Early 20th Centuries. *Rusin*. 67. pp. 174–187 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/67/10

24. Sulyak, S.G. (2009) Rusinskiy i ukrainskiy voprosy nakanune Pervoy mirovoy voyny [Rusin and Ukrainian Questions on the Eve of World War I]. *Rusin*. 2(16). pp. 96–119.

25. S.Sh. [Sharapov, S.F.] (1893) Inostrannoe obozrenie [Foreign Review]. *Russkoe obozrenie*. 11. pp. 474–479.

26. S.Sh. [Sharapov, S.F.] (1894a) Inostrannoe obozrenie [Foreign Review]. *Russkoe obozrenie*. 5. pp. 478–493.

27. S.Sh. [Sharapov, S.F.] (1894b) Inostrannoe obozrenie [Foreign Review]. *Russkoe obozrenie*. 6. pp. 895–903.

28. Tatishchev, S.S. (1890) Politicheskoe obozrenie [Political Review]. *Russkiy vestnik*. 1. pp. 265–290.

29. Tatishchev, S.S. (1891a) Politicheskoe obozrenie [Political Review]. *Russkiy vestnik*. 1. pp. 360–370.

30. Tatishchev, S.S. (1891b) Politicheskoe obozrenie [Political Review]. *Russkiy vestnik*. 5. pp. 367–378.

31. Tatishchev, S.S. (1891c) Politicheskoe obozrenie [Political Review]. *Russkiy vestnik*. 7. pp. 376–385.

32. Ugro-Russ. (1893). Latinizatsiya i mad'yarizatsiya russkikh v Vengrii [Latinization and Magyarization of Russians in Hungary]. *Russkoe obozrenie*. 6. pp. 634–656.

33. Khevroлина, V.M. (1998) Vneshnepoliticheskie vzglyady slavyanofilov v kontse XIX v. [Views of Slavophiles to foreign politics in the late 19th century]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Current History*. 2. pp. 22–41.

34. Khevroлина, V.M. (1997) Ideya slavyanskogo edinstva vo vneshnepoliticheskikh predstavleniyakh pozdnikh slavyanofilov (konets 70-kh – seredina 90-kh godov XIX v.) [Idea of Slavic Unity in the Foreign Policy Ideas of the Late Slavophiles (Late 1870s – Mid 1890s)]. In: Dostal, M.Yu. (ed.) *Slavyanskiy vopros: vekhi istorii* [The Slavic Question: Milestones of History]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of Russian Academy of Sciences. pp. 90–106.

35. Khevroлина, V.M. (1999) Problemy vneshney politiki Rossii v obshchestvennoy mysli strany [Problems of Foreign Policy of Russia in Its Social Thought]. In: Khevroлина, V.M. (ed.) *Istoriya vneshney politiki Rossii. Vtoraya polovina XIX veka (ot Parizhskogo mira 1856 g. do russko-frantsuzskogo soyuza)* [History of Russia's foreign policy. The second half of the 19th century (from the Treaty of Paris in 1856 to the Russian-French alliance)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 302–343.

36. Tsertelev, D.N. (1890a) Sovremennaya letopis' [Current Review]. *Russkoe obozrenie*. 1. pp. 357–388.

37. Tsertelev, D.N. (1890b) Sovremennaya letopis' [Current Review]. *Russkoe obozrenie*. 3. pp. 390–417.

38. Tsertelev, D.N. (1890c) Sovremennaya letopis' [Current Review]. *Russkoe obozrenie*. 9. pp. 426–450.

39. Tsertelev, D.N. (1891) Sovremennaya letopis' [Current Review]. *Russkoe obozrenie*. 4. pp. 878–899.

40. Sharapov, S.F. (1893) Inostrannoe obozrenie [Foreign Review]. *Russkoe obozrenie*. 9. pp. 418–430.

41. Shevchenko, K.V. (2010) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX v.* [Slavic Atlantis: Carpathian Rus and Ruthenians in the 19th – First Half of 20th Centuries]. Moscow: Regnum.

42. Shulga, M.A. (2016) Rusinskiy vopros i geopoliticheskie miry Vladimira Lamanskogo [Ruthenian Question and Geopolitical Worlds of Vladimir Lamansky]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2(36). pp. 15–26.

Медоваров Максим Викторович – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия).

Maxim V. Medovarov – Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia).

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

УДК 37.013.43+94(436+470)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/6

Русинская тематика в работах Е.Н. Водовозовой

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Елизавета Николаевна Водовозова (девичья фамилия – Цевловская, по второму мужу – Семевская) (5(17).08.1844–23.03.1923) – русская детская писательница, мемуарист, один из виднейших педагогов своего времени. Окончила Смольный институт. В конце 1860-х гг. вместе с мужем В.И. Водовозовым знакомилась с методикой воспитания и обучения детей в общественных учреждениях и семейным воспитанием Бельгии, Германии, Англии, Швейцарии и Франции. Её публицистическая деятельность началась со статьи «Что мешает женщине быть самостоятельной? (по поводу романа г. Чернышевского «Что делать?»), которая вышла под псевдонимом в журнале «Библиотека для чтения» в сентябре 1863 г. Е.Н. Водовозова была автором самой популярной дореволюционной книги для родителей «Умственное и нравственное воспитание детей от первого проявления сознания до школьного возраста», переизданной до революции семь раз (СПб., 1871; СПб., 1913. 7-е изд.). В ней она предлагала сделать основой дошкольного воспитания народные песни, игры, сказки. В качестве пособия для воспитания по такой программе издала книгу «Одногласные детские песни и подвижные игры. С народными русскими мелодиями» (СПб., 1871). В 1871–1872 гг. вышла книга её рассказов для детей «Из русской жизни и природы», тоже выдержавшая несколько изданий. Также в 1870-е г. Е.Н. Водовозова публиковалась в педагогических изданиях «Детское чтение», «Народная школа», «Голос учителя». Свою жизнь и воспоминания об К.Д. Ушинском, В.И. Водовозове, В.И. Семевском и др. Елизавета Николаевна описала в мемуарах. Её автобиографическая повесть «На заре жизни» (СПб., 1911) неоднократно переиздавалась. Для детей повесть переработана, сокращена и выпущена под названием «История одного детства». Она тоже неоднократно издавалась и в советский, и в постсоветский период. Педагогические труды Е.Н. Водовозовой также востребованы и выпускаются

в наше время. Главной своей научной работой, служащей для популяризации этнографических знаний среди молодёжи, она считала трёхтомник «Жизнь европейских народов» (СПб., 1875–1883), которые тоже неоднократно переиздавался. Переработав и сократив данную работу, она сама выпустила для популяризации знаний 10 книжек по недорогой цене под общим названием «Как люди на белом свете живут» (СПб., 1894–1901. Т. 1–10). Иллюстрации в книгах было выполнены В.М. Васнецовым и другими известными художниками. В третьем томе «Жизнь европейских народов», посвящённом жителям средней Европы, она рассказала об истории русинов Галицкой Руси, их национальном возрождении, современном положении, народном и литературном языке, религии, традиционной материальной и духовной культуре. В девятой книге «Как люди на белом свете живут» тоже даётся описание галицких русинов, их истории, религии, образования, организаций, народной культуры. Автор пыталась разобраться в причинах тяжёлого материального положения крестьян-русинов.

Ключевые слова: Елизавета Николаевна Водовозова, педагогика, дошкольное и начальное образование, межкультурное образование, этнография, русины, Галичина, Галицкая Русь

The Rusin theme in the works by Elizaveta Vodovozova

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Elizaveta Nikolaevna Vodovozova (nee Tsevllovskaya, second marriage surname – Semevskaya; born August 5(17), 1844; died March 23, 1923), a graduate of Smolny Institute, was a Russian children's writer, memoirist, and a most prominent researcher and educator of her time. In the late 1860s, together with her husband Vasily Vodovozov, she went to Europe to learn the methods of family education and raising children in public institutions. Her journalistic debut "What Stops a Woman from Becoming Independent?" was a response to Nikolay Chernyshevsky's novel *What Is To Be Done?* The essay was published under a pseudonym in the magazine *Biblioteka Dlya Chteniya* in September 1863. Vodovozova authored the most popular pre-revolutionary book for parents *Men-*

tal and Moral Education of Children from the First Manifestation of Consciousness to School Age (St. Petersburg, 1871), which was re-issued seven times in pre-1917 Russia (7th ed. St. Petersburg, 1913). In this book, Vodovozova proposed to base preschool education on folk songs, games, and fairy tales. She supplemented her educational program with the manual *Russian Folk Songs for One Voice and Active Games for Children* (St. Petersburg, 1871). In the 1870s, Vodovozova actively published in the pedagogical journals *Detskoe Chtenie*, *Narodnaya Shkola*, and *Golos Uchitelya*. In 1880, she published a collection of children's stories *For Leisure*. In her memoirs, Vodovozova described the life and works of Konstantin Ushinsky, Vasily Vodovozov, Vasily Semevsky and other educators. Her autobiographical novel *At the Dawn of Life* (St. Petersburg, 1911), like other memoirs, had several reissues. Later, the novel was adopted for children and published as *The Story of a Childhood* to be actively published in pre-revolutionary and Soviet Russia. According to Vodovozova, her magnum opus aimed at disseminating ethnographic knowledge among young people was the three-volume *The Life of the Peoples of Europe. Narratives in Geography* (St. Petersburg, 1875–1883). Having revised and abridged this work, she published it as a ten-volume low-price series *How People of Different Nations Live* (St. Petersburg, 1894–1901), illustrated by Viktor Vasnetsov and other famous artists. In the third volume “The Life of European Nations”, she told about the history of the Rusins of Galician Rus, the national revival, the current situation, the folk and literary language, religion, traditional material and spiritual culture. The ninth volume “How people live in the world” also describes the Galician Rusins, their history, religion, education, organizations, and folk culture. The writer tried to understand the reasons for the difficult material situation of the Rusin peasants.

Keywords: Elizaveta Vodovozova, pedagogy, preschool and primary education, intercultural education, ethnography, Rusins, Galicia, Galician Rus

Елизавета Николаевна Водовозова (урождённая Цевловская (по первому мужу – Водовозова, по второму мужу – Семевская)) родилась 5 (17) августа 1844 г. в г. Поречье Смоленской губернии (с 1918 г. – г. Демидов) в обедневшей дворянской семье. Её мать Александра Степановна, урождённая Гонецкая, в 1828 г., закончив в 16 лет курс в петербургском Екатерининском институте, возвращаясь с отцом домой, встретила 37-летнего Николая Григорьевича Цевловского, чьё имение в Погорелом находилось недалеко от их поместья. В этом же году она вышла за него замуж [13: 1, 12, 25].

Её отец, 1790 г.р., в 14 лет, после смерти матери поступил юнкером в Санкт-Петербургский уланский полк, через несколько лет стал офицером и прослужил 24 года. Он любил читать и тратил много денег «на покупку лучших произведений польской, французской и русской литературы». Как вспоминала Е.Н. Водовозова, «его рас-

суждения и заметки, которые мне удалось прочесть на русском и французском языках (большая их часть была набросана на польском языке, которого я не знала), вполне убедили меня в том, что он не только усвоил лучшие идеи французских энциклопедистов XVIII и писателей XIX вв., вроде Мицкевича (который, судя по восторженным отзывам отца, оказывался его любимым поэтом), но что он был страстным поклонником гуманных идей, и по своему образованию стоял целою головою выше того общества, среди которого вращался» [13: 27]. Её отцу довелось участвовать во многих сражениях. В 15-летнем возрасте он принял участие в битве под Аустерлицем, с 1809 по 1811 г. участвовал в Русско-турецкой войне, в 1812 г. его полк преследовал отступающие французские войска, участвовал в битве при Лейпциге, в 1814 г. вступил в Париж, после возвращения Наполеона в 1815 г. полк снова с русской армией возвратился в Париж. По пути он побывал в Варшаве, в которой в то время были объявлены основы польской конституции и затем подписана Конституция Царства Польского. После выхода в отставку он около двух лет жил в Варшаве. Походы 1813–1815 гг., знакомство с Францией, жизнь в Варшаве, где он, зная польский и французский языки, «был принят в средние кружки польского общества», оказали большое влияние на его мировоззрение [13: 28].

Сильное влияние на него оказал варшавский театр, который тогда «был лучше обставлен и поставлен, чем русский столичный театр», и являлся «в то время для поляков не только любимым развлечением, но и искусством, имеющим громадное образовательное значение, одним из наиболее полезных средств для их служения страстно любимой отчизне». Впоследствии, уже будучи женатым и имея большую семью, отец Е.Н. Водовозовой, несмотря на «скромные материальные средства, устроил собственный театр» из 11 крепостных. Он считал, что театр – «первейшее средство для воспитания в молодёжи благородных чувств» [13: 29].

Николай Цевловский тратил много «сил душевных и материальных» на театральные постановки, куда съезжалось много гостей, большинство из которых вместе со своей прислугой оставались гостить несколько дней. Впоследствии, отметила Е.Н. Водовозова, его беспечность и желание жить на широкую ногу стали «причиною полного разорения моей семьи» [13: 28–30].

После брака её родители несколько лет прожили в собственном имении. В 1847 г., чтобы поправить свое материальное положение, отец стал уездным судьёй, и они переселились в «жалкий уездный городишко» Поречье, в котором, как он думал, семье будет лучше в культурном отношении. В Поречье отец купил большой деревянный

дом с хорошим садом и пристройками, приезжая в деревню только летом [13: 33–34].

Мать писательницы прожила с отцом 20 лет (1828–1848 гг.) и «имела, по её собственному счёту, 16 детей», не считая 3 выкидышей и мёртворожденных. Перед вспышкой холеры их оставалось 12. Елизавета стала самым младшим ребёнком [13: 34]. Её отец умер от холеры в 1848 г. [13: 44]. Также холерой заболели и вскоре умерли две её старшие сестры 18 и 19 лет, затем в течение трёх недель ещё четыре ребёнка. Позже умерла её 7-летняя сестра Нина, которая к тому же получила сильные ожоги. Заболела и сама Елизавета [13: 46, 49]. Её мать, думая, что Елизавета умирает, произнесла: «...девятый покойник! Девятый покойник! Что же... Пусть умирает! И оставшихся нечем кормить!» Обида на мать оставалась у неё все детство. Позже она поняла, что её мать, испытывая нужду, отдавала последние деньги на лечение и во время её болезни к ней постоянно приходил доктор [13: 50–51].

Семья, лишившись кормильца и имея долги, переехала в оставшееся в их собственности Погорелое (усадебка с 700 десятинами земли и приблизительно 70–80 крестьянами). Чтобы покрыть часть долгов, отец ранее продал часть земли, леса и несколько десятков крестьян [13: 45, 60].

В семье осталось пятеро детей: Андрей (14 лет), Ана (13 лет), Александра (12 лет), Захар (9 лет) и самая младшая – Елизавета [13: 56].

В деревне она прожила с 1848 по 1855 г. Как отмечала Елизавета в своих воспоминаниях, «семья наша резко выделялась среди помещичьих семейств нашей местности, как своим большим умственным и нравственным развитием, так и гуманным отношением к крепостным и окружающим, к близким и дальним». Жизнь в деревне отличалась от жизни на широкую ногу в городе: «В период нашего полного обнищания никто из детей никогда не подумал попросить у матушки купить чего-либо сладкого. Матушка так экономничала при покупке даже самого необходимого, что подобная просьба с нашей стороны могла бы возбудить в ней лишь бурное негодование, но “сладкие воспоминания” о прошлом не давали нам покоя. Вечером “сумерничали”, т. е. не зажигали огня, пока не наступала полная темнота» [13: 65]. Позже своё детство Е.Н. Водовозова назвала «злосчастливым» [31: 455].

Благодаря ходатайству дяди, генерала И.С. Гонецкого, она была зачислена за казенный счёт в Смольный институт¹ [13: 266; 32: 71]. В 1859 г. инспектором классов в Смольном институте был назначен К.Д. Ушинский, «вместе с ним хлынула и волна новых идей, которые стали подтачивать допотопные институтские устои, даже изменять институтские нравы и обычаи». Среди новых учителей, привлечённых

им, был и преподаватель литературы В.И. Водовозов (1825–1886). Новые учителя «оказались на высоте своего положения», «вместо отрывочных знаний, сухо изложенных отвлеченным или высокопарным слогом, получился живой систематический курс». Ушинский рекомендовал конспектировать лекции. Как вспоминала Е.Н. Водовозова, «составляя лекцию того или другого учителя, слушательницы должны были пополнять ее прочитанным из указанных им книг» [13: 356, 398].

В 1862 г. будущая писательница окончила Смольный институт и через несколько месяцев стала женой В.И. Водовозова [31: 455]. Обвенчалась она с ним примерно в апреле 1862 г., а невестой его стала, ещё будучи воспитанницей Смольного института [1: 6].

В начале лета 1862 г., после поездки Елизаветы в имение матери, супруги совершили путешествие по Европе, побывав в Бельгии, Германии, Англии, Швейцарии и Франции. Они изучали методику работы в детских садах, предложенную теоретиком дошкольного воспитания Ф. Фрёбелем. Елизавета была увлечена идеями немецкого педагога и вопросами дошкольного воспитания детей [1: 6; 28].

Дом В.И. Водовозова, в котором проводились литературные «вторники» (журфиксы (определённый день недели, предназначенный для регулярного приёма гостей), по воспоминаниям – «фиксы»), стал «центром, вокруг которого в течение многих десятилетий объединялась петербургская интеллигенция, главным образом народнического направления» [29: 149]. Сам Водовозов примыкал к легальным марксистам [1: 8].

Среди частых посетителей дома были и люди, связанные с революционной деятельностью. Традиции эти продолжились и после смерти её первого мужа, и второго мужа. Как вспоминал историк, социолог Н.И. Кареев, когда Елизавета Николаевна второй раз овдовела, к ней часто по воскресеньям приходил обедать известный революционер-подпольщик Г.А. Лопатин. Он же упомянул, что в эпоху реакций и идейного разброда 80-х гг. «водовозовские журфиксы были популярны в передовых кругах интеллигенции. Общий тон этих вечеров был оппозиционный, и на них хорошо отдыхалось от впечатлений от царившей тогда реакции». Её сыновья Василий (1864–1933) и Николай (1870–1896) стали оппозиционными публицистами, близкими к революционному движению, и «подвергались преследованиям за неблагонадёжность» [27: 180–181]. Старший сын Михаил умер в 1879 г. в шестнадцатилетнем возрасте от туберкулеза [1: 8].

В 19 лет Елизавета под влиянием романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» написала свою первую статью «Что мешает женщине быть самостоятельной? (По поводу романа г. Чернышевского “Что

делать?»)» под псевдонимом Е. Ц-ская (Библиотека для чтения. 1863. № 9). Материал посвящён самостоятельности женщины и начинается словами из романа: «Конечно, не одна женщина, читавшая роман г. Чернышевского “Что делать?” остановилась на словах: “только тот мужчина любит женщину, который помогает ей быть самостоятельной»» [25: 1]. Автор считала, что, желая быть независимой, женщина «у нас волею и неволею должна принять одну из двух обязанностей: наставницы или матери». Автор критически подошла к системе образования: «...наше женское образование специально имеет в виду эти две цели и не достигает ни одной из них», «школа часто совсем отчуждает от всего, с чем женщина неизбежно встречается в жизни». «Обязанность наставницы самая трудная», считала Е.Н. Водовозова, и «обыкновенно девушка приступает к ней без всякой опытности». К сожалению, школы и общество не открывают ей других путей к деятельности, «чтобы первую её заботой не было обеспечить себя замужеством» [25: 19].

В 60-х гг. XIX в. Е.Н. Водовозова публиковала статьи по вопросам педагогики в журналах «Учитель», «Книжный вестник», в газетах «Голос» (где были опубликованы и ее очерки о Смольном институте), «Санкт-Петербургские ведомости» и др.

Результатом изучения системы Ф. Фрёбеля стала её книга «Умственное развитие детей от первого появления сознания до восьмилетнего возраста» (1871). В последующих переизданиях книга стала называться «Умственное и нравственное развитие детей от первого проявления сознания до школьного возраста». В первом издании она описала достоинства и недостатки фрёбелевской системы, этапы воспитания ребёнка, предложила сделать основой дошкольного воспитания народные песни, игры, сказки. В последующих переизданиях она добавила историю воспитания с XVI по XIX в. [3; 4]. В качестве практического пособия она издала книгу «Одноголосые детские песни и подвижные игры с русскими народными мелодиями» (1876) [5].

«Умственное развитие детей от первого проявления сознания до восьмилетнего возраста» стал одним из самых популярных и значительных руководств по дошкольной педагогике. С 1871 по 1913 г. книга выдержала семь изданий. Е.Н. Водовозова постоянно её перерабатывала и дополняла, используя новые педагогические идеи и наработки [33: 26]. В 1915 г. вышло 7-е издание «Одноголосые детские песни и подвижные игры с русскими народными мелодиями».

Также она выпустила ряд книг для детей: рассказы для детей, собранные в двух книгах «Из русской жизни и природы» (1871–1872. Ч. 1, 2; в 1905 г. вышло 8-е издание), «Батрачка. Рассказ из народного быта» (1871; псевд. И. Бельский), «На отдых» (1880). В них она объяс-

няла юным читателям необходимость постоянно трудиться, прививала детям любовь к растительному и животному миру [28; 31: 455].

Для популяризации этнографических знаний среди населения она издала трёхтомную работу «Жизнь европейских народов. Географические рассказы» (Т. 1: Жители Юга (1875); Т. 2: Жители Севера (1878); Т. 3: Жители Средней Европы (1883)) [6; 8; 29: 148–149]. В ней рассказывалось об истории, государственном устройстве, жизни, жилищах, обрядах, обычаях, занятиях, религии, «увеселениях», образовании, экономическом и политическом положении европейских народов. Издания были богато иллюстрированы рисунками В.М. Васнецова, И.С. Панова, К.И. Голембиовского, К.О. Брожа и других художников и «гравюрами из дерева».

На основе данного труда Е.Н. Водовозова написала и сама выпустила 10 книжек по дешёвой цене для простого народа «Как люди на белом свете живут» (СПб., 1894–1901. Т. 1–10). Её издания выходили довольно большими тиражами, что говорит о их популярности. Они постоянно исправлялись дорабатывались. К примеру, 5-е издание, исправленное и дополненное, «Жизни европейских народов. Жители Юга» (т. 1) вышло в 1897 г. тиражом 5 000 экз. по цене 3,75 руб. [7]. В 1905 г. вышло 3-е издание исправленное издание «Как люди на белом свете живут. Чехи. Поляки. Русины. С 10 карт. худож. В.М. Васнецова и др.» [11], а в 1914 г. – 4-е переработанное издание [12].

Когда Е.Н. Водовозова подготовила книгу «Жизнь европейских народов», то захотела её сама издать. В то время она сильно нуждалась в средствах. Её муж В.И. Водовозов «за крамольный образ мыслей тогда уже оставался не у дел и был лишён всякой возможности работать на педагогическом поприще». Водовозова обратилась за бумагой к известному фабриканту Варгунину, тот открыл кредит. Книга вышла и имела успех. В дальнейшем она сама стала издавать свои труды «кустарным способом, имея у себя на дому книжный склад». Если бы она распространяла свои книги не по старинке, то стала бы вполне обеспеченным человеком [29: 148–149].

Е.Н. Водовозова, по словам современников, обладала феноменальной работоспособностью: «...часто переиздавая свои книги, она постоянно их пополняла, исправляла, переделывала в отдельных частях, или перерабатывала наново. Работала Е.Н. неотрывно во всякое время дня и вечера. Работала бы и ночью, да В.И. бурно восставал против её ночных занятий». Если она была здорова, её «неизменно заставляли за письменным столом за работой» [29: 154–155].

После смерти В.И. Водовозова в 1886 г., по воспоминаниям писательницы В.Н. Цеховской (урожденной Меньшиковой, литератур-

ный псевдоним – Ольнем), «жизнь Е.Н. покати́лась с горы, пошла на убыль. Собственно жизнь была завершена, началось доживание» [29: 159]. В 1888 г. она вышла замуж за ученика и друга своего первого мужа, русского историка либерально-народнического направления В.И. Семевского (1848–1916) [31: 455].

6 апреля 1899 г. Елизавета Николаевна стала действительным членом «Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете» [35: 15].

Она написала много работ мемуарного характера: «К.Д. Ушинский и В.И. Водовозов. Из воспоминаний институтки» (Русское слово, 1887; под псевдонимом Н. Титова), «Дореформенный институт и преобразования К.Д. Ушинского» (Русское богатство, 1908), «Среди петербургской молодёжи шестидесятых годов» (Современник, 1911), «В.А. Слепцов» (Голос минувшего, 1915), «В.И. Семевский» (Голос минувшего, 1917) и т. д. [1: 10; 28]. После смерти В.И. Семевского (1916 г.) она посвятила себя делу издания его научных трудов.

Под влиянием В.И. Семевского она стала писать воспоминания «На заре жизни», охватывающие её жизнь до окончания института, посвятив их «мужу – товарищу и другу». В 1911 г. вышли ее мемуары [30: 179]. Критики отметили их историческую ценность и достоверность [1: 11]. В них описывались детство Елизаветы в деревне, помещичьи нравы, её отношение к крепостничеству, отрочество, юность в закрытом учебном заведении – Смольном институте благородных девиц и молодые годы, проведенные в среде демократической разночинной молодёжи Санкт-Петербурга начала 60-х гг. XIX в. [13]. Её повествование о себе и окружающей действительности заканчивается 60-ми годами, которые определили весь её дальнейший путь и деятельность.

По словам В.Н. Ольнем-Цеховской, «у неё была острая наблюдательность умного человека, не женское умение обобщать, большой интерес к людям. В её метких характеристиках умерших и живых, в её картинках прошлого и настоящего, в каждой приводимой ею, в качестве иллюстрации, сценке – сказывался присущий ей художественно-изобразительный талант, появившийся потом с такой яркостью в её воспоминаниях “На заре жизни”» [29: 150].

Продолжением их являются очерки «Среди петербургской молодёжи 60-х гг. Из личных переживаний» (Современник. 1911. № 3, 4, 6) и очерки «Из давно прошедшего» (Голос Минувшего. 1915. № 10) и «К свету» (Голос минувшего. 1916. № 4, 5–6, 7–8). Они вошли затем в книгу «Грезы и действительность» (1918). 1880–1890-м гг. посвящены очерки «Из недавнего прошлого» (Голос Минувшего. 1915. № 1, 2), в которых Елизавета Николаевна рассказывала о

той поре тяжелой реакции, которую переживало русское общество при Александре III [30: 179].

Незадолго до смерти она опубликовала в январском выпуске журнала «Голос минувшего» за 1923 г. последнюю главу своих воспоминаний «Житейские невзгоды» [19]. В следующем номере появился некролог [30].

В последние годы, прожитые ею уже при советской власти, Елизавета Николаевна переживала, что «не может наблюдать в широком объеме современную жизнь, о которой необходимо “всё-всё” записать» [29: 160].

Она страдала от крайней нужды, одиночества, болезней, в отчаянии доходила до мысли о самоубийстве, о чём писала в дневниковых записях, опубликованных в 1928 г. в № 6 «Голос минувшего на чужой стороне» [31: 456].

Осенью 1922 г. Е.Н. Водовозова, как было и раньше, заболела бронхитом. Бронхит затянулся, она ослабела, перестала вставать. Больной становилось то лучше, то хуже. В 20-х числах марта 1923 г. у неё начался оттек лёгких. 23 марта её не стало [29: 161].

Работы Е.Н. Водовозовой продолжали издаваться и после революции, что говорит об их актуальности.

В советские времена выходило три издания её мемуаров «На заре жизни»: в 1934 г. (в них вошли книга «На заре жизни» и отдельные мемуарные очерки, печатавшиеся преимущественно в журнале «Голос минувшего»), в 1964 г. (в него дополнительно включили очерк «Из давно прошедшего» и мемуарную повесть «К свету»), издание 1987 г. сохранило предыдущий состав [14: 490]. Последнее издание вышло тиражом 100 тыс. экз. В 2018 г. её «На заре жизни» были вновь переизданы [15].

Воспоминания писательницы о Смольном институте были популярны и неоднократно переиздавались, как и мемуары «смолянки» Г.И. Ржевской (1758–1826), выпускниц Петербургского Екатерининского института А.О. Россет, по мужу Смирновой (1809–1882), и Московского Елизаветинского института А.Н. Энгельгардт, урожденной Макаровой (1838–1903) [26: 8]. Часть II её мемуаров о пребывании в Смольном институте включалась в различные сборники или выходила отдельно (см., например, [16–18]).

Для детей мемуары были переработаны, сокращены и выпущены под названием «История одного детства». Они также неоднократно издавались как в советский период, начиная с 1941 г. (далее – в 1946, 1954 и 1963 гг.), так и в наше время (2010, 2017 гг.).

Продолжают переиздавать и её педагогические труды [21]. В 2012 г. вышло 8-е издание её работы «Умственное и нравственное

воспитание детей от первого проявления сознания до школьного возраста» [4]. Как отмечают современные исследователи, «произведения Е.Н. Водовозовой отличались новизной подхода к раскрытию материала; она не ограничивалась только лишь передачей материала, но также давала методическое обоснование своего материала». Все учебные пособия пользовались широкой известностью у учителей, выходили большими тиражами, неоднократно переиздавались и сохраняют ценность в настоящее время. Е.Н. Водовозова стала одним из основоположников российского дошкольного и начального образования [32: 76]. Педагогические идеи Водовозовой о доверительных отношениях взрослых и детей актуальны и для современного воспитания детей и обеспечивают гармоничное развитие ребёнка [34: 53].

Педагогические и литературные работы Е.Н. Водовозовой освещены в многочисленных энциклопедических очерках и отдельных статьях (см., например, [1; 22–24; 28; 31–33]. О детстве, отрочестве, юности она написала в своих мемуарах, затронула и последние годы жизни [2; 13; 19; 20; 30: 179]. Фрагментарно о её дальнейшей жизни упомянуто в отдельных мемуарных очерках. О последнем периоде жизни писательницы есть краткие упоминания в некрологе в «Голосе минувшего» и опубликованных в нём же небольших материалах Н.И. Кареева и В.Н. Ольнем-Цеховской [27; 29; 30].

Одним из основных трудов Е.Н. Водовозовой считается трёхтомник «Жизнь европейских народов» и написанные на его основе 10 книжек для простого народа «Как люди на белом свете живут».

В первом томе «Жизнь европейских народов» Е.Н. Водовозова назвала целью своего труда «познакомить читающую публику с жизнью европейских народов», недостаток «такого рода книг чувствителен не только у нас, но и в западной литературе» [6: III]. Главной своей задачей она считала «дать по возможности полную и всестороннюю картину жизни европейских народов, а не одних только привилегированных сословий или образованных классов, т. е. познакомить с понятиями народа, выражающимися в наиболее распространённых его обычаях, в самом складе его общественной и семейной жизни, со степенью развития в массах и с их экономическим положением» [6: V]. Работая над трёхтомником, автор пользовалась «книгами, находящимися в Публичной библиотеке, библиотеках Академии наук и университета, а также и некоторыми частными библиотеками», стараясь не вносить в прилагаемый в конце каждого тома список использованной литературы книги и статьи, которые показались ей малосодержательными или устаревшими» [6: V–VI].

Исследователь считала, что содержание третьего тома вызовет особое внимание у русского читателя: «...в нём он найдёт описание

жизни наших ближайших соседей – немцев, мадьяр и живущих в Германии и Австро-Венгрии славян» [8: IV]. Говоря о русинах, она написала, что «жизнь и нравы последних для нас тем более интересны, что те же малороссы (автор не учитывала этнокультурную специфику русинов. – С.С.), которые населяют Галицию и живут под австрийским господством, занимают огромную территорию в Южной России» [8: VI].

В предисловии к третьему изданию третьего тома Е.Н. Водовозова подчеркнула, что в нём «особенно сильно переработаны следующие отделы: Берлин, Эссен, Лейпциг, Сельское население Германии, Вена, Чехи, Галиция. Русины, а из очерков по Венгрии некоторые значительно дополнены, большинство же написано заново». Также в настоящем издании к прежним 26 рисункам добавлено 6 новых [9: III].

Как указала автор, «каждое новое издание моей книги подвергается полной переработке на основании многочисленных трудов, появляющихся в печати, как на русском, так и на иностранных языках, после выхода в свет предыдущего издания» [9: III]. При написании глав о русинах Е.Н. Водовозова использовала работы Г.И. Бидермана (двухтомник «Die ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte» (1862–1867), А.Д. Петерсона («Венгрия и её жители» (1873), Я.Ф. Головацкого («Карпатская Русь (историко-этнографический очерк)» (1875), «Карпатская Русь» (1875, 1877), «Народные песни Галицкой и Угорской Руси» (Ч. 1–3, 1878), «О народной одежде и убранстве русин или русских в Галичине и северо-восточной Венгрии» (1877)), Г.И. Де-Воллана («Мадьяры и национальная борьба в Венгрии» (1877), «Угорская Русь. Исторический очерк» (1878)), Л. Василевского («Современная Галиция» (1900)) и другие труды (см.: [9: 563–565]).

Переходя к описанию Галиции, Е.Н. Водовозова напоминает, что «Галиция, или Галичина, – часть древней Малой Польши и Червонной Руси; из всех славянских земель страна эта самая ближайшая наша соседка. Ни одна область Австрийской империи не представляет такого сплошного славянского населения, как Галичина, в которой славяне составляют не менее 87 % всего населения; остальные 18 % – евреи, немцы, армяне и цыгане. Славянское население Галичины состоит из поляков и русин которые не что иное, как малороссы» [9: 349].

Поляков в Галиции насчитывалось не менее 3,5 млн чел, русинов – около 3 млн. Исследователь ещё раз подчеркнула, что «галицкие русины не что иное, как малороссы; таким образом хотя Галичина и принадлежит Австрии, но в ней, наряду с другими национальностями, живут и такие же, как мы, русские люди» [9: 352]. Галицких русинов, отметила автор, называют «русинами, а также русняками, рутенами и даже просто русскими». Русины проживают в восточной части

Галичины, они – униаты. Католики поляки живут в западной части края [9: 352–353].

Обратила внимание исследователь на то, что «всё галицкое просто-народье» (и поляки, и русины) «страшно бедствует, вечно борется с нуждой и тяжкими лишениями». Причинами она считала, во-первых густоту населения (на каждый квадратный километр (около версты) приходится 84 человека). Правда, как указывает сама автор, в Бельгии и Англии плотность населения ещё больше (197 и 114 чел. соответственно). Однако в этих странах более развита промышленность и значительная часть населения занята в ней. В Галиции же из 100 чел. – 75 «живут земледелием». Другой причиной была в том, что «земля в Галиции распределена крайне неравномерно: крупные поместья составляют немногим менее половины всей земли». Крестьяне же владеют небольшими клочками земли: более 200 тыс. крестьянских хозяйств имеют не более полудесятины (десятина – 1,09 га) земли, а 130 тыс. – от $1\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$. «На таких ничтожных наделах нельзя завести хозяйство, которое прокормило бы крестьянина даже с небольшой семьёй». Кроме того, насчитывается более 1,5 млн безземельных крестьян. Из-за слабого развития промышленности большинство из них не могут найти работу и остаются в деревне, испытывая страшную нужду, вынужденные занимать деньги у ростовщиков [9: 353]. Зачастую крошечный участок крестьянина разбит «на бесчисленное множество отдельных чрезполосных кусков», в результате чего «крестьянину трудно на них повернуться со своим плугом» [9: 355].

К этому нужно добавить и «неудовлетворительный способ освобождения крестьян»: при уничтожении крепостной зависимости помещики удержали в Галиции «исключительное право на леса и пастбища с обязательством вознаградить за это крестьян». Вопросами, возникающими между крестьянами и помещиками, занимаются особые комиссии, и её члены защищают интересы польских помещиков. Также крестьяне обложены многочисленными повинностями и налогами: «...кроме поземельной и других податей, кроме всяких земских повинностей, крестьяне должны давать на постройку и содержание церквей и сельских школ. Все эти сборы и налоги так велики, что власти очень часто собирают их не иначе, как продавая последнее достояние крестьянина», нередко при сборе податей чиновники задерживают солдат, опасаясь волнений среди них [9: 354].

Большинство помещиков «сохранили очень многие свои права и преимущества, а крестьяне были поставлены в неизбежную экономическую зависимость от них, остались без леса и пастбищ, а так как в стране промышленность развивается слабо, то и без возможности для очень многих найти себе заработок на родине». Помимо права

на леса и пастбища, помещики сохранили и другие права «тесно связанные с владением землёй»: право помола хлеба, право рыболовства в реках, орошающих крестьянские участки, право продажи вина и т. д. Много проблем возникло и из-за того, что «надел земли был не личный, а посемейный: известный участок отдавали не лицу, а семейству». Вследствие этого большое количество людей, не имевших в то время семей, «остались навсегда батраками, людьми без земли и крова» [9: 355].

«Жалкие условия жизни выработали из здешнего крестьянина слабосильного работника». «Да и откуда галицийскому рабочему взять на родине силы и крепости мускулов, необходимых для работы, при его жалкой растительной пище?» Народ в Галиции, как и в Ирландии, потребляет много картофеля. Болезнь и неурожай его приводит к таким же последствиям, как и в Ирландии. При такой бедности «кофе и чай совсем мало распространены среди народа». Однако водку здесь пьют больше, чем в других регионах Австрии. Как заметила Е.Н. Водовозова, «излишнее употребление алкоголя является в этой стране исключительно следствием дурного питания»: замечено, как только здешний простолюдин начинает лучше питаться (в основном в урожайные годы), «количество потребляемого алкоголя в Галиции немедленно уменьшается» [9: 355].

Плохое питание привело к увеличению смертности, уменьшению средней продолжительности жизни «на количестве неспособных к военной службе, а также на измельчании, истощении, физическом и умственном вырождении галицийского народа. Огромную цифру смертности в Галиции можно объяснить хроническим господством в стране всевозможных болезней и эпидемий». В свою очередь, «восприимчивость галицкого населения ко всевозможным болезням является результатом физического истощения, происшедшего от недостатка питания в целом ряде поколений» [9: 356].

В поисках лучшей доли галичане уезжают в Америку. Ежегодно туда отправлялось от 20 до 30 тыс. галичан, в основном поляки, однако в последнее время усилилась эмиграция и русинов. Кроме того, галичане уезжали на заработки в другие провинции Австрии, в Пруссию, Царство Польское, на Балканы [9: 356–357].

Е.Н. Водовозова считала, что одной из причин бедности населения «этой когда-то богатейшей польской провинции, и её застой до самого последнего времени во всех сферах жизни, во всех областях труда» был «результат задержки в сношениях». Развитие торговли идёт в каждой стране «по направлению течения рек, ближайшей дорогой к морю». Но эти естественные пути были закрыты после раздела Польши, присоединения Галиции к Австрии, и «торговля в Галиции

более полувека не могла свободно развиваться; вместе с этим были искусственно задержаны и сношения» Галиции с Европой. Только в 1847 г. стали строиться здесь железные дороги, что «немедленно послужило к оживлению отношений и торговли» [9: 357].

«Промышленность Галиции развивается медленно и питает лишь около 9 % всего населения». В основном это горнозаводская промышленность: соляная промышленность, которая «издавна составляет главное богатство Галиции», нефтяная и добыча каменного угля (чёрного и бурого) [9: 357]. Фабричных рабочих в Галиции около 280 тыс. чел., включая русинов и поляков. Если к ним прибавить членов их семей, техников, служащих при фабриках и заводах, то выйдет до 400 тыс. чел. «Спасаясь от голода, крестьяне идут на фабрики и заводы», соглашаясь «на всякую плату, лишь бы получить какой-нибудь заработок» [9: 358].

Говоря об истории части Галиции, населённой русинами (Галицкой Руси), Е.Н. Водовозова пишет, что в давние времена она «была тесно связана с остальной Русью и составляла часть русских княжеств. Галицкую Русь населял такой же русский народ, как и все русские люди, он исповедовал нашу православную веру и управлял им тот же княжеский род». В первой половине XIV в. галицко-русское княжество вошло в состав Польши, «поляки превратили его в польскую провинцию, при этом оно названо было воеводством Русским или Червонною Русью». В начале польские короли обещали соблюдать права русинов и «не стеснять их православного вероисповедания». Обещание это не было выполнено: «высшие должности в государстве и доходные места» получали поляки или местные бояре, перешедшие в католичество. Католическое духовенство было освобождено от налогов, православное духовенство платило «множество повинностей». Польские помещики «старались всеми силами теснить русинских духовных лиц» [9: 362].

Со временем положение ещё более ухудшилось: «...польские короли поручили управление Червонною Русью знатым людям из польских фамилий, которые начали распоряжаться в ней с необыкновенною жестокостью». Они увеличивали русинам налог, «вмешивались даже в их семейные дела, решали супружеские споры между ними, расторгали браки». Высшие классы, «когда поляки начали их теснить и угнетать... один за другим, переходили в католичество» и начинали «строить на русской земле костёлы». Наиболее стойкие «из высших русинских классов были насильственно лишены своих имений и всякого достоинства» [9: 362–363].

«Чтобы окончательно подавить русинов и вытравить из них русский дух, польское правительство, а также и католическое духовенство

(оно всегда старалось помогать правительству, когда дело шло о том, чтобы притеснять ненавистных им русинов) употребляли все средства, чтобы вводить в русской земле польские обычаи, польский язык, чуждую народу католическую религию и польские законы», – отметила автор [9: 363].

Города «начали населять немцами и евреями». «У русинских мещан были отняты все их права и преимущества, они лишены были даже своего городского самоуправления, и их отдали на произвол старост и каштелянов из поляков; зажиточные русинские купцы и ремесленники не могли более конкурировать с евреями, поселёнными в русинских городах и в руках которых очень скоро очутилась вся торговля Галичины» [9: 363].

У простого народа «оставалось только духовенство, столь же угнетаемое и несчастное, как и русинский народ, но более его грамотное и умственное развитое. И русины шли к своим священникам только у них находили сочувствие и поддержку». Из-за «презрения поляков к хлопам», т. е. русинам, у которых остались теперь только «поп да хлоп», усиливалась вражда с поляками. Народ и его священники продолжали придерживаться «своих русских обычаев, только они говорили на своём родном языке» [9: 363]. Процесс вовлечения духовенства и мирян Львовской епархии в унию был долог. Лишь в 1700 г. львовский епископ «принял унию и подчинил свою паству римскому папе» [9: 364].

Вскоре могущество Польши стало клониться к упадку и её территория была разделена соседями. Галицкая Русь была в 1772 г. присоединена к Австрии и «русины, испытав на себе 400-летнее иго поляков, вдруг очутились и до сих пор находятся под властью австрийских немцев» [9: 364].

Положение русинов вначале улучшилось: во время правления Иосифа II были ограничены права польских помещиков, приняты меры для развития промышленности, правительство ввело «правильную администрацию и суд», открылись народные школы, духовная семинария, университет во Львове [9: 364].

После смерти Иосифа II ситуация ухудшилась: усилилось онемечивание, поляки приобрели в Галиции господствующее положение, прекратилось преподавание на русском языке, отменены лекции на церковно-славянском языке в Львовском университете, в духовной семинарии вместо русского языка ввели латинский и польский, униатское духовенство ещё больше стало зависеть от Рима и польского дворянства. В конце XVIII в. Галицкая Русь, входя в состав Габсбургской империи, больше напоминала польскую провинцию, «в которой русинский элемент обнаруживал весьма слабые признаки жизни».

Польский элемент преобладал во всех сферах жизни. Русинами оставались «крестьяне, беднейшая часть мещан, да еле грамотное сельское духовенство». Духовенство было необразованно, бедно, не имело никакого влияния, «было угнетаемо и подавляемо и высшими духовными лицами, и властями, и польскими панами, преследовавшими его за сочувствие к своему несчастному народу» [9: 364–365].

Пробуждение русинов началось в 20-х гг. XIX в. Первые деятели русинского возрождения создали тайное общество среди студентов университета и семинаристов. «Они прежде всего стали побуждать своих товарищей русин говорить на своём родном языке», в то время как все мало-мальски образованные люди говорили по-польски, к тому же на русинском не было литературы. Вскоре первые русинские деятели стали не только разговаривать между собой по-русински (у автора – на малорусском. – С.С.), но и «произносить проповеди на этом языке». Они пытались издавать на своём родном языке, «но это навлекло на них такие тяжёлые преследования и гонения, что весь кружок этих патриотов волей-неволей рассеялся и его деятельность прекратилась» [9: 365].

Когда польские правящие классы попадали в немилость австрийских властей, «на них тоже сыпались всевозможный кары» и преследования. Периодически австрийское правительство делало попытки онемечивания населения, «оно насылало в Галицию целые толпы немецких чиновников», чтобы онемечить все русинское и все польское население. Простой же польский народ был почти также угнетаем, как и русины, особенно в экономическом плане. Время от времени польская шляхта устраивала заговоры и восстания. В 1846 г. была попытка восстания, но, несмотря на призывы, народ его не поддержал. Русины и польские крестьяне, «верные сыны католической веры, ответили на этот призыв избиением панов» [9: 365]. «Правительство поощряло и снабжало русинов средствами к нападению на восставших польских панов». Действуя при поддержке австрийских войск, подстрекаемые правительством, вооружённые отряды крестьян проявляли жестокость по отношению к шляхте: истребили до 15 тыс. польских семейств и множество городских жителей, совершали грабежи, насилия. Действуя таким образом весной и летом, крестьяне оставили невозделанными свои поля и с наступлением зимы начался голод. В 1847 г. «по всем дорогам бродили несметные толпы изувеченных, истощённых, оборванных нищих, напоминающих скорее скелеты, чем живых людей. Они протягивали прохожим руку за подаванием и часто, не дождавсь его, падали тут же в предсмертной агонии» [9: 366].

В 1849 г. в Австрии была объявлена конституция. Положение русинов несколько улучшилось. Они еще в 1848 г. образовали во Львове Главную русскую раду (Головна руська рада), «нечто вроде

политического клуба, поставившего себе целью войти в непосредственные сношения с народом, заботиться о его нуждах, охранять его свободу». Вскоре подобные рады возникли во многих городах, которые постоянно контактировали с главной львовской. «Народ тысячами собирался на эти собрания и рассуждал о своих делах». Результатом этих совещаний было прошение на имя императора с просьбой преподавать в народных школах и высших училищах в местностях, преимущественно населённых русинами, на их родном языке, назначать чиновников со знанием русинского языка. Некоторые просьбы были выполнены. Петиция, «скреплённая десятками тысяч подписей», о разделении Галиции на русскую (восточную) и польскую (западную) части была отклонена [9: 366].

Принятие конституции активизировало общественную жизнь русинов. Была основана «Галицко-русская матица», появился печатный орган – газета «Пчола Галицка», вскоре переименованная в «Зорю Галицку», создаётся «Народный Дом» и большое количество политических и просветительских обществ, открывается множество читален. Так как в то время у русинов не было светской интеллигенции, то в основном во главе этих процессов стояло духовенство. «Конституционная свобода русин продолжалась недолго»: в 1851 г. конституция 1849 г. была отменена. Политика австрийского правительства по отношению к русинам диктовалась государственными соображениями, «лишь только миновала необходимость в этом, русинов бросали на произвол судьбы, и они снова начинали подвергаться гонениям и притеснениям» [9: 367].

Всё местное управление снова оказалось в руках поляков. Поляки пытались выставить хорошее отношение русинов к России как государственную измену. Наместник Галиции граф Залесский, «ярый поляк и ненавистник русин», ввёл польский язык в средние учебные заведения Восточной Галиции. После него правление нового наместника графа А. Голуховского получило название «голуховщина». Понимая, что «знаменем русинской народности служит родной язык», он стал вытеснять из гимназий русский язык, «там, где уже решительно не было возможности заменить галицко-русский язык польским, велено было писать русские слова латинскими буквами». Он убедил австрийское правительство, что распространение русского языка превратит молодёжь в приверженцев России и врагов Австрии. Были уволены, заключены в тюрьмы множество учителей, писателей, священников, часто лишь по подозрению в неблагонадёжности. В 1861 г. появилась новая конституция, и всё сделанное Голуховским было упразднено. В это время в Галицию начинает проникать украинофильское движение [9: 367–369].

После 1865 г. снова для русинов наступает реакция, вторично назначается наместником Голуховский. До его приезда стала популярной песенка «Едет, едет Голуховский, едут польски паны и везут для Руси нашей новые кандалы». Прежняя политика – ссылки, доносы, освобождения от должностей русинских деятелей, учителей и профессоров, вытеснение из учебных заведений родного языка, ополячивание русских галичан – продолжалась во второй период «голуховщины» с новой силой вплоть до ухода с поста наместника в 1868 г. [9: 369].

В то же время Галиция получает самоуправление, народ избирает депутатов во львовский сейм, депутаты от Галиции заседают в рейхстрате в Вене. С 1897 г. в выборах в парламент стало участвовать всё мужское население, и в нём заседали «депутаты от всех жителей Галиции». В сейме Галиции заседали представители только трёх сословий: помещиков, крестьян и мещан [9: 369].

Исследователь отметила, что что между поляками и русинами особой вражды нет. В местностях, где они живут рядом, «польки выходят замуж за русин, поляки женятся на русинках, не обращая никакого внимания на различие исповеданий». Но это касается только крестьян и рабочих. «Несмотря на это, русин нередко с презрением и ненавистью говорит о поляке вообще, но эта неприязнь преимущественно относится к помещикам, т. е. к польским панам, от которых он и в настоящее время вполне зависит материально и испытывает всякие притеснения и прижимки» [9: 370].

В настоящее время среди русинов есть и образованные люди, которые говорят на родном языке. Они начинают предъявлять требования и добились уже некоторых результатов: введено преподавание на местном языке и ряд других льгот. Однако пока не удалось достичь полного равноправия с поляками, т. к. среди русинов «почти нет богатых и значительных людей, и образованный класс их невелик, не вполне ещё установился и не пользуется пока ни влиянием, ни значением». В то же время поляки не желают без борьбы уступать своё влияние русинам. Количество образованных людей среди русинов растёт, среди русинских крестьян быстро распространяется просвещение, они становятся более самостоятельными, и автор полагала, что «в недалёком будущем русинский народ, вероятно, будет пользоваться такими же правами, как и поляки, и притом не только на бумаге, но и в действительности» [9: 370–371].

В главе «Просвещение и религия» Водовозова писала, что «наиболее образованные и передовые русины пишут теперь на родном языке, на котором говорит русинское простонародье». Их язык «получил доступ не только в школы, но на нем уже более не сты-

дятся разговаривать и в порядочном обществе». Правда в разговорном языке встречается много польских слов, что объясняется преобладанием долгое время польского языка. Помимо этого в русинском языке есть и немецкие слова. В местностях, где русины живут по соседству с румынами, в их речи встречаются румынские слова. Но постепенно язык «очищается от чужих слов и выражений» [9: 372].

Е.Н. Водовозова отметила, что «во львовском университете открывают и малорусские кафедры». «Русинские студенты в высшей степени энергичные, любознательные юноши и горячие патриоты». Они создали «академическое братство», имеющее хорошую библиотеку. Студенты устраивают литературно-музыкальные вечера, издают разные книги, во время каникул разъезжают по сёлам, устраивая для простонародья чтения, изучая его быт и нравы, знакомятся с его нуждами [9: 372–373].

После 1873 г., когда в Галиции было введено бесплатное обязательное обучение для детей от 6 до 12 лет, увеличилось количество школ и грамотных. Русинами было создано «Общество народной школы», которое открывает читальни, библиотеки, новые школы, обеспечивает бедных детей учебниками, одеждой и в случае необходимости питанием. Общество имеет в крае много отделений (кружков), членами которых являются мужчины и женщины. Они собирают пожертвования для общества, проводят вечера, лекции, собирают сведения о нуждах школ [9: 373].

Кроме данного общества у русинов есть ещё и «Просвіта», которая издаёт книги для чтения и распространяет их среди народа. Среди членов этого общества много крестьян и мещан. «Просвіта» открывает читальни, которых уже около 600. В Галичине читальня, скорее всего, является «просветительным и увеселительным клубом, посещение которого не только умственно развивает селянина, но и доставляет ему приятный и полезный отдых и в то же время чрезвычайно сильно мешает ополячиванию и окатоличению русин». Каждая читальня имела свой устав, для управления выбирали голову, писаря и кассира. Размещались читальни, как правило, в простой избе. В праздники в них собиралось много людей. Кто-то (обыкновенно священник, учитель или грамотный крестьянин) читал и объяснял, остальные слушали. После чтения было обсуждение прочитанного, ответы на вопросы, часто переходили к актуальным для крестьян проблемам. Иногда в читальне проводились лекции. Работа по просвещению крестьян дала свои результаты: «...за последние 8–9 лет в некоторых местностях русинской Галиции количество безграмотных уменьшилось на 20–25 проц.; нередко попадают даже такие уголки, где безграмотных

крайне мало или совсем нет; но в гористых уголках страны ещё до сих пор много безграмотных» [9: 373–374].

Говоря о вере, исследовательница ещё раз подчеркнула, что «русины исповедуют униатскую веру, которая ничто иное как смесь православия с католичеством (за исключением 200 000 православных русин в Буковине)». В свою очередь, «католики смотрят на унию, как на переходный мост к католичеству, как на религию переходную, последователей которой со временем легче переманить в католичество». Долгое время униатское духовенство было «единственными охранителями народности русинов и их религии», спасало русинов «от ополячивания и окатоличевания» [9: 374–375].

Описывая внешний вид галицко-русских церквей, Е.Н. Водовозова отметила сходство «с нашими православными церквями в более глухих местностях Киевской и Волынской губерний». Она обратила внимание, что «они почти все деревянные, с тремя или пятью главами, украшенными железными крестами». Сами кресты напоминали скорее латинские. Внутри храма, как и в российских церквях, – иконостас с царскими и боковыми вратами. Богослужение совершалось по греческому уставу, но с примесью католичества: царские врата не закрывались во время всей обедни. При входе в церковь стояла святая вода, в ней каждый входящий в храм обмакивал пальцы. Крестились, согнув руку крючком, и этим крючком описывали круг перед собой. Многие входили в церковь с узлами и корзинами. Причащающиеся откладывали свои котомки и становились на колени перед царским вратами. Органы в русинских церквях почти не встречались, проповеди велись на местном наречии, гимны пели церковно-русские. Богослужебные книги такие же, правда, вместо Синода упоминался папа [9: 375].

Облачение священников и церковная утварь тоже сходны с православными, хотя заметно и католическое влияние. У русинских священников волосы острижены под гребёнку и нет бороды. Униатские священники, как и православные, люди семейные. «Их жёны в большинстве случаев страстные патриотки, сыновья же – образованные люди» [9: 375–376]. Униатские священники стоят за греческий обряд в богослужении не только потому, что к нему «привязан народ». Уничтожение греческого обряда привело бы к переходу богослужения на латинский язык, что «заставило бы русинов забыть свой родной язык». Материальное положение русинских священников тяжёлое, в отличие от ксёндзов, которые имеют больший доход и приняты в обществе, и к ним лучше относятся чиновники [9: 377].

Описывая материальную и духовную культуру русинов (мещан и крестьян), автор упомянул три класса русинов: «духовенство, весь-

ма немногочисленный класс мещан, все остальное – крестьяне». Мещане состояли большей частью из ремесленников (сапожников, кожевников, гончаров, ткачей и т. д.). Жили мещане так же, как и крестьяне, только одевались получше и, обрабатывая поля, в то же время занимались каким-то ремеслом. Крестьяне же исконно занимались земледелием, и только сейчас некоторые из них стали заниматься ремеслом. Города и местечки Галичины славились своими мастерами: один город – сапожниками, другой – кожевниками, третий – мясниками, которые делают известные колбасы и окорока, четвёртый – искусными ткачами, изготавливающими полотно, скатерти, ковры и т. д. Большой популярностью пользовались горшечники и их глиняная муравленая посуда. Как правило, ремеслом занималось все семейство. Отношения мещан с крестьянами хорошие [9: 378].

В некоторых местностях мещане стали одеваться по-европейски, но большинство носили одежду предков. В каждом городе, в каждой местности особый покрой одежды и различные цвета. Это относится и к крестьянам. От одежды «хлопа» одежда мещанина отличается тем, что сукно не самодельное, а купленное в лавке, рубашка тоньше и белее [9: 378].

Большинство мещан носили длинную до колен рубаху, заправленную в штаны. Сверху – жилет, застёгнутый под самую шею. Выходя со двора, одевали жупан (суконный кафтан ниже колен), на груди, по рукавам, швам и около карманов он был выложен тесёмками [9: 378]. У кого нет жупана, носили капоту. Она длиннее и просторнее жупана. И то и другое подпоясывали полосатым поясом, «которым несколько раз обматывают талию, и оба конца его, обшитые бахромой, оставляют висеть спереди». На голову одевали меховую шапку, летом – поярковую. Волосы мужчины стригли и причёсывали с пробором, бороды сбривали, оставляли только усы, иногда – небольшие бакенбарды [9: 379].

Мещанки одевали белую сорочку до пят, поверх неё – юбку из бумажной цветной материи, в праздник – шерстяную. На талии – корсаж из материи другого цвета. Поверх юбки и короче её одевали передник другого цвета. Большое значение придавали ожерелью. У бедных оно не менее чем из 5–6 ниток, у богатых – 15 и более. Если собирались в церковь или в гости, то поверх рубахи и корсажа одевали кофту «с широким откидным воротником, стянутой по талии шнурком с кистями». Кофта у женщин длиннее, у девушек – короче. В праздничные дни на ноги одевали черевики (башмаки) и сапоги жёлтые или красные сафьянные, по будням – чёрные. Девушки заплетали одну косу, вплетая в её конец ленту. В некоторых местностях заплетают две косы и обвивают их вокруг головы, украшая ветками

и цветами. В некоторых регионах голову повязывали платком так, чтобы из-под него были видны косы. Замужние женщины кос не заплетали. Волосы у них были пострижены, покрыты сеткой и поверх одевали платок, подложив в середину его папку (картон. – С.С.). Зимой мещанки носили меховые шубы [9: 379].

Русинская крестьянская одежда была похожа на мещанскую. Вырез (прореха) на горловине мужской рубахи у мещан застёгнут, у крестьян он длинный. Крестьяне редко одевали жилет. Стан перетягивали цветным пояском. Когда хлоп выходил со двора, сверху одевал серак или опанчу (и то и другое – кафтан, но опанча длиннее). Серак подпоясывался ремнём, опанчу, как одежду более просторную носили нараспашку. Изготавливали их из сукна, в зависимости от местности: чёрного, тёмно-коричневого, белого, серого цвета и украшали цветными вышивками, оторочками и каймами. Зимой некоторые крестьяне побогаче носили овчинный кожух, который украшали различными узорами. На голове носили баранью шапку, летом – соломенную шляпу из пшеничных стеблей. Волосы подстригали в кружок или покороче над лбом, сзади – подлиннее. В некоторых местностях голову брили, оставляя чуприну (оставленный в центре тщательно выбритой головы, на макушке, толстый клочок волос). На ноги одевали сапоги или лапти, похожие на белорусские и великорусские. Кошель, который висел через плечо, плели из лыка, и он «тоже имел большое сходство с кошельками наших крестьян» [9: 379–380].

Крестьянки носили рубашку, полосатую юбку из домашнего холста и передник. На рукавах и груди рубашки была вышивка, на шее – несколько десятков ниток стеклянных бус и дешёвых кораллов, в ушах – серьги. На голове был платок (хустка). Замужние женщины, выходя из дома, одевали серак или свиту, как их мужья. Женская верхняя одежда была более приталена и расшита [9: 380].

Жили крестьяне «в прокоптелых от дыма избах, в которых дым проходит не только из трубы, но и из окон, дверей и щелей крыши, а нередко и совсем нет трубы». Дверь хаты была низкой, пола часто не было. Окна – крошечные, зимой плотно забитые и их невозможно открыть. Поэтому уже возле хат «чувствуешь отвратительное зловоние». Перед хатами «валяются груды навоза и нечистот, единственный способ дезинфекции представляют собой свиньи, уничтожающие всё, что им попадается». Так как крестьяне, не имея леса, должны покупать брёвна, которые ближе к городам становятся дороже, то, соответственно, и хаты там беднее и меньше. Дом окружён плетнём из лозы и веток, который зимой крестьянин, не имея денег на дрова, сжигает. Возле дома – огород. На нём выращивают овощи, картофель, кукурузу [9: 380].

Стены хаты были из дубовых жердей, обмазанных глиной или речным илом, стены внутри и снаружи ещё раз обмазаны глиной и побелены известью. Избы также белили перед каждым большим праздником. Внутри изба делилась на три части: середину занимали сени, с правой стороны вход в жилую комнату, слева – в клеть. В комнате стены напротив дверей украшались образами, красный угол загораживали столом, на котором лежал покрытый куском холста каравай хлеба, рядом – соль. Балка под потолком разукрашивалась цветами, резьбой и благочестивыми надписями. У одной стены – полати, на которых спит семья, на них две-три подушки, днём полати застелены полотном. Рядом – детская колыбель. Напротив печи – шкаф с посудой. Под печью – полукруглое отверстие для кур и дров. Во дворе был овин. Возле овина стояла пристройка для скота. Из-за бедности не у всех крестьян были хозяйственные постройки во дворе [9: 380–381].

Выращивали русины в основном картофель, рожь, просо, иногда – гречиху. Пища их была большей частью растительной: картофель, пустой борщ, кислое молоко, кислая капуста, репа. В северных районах Галиции ели ржаной или ячменный хлеб, в горах – овсяный, на юге хлеб заменяла кукуруза, из неё готовили лепёшки, похлёбку, кашу. По праздникам к обеду делали ватрушки, пироги с капустой, наиболее бедные – «голубцы» (завёрнутые в капустные листья кукурузную или гречневую кашу, вываренную в сыворотке) [9: 381].

Автор упомянула, что с 1882 г., по инициативе нескольких «образованных людей» среди крестьян стали создаваться земледельческие кружки, названные «Общество земледельческих кружков». Их целью было распространение знаний о земледелии, скотоводстве, сельском хозяйстве, кустарной промышленности, помощь крестьянам в приобретении семян, земледельческих орудий, организация земледельческих и промышленных выставок, создание сберегательных и ссудных касс. В 1897 г. в Галиции действовало 1 220 земледельческих кружков, объединяющих 60 тыс. членов. Особую пользу народу приносили т. н. ревизии: в местности, где действовали земледельческие кружки, общество присылало опытных специалистов по сельскому хозяйству, которые осматривали поля и огороды крестьян и почву, давали крестьянам советы, как им вести хозяйство, какие вносить удобрения, что сеять. Общество также рассылало по земледельческим кружкам привитые фруктовые деревья и во многих местностях, где раньше не было фруктовых садов, стали их выращивать. Общество поощряло развитие сельской торговли, помогая организовывать в сёлах «крестьянские лавочки», которые торговали всем необходимым в сельской жизни и продуктами крестьянского хозяйства. Таких лавок

было основано при земледельческих кружках более 700. Земледельческие кружки создавали сберегательные кассы, которые выдавали ссуды своим членам [9: 381–383].

Говоря об отдыхе крестьян, Е.Н. Водовозова писала, что «веселье, музыку, пение, танцы русины, как и поляки, устраивают в корчме». В корчме под окном стоял один длинный стол, «на нём сидят, поставив ноги на скамеечки, деревенские музыканты и немилосердно пилят на скрипках». Пары отплясывают «коломыйку». Многие, выпив, танцуют в одиночестве [9: 383–384].

Отмечает она «страсть к пению» у народа: «всякий душевный порыв, горе, радость – все выражает он в песне». Во время танцев в корчме пели множество песен, без них не обходится ни праздники, ни работа. Глубокое впечатление производят грустные, заунывные песни о тяжёлом положении народа [9: 384]. В обрядовых песнях «слышны остатки старины» В рождественские праздники поют колядки, одни – накануне Рождества, другие – накануне Нового года. С наступлением весны начинается ряд праздников с особыми обрядами, играми, песнями. Разнообразны песни на гаивках (обрядовые весенние песни в сопровождении девичьих хороводов). Самые оживлённые гаивки устраивают в первые три дня Пасхи. Проводятся они днём, до захода солнца в «церковной ограде, в виду могил, а если это неудобно, то на открытом месте... Все три дня наперерыв гудят колокола на дзвонице (колокольне), и хороводные песни не умолкают до вечера. Шум, гам, хохот слышны ещё издалека. Здесь нарядные девушки, взявшись за руки, водят хороводы и, притоптывая в такт ногами, припевают». Парни «шумят, проказничают и ухаживают за девушками. Они постоянно мешают им в играх, прерывая их хоровод... В этот день все веселы и развязаны, только степенные отцы и матери, усевшись на могилах, смотрят на резвящуюся молодёжь». Между народом движется трёхярусная «живая» «дзвоница» (на плечи 5–6 здоровых мужчин, положивших руки на плечи друг другу, становятся двое парубков, на их плечах стоит ещё один юноша, балансируя, чтобы не упасть, руками), обходя несколько раз церковь [9: 385].

Много песен исполняется в период летних работ, особенно во время и в конце жатвы. После окончания жатвы жницы плетут венок из колосьев и одевают его на головы самой красивой девушки (в некоторых местностях – недавно вышедшей замуж женщине). С поля идут распевая песни, девушку с венком на голове называют *княгиней*. Когда подходят к дому хозяина, княгиня снимает венок и с поклоном отдаёт его хозяину или хозяйке. Её за это одаривают мелочью, подруг угощают, после чего хозяин устраивает танцы с музыкой, где их снова угощают, молодёжь пляшет допоздна [9: 385–386].

Главными музыкальными инструментами у русинов были скрипка и *сопелька* – «длинная деревянная дудка, на которой играет и пастух, когда пасёт своё стадо, и пахарь, когда идёт за волами». Были у русинов певцы *лирники*. Слепые и с мешком за спиной, они ходили по сёлам, их, как правило, сопровождал мальчик. «Лирники потеряли зрение не случайно и не от болезни, но нарочно ослепили себя, или в детстве были ослеплены своими родителями». Лирники пользовались популярностью у народа. На своём инструменте «лире» они играли и пели песни, которые любил народ. «Только весёлые звуки редко издаёт его инструмент, но у русинов более горя, чем радости, и они со слезами на глазах слушают песни лирника» [9: 386].

Исследователь отметила, что «русины народ покойный, мирный, трудолюбивый и, как все славяне, в высшей степени гостеприимный». Упоминает она и о «рабских наклонностях» русинов: «...как люди, долгое время бывшие в рабстве, русин относится к каждому, получше его одетому, с низкопоклонством: низко кланяется, сгибается, вся фигура выражает унижение, целует руку пана». Но «терпение и приниженность» русина «не мешают ему ненавидеть своих врагов и зло подсмеиваться над ними». Когда русин приобретает власть, то «становится заносчив и высокомерен». С развитием просвещения в крестьянской среде «рабская приниженность и высокомерная заносчивость» постепенно исчезают. Столетия «крепостного права, тяжёлого гнёта и рабства» сделали его «непомерно выносливым» [9: 384].

Также о русинах Е.Н. Водовозова писала в серии книг «Как люди на свете живут», одна из которых посвящена чехам, полякам, русинам. В предисловии она рассказала о целях данного издания: «Под общим названием “Как люди на белом свете живут” я издаю ряд книжек, содержащих описание наиболее характерных народов Западной Европы, с целью познакомить читателей с их нравами и обычаями, с их радостями и невзгодами, с их трудами и заработком, с семейною и общественною жизнью всех сословий, а также с образом правления в тех государствах, где он вполне прочно установился и отражается на всей жизни, нравах и привычках народа». Также она постаралась «дать вполне ясное представление о земледельческой, промышленной и торговой деятельности каждого народа, поскольку она имеет значение в его жизни». Отвечая на газетную критику, автор отметила, что новая серия книг «Как люди на белом свет живут» представляет «не простое сокращение, а полную переработку с новыми главами, которых нет в книгах “Жизнь европейских народов”». Издала эти книги она для тех, «кто не может приобретать дорогих книг и не имеет досуга для чтения больших по объёму сочинений, особенно же тех читателей, которые требуют более популярного изложения» [10: I].

В главе о русинах представлен сокращённый вариант предыдущей работы с некоторыми стилистическими изменениями.

К сожалению, в книге «Жизнь европейских народов» (и «Как люди на свете живут») Е.Н. Водовозова не дала сведений о русинах Буковины и Венгерского королевства. В главах, посвящённых Венгрии, венграм и словакам есть несколько фраз об угорских русинах [9: 443, 510, 516, 537, 543, 547] и фраза о буковинских в разделе о русинах (галицких русинах), что русины исповедуют униатскую веру, «за исключением 200 000 православных русин в Буковине» [9: 374]. Нет описания субэтнических групп русинов, которые проживали в той же Галичине. Можно было бы вкратце упомянуть наиболее крупные: бойков, гуцулов, лемков, причём в списке источников автором указан ряд работ на эту тему. В то же время в разделе «Поляки Австрии и Пруссии» исследовательница перечисляет этнографические и субэтнические группы поляков, более полно описывая краковяков, силезцев Австрии, познанских поляков (куявяков), поляков прусской Силезии и мазуров [9: 387–422].

Недостаточно, на наш взгляд, показана общественно-политическая жизнь Галичины, ничего не сказано и разделении русинов по идеологическому признаку и борьбе между русским и украинофильским движениями. Несколько односторонне описана просветительская деятельность. К примеру, помимо «Просвиты», организовывало бесплатные читальни в городах и сёлах Галичины, а также издавало литературу, обучало методам ведения сельского хозяйства, боролось с безграмотностью и пьянством «Общество имени Михаила Качковского», созданное И.Г. Наумовичем в 1874 г. В описываемый автором период общество было многочисленнее и имело больше филиалов и читален, чем «Просвита».

Ряд абзацев, в частности описание деятельности «Общества земледельческих кружков» и гаивок, взят в кавычки, однако ссылки на источники отсутствуют [9: 382–383, 385].

В целом недорогие, общедоступные, написанные простым языком книги Е.Н. Водовозовой сыграли свою роль в просвещении российского общества, в т. ч. и по русинской проблеме.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. В его Александровское училище, или Александровскую половину. На Николаевскую половину принимали дочерей лиц, имевших чин не ниже полковника или статского советника и потомственных дворян; на Александровскую половину – дочерей лиц с чином штабс-капитана или титулярного советника до полковника или коллежского советника, а также детей протоиереев, священников, евангелических

пасторов и дочерей дворян, внесенных в третью часть дворянской книги. Разделение на два учебных заведения просуществовало с основания Смольного института в 1764 г. до 1860 г. [13: 266].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виленская Э.С.* Елизавета Николаевна Водовозова // Водовозова Е.Н. На заре жизни. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. С. 5–24.

2. *Водовозова Е.Н.* Из заметок старой пансионерки. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1866. Из № 89 газеты «Голос». 15 с.

3. *Водовозова Е.Н.* Умственное развитие детей от первого проявления сознания до восьмилетнего возраста. Книга для воспитателей Е. Водовозовой. При книге приложены: чертежи и сборник детских песней и подвижных игр с народными мелодиями. Музыка А.И. Рубца. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1871. 245 с. разд. паг., 24 л. табл.

4. *Водовозова Е.Н.* Умственное и нравственное воспитание детей от первого проявления сознания до школьного возраста. 8-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. X, 365 с., XXIV с. табл.

5. *Водовозова Е.Н.* Одноголосные детские песни и подвижные игры. С народными русскими мелодиями / сост. предисл. Е. Водовозова; муз. А.И. Рубца. СПб., 1876. 14, 41 с.

6. *Водовозова Е.Н.* Жизнь европейских народов: в 3 т. Т. 1: Жители Юга. Географические рассказы. С 25 рис. В.М. Васнецова. СПб.: скл. кн. у автора, 1875. XXII, 553 с., 25 л. ил.

7. *Водовозова Е.Н.* Жизнь европейских народов: в 3 т. 5-е изд., испр. и доп. Т. 1: Жители Юга. С 26 рис. худ. Васнецова. СПб.: скл. кн. у автора, 1897. XII, 652 с.

8. *Водовозова Е.Н.* Жизнь европейских народов. Географические рассказы Е. Водовозовой: в 3 т. Т. 3: Жители Средней Европы. С 24 рис. худож. Голембиовского, Панова и Брожа; Грав. на дереве г.г. Регульского, Хелмицкого, Адта и др. СПб.: скл. кн. у автора, 1883. XIV, 569 с., 24 л. ил.

9. *Водовозова Е.Н.* Жизнь европейских народов: В 3 т. 3-е изд., перераб. и доп. Т. 3: Жители Средней Европы. С 32 рис. худож. Панова, Брожа, Бухгольца [и др.]. СПб.: скл. изд. у автора, 1903. XII, 565 с., 32 л. ил.

10. *Водовозова Е.Н.* Как люди на белом свете живут. Чехи. Поляки. Русины. С 8 картинками худож. В.М. Васнецова и др. СПб.: Тип. Балашева и К°, 1897. [4], 184 с., [6] л. ил.

11. *Водовозова Е.Н.* Как люди на белом свете живут. Чехи. Поляки. Русины. С 10 карт. худож. В.М. Васнецова и др. 3-е изд., испр. СПб.: скл. изд. у автора, 1905. [4], 188 с., [8] л. ил.

12. *Водовозова Е.Н.* Как люди на белом свете живут. Чехи. Поляки. Русины. С 10 рис. картинками худож. В.М. Васнецова и др. 4-е изд., перераб. СПб.: Коммерч. скоропеч. А. Гольдберга, 1914. [4], 180 с., [8] л. ил.

13. *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Жизнь в провинциальной глуши. Институт до и после реформы. Среди молодёжи 60-х годов. Воспоминания Е.Н. Водовозовой. СПб.: Тип. 1 СПб. труд. артели, 1911. XII, 608 с.

14. *Водовозова Е.Н.* На заре жизни: в 2 т. / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Э.С. Виленской. М.: Худ. лит., 1987. Т. 1. 511 с.

15. *Водовозова Е.Н.* На заре жизни: в 2 т. М.: Терра; Книжный Клуб Книговек, 2018. Т. 1. 477, [2] с.; Т. 2. 413, [2] с.

16. *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Ч. 2 // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой, Л.Г. Сахаровой, вступ. ст. А.Ф. Белоусова. 4-е изд. М.: Нов. лит. обозрение, 2008. С. 215–388.

17. *Водовозова Е.Н.* Дневники смолянки. Воспоминания об институте благородных девиц. М.: Родина, 2021. 286, [1] с. ил.

18. *Водовозова Е.Н.* Дневники смолянки. Воспоминания об институтских нравах. М.: Алгоритм, 2017. 286, [1] с. ил., портр.

19. *Водовозова-Семевская Е.Н.* Житейские невзгоды // Голос минувшего. 1923. № 1. С. 45–72.

20. *Водовозова Е.Н.* Грёзы и действительность. М.: Задруга, 1918. 224, [1] с.

21. *Водовозова Е.Н.* Царство свободного ребёнка. Избранные статьи, практические советы, игры и занятия. М.: Карапуз, 2010. 286, [1] с. ил.

22. Водовозова, Елизавета Николаевна // Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1889. С. 51–52.

23. Водовозова Елизавета Николаевна // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VI^а: Винословие – Волан. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1892. С. 762.

24. Водовозова, Елизавета Николаевна // Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°» / под ред. проф. Ю.С. Гамбарова, проф. В.Я. Железнова, проф. М.М. Ковалевского, проф. С.А. Муромцева и проф. К.А. Тимирязева. 9-е изд., стереотип. Т. 10: Вех – воздух. М.: Изд-во Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1910. С. 527–528.

25. *Е. Ц-ская.* Что мешает женщине быть самостоятельной? (по поводу романа г. Чернышевского «Что делать?») // Библиотека для чтения. Журнал словесности, науки и политики. 1863. Сентябрь. С. 1–19.

26. Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц / сост., подгот. текста и примеч. Г.Г. Мартынова. М.: Ломоносовъ, 2013. 288.

27. *Кареев Н.И.* Памяти ушедших. Елизавета Николаевна Водовозова-Семевская (1844–1823 гг.) // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 180–183.

28. *Мыркина Т.* Водовозова Елизавета Николаевна // Энциклопедический словарь «Литераторы Санкт-Петербурга. XX век». URL: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/v/vodovozova-> (дата обращения: 15.07.2022).

29. *Ольнем-Цеховская В. Е.Н.* Водовозова-Семевская // Голос минувшего. 1923. № 3. С. 145–162

30. Памяти ушедших. Елизавета Николаевна Водовозова-Семевская (1844–1823 гг.). Редакция // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 177–183.

31. Подольская И.И. Водовозова Елизавета Николаевна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1: А–Г / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая рос. энцикл., 1989. С. 455–456.

32. Помелов В.Б. Первая женщина-методист начального образования // Начальная школа. 2016. № 6. С. 71–76.

33. Рыбаков. В. Из педагогического наследия Е.Н. Водовозовой: научить детей любить // Семья и школа. 1971. № 10. С. 26–28.

34. Симонова Т.Р. Идеи Е.Н. Водовозовой в современном воспитательном процессе // Начальная школа плюс до и после. 2010. № 6. С. 52–54.

35. Устав и список членов Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М.: Типолитография тов. Кушнерев и К°, 1905. 18 с.

REFERENCES

1. Vilenskaya, E.S. (1987) Elizaveta Nikolaevna Vodovozova. In: Vodovozova, E.N. *Na zare zhizni* [At the Dawn of Life]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–24.

2. Vodovozova, E.N. (1866) *Iz zametok staroy pansionerki* [From the notes of the old boarder]. St. Petersburg: Tip. A.A. Kraevskogo.

3. Vodovozova, E.N. (1871) *Umstvennoe razvitie detey ot pervogo proyavleniya soznaniya do vos'miletnego vozrasta* [The mental development of children from the first manifestation of consciousness until eight]. St. Petersburg: A.M. Kotomin.

4. Vodovozova, E.N. (2012) *Umstvennoe i npravstvennoe vospitanie detey ot pervogo proyavleniya soznaniya do shkol'nogo vozrasta* [Mental and Moral Education of Children from the First Manifestation of Consciousness to School Age]. 8th ed. Moscow: LIBROKOM.

5. Vodovozova, E.N. (1876) *Odnogolosnye detskie pesni i podvizhnye igry. S narodnymi russkimi melodiymi* [Russian Folk Songs for One Voice and Active Games for Children]. St. Petersburg: [s.n.].

6. Vodovozova, E.N. (1875) *Zhizn' evropeyskikh narodov: v 3 t.* [The Life of the Peoples of Europe]. Vol. 1. St. Petersburg: skl. kn. u avtora.

7. Vodovozova, E.N. (1897) *Zhizn' evropeyskikh narodov: v 3 t.* [The Life of the Peoples of Europe]. Vol. 1. 5th ed. St. Petersburg: skl. kn. u avtora.

8. Vodovozova, E.N. (1883) *Zhizn' evropeyskikh narodov. Geograficheskie rasskazy E. Vodovozovoy: v 3 t.* [The Life of the Peoples of Europe. Narratives in Geography]. Vol. 3. St. Petersburg: skl. kn. u avtora.

9. Vodovozova, E.N. (1903) *Zhizn' evropeyskikh narodov* [The Life of the Peoples of Europe]. 3rd ed. Vol. 3. St. Petersburg: skl. izd. u avtora.

10. Vodovozova, E.N. (1897) *Kak lyudi na belom svete zhivut. Chekhi. Polyaki. Rusiny* [How People of Different Nations Live. Czechs. Poles. Rusins]. St. Petersburg: Balashev i K°.

11. Vodovozova, E.N. (1905) *Kak lyudi na belom svete zhivut. Chekhi. Polyaki. Rusiny* [How People of Different Nations Live. Czechs. Poles. Rusins]. 3rd ed. St. Petersburg: skl. izd. u avtora.

12. Vodovozova, E.N. (1914) *Kak lyudi na belom svete zhivut. Chekhi. Polyaki. Rusiny* [How People of Different Nations Live. Czechs. Poles. Rusins]. St. Petersburg: A. Goldberg.

13. Vodovozova, E.N. (1911) *Na zare zhizni. Zhizn'v provintsial'noy glushi. Institut do i posle reformy. Sredi molodezhi 60-kh godov. Vospominaniya* [At the Dawn of Life. Life in the Provincial Wilderness. Institute Before and After the Reform. Among the Youth of the 1860s. Memories]. St. Petersburg: 1st St. Petersburg Labour Cooperative.

14. Vodovozova, E.N. (1987) *Na zare zhizni: v 2 t.* [At the Dawn of Life: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

15. Vodovozova, E.N. (2018) *Na zare zhizni: v 2 t.* [At the Dawn of Life: in 2 vols]. Moscow: Terra; Knizhnyy klub "Knigovek".

16. Vodovozova, E.N. (2008) *Na zare zhizni. Ch. 2* [At the Dawn of Life. Part 2]. In: Bokova, V.M. & Sakharova, L.G. (eds) *Institutki. Vospominaniya vospitannits institutov blagorodnykh devits* [Institute girls. Memoirs of the Student of Institutes of Noble Young Ladies]. 4th ed. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 215–388.

17. Vodovozova, E.N. (2021) *Dnevniky smolyanki. Vospominaniya ob institute blagorodnykh devits* [Diaries of a Graduate from Smolny School. Memories of the Institute for Noble Young Ladies]. Moscow: Rodina.

18. Vodovozova, E.N. (2017) *Dnevniky smolyanki. Vospominaniya ob institut-skikh nraakh* [Diaries of a Graduate from Smolny School. Memories of Institute Customs]. Moscow: Algoritm.

19. Vodovozova-Semevskaya, E.N. (1923) *Zhiteyskie nevgody* [Everyday adversity]. *Golos minuvshogo*. 1. pp. 45–72.

20. Vodovozova, E.N. (1918) *Grezy i deystvitel'nost'* [Dreams and Reality]. Moscow: Zadruga.

21. Vodovozova, E.N. (2010) *Tsarstvo svobodnogo rebenka. Izbrannye stat'i, prakticheskie sovery, igry i zanyatiya* [The Kingdom of the Free Child. Selected Articles, Practical Tips, Games and Activities]. Moscow: Karapuz.

22. Golitsyn, N.N. (1889) *Bibliograficheskiy slovar' russkikh pisatel'nits* [A Dictionary of Russian Women Writers]. St. Petersburg: V.S. Balashev. pp. 51–52.

23. Brockhaus, F. & Efron, I. (1892) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]. T. 6a. St. Petersburg: I.A. Efron. p. 762.

24. Gambarov, Yu.S. Zheleznov, V.Ya., Kovalevsky, M.M., Muromtsev, S.A. & Timiryazev, K.A. (eds) (1910) *Entsiklopedicheskiy slovar' t-va "Br. A. i I. Granat i K"* [An Encyclopedic Dictionary Br. A. i I. Granat i K]. 9th ed. Vol. 10. Moscow: Br. A. i I. Granat i K. pp. 527–528.

25. Ts-skaya, E. (1863) Chto meshaet zhenshchine byt' samostoyatel'noy? (po povodu romana g. Chernyshevskogo "Chto delat'") ["What Stops a Woman from Becoming Independent?" A response to Nikolay Chernyshevsky's novel "What Is To Be Done?"]. *Biblioteka Dlya Chteniya. Zhurnal Slovesnosti, Nauki i Politiki*. 1863. Sentyabr'. pp. 1–19.

26. Martynov, G.G. (ed.) (2013) *Instituty blagorodnykh devits v memuarakh vospitannits* [Institutes of noble young ladies in the memoirs of their students]. Moscow: Lomonosov'.

27. Kareev, N.I. (1923) Pamyati ushedshikh. Elizaveta Nikolaevna Vodovozova-Semevskaya (1844–1823 gg.) [In memory of the deceased. Elizaveta Nikolaevna Vodovozova-Semevskaya (1844–1823)]. *Golos minuvshogo*. 2. pp. 180–183.

28. Myrkina, T. (n.d.) Vodovozova Elizaveta Nikolaevna. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' "Literaturny Sankt-Peterburg. XX vek"* [Encyclopedic Dictionary "Writers of St. Petersburg. The 20th Century"]. [Online] Available from: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/v/ vodovozova-> (Accessed: 15th July 2022).

29. Olnem-Tsekhovskaya, V. (1923) E.N. Vodovozova-Semevskaya. *Golos minuvshogo*. 3. pp. 145–162

30. Anon. (1923) Pamyati ushedshikh. Elizaveta Nikolaevna Vodovozova-Semevskaya (1844–1823 gg.) [In memory of the deceased. Elizaveta Nikolaevna Vodovozova-Semevskaya (1844–1823)]. *Golos minuvshogo*. 2. pp. 177–180.

31. Podolskaya, I.I. (1989) Vodovozova Elizaveta Nikolaevna. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Great Russian Encyclopedia. pp. 455–456.

32. Pomelov, V.B. (2016) Pervaya zhenshchina-metodist nachal'nogo obrazovaniya [The first woman-methodologist of primary education]. *Nachal'naya shkola*. 6. pp. 71–76.

33. Rybakov, V. (1971) Iz pedagogicheskogo naslediya E.N. Vodovozovoy: nauchit' detey lyubit' [From E.N. Vodovozova's pedagogical heritage: Teaching Children to Love]. *Sem'ya i shkola*. 10. pp. 26–28.

34. Simonova, T.R. (2010) Idei E.N. Vodovozovoy v sovremennom vospitatel'nom protsesse [E.N. Vodovozova's ideas in the modern educational process]. *Nachal'naya shkola plyus do i posle*. 6. pp. 52–54.

35. The Society of Lovers of Russian Literature at the Imperial Moscow University. (1905) *Ustav i spisok chlenov Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete* [Charter and list of members of the Society of Lovers of Russian Literature at the Imperial Moscow University]. Moscow: Kushnerev i K°.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(47)083+94(438).071

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/7

Русская правоконсервативная периодическая печать начального этапа Первой мировой войны о русинах

Д.И. Стогов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина)

Россия, 197022, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Авторское резюме

В настоящее время, когда духовное единство славянского мира переживает очередные испытания на прочность, представляется актуальным обращение к богатому историческому опыту взаимоотношения славянских народов. Особый интерес имеют сюжеты, связанные с переломными моментами истории, в частности период Первой мировой войны, когда на полях сражений решались судьбы славянских народов. Исследуется русская правоконсервативная печать начального этапа Первой мировой войны. Предметом исследования является русинская проблематика. Отмечается, что русские правоконсервативные публицисты проявляли неподдельный интерес к жизни русинского населения Восточной Галиции и Буковины, занятых русскими войсками в 1914 г. В публицистических статьях ряда периодических изданий («Московские ведомости», «Русское знамя», «Земщина», «Колокол», «Гроза», «Почаевский листок», «Сусанин») подробно рассматриваются следующие сюжеты: история русинов, культура русинов, религиозная жизнь русинов, общественно-политическая жизнь русинов, русинско-польские и русинско-австрийские отношения, отношение к «украинству», жизнь русинов после взятия русскими войсками Восточной Галиции и Буковины, будущее русинов в составе Российской империи. В статье делается вывод о том, что практически все рассмотренные правоконсервативные издания сходились во мнении о пагубности идеи «украинства», получившей распространение в Галиции с подачи польских магнатов, о необходимости перехода русинов из униатства в православие, о положительном значении для русинов факта присоединения Галиции и Буковины. Публицисты подчёркивали, что сами русины в большинстве своём выступали за воссоединение с Россией.

Ключевые слова: Российская империя, Австро-Венгрия, Галиция, Буковина, Первая мировая война, русины, консерватизм, униатство, публицистика, монархисты

Russian right-wing conservative periodical press about Rusins at the beginning of WWI

Dmitrii I. Stogov

St. Petersburg State Electrotechnical University

5 Professor Popov Street, Saint Petersburg, 197022, Russia

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Abstract

Now, when the spiritual unity of the Slavic world is undergoing another test of strength, it seems relevant to appeal to the rich historical experience of the relationship of the Slavic peoples. Of particular interest are plots associated with turning points in history, in particular the First World War, when the fate of the Slavic peoples was decided on the battlefields. In this article, the author turns to the Russian right-wing conservative press at the initial stage of the First World War to study the Rusin question. According to him, Russian right-wing conservative publicists showed a genuine interest in the life of Rusins in Eastern Galicia and Bukovina, occupied by Russian troops in 1914. Such periodicals as *Groza*, *Pochaevskiy listok*, *Susanin*, *Moskovskie Vedomosti*, *Russkoe znamya*, *Kolokol*, *Zemshchyna* covered the following subjects: the history and culture of Rusins, their religious and socio-political life, the Rusin-Polish and Rusin-Austrian relations, attitude to "Ukrainism", the life of Rusins after the capture of Eastern Galicia and Bukovina by Russian troops, the future of Rusins as part of the Russian Empire. The author concludes that almost all above-mentioned right-wing conservative publications agreed on the perniciousness of "Ukrainianism", which became widespread in Galicia supported by Polish magnates, as well as on the need for Rusins to transit from Uniatism to Orthodoxy. They also emphasized that the annexation of Galicia and Bukovina had a positive effect on Rusins, the majority of whom were in favor of reunification with Russia.

Keywords: Russian Empire, Austria-Hungary, Galicia, Bukovina, World War I, Rusins, conservatism, Uniatism, journalism, monarchists

В наши дни, когда духовное единство славянского мира в очередной раз подвергается серьёзным испытаниям, имеет смысл обратиться к богатому историческому опыту взаимоотношений между различны-

ми славянскими народами. В этой связи представляют особый интерес переломные моменты мировой истории, в частности период Первой мировой войны, в ходе которой судьба славянства решалась на поле брани. «Консервативный поворот», наметившийся в последние годы в политике современной России, способствует изучению богатого наследия русских монархистов XIX – начала XX в., в том числе сюжетов, напрямую касающихся славянства.

Объектом нашего исследования является русская правоконсервативная печать начального этапа Первой мировой войны (вторая половина 1914 г. – первая половина 1915 г.); предметом исследования – русинская проблематика. Под правоконсервативной печатью следует понимать периодические издания, отстаивавшие идеи монархизма. Важную роль среди них занимали черносотенцы, периодические издания которых рассматриваются нами в первую очередь.

К настоящему времени опубликован ряд исследовательских работ, посвящённых жизни русинов периода Первой мировой войны. Так, С.Г. Суляк в статье «Русины в период Первой мировой войны и русской смуты» [27] обращает внимание на тот факт, что украинская историография «внедряет в массовое сознание ложный тезис о существовании этнического антагонизма между населением Галичины, Буковины, Подкарпатья (сегодняшней Западной Украины) и “москалями” (русскими)» [27: 46], подчёркивая, что большинство русинского населения Австро-Венгрии считало себя ветвью единого русского народа. В статье подробно изложен процесс гонения на русских галичан и буковинцев со стороны австро-венгерских властей накануне и в период Первой мировой войны, указывается, что массовый геноцид русинов был «первым Холокостом Европы XX века» [27: 50]. Говорится об активизации деятельности украинских националистов и их поддержке Австро-Венгрии [27: 50–51]. В статье «Русины в воспоминаниях участников Великой войны» С.Г. Суляка представлены воспоминания генералов, офицеров, солдат русской армии, в которых так или иначе выражено отношение к русинам Галичины и Буковины [26]. Игорь Буркут проанализировал особенности исторической памяти русинов о Первой мировой войне [4]. А.В. Сушко и Д.И. Петин рассматривают процесс обращения в православие военнопленных русинов в Омске в период Первой мировой войны [28]. Некоторые работы посвящены анализу русской периодической печати, так или иначе касающейся русинского населения [9; 32].

Между тем в настоящее время отсутствует какое-либо комплексное исследование, посвящённое русинскому вопросу, на страницах русской правоконсервативной печати периода Первой мировой войны. Данная статья призвана отчасти восполнить этот существенный пробел.

К концу августа – началу сентября 1914 г. территории Восточной Галиции, а затем и Буковины, принадлежавшие ранее Австро-Венгрии и заселенные в значительной степени русинами, были взяты русскими войсками. Русская периодическая печать, в том числе правоконсервативная, проявляла неподдельный интерес к истории, жизни русинов присоединённого края, рассматривала перспективы существования русинов.

Успешные военные действия в Восточной Галиции вызвали шквал публикаций в русской периодической печати, в том числе правоконсервативной, так или иначе касавшихся жизни местного населения. В них указывалось, что занятие русскими войсками Восточной Галиции положительно воспринималось простым населением. Так, газета «Колокол» (издатель – черносотенец В.М. Скворцов) писала: «Во Львове, в Галиче, в Черновицах наших воинов приветствуют, как давно жданных избавителей, как самых дорогих гостей, как родных братьев» [17]. Монархисты неизменно подчёркивали, что «для исхода всей войны победы в Галиции имеют первостепенное значение», когда «вновь на неизмеримую высоту поднялся русский орёл» [11].

История русинов. Значительная часть публикаций в правоконсервативных периодических изданиях посвящена истории русинского населения. Так, в статье из газеты органа Всероссийского Дубровинского Союза русского народа (ВДСРН) «Русское знамя» (издатель А.И. Дубровин) «Русская Галиция» отмечалось, что первоначально Галицию заселяло племя хорватов, но к X в. они исчезли; говорилось о том, что Владимир Святой завоевал Червонную Русь и присоединил её к киевским владениям, построил город Владимир-Волинский. Указывалось, что если при Святополке I поляки завладели Червонной Русью, то при Ярославе Мудром территория была вновь отвоёвана русскими, и русские князья рода Владимира Святого владели этими землями в течение четырёх столетий. После основания в XII в. князем Ярославом города Галича данная территория стала называться Галицией. Говорилось и о том, что большой вклад в развитие этой земли внесли Даниил Галицкий и его сын Лев, основавший город Львов; при этом отмечалось, что только в XIV в. Галиция потеряла самостоятельность. Далее делался следующий вывод: «Как же после этого не стать ей (Галиции. – Д.С.) снова, в пределах прежней Червонной Руси, под высокую руку Русских Царей?» [21].

«Вступление русских войск в Галицию возвращает нас к временам первых русских князей и знаменует наставшее время отобрания титула Юрия Львовича – “князя Лодимерии” от династии Габсбургов в титул Царя всея Великия, и Малыя и Белыя Руси», – пишет анонимный автор публикации [21].

В статье из черносотенной газеты «Земщина» (редактор С.К. Глинка-Янчевский) под названием «Буковина» кратко пересказывается история Буковины, отмечается, что эта территория «долгое время являлась ареною борьбы между соседними народами» [3].

В заметке «Борцы за Православие в Галиции» из «Почаевского листка» отмечалось, что Галиция «исторически несправедливо» попала под власть Австрии во времена раздела Польши. Далее в публикации излагается история этой земли и делается вывод о том, что, несмотря на ранний переход под непосредственную власть Польши, «православно-русское самосознание оказалось в ней ясным и сильным в момент провозглашения Брестской церковной унии (1596 г. – Д.С.)» [2: 5].

Стоит отметить, что «Почаевский листок», издававшийся в Почаевской лавре архимандритом Виталием (Максименко), являлся, по сути дела, рупором монархистов-черносотенцев Волыни, где поддержка императора и монархического движения в период с 1905 по 1914 г. была колоссальной. Тысячи крестьян Волыни записывались в черносотенный Союз русского народа. Не случайно именно в «Почаевском листке» регулярно публиковались статьи, в которых говорилось о заинтересованности русинов воссоединиться с русским миром и обратиться в православие.

Итак, практически все публицисты правоконсервативного направления разделяли тезис об общности истории великороссов, малороссов, белорусов, русинов Восточной Галиции и Буковины. Они обращали внимание на факты, связанные с пребыванием западно-русских земель в составе Древнерусского государства. В публикациях подчёркивалось, что с занятием этих территорий русскими войсками восстанавливается историческая справедливость, заканчивается затянувшийся процесс воссоединения русских земель под властью императора. В этой связи характерно замечание ультраправой газеты «Гроза» (издатель Н.Н. Жеденов), которая писала: «Единственный уголок Австро-Венгрии является чисто русским: южная часть Галиции с городами Львовым и Галичем и Угорская Русь. Присоединение их к России закончит собирание Русской Земли, начатое семьсот лет тому назад московскими князьями под покровительством Святого Великомученика Георгия Победоносца» [18: 3]. В Австро-Венгрии русины населяли Галицию (Восточную и часть Западной Галиции, т. н. Надсанье), Буковину, Угорскую Русь (Восточная Словакия, Подкарпатье, район Бачки и Срема) [25].

Культура русинов. Правоконсервативные периодические издания подробно описывали культурные особенности русинского населения в Восточной Галиции и Буковине. В газете «Русское знамя» была

опубликована серия статей, посвящённая Галиции. В первой статье из этой серии отмечается, что культура Галиции «представляет собою какую-то смесь польской, немецкой, мадьярской над коренным населением, состоящим из русского племени» [29]. В публикации отмечается, что из восьмимиллионного населения Галиции 43 процента составляли русины, говорится о том, что «русинами называются <...> русские, говорящие на древнем славянском языке, близком к малороссийскому» [29]. Издание утверждало, что «вся эта местность, омываемая реками Днестром и притоком Вислы – Саном, есть коренная русская страна, издревле населенная славянским племенем и притом только русскою его ветвью» [29]. В другой статье этой же газеты отмечалось, что «от русской Галиции должен быть отнят тот принудительный облик то польщизны, то неметчины, то мадьярщины, под которым галичане изнывали со времени потери Галициею своей политической самостоятельности» [21].

Анонимный автор публикации «Русская Галиция» из этого же издания отмечал, что поляки, которые смогли занять господствующее положение во Львове, навязывали местному населению свои обычаи и свою культуру, польский язык как обязательный. Однако, указывала газета, сами русины отрицательно воспринимают процесс ополячивания. Одновременно выражалась надежда на то, что Червонная Русь присоединится к России навсегда, отмечалась «твёрдость, с какою вводится русское управление, одновременно с коренными реформами местного управления Галиции в интересах русского многострадального народа», подчёркивалось, что «эта благая весть радостно встречена жителями этой древнерусской страны» [22].

Газета «Колокол» призывала освободить русинов от «чужеземной опеки» и «яда неметчины», считала необходимым, чтобы все русские оказали в этом деле посильную помощь галичанам [17].

Таким образом, авторы правоконсервативных периодических изданий высказывали мысль о том, что русины присоединённых к России территорий хотя во многом и сохранили культуру некогда единого русского народа, тем не менее испытали сильное влияние чуждых элементов, прежде всего польского и венгерского. Выдвигалась идея о необходимости избавления от нерусского влияния, фактически высказывалась мысль о проведении в жизнь идеи сближения русинской культуры с культурой великороссов.

Религиозная жизнь русинов. Особое внимание на страницах правоконсервативных периодических изданий уделялось религиозной жизни русинов, отмечалось, что униатство им было навязано силой. Подчёркивалось, что не все русины Австро-Венгрии были униатами. На Буковине они оставались православными.

Газета «Русское знамя» вспоминала знаменитый Мармарош-Сигетский процесс, в ходе которого были осуждены русины, пожелавшие перейти в православие [24: 182], и указывала: «Довольно вспомнить возмущивший всё православное население России угро-русский процесс, чтобы понять, в каком ужасающем уничтожении находилась Православная Вера в Австро-Венгрии!.. Не есть ли этот разгром двуединой монархии (в ходе начального этапа Первой мировой войны. – Д.С.) – возмездие за гонение на Веру?..» [13].

В статье «Русского знамени» под названием «Русская Галиция» отмечалось, что «нынешнее завоевание русскими Галиции застает в крае отчаянную борьбу русского православного народа за свою культуру» [22]. По словам автора статьи, русины, осознавая, что только православие может сохранить их от онемечивания или ополячения, давно были готовы перейти в православие, но из-за жёстких преследований со стороны австро-венгерских властей эта возможность была ограничена. Указывалось, что «с установлением русской власти в Галиции для русского народа настало время освобождения от ополячения и онемечивания» [22]. Издание подчёркивало, что сами местные жители в ходе воссоединения бывших австро-венгерских территорий в начале Первой мировой войны положительно воспринимали переход в православие.

На факты обращения униатов в православие обращала внимание и газета «Гроза», которая отмечала, что «галицийские русские, насильственно записанные в униатство, <...> по занятии русскими войсками городов и сёл переходят в православие, отправляясь с этою целью в Почаевскую лавру» [8: 3].

Как бы в подтверждение этого сообщения газета «Почаевский листок» в заметке о прибытии архиепископа Волынского и Житомирского Евлогия (Георгиевского) во Львов, в Успенском соборе которого он служил литургию и молебен, указывала, что оно воспринималось народом положительно: «Надолго останется в памяти у жителей древнего Львова приезд русского архиепископа, надолго останутся у них в памяти его архипастьерские речи, его беспримерная любовь и ласка» [10].

Н.Н. Иконников в статье «Борцы за Православие в Галиции» из «Почаевского листка» высказывал мысль о том, что галичане так или иначе пытались на протяжении многих веков отстаивать «ценою глубоких страданий» православие [2: 5]. Считая «исторически несправедливым» пребывание Галиции в составе Габсбургской монархии, автор отмечает, что, несмотря на поползновения поляков и австрийцев полностью разобщить галичан с остальным русским населением, полностью воплотить свои планы им не удалось. Еще в конце XVI в.,

к моменту заключения Брестской унии, «православно-русское самосознание» оказалось в Галиции «ясным и сильным» [2: 5].

Автор статьи обращал внимание на тот факт, что Галиция приняла унию позже остальных западнорусских областей, приняла её вынужденно, но во многом чисто формально. Подчёркивалось, что «исконный русский народ Галичины и под покровом унии оставался преданным Православной вере» [2: 6]. Делался вывод о том, что «греко-восточный церковный обряд и церковнославянский богослужебный язык при чистоте никогда не угасавшего пламени русского народного духа незримыми нитями связывали галицких подневольных униатов с великой православной русской семьёй» [2: 6]. Австрийские власти и польская элита, говорилось далее, при тесном участии римской курии объединились в «нежной дружбе» против всего «русско-православного» и травили всех, кто «только мыслит и чувствует себя русским» [2: 6–7]. В результате галичане, по словам Иконникова, незадолго до освобождения Галиции русскими войсками были вынуждены закапывать русские книги и даже иконы, дабы не быть расстрелянными за симпатию к России [2: 7]. В заключение публикации делался вывод о том, что «Белый Царь» принес галичанам «Свет Православия» и «великая Россия с любовью миллионов сердец православных простирает свои руки для братских объятий и шлёт лобзание о Христе братьям-галичанам» [2: 7].

В статье из «Почаевского листка» под названием «Австрийский плач по Галиции» [1: 15] говорилось, что «русский человек может быть только православным». Утверждалось, что если он принял унию, то уже не русский, а «мазепинец, предатель». Газета уверяла, что в рядах австрийских войск православные не сражались, а сражались только униаты, что сторонники Австрии из коренного населения являлись исключительно униатами. «Поэтому, – делала вывод газета, – уничтожить униатство есть первый шаг в деле обрусения Галиции». Необходимо, говорилось далее, «усиленно проповедовать среди галичан о возвращении в лоно Православной Церкви, так как, только перейдя в Православие, они станут русскими не только по крови, но и по духу» [1: 15].

Газета «Земщина» утверждала, что, в отличие от галицийских русинов, русины Буковины сохранили, «несмотря на четыре века подчинения то Венгрии, то Молдавии, то опять Австро-Венгрии, в полной неприкосновенности Православную, не униатскую, Веру и язык» [23]. Издание делало вывод, что тяготение местного населения к России ещё сильнее, чем в Галиции, и «в политическом отношении воссоединение с Россией нынешней русской Прикарпатской страны имеет значение громадное» [23].

Практически все правоконсервативные периодические издания писали о насильственном навязывании русинам унии и о том, что местное население, несмотря на формальное униатство, не утратило кровной связи с православием. Первостепенной задачей является переход русинов из униатства в православие и воссоединение в религиозном смысле со всем многочисленным русским народом. При этом отмечалось, что «воссоединение с Россией» Буковины в виду сохранения её жителями православия представляется более простой задачей, чем сближение с русским миром Галиции.

Общественно-политическая жизнь русинов. В ряде публикаций правоконсервативных газет второй половины 1914 г. говорилось о том, что местное население Восточной Галиции к моменту её занятия русскими войсками уже было готово к борьбе с австрийско-польской элитой. «Земщина» утверждала, что «первые проблески национального самосознания» у галичан имели место ещё в 1840-х гг. [31]. Подчёркивалось, что простое население «инстинктивно тянется» к представителям русской власти, «ища у них освобождения от сложившихся социальных отношений в восточной Галиции» [31].

В «Русском знамени» отмечалось, что население Галиции разнородное – на северо-западе, около Кракова, преобладают поляки, а в южной и восточной Галиции оно «состоит из русского народа» [30]. В статье говорилось о том, что в результате военных действий вся масса учебных заведений Галиции «стала теперь собственностью русского народа» [30]. Автор публикации подчёркивал, что Российская империя получила «большое достояние» и «богатство», которое оправдывает военные расходы. К тому же «присоединён не чужой народ, а свой кровный, долго ждавший своё избавление от чужеземного ярма» [30].

Газеты сообщали об активизации общественной жизни русинов после занятия Галиции русскими войсками. Весной 1915 г. в «Русском знамени» отмечалось, что «во многих сёлах и городах Галичины, по просьбе местных русских жителей, открываются, по распоряжению архиепископа Евлогия, церковно-приходские школы» [6], а в Петрограде, в Свято-Владимирской церковно-учительской школе, велась подготовка учителей для галицких русинов, на курсы прибыло 50 человек [6].

Авторы рассмотренных публикаций отмечали негативное влияние на местное население австрийцев и поляков и связывали дальнейшее развитие общественной жизни русинов с включением их в состав Российской империи. Правоконсервативная печать выражала надежду, что с освобождением Восточной Галиции и Буковины от австрийского владычества общественная жизнь русинского населения выйдет на более высокий уровень.

Русинско-польские и русинско-австрийские отношения. Поляки и австрийцы правоконсервативными публицистами определялись как исконные враги русинов. Отсюда крайне негативное отношение к ним. В многочисленных публикациях приводились факты зверств, учинённых австрийскими властями против русинского населения как в предвоенные годы, так и в начале войны. Газета «Московские ведомости» (редактор – черносотенец Б.В. Назаревский) с удовлетворением сообщала, что униатский митрополит Андрей (Шептицкий) арестован русскими властями и отправлен в Киев, где «должен ответить за судьбу тех 6 000 обездоленных галицко-русских семейств, кормильцы которых арестованы австрияками по доносу и указаниям его мазепинских приспешников и либо повешены, либо вывезены в Линц в тирольские казематы» [14]. В газете «Земщина» подробно рассказывалось об австрийских шпионах, обнаруженных в Восточной Галиции после её занятия русскими войсками [19]. Газета «Русское знамя» весной 1915 г. описывала, как австрийские войска во время перехода ряда галицийских селений из рук в руки дочиста обобрали местное население, многих угнали на юг Австро-Венгрии, а заподозренных в русофильстве повесили. В марте 1915 г., отступая, австрийцы не щадили никого [5]. Газеты писали об экономических притеснениях галичан со стороны австрийских властей, которые поставили во главе кредитных учреждений «мазепинцев и жидов» [1: 16].

Таким образом, польская элита, австрийские власти и евреи рассматривались как единый конгломерат «исконных врагов» русинов. Соответственно, в ходе процесса воссоединения русинов с Российской империей ставилась задача преодоления австро-венгерского, польского и еврейского влияния на новых территориях. Особое внимание обращалось на развитие преподавания на русском языке. «Почаевский листок» возмущался, что местное русинское наречие было сильно искажено «немецкими, венгерскими, жидовскими и польскими словами» [1: 16]. Издание полностью одобряло в этой связи учреждение российским правительством курсов русского языка для местных учителей [1: 16], а также указывало, что русское правительство должно изгнать с новых территорий всё «насильственно навязанное за семисотлетнее отчуждение от русского племени». Не случайно, отмечалось в статье, оно направило в Восточную Галицию чиновников «для выяснения тех сторон галицкого быта, которые могут препятствовать духовному объединению древней окраины с коренной Русью» [1: 15].

Русины и «мазепинство». Особое внимание на страницах правоконсервативной прессы уделялось «украинству» или, как обычно писали в те времена, «мазепинству». Безусловно, все правоконсер-

вативные издания резко осуждали это явление, считая его не просто порочным, но крайне вредным. Высказывалась идея, что украинский сепаратизм специально взращивался австро-венгерскими властями на подконтрольных им территориях. Используя некоторые отличия в языке русинов от языка остальных русских, а также навязанную извне унию, пропагандисты «мазепинства» постепенно распространили свои идеи и на соседнюю Малороссию, давно вошедшую в состав Российской империи, но «страстно желанную для швабов (т. е. австрийцев. – Д.С.)» [1: 16]. «Русское знамя» утверждало, что, используя языковые и религиозные особенности русинов, в Галиции «удалось швабам зародить того уroda, который именуется мазепинщиной» [29].

Неоднократно подчёркивалось, что австрийцы, польские «соколы» и «украинцы» действуют заодно; в частности, когда русские войска занимали Восточную Галицию, «соколы» и «мазепинцы» устанавливали на колокольнях костёлов и церковей пулемёты и обстреливали в тыл русские отряды из-за угла [19].

Нередко встречались утверждения о том, что к «украинству» принадлежат исключительно католики и униаты, а к малороссам – исключительно православные. Подобный подход был характерен в особенности для крайне правых периодических изданий («Почаевский листок», «Гроза») [8].

Развернутую характеристику «украинства» дала на своих страницах газета «Сусанин», орган Красноярского отдела Союза русского народа. В статье «Оковы сорваны!» утверждалось, что если галицийские крестьяне (вне зависимости от религиозной принадлежности) отвергали «мазепинские» идеи и были готовы сближаться с Россией, то «фанатически настроенная учащаяся молодёжь, сумбурно-взбалмошная и готовая на всякие эксцессы, и карьеристы, для которых тёплые местечки и тепло раздаваемые субсидии австрийского правительства служили главной приманкой», являлись локомотивом «украинства». К adeptам «мазепинства» газета «Сусанин», безусловно, относила и униатское духовенство. Издание высказывало опасение, что в ходе процесса слияния занятых территорий с Россией указанные элементы займут приспособленческую позицию и попытаются формально стать «русскими» [15]. Впрочем, газета так и не выдвинула конкретных предложений, как следовало бы бороться с этим явлением.

Преодоление «украинства» на новых территориях можно было осуществить, по мнению публицистов, путём ограничения позиций униатства. В этой связи «Почаевский листок» считал, что униаты не должны приниматься властями на государственную службу ни в Галиции, ни на юге России, а «на первом месте должен находиться православный галичанин» [1: 15].

Будущее русинов в составе Российской империи. Правоконсервативные публицисты и политики в газетных и журнальных публикациях размышляли о будущем русинов. Газета «Русское знамя» сообщала, что депутация представителей интеллигенции Восточной Галиции обратилась 9–10 сентября к генерал-губернатору Прикарпатских земель графу Г.А. Бобринскому по вопросу о будущем управлении Галицией. Правда, издание не раскрывает содержание этих планов, но подчёркивает, что эта территория на тот момент считалась «фактически уже присоединённой к России» [30]. Так или иначе, как отмечалось в другой публикации этой же газеты, «Русская Галиция должна получить свободу своего национального самоопределения, как ветвь великого русского племени» [21].

«Почаевский листок» возмущался позицией петроградской либеральной газеты «Речь», которую, как утверждало правоконсервативное издание, тревожило «стремление России сделать галичан православными и покончить с католической унией» [1: 15]. Соответственно, как мы уже отмечали, будущее русинов виделось почаевским монархистам исключительно в лоне Православной церкви. Важное место в планах, касающихся будущего устройства общественной и религиозной жизни русинов, уделялось не только церковной организации, но и системе образования. Подчёркивалось, что местные учебные заведения должны существовать и развиваться в рамках единой русской культуры.

В первой половине 1915 г. количество публикаций в правоконсервативных изданиях, посвящённых русинам, заметно уменьшилось. Среди них стали преобладать сообщения о налаживании хозяйственной жизни в Галиции (организация прокурорского надзора [20], открытие бакалейных лавок [16]), о культурно-просветительской деятельности. К примеру, «Земщина» 9 июня 1915 г. писала, что для галичан, слушателей учительских курсов, были организованы экскурсии в старинные русские города, в том числе в Новгород [33]. Подробно описывались военные действия в Галиции [7]. Особняком стоит заметка в газете «Колокол» (9 июня 1915 г.), посвящённая событиям, связанным с Великим отступлением и оставлением русскими Галиции. С горестью автор статьи отмечает, что «на бедном галицком мужике празднуют мадьяры и немцы свою временную удачу», говорится о небывалой жестокости, с помощью которой противники пытались очистить занятые территории от «москофильского» духа [12]. В заключение подчёркивается, что хотя Галиции «приходится много и долго страдать», но рано или поздно «Россия утрёт её слёзы» и отомстит [12].

Подведём некоторые итоги. Правоконсервативные периодические издания, писавшие исключительно о русинах Восточной Галиции (Гали-

чины), рассматривали их как одну из ветвей единого русского народа. Языковые и религиозные особенности (униатство) рассматривались ими как привнесённые извне, навязанные поляками, австрийцами, венграми, евреями и другими народами, среди которых русинам приходилось существовать. Все без исключения правоконсервативные периодические издания считали идеи «украинства» искусственно навязываемыми русинам австро-венгерскими властями и поляками, «исконными врагами» русского народа, при этом крайне правые издания («Почаевский листок», «Гроза»), в отличие от более умеренных («Земщина»), считали практически всех без исключения «мазепинцев» униатами либо католиками, а также использовали более жёсткую лексику по отношению к католикам, униатам, евреям, полякам, австрийцам. Правоконсервативные издания, несмотря на разногласия по ряду других вопросов, в отношении судьбы русинов и их будущего в составе Российской империи проявляли редкое единодушие. Некоторые различия можно наблюдать только в стилистике материала (более частое использование слова «жид» в «Почаевском листке», чем в остальных изданиях, и т. д.). Будущее русинов на занятых русскими войсками в августе–сентябре 1914 г. территориях рассматривалось исключительно в составе Российской империи. Ставилась задача сближения русинов с остальным русским миром, для чего предлагались меры, связанные с обращением в православие и ограничением позиций униатства, с преподаванием на литературном русском языке, с ликвидацией польского помещичьего землевладения. Великое отступление Русской императорской армии 1915 г. и последующие трагические события поставили крест на этих проектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Австрийский плач по Галиции // Почаевский листок. 1914. 22 декабря. № 43–44. С. 15–16.
2. Борцы за Православие в Галиции // Почаевский листок. 1914. 22 декабря. № 43–44. С. 5–7.
3. Буковина // Земщина. 1914. 6 сентября. № 1775. С. 2.
4. Буркут И. Первая мировая война в исторической памяти галичан и буковинцев // Русин. 2010. № 1 (19). С. 97–112.
5. Вести из Галиции. Галицкие крестьяне // Русское знамя. 1915. 6 мая. № 101. С. 2.
6. Вести из Галичины // Русское знамя. 1915. 8 мая. № 103. С. 2.
7. Дневник войны. В Галиции // Колокол. 1915. 7 июня. № 2724. С. 2.
8. За день // Гроза. 1914. 17 сентября. № 628. С. 3.
9. Зиновьев В.П., Казаков В.В. Журнал «Славянский век» о положении руси-

- нов Галиции в конце XIX – начале XX в. // Русин. 2016. № 1 (43). С. 120–127. DOI: 10.17223/18572685/43/8
10. Из Львова // Почаевский листок. 1914. 22 декабря. № 43–44. С. 12.
11. Камский С. На перевале // Московские Ведомости. 1914. 11 (24) сентября. № 210. С. 1.
12. Киевлянин. Мученица за Русь // Колокол. 1915. 9 июня. № 2725. С. 1.
13. Обзор печати // Русское знамя. 1914. 28 августа. № 193. С. 4.
14. Обозреватель. Среди газет // Московские ведомости. 1914. 12 (25) сентября. № 211. С. 1.
15. Оковы сорваны! // Сусанин. 1914. 7 сентября. № 1465. С. 1.
16. Организация дешевых бакалейных лавок в Галиции // Русское знамя. 1915. 9 апреля. № 79. С. 2.
17. Освобождение от чужеземной опеки // Колокол. 1914. 4 сентября. № 2500. С. 1.
18. Петроград, 17 сентяб[ря] 1914 г. // Гроза. 1914. № 628. 17 сентября. С. 2–3.
19. «Подвиги» мазепинцев // Земщина. 1914. 10 сентября. № 1778. С. 4.
20. Прокурорский надзор в Галиции // Сусанин XX века. 1915. 15 марта. № 1. С. 2.
21. Русская Галиция // Русское знамя. 1914. 19 сентября. № 211. С. 2.
22. Русская Галиция // Русское знамя. 1914. 23 сентября. № 214. С. 2.
23. Собрание Руси // Земщина. 1914. 2 сентября. № 1771. С. 3.
24. Стогов Д.И. Русинская проблематика в трудах русских консерваторов конца XIX – начала XX в. // Русин. 2022. № 67. С. 174–187. DOI: 10.17223/18572685/67/10
25. Суляк С.Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16
26. Суляк С.Г. Русины в воспоминаниях участников Великой войны // Русин. 2016. № 2 (44). С. 73–92. DOI: 10.17223/18572685/44/6
27. Суляк С.Г. Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.
28. Сушко А.В., Петин Д.И. Борьба за «Подъяремную Русь»: переход в православие военнопленных русинов в Омске (1915–1917) // Русин. 2021. № 65. С. 99–114. DOI: 10.17223/18572685/65/6
29. У соседей. Галиция // Русское знамя. 1914. 17 сентября. № 209. С. 2.
30. У соседей. Галиция // Русское знамя. 1914. 21 сентября. № 213. С. 2.
31. Ценное признание // Земщина. 1914. 31 августа. № 1769. С. 3.
32. Шевелев Д.Н., Конев К.А. «За Россию и за общее дело славянства»: официальная и проправительственная печать белой Сибири о формировании на её территории карпаторусских воинских частей // Русин. 2015. № 4 (42). С. 143–167. DOI: 10.17223/18572685/42/111
33. Экскурсия галичан // Земщина. 1915. 9 июня. № 2035. С. 4.

REFERENCES

1. *Pochaevskiy listok*. (1914a) Avstriyskiy plach po Galitsii [The Austrian lament for Galicia]. 22th December. p. 15–16.
2. *Pochaevskiy listok*. (1914b) Bortsy za Pravoslavie v Galitsii [Fighters for Orthodoxy in Galicia]. 22th December. p. 5–7.
3. *Zemshchina*. (1914a) Bukovina. 6th September. p. 2.
4. Burkut, I. (2010) Pervaya mirovaya voyna v istoricheskoy pamyati galichan i bukovintsev [The First World War in the historical memory of Galicians and Bukovinians]. *Rusin*. 1(19). p. 97–112 (in Russian).
5. *Russkoe znamya*. (1915a) Vesti iz Galitsii. Galitskie krest'yane [News from Galicia. Galician peasants]. 6th May. p. 2.
6. *Russkoe znamya*. (1915b) Vesti iz Galichiny [News from Galicia]. 8th May. p. 2.
7. *Kolokol*. (1915) Dnevnik voyny. V Galitsii [War diary. In Galicia]. 7th June. p. 2.
8. *Groza*. (1914a) Za den' [During the day]. 17th September. p. 3.
9. Zinoviev, V.P. & Kazakov, V.V. (2016) Magazine "Slavic Century" on the situation of the Ruthenians of Galicia in the late 19th – early 20th centuries. *Rusin*. 1(43). pp. 120–127 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/43/8
10. *Pochaevskiy listok*. (1914c) Iz L'vova [From Lviv]. 22th December. p. 12.
11. Kamskiy, S. (1914) Na perevale [On the pass]. *Moskovskie Vedomosti*. 11th September. p. 1.
12. Kievlyanin. (1915) Muchenitsa za Rus' [Martyr for Russia]. *Kolokol*. 9th June. p. 1.
13. *Russkoe znamya*. (1914a) Obzor pechati [Press Review]. 28th August. p. 4.
14. Obozrevatel'. (1914) Sredi gazet [Among the newspapers]. *Moskovskie vedomosti*. 12th September. p. 1.
15. *Susanin*. (1914) Okovy sorvany! [The shackles are broken!]. 7th September. p. 1.
16. *Russkoe znamya*. (1915c) Organizatsiya deshevykh bakaleynykh lavok v Galitsii [Organization of cheap grocery stores in Galicia]. 9th April. p. 2.
17. *Kolokol*. (1914) Osvobozhdenie ot chuzhezemnoy opeki [Release from foreign guardianship]. 4th September. p. 1.
18. *Groza*. (1914a) Petrograd, 17 sentyab[rya] 1914 g. [Petrograd, September 17, 1914]. 17th September. p. 3.
19. *Zemshchina*. (1914b) "Podvigi" mazepintsev ["Feats" of Mazepintsy]. 10th September. p. 4.
20. *Susanin XX veka*. (1915) Prokurorskiy nadzor v Galitsii [Prosecutor's supervision in Galicia]. 15th March. p. 2.
21. *Russkoe znamya*. (1914b) Russkaya Galitsiya [Russian Galicia]. 19th September. p. 2.
22. *Russkoe znamya*. (1914c) Russkaya Galitsiya [Russian Galicia]. 23th September. p. 2.

23. *Zemshchina*. (1914c) Sobiranie Rusi [Gathering of Russia]. 2th September. p. 3.
24. Stogov, D.I. (2022) The Rusin agenda in the works of Russian Conservatives of the late 19th – early 20th century. *Rusin*. 67. p. 174–187 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/67/10
25. Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. p. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16
26. Sulyak, S.G. (2016) Rusins in the memoirs of the participants of the Great War. *Rusin*. 2(44). p. 73–92 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/44/6
27. Sulyak, S.G. (2006) *Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i russkoy smuty* [Rusyns during the First World War and the Russian Smuta]. *Rusin*. 1(3). p. 46–65 (in Russian).
28. Sushko, A.V. & Petin, D.I. (2021) The Struggle for “The Enslaved Rus”: Conversion of Rusin Prisoners of War to Orthodoxy in Omsk (1915–1917). *Rusin*. 65. p. 99–114 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/65/6
29. *Russkoe znamya*. (1914d) U sosedey. Galitsiya [At neighbors. Galicia]. 17th September. p. 2.
30. *Russkoe znamya*. (1914e) U sosedey. Galitsiya [At neighbors. Galicia]. 21th September. p. 2.
31. *Zemshchina*. (1914d) Tsennoe priznanie [Valuable recognition]. 31th August. p. 3.
32. Shevelev, D.N. & Konev, K.A (2015) “For Russia and for the Slavdom”: the official and pro-governmental press of the White Siberia on the formation of Carpatho-Russian military units on its territory. *Rusin*. 4(42). p. 143–167 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/11
33. *Zemshchina*. (1915) Ekskursiya galichan [Excursion of Galicians]. 9th June. p. 4.

Стогов Дмитрий Игоревич – доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина) (Россия).

Dmitrii I. Stogov – St. Petersburg State Electrotechnical University (Russia).

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

УДК 94(47)084.3(571)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/8

К истории международной деятельности Центрального Карпаторусского совета в Сибири (1919 г.)*

К.А. Конев

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Авторское резюме

Осенью 1918 г. на востоке России был создан Центральный Карпаторусский совет (ЦКС), целью которого провозглашалось освобождение Галицкой, Буковинской и Угорской Руси «из-под австро-мадьярского ига» и воссоединение их с Россией. Руководители организации, поддержавшие антибольшевистское движение, ставили задачи по осведомлению населения России и руководства стран Антанты и США о своих намерениях. Руководством ЦКС были предприняты попытки повлиять на процесс выработки и принятия решений о дальнейшей судьбе Прикарпатских земель участниками Мирной конференции в Париже. Одной из таких попыток стала отправка делегации в США и в Европу в составе трех представителей – Семёна Юрьевича Бендасюка (1877–1965), Михаила Емельяновича Сохоцкого (1878–1962) и Ильи Ивановича Цероха (Тёроха) (1880–1942). В работе осуществляется реконструкция хода миссии и оценка её последствий, что позволит осветить один из малоизвестных эпизодов международной деятельности ЦКС, а также детализировать биографии участников поездки. Использована переписка между сотрудниками Министерства иностранных дел Российского правительства адмирала А.В. Колчака и членами Центрального Карпаторусского совета, хранящаяся в фондах Государственного архива РФ. Отмечается, что миссия карпаторусских делегатов не была успешной в силу комплекса причин, связанных с ходом самой поездки и международной конъюнктурой. С трудом преодолевая проблемы с финансированием и транспортом, карпаторуссы оказались также зависимы от факторов, на которые не могли повлиять, – исхода

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Гражданской войны в России и решений руководства стран Антанты и США.

Ключевые слова: Центральный Карпаторусский совет, Семён Юрьевич Бендасюк, Михаил Емельянович Сохоцкий, Илья Иванович Церох (Тёрох), Первая мировая война, Гражданская война в России.

On the history of the international activity of the Central Carpatho-Russian Council in Siberia (1919)*

Kirill A. Konev

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Abstract

In the autumn of 1918, the Central Carpatho-Russian Council was created in eastern Russia with the goal to liberate Galician, Bukovina, and Ugric Rus "from under the Austro-Magyar yoke" and reunify them with Russia. The leaders of the organization, who supported the anti-Bolshevik movement, set the task of informing the population of Russia and the leadership of the Entente countries and the USA about their intentions. They attempted to influence the decision-making process related to the future fate of the Carpathian lands by the participants of the Peace Conference in Paris. One of these attempts was to send to the USA and Europe a delegation of three representatives – Semyon Bendasyuk (1877–1965), Mikhail Sokhotzky (1878–1962), and Ilya Tziorough (1880–1942). This article aims at reconstructing the course of the mission and assessing its consequences, which will allow highlighting an understudied episodes of the international activities of the Central Carpatho-Russian Council and detailing the biographies of the delegation participants. The main source for the study was the correspondence between employees of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian government, Admiral Alexander Kolchak and members of the Central Carpatho-Russian Council from the funds of the State Archive of the Russian Federation. The author concludes that the mission of the Carpatho-Russian delegates failed due to a complex of reasons related to the course of the trip itself as well as the international situation.

* The results are received under the state task of the Ministry of Education and Science of Russia, Project No. 0721-2020-0042..

Struggling through financial and transportation difficulties, the Carpatho-Russians also turned out to be dependent on factors that they could not influence – the results of the Civil War in Russia and the decisions of the Entente countries and the United States.

Keywords: Central Carpatho-Russian Council, Semyon Yuryevich Bendasyuk, Mikhail Emelyanovich Sokhotzky, Ilya Ivanovich Tserokh (Torokh), World War I, Russian Civil War.

Распад Австро-Венгрии по итогам Первой мировой войны поставил вопрос о дальнейшей судьбе её восточных регионов – Галиции, Буковины и Угорской Руси, населённых карпатскими русинами (карпаторуссами). Будущее Прикарпатской Руси зависело от решений стран Антанты и США, политики образованных на развалинах двуединой монархии независимых государств (в частности Польши и Чехословакии), а также действий политических центров, выражавших интересы самих карпаторуссов. Политически активные уроженцы Прикарпатской Руси разрабатывали и отстаивали различные проекты национального строительства. Представители русского движения рассматривали карпаторуссов как одну из ветвей «большой русской нации», в то время как сторонники украинского проекта, считали жителей Прикарпаття частью украинского народа [10: 175].

Центрами консолидации и выражения интересов русинов стали их политические организации непосредственно на территории Карпатской Руси, где часть политиков тяготели к России, и в США, где существовала многочисленная диаспора, лидеры которой выступали в конце 1918 г. за присоединение к Чехословакии. В период Первой мировой войны, а затем революционных событий 1917 г. и Гражданской войны несколько десятков тысяч карпаторуссов оказались в России [1: 118; 13: 53]. Это были как беженцы, отступившие вместе с русскими войсками из Галиции, так и военнопленные, ранее служившие в австрийской армии. Центрами самоорганизации карпаторуссов стали сначала Ростов-на-Дону, куда переместился из Львова Русский народный совет Прикарпатской Руси, затем Челябинск, в котором работал Союз освобождения Прикарпатской Руси, а в октябре 1918 г. состоялся съезд уроженцев Прикарпатской Руси. На Съезде был принят устав Карпаторусской центральной организации, исполнительным органом которой стал Центральный Карпаторусский совет (ЦКС) под председательством А.В. Копыстьянского. Целью ЦКС провозглашалось освобождение Галицкой, Буковинской и Угорской Руси «из-под австро-мадьярского ига» и воссоединение этих земель с Россией [14].

Процесс формирования и основные направления деятельности ЦКС на востоке России неоднократно рассматривались в работах ряда исследователей. Отдельные публикации посвящены деятельности

А.В. Копыстьянского в Сибири [1]; анализу взаимоотношений между карпаторусской организацией и Правительством А.В. Колчака [9; 13; 16]; изучению мобилизационных и пропагандистских кампаний, осуществлявшихся лидерами карпаторуссов и антибольшевистских сил [17]; рассмотрению внешнеполитической активности карпаторусских организаций в контексте послевоенного урегулирования на мирной конференции в Париже [10; 15]. Тем не менее в истории деятельности ЦКС на востоке России остается немало белых пятен, связанных в том числе и с внешнеполитической работой организации.

Стремясь к достижению своей главной цели, руководители ЦКС ставили задачи по осведомлению населения России и других стран о своих намерениях, а также установлению контактов с зарубежными и российскими организациями, способными оказать им поддержку [14]. Совет выступил в поддержку Правительства адмирала А.В. Колчака, провозглашавшего идею «единой и неделимой России». С данным лозунгом были связаны надежды на освобождение Прикарпатской Руси и воссоединение её с Россией [15: 73]. Карпаторуссы в Сибири пристально следили за начавшейся в январе 1919 г. работой Парижской мирной конференции, которая должна была в числе прочего решить судьбу Прикарпатской Руси. Вместе с тем руководством ЦКС были предприняты попытки повлиять на процесс выработки и принятия решений по данному вопросу участниками мирной конференции.

Одной из таких попыток стала отправка делегации в США и на мирную конференцию в Париж в составе трех представителей – Семёна Юрьевича Бендасюка (1877–1965), Михаила Емельяновича Сохоцкого (1878–1962) и Ильи Ивановича Цероха (Тёроха) (1880–1942). Целью данной работы является реконструкция хода миссии и оценка её последствий, что позволит осветить один из малоизвестных эпизодов международной деятельности ЦКС, а также детализировать биографии участников данной поездки, являвшихся видными представителями карпаторусского движения. Основным источником для исследования стала переписка между сотрудниками Министерства иностранных дел Российского правительства адмирала А.В. Колчака и членами Центрального Карпаторусского совета, хранящаяся в фондах Государственного архива РФ.

Члены карпаторусской делегации, выехавшие из Омска на Дальний Восток, были охарактеризованы генерал-лейтенантом Г.Д. Романовским¹, встретившим их во Владивостоке в первой половине февраля, как «испытанные защитники русской идеи, отстаивавшие её при самых тяжелых условиях» [3: 33]. Все трое имели большой опыт работы в различных русинских организациях и проявили себя как активные сторонники воссоединения земель Прикарпатья с Россией.

Семён Юрьевич Бендасюк родился в селе Скоповка Тлумачского уезда в крестьянской семье. После окончания гимназии в Коломые обучался на юридическом факультете Львовского университета. В 1910–1912 гг. состоял в просветительском Обществе имени Михаила Качковского и работал в газете «Прикарпатская Русь». С.Ю. Бендасюк получил известность, в том числе и в России, после так называемого Процесса Бендасюка и товарищей, состоявшегося во Львове в марте–июне 1914 г. Обвинённые австро-венгерскими властями в шпионаже и измене представители русского движения, среди которых также были М. Сандович, И. Гудима и В. Колдра, были оправданы судом присяжных. После этого С.Ю. Бендасюк переехал в Россию и принял православие в Харькове. В период Первой мировой войны он участвовал в оказании помощи беженцам из Галиции, а после занятия русскими войсками Львова вернулся в город и работал в Русском народном совете Прикарпатской Руси (ранее – Галицкий народный совет) и в редакции газеты «Прикарпатская Русь». Отступление русских войск вынудило С.Ю. Бендасюка вернуться в Россию и через Ростов-на-Дону выехать на восток страны [6: 74–78].

Доктор Михаил Емельянович Сохоцкий родился в Нижанковичах. Работал адвокатом, занимался общественной и публицистической деятельностью. В июле 1914 г. выехал в Киев, избежав, таким образом, ареста австрийскими властями. Состоял в Карпаторусском освободительном комитете и являлся секретарем в Галицком народном совете по выборам на 1914 г. [11: 8, 15]. Также являлся членом Ставропигийского бравства и Общества имени Михаила Качковского [8].

Илья Иванович Церох (Тёрох) родился в крестьянской семье в селе Колбаевичи Рудецкого уезда в Галичине. Обучался в Ставропигийской бурсе и русской гимназии во Львове. С юности занимался музыкой и пением, также увлекся собиранием этнографических материалов – народных песен, обычаев и преданий. После окончания гимназии, в 1899 г. стал настоятелем бursы и регентом церковного хора. Обучался в Львовской консерватории и на юридическом факультете Львовского университета. В студенческие годы активно работал в молодежных обществах «Друг» и «Муза», занимался просветительской деятельностью среди крестьян, был избран секретарём Народного совета Прикарпатской Руси. Вплоть до 1914 г. И.И. Церох являлся редактором газеты «Голос народа», выступавшей с пророссийских позиций. Выехав в 1914 г. с женой в Швейцарию, он чудом избежал ареста австрийскими властями после начала боевых действий и смог прибыть во Львов лишь после занятия его русскими войсками. Однако в 1915 г. в связи с отступлением русских частей И.И. Церох вынужден

был отправиться в Россию – сначала в Киев, затем Ростов-на-Дону [12: 10, 19, 27–29].

Как отмечал эмигрантский поэт Г.В. Голохвастов в предисловии к поэме И.И. Цероха «Сварог», он и его спутники – С.Ю. Бендасюк и М.Е. Сохоцкий – весной 1918 г. получили поручение Русского народного совета Прикарпатской Руси выехать в США для организации Русского народного Карпаторусского совета [12: 29]. При этом о поездке в Париж автор не упоминал.

Из содержания переписки между делегатами-карпаторуссами и чиновниками Омского правительства следует, что в задачи поездки входило прибытие в США, организация кампании в прессе в пользу вхождения Прикарпатской Руси в состав России, а также выезд в Париж для участия в работе мирной конференции. Приехав во Владивосток предположительно в первую неделю февраля 1919 г., карпаторуссы сообщили в Омск о недостатке средств и запросили материальную помощь, также обратившись за поддержкой к генерал-лейтенанту Г.Д. Романовскому. Тот в свою очередь в телеграмме начальнику штаба Верховного главнокомандующего подчеркивал, что карпаторуссы намерены вести агитацию «против украинцев в пользу присоединения к России Галиции и Буковины» и «в виду чрезвычайной важности для нас ослабить в Америке и Париже домогательства украинцев считал бы настоятельно необходимым помочь этой поездке» [3: 33]. При этом генерал, просивший выделить от 5 до 10 тыс. долларов, указывал на необходимость обеспечения секретности при выдаче субсидий, «дабы украинофилы не могли заблаговременно парализовать эти предложения» [3: 34].

В завязавшейся переписке с Министерством иностранных дел в Омске карпаторуссы при участии Г.Д. Романовского просили ускорить отправку материальной помощи [3: 35, 37, 40]. Делегаты телеграфировали о том, что ими было получено разрешение Вашингтона на въезд в США, при этом планировалось поехать одному в Америку, а другому в Париж «спасти общее дело» [3: 38].

Управляющий МИДом И.И. Сукин в ответных телеграммах уведомлял, что приняты необходимые меры для выделения средств. Чиновник 17 февраля сообщил И.И. Цероху о переводе денег во Владивосток, пожелав «счастливого пути и счастливого достижения намеченных Вами заданий» [3: 41]. Исполняющий должность советника 2-го политического отдела МИДа В.И. Язвицкий в секретной записке испрашивал разрешения И.И. Сукина выделить на нужды карпаторуссов во Владивостоке 50 тыс. рублей. С этим управляющий согласился, поставив свою резолюцию 24 февраля 1919 г. Решение о телеграфном переводе соответствующей суммы

И.И. Цероху до востребования было доведено до первого департамента Министерства [5: 64], после чего 27 февраля В.И. Язвицкий телеграфировал представителю правительства во Владивостоке В.О. Клемму о переводе денег через вице-директора кредитной канцелярии Минфина М.С. Капущевского с целью передачи их в американской валюте И.И. Цероху [5: 65]. Последнему также было сообщено о необходимости обратиться к В.О. Клемму для получения средств [5: 66].

Тем временем в середине февраля 1919 г. в Париж прибыл Д.А. Марков, который представил участникам конференции Сянокский меморандум о воссоединении карпаторусских областей с Россией. Также ему удалось установить контакты с прибывшими из США П.М. Дзвончиком и П.П. Гаталяком. В результате был создан «Карпаторусский комитет в Париже» под председательством Д.А. Маркова [10: 180]. Очевидно, выехавшие из Сибири делегаты, должны были действовать сообща с русинами, развернувшими свою деятельность в Париже.

Однако с началом марта переписка по поводу выдачи денег всё ещё продолжалась; так, 3 марта в МИДе была принята телеграмма от В.О. Клемма, который просил срочно сообщить, какую сумму надлежит выдать И.И. Цероху [5: 69]. Затем уже сам И.И. Церох телеграфировал в Министерство о том, что М.С. Капущевский отказывался выдавать средства без разрешения из Омска [5: 70]. После соответствующего распоряжения из центра [5: 73] средства наконец были получены. Но выезд затягивался, поскольку лишь 20 марта И.И. Церох отправил в Омск через генерала Г.Д. Романовского телеграмму следующего содержания, полученную в МИДе 24 числа: «На днях уезжаем, прошу рекомендовать наши три фамилии Русским Посольствам [в] Вашингтоне [и] Париже, чтобы оказали нам возможную помощь и доверие. Полученная нами сумма из-за курса не хватает на переезд [в] Америку [и] Париж. Осмеливаюсь просить о скорейшем исходатайствовании дальнейших средств и переводе их на мое имя [в] Русское Посольство [в] Вашингтоне» [5: 79]. На следующий день также через генерала Г.Д. Романовского карпаторуссам была передана телеграмма с инструкциями от А.В. Копыстянского, который указывал на необходимость установления контактов в Вашингтоне с российским поверенным в делах С.А. Угетом и через него с Омским правительством. Также председатель ЦКС считал желательным получить средства на поездку в Париж от карпаторусских организаций в Америке и сообщал о телеграмме Карпаторусского совета Д.А. Маркову [5: 81]. В данной телеграмме, отправленной С.Д. Сазонову 20 марта, сообщалось о формировании подчиняющихся Омску

карпаторусских войск, проведении в апреле Второго Карпаторусского съезда и поездке Бендасюка, Цероха и Сохоцкого [5: 78].

Причину задержки во Владивостоке впоследствии объяснил И.И. Церох в своём письме от 20 июня 1919 г. из Иокोगамы. После получения денег приобрести валюту сразу не получилось из-за падения курса рубля. По совету М.С. Капущевского, делегаты выждали неделю в надежде на укрепление рубля, однако курс «настолько ухудшился, что долгое время совсем нельзя было получить валюты». Обменять деньги удалось лишь с приездом ещё одного омского чиновника – А.А. Никольского. Стоимость доллара составила 18,50 руб., иены – 12,50 руб. [4: 50]. Следовательно, после манипуляций по обмену на руках у карпаторуссов могло оказаться всего около 2 700 долларов или 4000 иен.

Тем временем омские чиновники подготавливали почву для встречи делегатов в США. Поверенный в делах в Вашингтоне был предупреждён о предстоящем приезде делегатов телеграммой сотрудника омского МИДа В.Г. Жуковского, составленной 12 апреля. «Благоволите в случае просьбы с их стороны оказать упомянутым лицам денежную помощь на поездку во Францию из средств посольства, сообразуясь с ранее выданной субсидией», – отмечалось в тексте. Чиновник обещал возмещение Министерством потраченных средств и просил сообщить, кто именно из карпаторуссов поедет в Париж, «дабы нам иметь возможность предупредить Сазонова» [5: 95]. Позднее просьба об оказании поддержки была вновь повторена [5: 131].

Проблема с получением и обменом денег во Владивостоке была не единственным препятствием, существенно затормозившим выезд карпаторуссов в США. Следующим пунктом, где их поджидали трудности, стала Страна восходящего солнца. В письме И.И. Сукину И.И. Церох, сообщал, что купить билет напрямик в Америку оказалось невозможным, поэтому пришлось избрать «обычный» путь через Японию. Однако японское консульство во Владивостоке отказало делегатам в выдаче виз как австрийским подданным. После телеграммы японскому министру внутренних дел и личной помощи В.О. Клемма и российского посла в Токио проблему удалось решить [4: 50]. Обстоятельства, приведшие к задержке в Японии, подробнее были изложены И.И. Церохом в письме к В.О. Клемму, копия которого была получена в Омске уже в начале августа [5: 140]. Как следовало из текста послания, прибыв в Цуругу, карпаторуссы были подвергнуты допросу: «...не будь у меня копии телеграммы к Вашему Превосходительству от Русского Посольства в Токио, нас бы так и вернули обратно во Владивосток», – отмечал автор [5: 141]. Из письма мы также узнаем, что карпаторуссы в какой-то момент разделились.

Добравшись до Иокогамы, И.И. Церох и С.Ю. Бендасюк застали там доктора М.Е. Сохоцкого, который выехал раньше их в надежде скорее прибыть в США. И на этот раз причиной задержки стали проблемы с оформлением документов – американское консульство в Иокогаме отказало в выдаче дополнительных виз. В городе действовала американская военная разведка, ведавшая паспортными делами. «Она, несмотря на все разрешения из Америки, может отказать в пропуске в Соединенные Штаты, а визы Американских консулов в Харбине и Владивостоке для неё без всякого значения», – писал И.И. Церох. По его словам, из-за этого в Японии «застряли» многие русские, командированные в США правительством и кооперацией. На помощь вновь пришли российские дипломаты. После личного визита посла в Токио В.Н. Крупенского к Р. Моррису визы, оформлявшиеся около двух недель, были всё же выданы, что, по словам самого посла, стало первым случаем удовлетворения такого ходатайства. Однако из-за вынужденной задержки с документами доктор М.Е. Сохоцкий упустил пароход, «на который с большим трудом добыл билет» [5: 141–142].

После этого начались, по словам И.И. Цероха, «новые мытарства». На этот раз с покупкой билетов на пароход до Сан-Франциско. В письмах И.И. Сукину и В.О. Клемму делегат писал о том, что билеты в США продавались на декабрь текущего и январь следующего года. Более того, на пароходные билеты существовала настоящая «черная биржа» – кроме обычной цены необходимо было «прибавить» ещё от 75 до 100 иен. После усиленных хлопот, участия секретаря посольства и российского военного атташе, телеграмм в Гонконг и двух с половиной месяцев ожидания карпаторуссам всё же удалось купить билеты II класса (заплатив при этом за I класс) на «дрянной пароход» «Nippon Maru», отплывавший в Сан-Франциско 16 июля [4: 50–51; 5: 141 об.].

Письма карпаторуссов в Омск и Владивосток содержат в себе также сведения об их работе в Иокогаме и планах действий, которые они собирались предпринять в Вашингтоне и Париже. Получив информацию об определении мирной конференцией восточных границ Польши, делегаты 4 июня направили телеграммы на имя Ж. Клемансо и В. Вильсона. Текст обращения к Ж. Клемансо был напечатан в токийской газете «Japan Advertiser» (в выпуске от 14 июня 1919 г.) [4: 51] не без помощи находившегося в Японии генерала Романовского. Хотя, как отметил И.И. Церох, публикация телеграммы и его статьи о Прикарпатской Руси «была сделана в сокращенном и запутанном виде» [5: 141об]. Благодаря рекомендациям генерала издатель «Japan Advertiser» снабдил карпаторуссов рекомендательным письмом к нью-йоркским газетам [5: 142], по его же ходатайству русское по-

сольство в Токио приняло на себя уплату телеграмм в Париж [4: 52].

Обращение делегатов к Мирной конференции появилось и в российских газетах. Члены Русского народного совета Прикарпатской Руси просили французского президента учитывать этнографический принцип при определении границ Польши, Румынии и Венгрии «без малейшего ущерба для незащитного ныне карпаторусского народа» и призывали очистить территорию Прикарпатской Руси от сражающихся там военных сил, предоставив местному населению возможность свободного самоопределения [7].

Карпаторуссы составили записку о Прикарпатской Руси, которая была разослана всем членам «big five» – Ж. Клемансо, В. Вильсону, Д. Ллойд-Джорджу, японскому барону Макино и представителю Италии С. Соннино, и вручена американскому послу во время личного визита. Помимо этого, были составлены тексты для «осведомительной» и «агитационной» брошюр, которые карпаторуссы намеревались напечатать в Америке [4: 52]. М.Е. Сохоцкий, также сообщая об издательских планах в письме И.И. Сукину от 30 июня, писал о предстоящей в Америке «большой работе», имея в виду приезд «украинской» миссии из Лондона в Вашингтон, деятельности которой, видимо, делегаты намеревались противодействовать. В связи с этим доктор поддерживал ходатайство своего спутника И.И. Цероха о срочном переводе дополнительных денежных средств в Вашингтон [4: 49].

С.Ю. Бендасюк в письме И.И. Сукину от 29 июня выражал надежду, что он и его спутники доберутся до Америки и совместно с местными карпаторусскими организациями смогут «в обществе и печати оживить и развить соответствующее движение в пользу русского дела у Карпат», а также представить чаяния и требования карпаторусского народа на мирной конференции [4: 54–55]. Полагая, что «самым лучшим решением Карпаторусского вопроса было бы занятие нашей Родины русской вооруженной силой», делегат считал, что при этом необходимо решительное заявление всему миру о стремлении к воссоединению [4: 57].

Накануне отплытия в Америку – 11 июля, С.Ю. Бендасюк написал ещё одно письмо управляющему омским МИДом. Полагая, что пароход прибудет в Сан-Франциско 3 августа, он намечал дальнейший маршрут – Вашингтон, затем Нью-Йорк. Готовясь к работе в Париже, делегат разыскивал необходимые материалы. Что-то, по его словам, удалось найти во владивостокских библиотеках, довоенные галицкие издания планировалось собрать в Америке. С.Ю. Бендасюк отмечал, что необходим постоянный контакт с русской делегацией на мирной конференции и просил Омск оказать содействие. В письме также говорилось о необходимости разыскать и привлечь к деятельности

в Париже В.А. Бобринского, охарактеризованного как «могучий защитник и глубокий знаток Карпатской Руси». Говоря о том, что работа мирной конференции затягивается, автор письма отмечал при этом, что «это для нас хорошо». Интерес представляет и мнение С.Ю. Бендасюка о ходе боевых действий на территории Украины. Полагая, что большевики на юге и на западе уже вытеснили украинцев, он отмечал: «во всяком случае, для будущего, безусловно, лучше было бы, если бы ген. Деникин отвоевал Карпатскую и Западную Русь у поляков и русских большевиков, чем у украинцев» [5: 144–145].

После отплытия карпаторуссов в США генерал Г.Д. Романовский продолжал заботиться об успехе миссии. В первых числах августа в омский МИД пришла телеграмма с его ходатайством об оказании материальной помощи делегатам [5: 146].

В начале августа делегаты прибыли в Сан-Франциско, а 20-го числа – в Нью-Йорк, причем, как отмечает Г.В. Голохвастов, И.И. Цероха сопровождала в путешествии супруга – Иоанна Владимировна [12: 30], о которой в официальной переписке, впрочем, не упоминалось. Приехав в Америку, карпаторуссы направились к российскому послу в Вашингтоне Б.А. Бахметьеву, о чём можно узнать из секретной телеграммы от 29 августа, полученной в Омске 8 сентября. Из текста сообщения следует, что посольство, согласно указаниям Министерства, выдало делегатам 3 тыс. долларов, которые дипломат просил возместить. «Вопрос о поездке делегации [во] Францию остается пока открытым», – заканчивал своё сообщение посол [5: 163].

В Париже в это время члены Карпаторусского комитета пытались убедить представителей держав Антанты в необходимости присоединения Карпатской Руси к России. Решение Верховного совета о передаче Восточной Галиции и Лемковщины под управление Польши было расценено как нарушение принципа «самоопределения народов» [10: 185]. Под влиянием тревожных сообщений из Парижа и Галиции члены ЦКС в Сибири выражали разочарование в политике великих держав на страницах своей газеты и призывали к поддержке Правительства А.В. Колчака [15: 78]. Подписание 10 сентября 1919 г. Сен-Жерменского, а затем 4 июня 1920 г. и Трианонского мирных договоров разрушало планы и надежды деятелей русского движения. Карпаторусские земли разделялись между Чехословакией и Польшей.

В сложившихся условиях С.Ю. Бендасюк, М.Е. Сохоцкий и И.И. Церох решили продолжить свою работу в США. Об этом свидетельствует текст секретной телеграммы Б.А. Бахметьева от 4 ноября 1919 г., направленной в омский МИД и С.Д. Сазонову. По словам посла, делегаты представили ему планы своей деятельности на ближайшие шесть месяцев. Основной целью являлось объединение «в политическом

и культурном отношении» карпаторусской и угро-русской колоний Америки, насчитывавших около семисот тысяч человек. Организацию планировалось создать на созываемом для этого съезде, куда приглашался возвращавшийся из Парижа Д.А. Марков. «Дальнейшая работа будет направлена на осуществление постановления съезда, а также на создание в Америке широкого движения галичан с лозунгом присоединения к России и на борьбу с украинским сепаратизмом», – сообщал дипломат. При этом отмечалось, что работа делегации велась в «полном контакте» с посольством, но без официальной связи, «в виду того, что в движении необходимо сохранять независимый народный характер без элементов русской пропаганды». Делегатами была составлена также смета, «по весьма скромному расчёту» – 4 200 долларов на жизнь делегатов и 5 700 долларов на организационные расходы. Б.А. Бахметьев расценивал намеченную карпаторуссами работу как «крайне важную» и поддерживал ходатайство [5: 174].

Получив телеграмму 19 ноября, руководство МИДа правительства А.В. Колчака, стоявшего на грани военного поражения, уже не способно было оказать карпаторуссам в США какую-либо существенную поддержку. Таким образом, можно говорить об окончании миссии карпаторусских делегатов, осуществлявшейся в рамках совместной работы Центрального Карпаторусского совета в Сибири и официальных ведомств Российского правительства адмирала А.В. Колчака.

Тем не менее С.Ю. Бендасюк, М.Е. Сохоцкий и И.И. Церох продолжали действовать. В Нью-Йорке они включились в работу совместно с представителями Союза освобождения Прикарпатской Руси во главе с И. Федоронко. И.И. Церох стал разработчиком проекта устава новой карпаторусской организации [12: 31]. В конце декабря 1919 г. все трое приняли участие в третьем Карпаторусском конгрессе в Нью-Йорке, на котором присутствовало более 300 делегатов. Как отмечалось в газете «New York Tribune», участники мероприятия выражали протест против решения мирной конференции передать Восточную Галицию и северную часть Буковины под контроль Польши и обращались за поддержкой к народу и правительству США [18]. Президентом конгресса был назначен прибывший из Европы Д.А. Марков, вице-президентами – Д.Н. Вергун и И.И. Церох, а секретарями – С.Ю. Бендасюк и М.Е. Сохоцкий. Помимо обращения к президенту В. Вильсону, участники конгресса выступили с осуждением большевизма, отправили приветствия адмиралу А.В. Колчаку, генералу А.И. Деникину, карпаторусским добровольцам и чехословацкому правительству [19].

В Америке начался новый этап жизни для всех трех участников поездки. С.Ю. Бендасюк редактировал газету «Прикарпатская

Русь», выходявшую в Нью-Йорке, а после её прекращения – газету «Правда» в Филадельфии. В 1928 г. (по другим данным, в 1927 г.) он вернулся во Львов, где занимался общественной и научной работой. Состоял в Львовском православном братстве, являлся секретарём Галицко-русской матицы, работал в Ставропигийском музее, а также был старостой прихода в храме святого Георгия. В этот период им были опубликованы работы, посвящённые православной культуре и истории, участвовал он и в подготовке выпусков «Талергофского альманаха». С.Ю. Бендасюк умер в январе 1965 г. и был похоронен в братской могиле русских журналистов на Лычаковском кладбище во Львове [6: 76–77].

Менее известна дальнейшая судьба М.Е. Сохоцкого. Отдельные эпизоды его биографии отмечены в составленном Р.Д. Мировичем «Алфавитном указателе жертв австро-мадьярского террора во время первой мировой войны 1914–1918 гг. на областях Галицкой и Буковинской Руси с биографическими и библиографическими данными» (Львов, 1971). Указатель не был опубликован, но в сети Интернет доступны его электронные версии. Согласно данному источнику, М.Е. Сохоцкий печатал статьи в львовской газете «Прикарпатская Русь», исходя из чего можно сделать вывод о том, что он покинул США ещё в самом начале 1920-х гг. Отмечается также, что он оставил после себя мемуары и рукописи и проживал в Самборе до своей смерти в феврале 1962 г. [8].

И.И. Церох, в отличие от товарищей, связал свою жизнь с США, выехав во Львов лишь однажды – в 1929 г. Сотрудничая с американскими карпаторусскими организациями, он вел активную работу в культурной сфере. В 1921 г. для фестиваля «America's Making», представлявшего творчество народов, проживавших в США, им были организованы стенд и концертная программа, посвященные русинам. Концерт, имевший успех, был впоследствии повторен с участием чехов и сербов. Впоследствии И.И. Церох отошел от политической деятельности, работал композитором, совместно с женой давал уроки музыки и активно занялся собиранием сведений о славянской мифологии, а также её изучением. Задуманная им поэма «Сварог» не была окончена. При жизни автора в 1941 г. в Нью-Йорке вышло несколько глав под названием «Карпаты и славяне». Умер И.И. Церох в марте 1942 г. [12: 32, 36].

Подводя итоги, следует признать, что миссия С.Ю. Бендасюка, М.Е. Сохоцкого и И.И. Цероха не достигла поставленных перед ней задач. Причины неудачи связаны как с ходом поездки, так и международной конъюнктурой. Многочисленные проблемы – финансовые и организационные – не позволили трём делегатам вовремя

добраться до Парижа и объединить свои усилия с работавшим там Карпаторусским комитетом. Вместе с тем успех действий карпаторуссов, стремившихся к воссоединению с Россией, всецело зависел от исхода Гражданской войны в России, действий великих держав и политики стран, возникших в ходе распада Австро-Венгрии. Поражение Правительства А.В. Колчака и решения политиков в Париже сделали дальнейшее путешествие карпаторусских делегатов в Европу бессмысленным, и они избрали единственно логичный путь – продолжить работу в США. Миссия С.Ю. Бендасюка, М.Е. Сохоцкого и И.И. Цероха демонстрирует стремление омских политиков использовать русское движение карпаторуссов как один из инструментов воздействия на процесс послевоенного устройства, борьбы с «украинским сепаратизмом» и укрепления легитимности Правительства адмирала А.В. Колчака, провозглашавшего идею «единой и неделимой России». Приветствуя возможность воссоединения Прикарпатской Руси и России, антибольшевистские политики и чиновники предоставляли испрашиваемые делегатами финансовые ресурсы и способствовали решению возникавших в пути проблем, используя для этого дипломатические каналы и личные связи. Впрочем, чиновникам МИДа и сочувствовавшему карпаторуссам генералу Г.Д. Романовскому не всегда удавалось оперативно устранить все трудности из-за больших расстояний, непредвиденных обстоятельств и несовершенства средств связи.

Миссия делегатов существенно повлияла на их жизненные траектории. Вполне возможно, что, выехав за границу, они избежали гибели в водовороте российской Гражданской войны. В дальнейшем все трое продолжили общественную и политическую деятельность и не изменили своим идеалам. Установленные благодаря архивным источникам подробности поездки С.Ю. Бендасюка, М.Е. Сохоцкого и И.И. Цероха позволили дополнить их биографии. Не исключено, что обнаружение и обнародование других источников, хранящихся в отечественных и зарубежных архивах, даст возможность установить ряд новых фактов о деятельности и судьбе упомянутых лиц и других деятелей карпаторусского движения, действовавших в России и за рубежом в годы революционных потрясений 1917 г. и Гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Юрий (Георгий) Дмитриевич Романовский (1877–1939) с ноября 1918 г. по февраль 1920 г. занимал пост главного уполномоченного и военного представителя Верховного правителя и Верховного главнокомандующего на Дальнем Востоке. Затем был назначен военным

представителем в Японии. Выехал туда в апреле 1920 г., после этого в Россию уже не вернулся. В Токио в 1920 г. вышла его работа «Украинский сепаратизм и Германия» [2: 75–76].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баринов И., Стрелков И. А. В.* Копыстьянский и его деятельность в России в годы Гражданской войны, 1918–1920 гг. // Русин. 2012. № 3 (29). С. 116–126.

2. *Ганин А. В.* «Наша военная организация... продолжает считать Вас своим вождем»: Письмо и рапорт генералу М. В. Алексееву о белом подполье в Казани и Царицыне. 1918 г. // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2019. Т. 4, № 4. С. 75–81. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-75-81

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р200. Оп. 1. Д. 357. Переписка с Центральным карпато-русским советом в Омске, Военным министерством и российскими послами за границей о политическом положении карпаторуссов – населения Галицкой, Буковинской и Угорской Руси. 1918–1919 гг.

4. ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 368. Переписка с российскими послами за границей и Центральным карпаторусским советом о положении и тяготении карпаторуссов к России и о деятельности польских и латышских комитетов в Сибири. 1918–1919 гг.

5. ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 369. Переписка с Центральным карпаторусским советом и российскими послами за границей о международном положении карпаторуссов, о притязаниях поляков, румын и чехословаков на территорию Прикарпатской Руси и о необходимости участия Прикарпатской Руси во Всероссийском учредительном собрании.

6. *Денисов Р.* Светлой памяти Семена Юрьевича Бендасюка // Карпаторусский календарь Лемко-союза на год 1967. Нью-Йорк: В типографии Лемко-союза, 1967. С. 74–78.

7. Карпаторуссы – мирной конференции // Карпаторусское слово. 1919. № 16. 4 авг. С. 2.

8. *Мирович Р. Д.* Алфавитный указатель жертв австро-мадьярского террора во время первой мировой войны 1914–1918 гг. на областях Галицкой и Буковинской Руси с биографическими и библиографическими данными (рукопись). Львов, 1971. URL: <http://personalhistory.ru/papers/talergof.txt> (дата обращения: 01.10.2022).

9. *Нам И. В., Наумова Н. И.* Съезды карпаторуссов в Сибири в годы Гражданской войны. 1918–1919 // Русин. 2014. № 3 (37). С. 152–166. DOI: 10.17223/18572685/37/11

10. *Нам И. В., Наумова Н. И.* Карпаторусская проблема на Парижской мирной конференции (1919 г.) // Русин. 2018. № 53. С. 172–192. DOI: 10.17223/18572685/53/10

11. Современная Галичина: этнографическое и культурно-политическое состояние ее, в связи с национально-общественными настроениями: записка составл. при Военно-цензурном отд. Упр. генерал-квартирм. штаба главнокомандующего армиями Юго-западного фронта (июль 1914 г.). [Б. м.] : Походная тип. Штаба Главнокомандующего армиями, 1914. 30, [1] с., [1] л. карт.

12. *Терох И.И.* Сварог: Поэма / Предисл. Г. Голохвастова. Нью-Йорк: Изд. М. Попович, 1946. 73, 256 с.

13. *Суляк С.Г.* Русины в период Первой мировой войны и Русской смуты // *Русин*. 2006. № 1 (3). С. 46–65.

14. Устав Карпаторусской Центральной организации // *Карпаторусское слово*. 1918. 20 дек. С. 2–3.

15. *Шевелёв Д.Н.* Окончание Первой мировой войны и карпаторусский вопрос: взгляд из Сибири (осень 1918 – осень 1919 г.) // *Русин*. 2019. № 57. С. 66–83. DOI: 10.17223/18572685/57/5

16. *Шевелёв Д.Н., Конев К.А.* Тема «Великой войны» во взаимоотношениях Российского правительства адмирала А.В. Колчака и Центрального Карпаторусского совета (1918–1919 гг.) // *Русин*. 2014. № 3 (37). С. 167–181. DOI: 10.17223/18572685/37/12

17. *Шевелёв Д.Н., Конев К.А.* «За Россию и за общее дело славянства»: официальная и проправительственная печать Белой Сибири о формировании на её территории карпаторусских воинских частей // *Русин*. 2015. № 4 (42). С. 143–167. DOI: 10.17223/18572685/42/11

18. Carpatho-Russian Meeting Protests Polish Mandate // *New York Tribune*. 1919. 29th December. P. 2.

19. New York Slavs vote Confidence in Kolchak // *New York Tribune*. 1919. 30th December. P. 20.

REFERENCES

1. Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) A.V. Kopystyansky and his activities in Russia during the Civil War (1918–1920). *Rusin*. 3(29). pp. 116–126 (in Russian).

2. Ganin, A.V. (2019) “Our military organization... Continues to consider you as leader”: the letter and report to general M.V. Alekseev about the white underground in Kazan and Tsaritsyn. 1918. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya “Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost”* – *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 4(4). pp. 75–81 (in Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-75-81

3. Russia. (1919) *Perepiska s Tsentral'nym karpato-russkim sovetom v Omske, Voennym ministerstvom i rossiyskimi poslami za granitsey o politicheskom polozenii karpatorussov – naseleniya Galitskoy, Bukovinskoy i Ugorskoy Rusi* [Correspondence with the Central Carpatho-Russian Council in Omsk, the Ministry of War and Russian ambassadors abroad on the political situation of

the Carpatho-Russians – the population of Galician, Bukovinian and Ugric Rus]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R200. List 1. File 357.

4. Russia. (1919) *Perepiska s rossiyskimi poslami za granitsey i Tsentral'nyim karpatorusskim sovetom o polozhenii i tyagotenii karpatorussov k Rossii i o deyatel'nosti pol'skikh i latyshskikh komitetov v Sibiri. 1918–1919 gg.* [Correspondence with Russian ambassadors abroad and the Central Carpatho-Russian Council on the position and attraction of the Carpatho-Russians to Russia and on the activities of the Polish and Latvian committees in Siberia. 1918–1919]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R200. List 1. File 368.

5. Russia. (1919) *Perepiska s Tsentral'nyim karpatorusskim sovetom i rossiyskimi poslami za granitsey o mezhdunarodnom polozhenii karpatorussov, o prityazaniyakh polyakov, rumyn i chekhoslovakov na territoriyu Prikarpat'skoy Rusi i o neobkhodimosti uchastiya Prikarpat'skoy Rusi vo Vserossiyskom uchreditel'nom sobranii* [Correspondence with the Central Carpatho-Russian Council and Russian ambassadors abroad about the international position of the Carpatho-Russians, about the claims of the Poles, Romanians and Czechoslovaks to the territory of the Carpathian Rus and the need for the participation of the Carpathian Rus in the All-Russian Constituent Assembly]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R200. List 1. File 369.

6. Denisov, R. (1967) Svetloy pamyati Semena Yur'evicha Bendasyuka [In blessed memory of Semyon Yurievich Bendasyuk]. In: *Karpatorusskiy kalendar' lemko-soyuza na god 1967* [Carpatho-Russian calendar of the Lemko Union for the year 1967]. New York: The Lemko Union.

7. *Karpatorusskoe slovo*. (1919) Karpatorussy – mirnoy konferentsii [Carpatho-Russians – to peace conference]. 4th August. p. 2.

8. Mirovich, R.D. (1971) *Alfavitnyy ukazatel' zhertv avstro-mad'yarskogo terrora vo vremya pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg. na oblastiakh Galitskoy i Bukovinskoy Rusi s biograficheskimi i bibliograficheskimi dannymi (rukopis')* [The alphabetical index of the victims of the Austro-Magyar terror during the First World War 1914–1918 in the regions of Galician and Bukovinian Rus with biographical and bibliographic data (manuscript)]. [Online] Available from: <http://personalhistory.ru/papers/talergof.txt> (Accessed: 1st October 2022).

9. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2014) Carpatho-Russian Conventions in Siberia during the Civil War (1918–1919). *Rusin*. 3(37). pp. 152–156 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/37/11

10. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2018) The Carpatho-Russian problem at the Paris Peace Conference in 1919. *Rusin*. 3(53). pp. 172–192 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/10

11. Military Censorship Department. The General Headquarters of the Commander-in-Chief of the Armies of the Southwestern Front. (1914) *Sovremennaya Galichina: etnograficheskoe i kul'turno-politicheskoe sostoyanie*

ee, v svyazi s natsional'no-obshchestvennymi nastroyeniyami [Modern Galicia: its ethnographic and cultural and political state, in connection with national and public sentiments]. [s.l.]: Headquarters of the Commander-in-Chief of the Armies.

12. Tzirogh, I.I. (1946) *Svarog: Poema* [Svarog: Poem]. New York: Milly Popovich.

13. Sulyak, S.G. (2006) The Rusins during World War I and the Russian distemper. *Rusin*. 1(3). pp. 46–65 (in Russian).

14. *Karpatorusskoe slovo*. (1918) Ustav Karpatorusskoy Tsentral'noy organizatsii [Charter of the Carpatho-Russian Central Organization]. 20th December. pp. 2–3.

15. Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2015) “For Russia and for the Slavdom”: the official and pro-governmental press of the White Siberia on the formation of Carpatho-Russian military units on its territory. *Rusin*. 4(42). pp. 143–167 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/11

16. Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2014) The theme of the “Great War” in the interaction of Russian government of Admiral A.V. Kolchak and the Central Carpatho-Russian Council (1918–1919). *Rusin*. 3(37). pp. 167–181 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/37/12

17. Shevelev, D.N. (2019) The end of the First World War and the Carpathian question: a view from Siberia (autumn 1918 – autumn 1919). *Rusin*. 57. pp. 66–83. (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/57/5

18. *New York Tribune*. (1919a) Carpatho-Russian Meeting Protests Polish Mandate. 29th December. p. 2.

19. *New York Tribune*. (1919b) New York Slavs vote Confidence in Kolchak. 30th December. p. 20.

Конеv Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, заведующий отделом рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ, ассистент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Факультета исторических и политических наук ТГУ, старший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии филологического факультета Томского государственного университета (Россия).

Kirill A. Konev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: konev-k-92@rambler.ru

УДК 93/94:262.15

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/9

Русин в эпоху социальных катаклизмов в России (пример судьбы Григория Мокрого)*

А.В. Сушко¹, Д.И. Петин²

Омский государственный технический университет

¹ E-mail: alexsushko_1974@mail.ru

² E-mail: dimario86@rambler.ru

Авторское резюме

Исследуется малоизученный вопрос – социальная адаптация русинов из числа военнопленных Первой мировой войны, ставших рядовыми участниками общественной жизни и военно-политических событий на территории Западной Сибири в период Великой русской революции. В качестве наглядного примера рассмотрена трагическая судьба Григория Георгиевича Мокрого (1894–1920). В своей жизни он дважды поочередно сочетал деятельность псаломщика греко-католической, а затем православной церковью с военной службой в австро-венгерской и белой армиях, а также кратковременным участием в антибольшевистском подполье. Показана связь изучаемого вопроса с общей историографией проблемы. Источниковой базой исследования послужил комплекс неопубликованных материалов, входящий в состав архивного уголовного дела, возбуждённого Омской ГубЧК в отношении героя данной статьи. Вспомогательную роль сыграли церковные актовые записи, материалы прессы, мемуары. Антропологический подход, проблемно-хронологический, историко-сравнительный и биографический методы составили методологическую основу исследования. Данная теоретическая комбинация позволила максимально подробно трактовать поведение героя публикации в условиях социальных катаклизмов, увязывая биографические факты с конкретно-исторической обстановкой и личностями деятелей, с которым он был прямо или косвенно связан. Авторы приходят к выводу о том, что консервативно-патриархальная ментальность, основанная на национально-религиозной идее русинов об их принадлежности к Русскому миру, не позволила Г.Г. Мокрому найти себя в условиях большевистской России. Публикация

* Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ 21–18–00266 «Религиозный фактор в России в годы гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

может представлять интерес для исследователей истории русинов, военной и социальной истории, а также национальной и религиозной политики.

Ключевые слова: русины, военнопленные, Первая мировая война, Гражданская война, Русская православная церковь, Омская епархия, политические репрессии, советская власть, Омск

A Rusin in the era of social cataclysms in Russia (a case study of Grigoriy Mokriy)*

Alexey V. Sushko¹, Dmitriy I. Petin²

Omsk State Technical University
11 Mira Street, Omsk, 644055, Russia

¹ E-mail: alexsushko_1974@mail.ru

² E-mail: dimario86@rambler.ru

Abstract

The article explores an understudied issue – the social adaptation of Rusins from among the prisoners of the First World War, who became ordinary participants in public, military and political events in Western Siberia during the Russian Revolution. The authors take the tragic fate of Grigory Georgievich Mokriy (1894–1920) as an illustrative example. In his life, Mokriy twice alternately combined the activities of a psalmist of the Greek Catholic and later Orthodox churches with military service in the Austro-Hungarian and White armies and a short-term participation in the anti-Bolshevik underground. The authors connect draw on a complex of unpublished sources, which is part of the archival criminal case initiated by the Omsk GubChK against Mokriy, as well as on church records, press materials, and memoirs. The research methodology involves the anthropological approach, problem-chronological, historical-comparative, and biographical methods. This theoretical combination made it possible to interpret Mokriy's behavior during the social cataclysms in the most detailed way, linking the biographical facts with the specific historical situation and personalities, with whom he was directly or indirectly connected. The authors conclude that the conservative-patriarchal mentality, based on the national-religious idea of the Rusins about their

* The article is supported by the Russian Science Foundation Project 21–18–00266 “The religious factor in Russia during the Civil War: the phenomenon, significance, and regional specificity” at the St. Petersburg State University.

belonging to the Russian world, prevented Mokriy from fulfilling himself under the Bolsheviks. This article may be of interest to those who study the history of Rusins, military and social history, as well as national and religious politics.

Keywords: Rusins, prisoners of war, World War I, Civil War, Russian Orthodox Church, Omsk eparchy, political repressions, Soviet power, Omsk

В условиях Первой мировой войны, Русской революции и Гражданской войны в России проблема идентичности русинов (карпаторуссов, как их часто называли в то время) имела важное политическое значение и стояла остро в религиозном и этническом аспектах (см., например, [5; 6; 9–12; 17–22]). В этот период решался спорный вопрос о принадлежности территорий, заселённых этим народом между Австро-Венгерской и Российской империями, между белой и Советской Россией, а также Украинской народной республикой. Претендовала на большую часть этих земель и возродившаяся Польша. Политический выбор русинов зависел от этнической и религиозной идентичности населения Галичины, Буковины, Угорской Руси, Северной Бессарабии и Холмщины – регионов традиционного проживания русинов, оспариваемых вышеперечисленными государствами и государственными образованиями. Для понимания исторической судьбы русинов в ту эпоху важно обратиться к биографиям «рядовых участников событий», вольно или невольно оказавшихся вовлечёнными в политические и социальные катаклизмы, изучив механизмы их социальной адаптации к происходящему.

Микроисторические исследования, находящиеся в русле антропологического подхода к пониманию прошлого, являются одним из трендов современной историографии Русской революции, как и военной истории в целом [4; 14]. В этой связи историк И.В. Скипина отмечает, что «во главу угла исследователи поставили человека, личность, его менталитет, его самоопределение и социальное поведение» [15: 136]. Такой научный опыт можно плодотворно применить и к судьбам русинов, оказавшихся в ходе Первой мировой и Гражданской войны на востоке России. Подобные исследования должны способствовать лучшему пониманию русинской идентичности в военно-революционную эпоху в целом. Колоритное подтверждение тому – трагическая судьба русина Григория Георгиевича Мокрого, рядового участника событий, сочетавшего поочередно должность псаломщика и военную службу. Финальный этап его биографии был связан с Омском.

Цель работы – описав судьбу Григория Георгиевича Мокрого, определить факторы, повлиявшие на процесс адаптации этнического русина к условиям эпохи социальных катаклизмов в России.

Основу исследования составил комплекс неопубликованных источников, имеющих в составе архивного уголовного дела, возбуждённого Омской ГубЧК в отношении героя статьи [1]. Согласимся, что данные материалы не в полной мере освещают биографию Г.Г. Мокрого в публикации. Некоторые подробности жизни детализировать не представилось возможным из-за отсутствия необходимых источников. Но в целом соотношение материалов дела с отдельными вспомогательными источниками позволило достаточно подробно реконструировать биографию Григория Мокрого, представив ее на фоне эпохи.

Григорий Георгиевич Мокрый родился в 1894 г., происходил из крестьян села Ивановка Скалатского уезда (восточная часть Галиции, входила тогда в состав Австро-Венгерской империи). Окончив пять классов гимназии, до начала Первой мировой войны служил псаломщиком греко-католической церкви в одной из церквей города Гусятин. Австрийские власти летом 1914 г. мобилизовали Григория на военную службу и отправили воевать против России. Но уже 26 сентября 1914 г. он сдался в плен русским войскам и попал в Омск в числе первых партий из сотен таких же военнопленных [1: 30, 34, 47]. Подобный поступок нашего героя для русина из Галиции был тогда типичен. Как отмечает исследователь С.Г. Суляк, «на Восточном фронте русины, не желая воевать против России, массово переходили на сторону русской армии. Поэтому австро-венгерское командование вынуждено было отправить русинов на итальянский фронт» [15: 52].

Несмотря на то что Григорий Георгиевич оказался в Омске в статусе военнопленного, здесь он быстро получил возможность вернуться к своему занятию мирного времени – служению Богу. Военнопленные русины проявили в Омске значительную общественную активность, идя на контакт с местными военными властями и церковным священноначалием. Массовые переходы в православие из униатства тогда русины воспринимали как шаги к укреплению отношений с российскими имперскими властями, осуществляемые в соответствии со своей национальной идеей, близкой к воззрениям о русском славянском мире с доминантой России. Вместе с тем присоединение к православию давало бывшим военнослужащим армии Австро-Венгрии возможность обретения лучших бытовых условий содержания, вплоть до устройства личной жизни на селе (см. подробнее: [22]).

В Успенском кафедральном соборе Омска 7(20) июня 1915 г. (день памяти Иоанна Предтечи) в составе 2-й партии из 12 пленных славян Григорий Мокрый перешёл из униатства в православие с сохранением имени [7: 32 об.]. А с марта 1917 г. он обрел привычную довоенную службу псаломщиком в Крестовоздвиженской церкви Омска [1: 30].

Данный факт биографии нашего героя можно охарактеризовать в качестве примера успешной инкультурации пленного русина в России. Переход из униатства в православие был осознанным духовным шагом, о чем свидетельствует быстрое вхождение Г.Г. Мокрого в члены местного церковного клира. Решение облегчило военнопленному и режим содержания, открыв дорогу к социализации в русском обществе. Об успешности здесь свидетельствует примечательный факт: в актовой записи о венчании ученика Омского землемерного училища Ивана Максимовича Воловского с вдовой Ефросиньей Михайловной Сорокиной, состоявшемся в названном храме 7(20) января 1918 г., мы находим упоминание «австрийского подданного Григория Мокрого» в качестве поручителя по жениху [8: 266]. К началу 1918 г. для православного Омска псаломщик Крестовоздвиженской церкви русин Григорий Мокрый был «своим человеком».

Однако вскоре в жизнь церковнослужителя вновь вторглись армейские будни. В России шла эскалация Гражданской войны. В октябре 1918 г. Временное Сибирское правительство развернуло широкую мобилизацию, а для содержащихся в Омске пленных карпаторуссов даже сформировали специальный лагерь [9: 141]. Псаломщик Г. Мокрый вновь оказался в армейском строю. Сам он позднее подчёркивал, что «был произведен в старшие унтер-офицеры при мобилизации чехами» и направлен на должность командира взвода в возглавляемый подполковником Крикуновским отдельный добровольческий карпаторусский батальон [1: 34 об., 44, 47]. Следует полагать, что бывшего военнопленного, скорее всего, переаттестовали тем же армейским чином, что он носил ранее в армии Австро-Венгрии. Судить о том, что герой повествования уже в 1914 г. служил не рядовым солдатом, позволяет его образовательный ценз. Нахождение Григория Мокрого в составе национального воинского формирования для того времени было типично. Это вряд ли явилось причиной возникновения у него особых личных проблем, ведь в предшествующий период он не обременил себя семьёй.

К концу января 1919 г. батальон насчитывал 1 024 человека, в их числе – 1 офицер, 3 военных врача и 1 003 добровольца; из-за острой нехватки офицеров на их должности временно назначили 17 бывших офицеров армии Австро-Венгрии. Посредством мобилизации галичан летом 1919 г. батальон доукомплектовали, в августе 1919 г. переименовав в 1-й Карпаторусский стрелковый полк. Все подразделения этого национального формирования квартировали в Омске и его южном пригороде [25: 149].

Пребывание русинов в составе армии А.В. Колчака достаточно подробно описано [9–12, 24]. Подчеркнём, что оно было вполне

логичным, так как белая армия водрузила на свои знамёна русскую национальную идею «единой и неделимой России», что полностью соответствовало мировоззрению значительной, преимущественно образованной и православной части русинов. Наш герой относился к таким людям. Именно их добросовестную службу в белой армии отмечал военный министр А.П. Будберг, когда писал летом 1919 г., что «до сих пор у нас был добровольческий карпаторусский батальон очень хорошего состава, очень добросовестно несший на себе тяжелые наряды и караулы» [3: 300]. Но в военных условиях власти попытались увеличить численность карпаторусских подразделений в белой армии. Они прибегли к принудительной мобилизации бывших военнопленных, растворив этим своих идейных сторонников, к коим, без сомнения, относился и Григорий Мокрый, в массе насильно мобилизованных людей, не желавших воевать.

Осень 1919 г. ознаменовалась фатальными неудачами белой армии в Западной Сибири. А в сентябре-октябре полк галичан выдвинули на позиции. Но там порядка 1 300 человек (большинство бойцов формирования, где служил Григорий Мокрый) перешли к большевикам (см. подробнее: [24: 104–105]). Идейная преданность нашего героя идеалам Белого дела подтверждается его отказом перейти вместе с большинством своих сослуживцев на сторону противника. Обстоятельства массового перехода военнослужащих русинов к большевикам в исторической литературе детально не прояснены. Но объяснение этого есть в дневнике А.П. Будберга. О принудительной мобилизации русинов генерал писал: «Бедных карпаторуссов стали хватать с помощью облав <...>. Благодаря этому, Омск остался без хлебопеков и ассенизаторов, так как миролюбивые и неприхотливые карпаторуссы специализировались по чёрному труду; узнав о принудительной мобилизации, они разбежались из Омска <...>. Озлобление среди них страшное; их собрали на станции Куломзино, рядом с бараками, в которых помещаются семьи Ижевских рабочих; на днях у меня были старики ижевцы и сообщили, что озлобленные карпаторуссы ругают их за верную службу своей родине и, не стесняясь, говорят, что им только бы попасть на фронт, а там они расправятся с теми, кто их туда погнал, а сами уйдут к красным; те же отправили их домой» [3: 300–301].

На просоветские настроения среди омских русинов и их решение перейти в стан красных повлиял и украинский фактор. В Сибири украинцы к тому времени уже создали подобный прецедент, когда их национальное воинское формирование перешло на сторону большевиков, неожиданно для белого командования обнажив фронт [4: 71]. Здесь примечательно, что в 1919 г. в Омске наблюдалась

украинизация значительного числа русинов, не желавших под русскими флагами воевать за Белое дело. В мае 1919 г. контрразведка информировала власти белой Сибири о русофильской деятельности Центрального Карпаторосского совета в Омске, который, по их сведениям, намеревался «произвести мобилизацию всех галичан, бывших подданных Австро-Венгрии». Но в докладе говорилось, что деятели Совета «популярности никакой не имеют. Пленные в лагерях, которые до сего времени были аполитическими, в настоящее время, опасаясь быть мобилизованными, все поголовно объявили себя украинцами» [20: 38]. Принудительный призыв этих людей в белую армию в силу влияния укрофильской и большевистской пропаганды мог привести к их массовому переходу на сторону РККА по уже проторенному украинцами пути.

Остатки полка Григория Мокрого, сохранившие верность присяге, данной Российскому правительству А.В. Колчака, были разоружены белоказаками и направлены во 2-й Омский концентрационный лагерь. Там Григорий находился до начала декабря 1919 г. в качестве заключённого, «перешедшего по наследству» от белых к красным, захватившим к 14 ноября 1919 г. Омск. Но русин, совершив удачный побег из лагеря, жил у своих знакомых Богдашевых на Блохинской, 11 (с 1966 г. – ул. Булатова). В этом доме он ранее долго жил ещё до событий Гражданской войны [1: 34, 45, 47]. Факт пребывания Григория Мокрого в качестве беглого заключённого в месте прежнего про-

живания подтверждает прочность его социализации, имевшей место в омском социуме до мобилизации осенью 1918 г.

Однако уже 11 декабря 1919 г. беглеца по адресу ул. Тарская, 58 арестовали сотрудники СибЧК, изъяв переписку. При обыске присутствовали протоиерей Романов (чьё пребывание – свидетельство тесной связи Григория Мокрого с омским духовенством) и представитель домового комитета Вознесенский. Чекисты на момент ареста Мокрого располагали оперативной информацией о том, что он в 1909–1910 гг. у себя на родине в Галиции был известен как член некой подпольной организации Станислав

Г.Г. Мокрый в период следствия (1920 г. Омск). Публикуется впервые

Криневский [1: 30, 35]. Но, по всей видимости, в силу того что эти сведения не представилось возможным как-либо быстро проверить, ключевым обвинением стала служба подследственного на командной должности в карпаторусском полку. В итоге по постановлению Омской ГубЧК от 24 января 1920 г. подследственного Г. Мокрого освободили под подписку о невыезде. Основанием стало то, что он, состоя на службе в белой армии, не участвовал в боях против РККА. Выйдя на свободу, бывший арестант вернулся к обязанностям псаломщика в том же храме, что и ранее, но вскоре по приглашению омского священника Илии Фокина перешел псаломщиком в Богородице-Братскую церковь [1: 44, 45 об., 47, 48]. Этот храм в годы Первой мировой войны, наряду с Успенским кафедральным собором, являлся знаковым центром духовной жизни и православного миссионерства. Здесь при активном участии епископа Сильвестра и ряда других местных иерархов Русской православной церкви состоялось 19 массовых переходов в православие пленных славян (см. подробнее: [22]).

С восстановлением в Омской губернии советской власти общая политическая обстановка в течение 1920 г. сохраняла напряжённость. В бывшей столице белой Сибири и прилегающем уезде, по данным чекистов, находилось значительное количество офицеров и солдат разгромленной колчаковской армии, казаков и гражданского населения, разделявших антибольшевистские взгляды. В оперативных разработках чекистов тогда было несколько подобных подпольных ячеек.

О существовании антибольшевистской организации во главе с неким Орлеановым церковнослужитель узнал в Омске случайно. Остались неясными истинные мотивы, побудившие русина Г. Мокрого примкнуть к повстанцам. Но в начале августа 1920 г. через связных этого предводителя мятежников Григория переправили в село Сыропятское (40 км на восток от Омска), где он сначала неделю жил у местного псаломщика, после чего попал в степной штаб повстанцев. К новичку сразу отнеслись настороженно, не дав ни оружия, ни конкретных значимых поручений. Через несколько дней бывший псаломщик получил удостоверение на имя фельдшера 1106-го армейского госпиталя Григория Кошкина. Во время его поездки в Омск за бельем для отряда документ должен был стать прикрытием. Но 20 августа 1920 г. по дороге («в степи») близ одной из заимок Омского уезда Мокрого арестовали сотрудники Омской ГубЧК. А упомянутый документ стал одной из улик возбуждённого уголовного дела [1: 30, 46, 51, 53].

На единственном допросе в день ареста несостоявшийся повстанец достаточно общо рассказал о своей жизни и обстоятельствах

попадания в антисоветскую организацию, указав при этом на ряд причастных к ней лиц. Важно, что заполненная при аресте анкета – единственный документ, где указано, что Григорий – русин [1: 30]. Своё участие в некой духовной контрреволюционной организации и антисоветскую агитацию наш герой отрицал. Но в распоряжении чекистов были полностью противоречащие его словам показания бывшего красильниковца, полковника Саенко. С ним псаломщик-русин содержался в лагере. Следствие 29 сентября 1920 г. вынесло заключение по делу, признав Григория Мокрого виновным в членстве в подпольной белогвардейской организации под чужим именем. Но эти обстоятельства, равно как и предыдущий арест, а также служба у белых, уже никак не учитывались. Следствие посчитало, что состав преступления доказан, передав дело на рассмотрение в коллегия Омской ГубЧК, каковая постановлением от 2 октября 1920 г. приговорила Мокрого Григория Георгиевича к высшей мере наказания. Решение утвердил полпред ВЧК по Сибири И.П. Павлуновский [1: 53 об.–54].

Ко времени рокового ареста Григория Георгиевича относится единственное известное нам фото, входящее в состав альбома с портретами лиц, привлекавшихся в 1920 г. в Омске в качестве обвиняемых по делу о белогвардейской повстанческой организации. На снимке – человек, внешне не выделяющийся в ряду других обвиняемых. По изображению его невозможно идентифицировать как иностранца, церковнослужителя или военного. Обращает на себя внимание достаточно упитанное и здоровое лицо молодого мужчины, который явно не испытывал нужду и не перенёс тяжелых болезней [2: 150, фрагмент]. Это позволяет судить, что наш герой весьма хорошо вписался в местный социум в предшествующее время.

Псаломщика-повстанца расстреляли в Омске 7 октября 1920 г. в составе группы из 47 человек (военных и гражданских лиц), осужденных накануне за активную контрреволюционную деятельность, службу в белой контрразведке. Из них 39 человек (в их числе 9 женщин) проходили как участники или пособники «белогвардейской повстанческой организации», якобы разоблаченной чекистами в Омском уезде летом–осенью 1920 г. [13]. Современные историки небезосновательно считают данную организацию фабрикацией местных чекистов (см. например, [23, с. 132–147; 26]). В апреле 1993 г. лиц, осуждённых за участие в данной организации, реабилитировала Прокуратура Омской области.

Биография Г.Г. Мокрого дает почву для дискуссии о положении русина в условиях Первой мировой и Гражданской войны в России и о значении религиозного фактора в этих событиях. Гражданская война в России не столь остро поставила вопрос о социальной адаптации

русинов, гораздо сильнее обнажив вопрос выбора представителями этого народа политической, религиозной и национальной идентичности. Ещё в условиях Первой мировой войны Русская православная церковь, в том числе действиями по отношению к пленным славянам в Омске в 1915–1917 гг., открыто демонстрировала готовность принять русинов в свое лоно, обеспечивая тем самым реализацию имперской геополитики. Но для русина Григория Мокрого, ранее успешно социализировавшегося в омское общество, его национальная принадлежность словно потеряла актуальность, а обстановка русской братоубийственной войны заставила принять в противостоянии конкретную политическую сторону. Для этого человека в его светском идеологическом решении огромное значение имело «братство во Христе», искореняемое большевиками. Для объяснения поведения героя статьи значимо замечание известного петербургского историка Н.Н. Смирнова, который подчёркивает, что в глобальном смысле нельзя отделять церковь от гражданской истории [16: 61]. Развивая эту мысль, добавим, что изучение этнических процессов подчас имеет неразрывную связь как с военной, так и с церковной историей.

Г. Мокрый, на первый взгляд, не выглядел как типичный активный контрреволюционер или духовный поборник антибольшевизма. Он участвовал в событиях «периодически»: непродолжительно и отчасти случайно. В то же время жёсткий армейский уклад по своему характеру соотносился со строго-консервативным храмовым служением, что, видимо, упрощало социальную адаптацию Мокрого на чужбине. Его положение в армейской иерархии (старший унтер-офицер – первый помощник офицера в управлении солдатами), как и в подпольной контрреволюционной организации («агент без оружия» с тыловым предназначением), также сопоставимо с его местом в церкви (псаломщик – вспомогательное лицо, непосредственно содействующее иерею в проведении церковных служб). В христианском служении он, очевидно, усматривал и привычную довоенную деятельность, и способ бытового спасения в условиях русского плена. Псаломщиком он стал раньше, чем впервые надел военную форму, но стоит полагать, что религия, став основой мировоззрения этого человека, сформировала в нем духовный стержень, помогавший в том числе психологически выживать в обстановке социальных катаклизмов и вдали от родины.

Осталось неясным, почему Г. Мокрый не использовал возможность возвращения в Восточную Европу в рамках возбуждения права оптации, как бывший военнопленный Первой мировой войны. Ведь дома у него осталась 35-летняя сестра Евдокия – единственный родной человек [1: 30]. Но, видимо, политическая нестабильность и на тер-

ритории РСФСР, и на территории бывшей империи Габсбургов в то время не могла обеспечить гарантий благополучного встраивания в новую жизнь. Галиция тогда стала местом масштабных боев Советско-польской войны. А многие бывшие сослуживцы Мокрого, перешедшие осенью 1919 г. на сторону советских сил, воевали в Прикарпатье как Карпаторосский полк, затем как Галицкий запасной батальон, переформированный в 402-й Галицкий стрелковый полк РККА [24: 105].

Эволюция понятия «свой–чужой» в видении военной антропологии – один из ключевых аспектов научной дискуссии данного междисциплинарного знания [14: 31]. А изученная биография – это пример внутреннего психологического метания, вызванного политическими причинами эпохи социальных катаклизмов. Явный мотив участия Григория Георгиевича в антисоветской деятельности – «патриархальная» ментальность православного церковнослужителя, подкрепляемая близкой русинам национально-духовной идеей о принадлежности русинов к русскому православному народу, развитие которой было резко прервано событиями 1917 г. – крахом самодержавия и Российской империи. Уверенно можно утверждать, что герою статьи были полностью чужды идеи революционной пропаганды, в том числе активно транслируемые по линии РКП (б) летом 1920 г. на оказавшихся в Западной Сибири представителей крестьянства и пролетариата из Галиции. Притеснённый советскими спецслужбами иностранный подданный и служитель уже тогда открыто гонимого официальной властью общественно-религиозного института вряд ли мог рассчитывать на благополучное устройство в условиях большевистской России, а последовавшее через 10 лет ужесточение общественно-политической сферы оставило бы такому человеку еще меньше шансов на тихую жизнь.

Совокупность перечисленных факторов предопределила жизненный финал русина Григория Мокрого, в чьей судьбе фатальную роль сыграла жестокая революционная стихия, убившая надежды его народа на политическое воссоединение с русским. Для большевистской России русская ориентация православного русина была чужда и даже враждебна. Успешно социализироваться в советском обществе человек с такой системой ценностей не имел шансов. Для адаптации к новым реалиям русину было необходимо изменить своё мировоззрение, отказавшись от идеи принадлежности к русскому народу, и встать на сторону большевиков или включиться в украинское национальное движение. Но Григорий Мокрый был стоек в своих традиционных убеждениях. Он не вписался в новый мир и логично ушел из жизни на этапе локализации и затухания Гражданской войны в России вместе с потерпевшей крах белой идеей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–101302. 1920 г.
2. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 10. 1920 г.
3. Будберг А.П. Дневник белогвардейца. Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2001. 336 с.
4. Ганин А.В. Враздρόбь, или почему Колчак не дошел до Волги? // Родина. 2008. № 3. С. 63–74.
5. Гладышев А.В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 136–150.
6. Иванов А.А., Чемакин А.А. «Сейчас царской России нет – есть советская»: взгляды галицко-русского социалиста К.М. Вальницкого на Революцию, Гражданскую войну и интервенцию // Русин. 2017. № 3. С. 101–121. DOI: 10.17223/18572685/49/7
7. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 16. Оп. 11. Д. 77. Метрическая книга актовых записей Успенского кафедрального собора г. Омска. 1915 г.
8. ИАОО. Ф. 16. Оп. 11. Д. 123. Метрическая книга актовых записей Крестовоздвиженской церкви г. Омска. 1918 г.
9. Конев К.А. Карпаторусское сообщество в социокультурном пространстве Сибири в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.): взгляд через призму истории эмоций // Русин. 2021. № 63. С. 138–155. DOI: 10.17223/18572685/63/7
10. Нам И.В., Наумова Н.И. Историческая память и национально-политическая идентификация русинов. 1914–1920 гг. // Русин. 2015. № 4. С. 126–142. DOI: 10.17223/18572685/42/10
11. Нам И.В., Наумова Н.И., Зиновьева В.И. Карпаторусский совет и формирование воинских подразделений карпаторусов в Сибири в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) // Русин. 2017. № 3. С. 85–100. DOI: 10.17223/18572685/49/6
12. Нам И.В., Наумова Н.И., Зиновьева В.И. Организации военнопленных русинов в Сибири и власть: конфликт интересов (1918–1919 гг.) // Русин. 2019. № 57. С. 84–98. DOI: 10.17223/18572685/55/7
13. Расстрел врагов революции // Советская Сибирь (Омск). 1920. 16 октября. С. 4.
14. Сенявская Е.С. Человек на войне, или Тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.
15. Скипина И.В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень: ТюмГУ, 2003. 208 с.
16. Смирнов Н.Н. «Нельзя отделять церковь от гражданской истории...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 57–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-57-64
17. Суляк С.Г. Русины в период Первой мировой войны и Русской Смуты // Русин. 2006. № 1. С. 46–65.

18. Суляк С.Г. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4. С. 29–56.
19. Суляк С.Г. Русинская идентичность (на примере участия галичан в Гражданской войне) // Русин. 2015. № 4. С. 107–125. DOI: 10.17223/18572685/42/9
20. Сушко А.В. Религиозный фактор в годы Гражданской войны в России (на примере процессов в Омской и Павлодарской епархии) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 34–42. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-34-42.
21. Сушко А.В., Петин Д.И. Борьба за «Подъярёмную Русь»: переход в православие военнопленных русинов в Омске (1915–1917) // Русин. 2021. № 65. С. 99–114. DOI: 10.17223/18572685/65/6
22. Сушко, А.В. Петин, Д.И. Процесс обращения в православие военнопленных славян в Омске (1915–1917 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 103. С. 78–98. DOI: 10.15382/sturII2021103.78-98.
23. Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М.: АИРО–XXI, 2007. 288 с.
24. Тинченко Я. Армии Украины 1917–1920 гг. М.: Восточный горизонт, 2002. 140 с.
25. Шевелев Д.Н., Конев К.А. «За Россию и за общее дело славянства»: официальная и проправительственная печать белой Сибири о формировании на ее территории карпаторусских воинских частей // Русин. 2015. № 4. С. 143–167. DOI: 10.17223/18572685/42/11
26. Шишкин В.И. Советская карательная политика в Сибири в начале 1920-х годов // Права человека в России: прошлое и настоящее: Сб. докл. и материалов науч.-практ. конф. (Пермь, 21–23 июня 1999 г.). Пермь: Звезда, 1999. С. 10–21.

REFERENCES

1. The Archive of the Federal Security Service of Russia for Omsk Region. (1920) *Arkhnivnoe ugovnoe delo 1920 g.* [Archival criminal case. 1920]. Fund 4. File P–101302.
2. The Archive of the Federal Security Service of Russia for Omsk Region. Fund 487. List 3. File 10.
3. Budberg, A.P. (2001) *Dnevnik belogvardeytsa* [Diary of a White Guard]. Minsk: Kharvest; Moscow: AST.
4. Ganin, A.V. (2008) Vrazdrob', ili pochemu Kolchak ne doshel do Volgi? [Separated, or Why Kolchak did not reach the Volga?]. *Rodina*. 3. pp. 63–74.
5. Gladyshev, A.V. (2017) Antropologicheskiy povорот v voennoy istorii [The anthropological turn in military history]. *Dialog so vremenem*. 59. pp. 136–150.

6. Ivanov, A.A. & Chemakin, A.A. (2017) Today we have no Czarist Russia – all we have is Soviet Russia”: The views of the Galician-Russian socialist K.M. Valnitskiy on Revolution, Civil War and armed intervention. *Rusin.* 3. pp. 101–121 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/49/7

7. Historical Archive of Omsk region (IAOO). (1915) *Metricheskaya kniga aktovykh zapisey Uspenskogo kafedral'nogo sobora g. Omska. 1915 g.* [Metric book of the act records of the Assumption Cathedral in Omsk. 1915]. Fund 16. List 11. File 77.

8. Historical Archive of Omsk region (IAOO). (1918) *Metricheskaya kniga aktovykh zapisey Krestovozdvizhenskoy tserkvi g. Omska. 1918 g.* [Metric book of the act records of the Exaltation of the Cross Church in Omsk. 1918]. Fund 16. List 11. File 123. (In Russian).

9. Konev, K.A. (2021) The Carpatho-Russian community in the Siberian socio-cultural space during the Civil War (1918–1919): A view through the prism of the history of emotions. *Rusin.* 63. pp. 138–155 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/63/7.

10. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2015) Rusins' historical memory and national and political identification in 1914–1920. *Rusin.* 4. pp. 126–142 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/10

11. Nam, I.V., Naumova, N.I. & Zinovieva, V.I. (2017) The Carpatho-Russian Council and the Formation of Military Units of the Carpatho-Russians in Siberia during the Civil War (1918–1919). *Rusin.* 3. pp. 85–100 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/49/6.

12. Nam, I.V., Naumova, N.I. & Zinovieva, V.I. (2019) Organisations of Rusinian prisoners of war in Siberia and authority: A conflict of interests (1918–1919). *Rusin.* 57. pp. 85–100 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/7

13. *Sovetskaya Sibir'.* (1920) Rasstrel vragov revolyutsii [Execution of the Enemies of the Revolution]. 16th October. p. 4.

14. Senyavskaya, E.S. (2018) Chelovek na voyne, ili ternistyy put' ot voennoy istorii k voennoy antropologii [Man at War. The thorny path from military history to military anthropology]. *Istoricheskii vestnik.* 24. Pp. 10–43.

15. Skipina, I.V. (2003) *Chelovek v usloviyakh Grazhdanskoy voyny na Urale: istoriografiya problem* [Man in the Civil War in the Urals: The historiography of the problem]. Tyumen: Tyumen State University.

16. Smirnov, N.N. (2022) “Nel'zya otdelyat' tserkov' ot grazhdanskoy istorii...” [“You can't separate the church from civil history...”]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'.* 7(2). pp. 57–64 (in Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-57-64

17. Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i Russkoy Smuty [Rusins during the First World War and the Russian Smuta]. *Rusin.* 1. pp. 46–65.

18. Sulyak, S.G. (2007) Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in history: past and present]. *Rusin.* 4. pp. 29–56.

19. Sulyak, S.G. (2015) The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the Civil War). *Rusin*. 4. pp. 107–125 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/9.

20. Sushko, A.V. (2022) Religioznyy faktor v gody Grazhdanskooy voyny v Rossii (na primere protsessov v Omskoy i Pavlodarskoy yeparkhii) [The role of religion during the Civil War in Russia (on the example of processes in the Omsk and Pavlodar Diocese)]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 7(2). pp. 34–42 (in Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-34-42

21. Sushko, A.V. & Petin, D.I. (2021) The struggle for “The Enslaved Rus”: Conversion of Rusin prisoners of war to Orthodoxy in Omsk (1915–1917). *Rusin*. 65. pp. 99–114 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/65/6

22. Sushko, A.V. & Petin, D.I. (2021) Protseess obrashcheniya v pravoslavie voennoplennyykh slavyan v Omske (1915–1917 gg.) [Conversion into Orthodoxy of Slavonic prisoners of war in Omsk (1915–1917)]. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi – St. Tikhon's University Review Series II: History. History of Russian Orthodox Church*. 103. pp. 78–98 (in Russian). DOI: 10.15382/sturII2021103.78-98

23. Teplyakov, A.G. (2007) “*Nepronitsaemye nedra*”: VCHK–OGPU v Sibiri. 1918–1929 gg. [“Impenetrable Bowels”: VChK–OGPU in Siberia. 1918–1929]. Moscow: AIRO–XXI.

24. Tinchenco, Ya. (2002) *Armii Ukrainy 1917–1920 gg.* [Armies of Ukraine 1917–1920]. Moscow: OOO Vostochnyy gorizont.

25. Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2015) “For Russia and for the Slavdom”: The official and pro-governmental press of the White Siberia on the formation of Carpatho-Russian military units on its territory. *Rusin*. 4. pp. 143–167 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/11

26. Shishkin, V.I. (1999) Sovetskaya karatel'naya politika v Sibiri v nachale 1920-kh godov [Soviet punitive policy in Siberia in the early 1920s]. In: *Prava cheloveka v Rossii: proshloye i nastoyashcheye* [Human rights in Russia: The past and present]. Perm: IPK Zvezda. pp. 10–21.

Сушко Алексей Владимирович – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Россия).

Alexey V. Sushko – Omsk State Technical University (Russia).

E-mail: alexsushko_1974@mail.ru

Петин Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Россия).

Dmitriy I. Petin – Omsk State Technical University (Russia).

E-mail: dimario86@rambler.ru

УДК 94(47)“1918”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/10

Несостоявшиеся выборы в Державный сейм Украины (1918 г.)*

А.А. Чемакин

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Авторское резюме

Рассматриваются нереализованные планы гетмана П.П. Скоропадского созвать парламент Украинской державы – Сейм, открытие которого должно было состояться в начале 1919 г. Проблема созыва Сейма рассматривается в ряде работ украинских исследователей (в первую очередь в статье Р.Я. Пирога), но они являются малоинформативными и содержат ряд ошибочных утверждений. Подготовка выборов в Сейм – парламент независимого украинского государства – началась в октябре 1918 г., но уже в ноябре политическая обстановка изменилась и Сейм стал пониматься как представительный орган одного из субъектов будущей федеративной России. В конце ноября – начале декабря 1918 г. специальная комиссия, состоявшая преимущественно из членов Конституционно-демократической партии, разработала избирательный закон о выборах в Сейм. Выборы должны были пройти по мажоритарной системе относительного большинства в 251 одномандатном округе. Несмотря на лишение женщин права голоса, повышение возрастного ценза и введение ценза оседлости, избирательный закон в целом соответствовал аналогичным законам ведущих европейских государств того времени. Из-за начавшегося восстания, возглавленного Директорией, и последующего за ним отказа гетмана от власти выборы так и не состоялись. Опираясь на материалы киевской прессы и архивные источники, автор показывает исторические корни концепции украинского Сейма, процесс разработки избирательного закона и его финальную версию, а также отношение к Сейму со стороны различных украинских и российских политических сил.

Ключевые слова: Державный сейм, Украинская держава, гетманат, П.П. Скоропадский, выборы, Гражданская война

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-00015, <https://rscf.ru/project/21-78-00015/>

The failed elections to the Sovereign Sejm of Ukraine (1918)*

Anton A. Chemakin

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Abstract

The article focuses on the unrealized plans of Hetman Pavel Skoropadsky to convene the parliament of the Ukrainian state – the Sejm, which was to be opened in early 1919. The problem is considered in a number of works by Ukrainian researchers (first of all, the article by Ruslan Pyrih), but they are uninformative and contain a number of erroneous statements. The preparation for the elections to the Sejm – the parliament of an independent Ukraine – began in October 1918, but already in November, the political situation changed, and the Sejm began to be understood as a representative body of a subject in the future federative Russian state. In late November and early December 1918, a special commission, consisting mainly of members of the Constitutional Democratic Party, developed an electoral law on elections to the Sejm. The elections were to be held according to the majority system of a relative majority in 251 single-member constituencies. Though women had no right to vote, the age limit was raised and the residence requirement was introduced, the electoral law was generally consistent with similar laws of the leading European states. Since the uprising headed by the Directory began and Hetman abdicated, the elections never took place. Drawing on materials from the Kiev press and archival sources, the author shows the historical roots of the Ukrainian Sejm, the process of developing the electoral law and its final version, as well as the attitude towards the Sejm on the part of various Ukrainian and Russian political forces.

Keywords: Sovereign Sejm, Ukrainian State, Hetmanate, Pavel Skoropadsky, elections, Civil War

Разгон большевиками Всероссийского Учредительного собрания в январе 1918 г., бессилие его депутатов и равнодушие со стороны подавляющей массы избирателей серьёзно подорвали веру в возможность разрешения стоящих перед страной проблем путём

* The study was supported by the Russian Science Foundation, Project № 21-78-00015, <https://rscf.ru/en/project/21-78-00015/>

выборных процедур. Несмотря на это, практически все антибольшевистские режимы пытались легитимизировать себя путём проведения выборов. Не остался в стороне и гетман Украинской державы П.П. Скоропадский, с момента своего прихода к власти обещавший избрание Державного сейма и осенью 1918 г. перешедший от слов к делу. О планах созыва Сейма упоминается и в воспоминаниях самого гетмана, решительного отвергавшего обвинения в недемократичности избирательного закона [30: 185], и практически во всех исследованиях по истории Украинской державы, но конкретики в них приводится мало. Наиболее подробно о подготовке созыва Сейма говорится в нескольких исследованиях. Во-первых, в монографии, посвящённой жизни и деятельности Н.П. Василенко, главы комиссии, разрабатывавшей закон о выборах. В ней перечисляются члены комиссии, некоторые принятые ею решения и отдельные положения проекта избирательного закона, охарактеризованного авторами как «достаточно консервативный, целиком в духе тогдашней идеологии кадетов» [4: 141–142]. Во-вторых, в статье Р.Я. Пирого, описывающего предысторию Сейма и некоторые аспекты работы комиссии по составлению избирательного закона (с опорой на отдельные сохранившиеся протоколы её заседаний за 23–30 ноября 1918 г.) [18]. К сожалению, из статьи совершенно невозможно узнать, что представлял из себя избирательный закон, применение какой избирательной системы планировалось, а приведённый в ней состав комиссии неполон. Пирог, исходя из того, что в архивных фондах нет протоколов заседаний комиссии за декабрь, ошибочно предполагает, что подготовка законопроекта не была завершена. Действительно, протоколы сохранились лишь частично, а финальная версия закона пока не обнаружена, но зато пересказ основных его положений без труда можно найти в киевских газетах. Не выдерживает критики данное Пирогом объяснение того, почему парламент Украинской державы назывался сеймом: автор отсылает читателей к I Универсалу Центральной рады и представительным собраниям Польши и Литвы, очевидно, не зная, что этот термин активно использовался в программных документах украинских партий в дореволюционный период. В нашей статье мы планируем всесторонне осветить историю несостоявшегося парламента гетманской Украины: рассказать о происхождении идеи созыва Сейма, показать процесс разработки избирательного закона и его финальную версию, а также отношение к Сейму различных украинских и российских политических сил.

В русском политическом лексиконе XIX в. словом «сейм», происходящим от общеславянской формы «sъѣмъ» («собрание») и пришедшим из польского языка, мог обозначаться практически

любой представительный орган (Польский сейм, Швейцарский сейм, Германский сейм, Венгерский сейм) [38: 307–308]. В «Государственной уставной грамоте Российской империи», конституционном проекте, разработанном под руководством Н.Н. Новосильцева в 1820 г., предполагалось, что законодательной власти государя будет содействовать Государственный сейм, на местах же появятся сеймы наместнических областей. Сеймом в русском языке также именовался парламент Великого княжества Финляндского (Эдускунта). В годы Гражданской войны термин «сейм» использовался не только на Украине и в Белоруссии, но и в Крыму (Крымский краевой сейм), Закавказье (Закавказский сейм) – регионах, никак не связанных с традициями Речи Посполитой и Великого княжества Литовского. Исходя из этого можно предположить, что и в украинский политический лексикон начала XX в. «сейм» попал не напрямую из польского языка, а опосредованно, благодаря широкому использованию данного термина в русском языке в предыдущее столетие.

Идея созыва сейма (сойма) – представительного собрания автономной Украины в составе России – фигурирует в программных документах Революционной украинской партии (РУП) 1903 г., Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП) 1905 г. [22: 55, 76–77], Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР) 1914–1915 и 1917 гг. [1: 132, 134, 191, 195, 544, 549, 553]. Влияние эсеров и эсдеков видно и в I Универсале Центральной рады, оглашённом 10 (23) июня 1917 г. и предполагавшем избрание Всенародного украинского собрания (Сойма). По мере радикализации революционного процесса появляется идея созыва Украинского Учредительного собрания, закреплённая в III Универсале. Сам термин «Сейм» в зависимости от контекста можно было понимать двояко – и как синоним Учредительного собрания, и как парламент, который будет работать на постоянной основе после того, как Учредительное собрание установит новый государственный строй. В январе 1918 г. УПСР и УСДРП перешли на «самостийнические» позиции, но оставались и сторонники «федеративного» понимания Сейма – в первую очередь Украинская федеративно-демократическая партия (УФДП), созданная в Киеве в декабре 1917 г. Партия эта представляла из себя небольшой интеллигентский кружок, не имевший влияния на массы, но среди лидеров её были видные представители умеренных украинских кругов, ранее состоявшие в кадетской партии. Программа УФДП предполагала, что «в Украине и каждой автономной области (Русского федеративного государства. – А.Ч.) создаётся однопалатное народное представительство (сейм), избираемое всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов» [21: 13–14].

29 апреля 1918 г. власть на Украине захватил генерал-лейтенант П.П. Скоропадский. Ожидавшийся в мае созыв Украинского Учредительного собрания, большинство мест в котором получила УПСР, не состоялся, но зато в грамоте к украинскому народу гетман пообещал в ближайшее время издать закон, устанавливающий порядок выборов в Украинский сейм (сойм). Государственное устройство гетманской Украины провозглашалось временным – до избрания Сейма и открытия его деятельности. Правительство ставило первоочередной задачей выработку избирательного закона в кратчайшее время и выражало надежду на помощь «людей государственного опыта и научного знания» [34: 38, 39]. Несмотря на квазимонархическую внешнюю форму, гетманский режим не был монархическим, а представлял собой временную диктатуру, установленную в чрезвычайной ситуации и ограниченную созывом Сейма, правда, проблема заключалась в том, что ни срок его созыва, ни механизм избрания никак не были регламентированы.

В мае 1918 г. к гетману приходила делегация представителей украинских партий, просивших указать срок созыва Сейма, который «в их понятии был Учредительным собранием» [30: 173–174]. В июне на собрании УФДП была принята резолюция о необходимости созыва Сейма в возможно более короткий срок [23]. В июле Скоропадского посетила делегация украинских земских деятелей во главе с С.В. Петлюрой, которая также высказала пожелание о назначении срока созыва Сейма. Гетман позднее вспоминал: «...указание срока созыва парламента в то время для меня было совершенно невозможно, это значило – вернуть страну в состояние революции. Не имея налаженного правительственного аппарата, не дав оправиться ни одной здоровой демократической партии, парламента в тот момент представлял бы нечто несуразное» [18: 31; 30: 205]. Была и ещё одна причина, по которой гетман не мог дать какой-то определенный ответ на поступающие со всех сторон вопросы: согласно негласному договору, заключённому им с немцами накануне переворота, новые выборы в законодательные органы должны были быть проведены только после полного успокоения страны, срок же их назначался по соглашению с германским главным командованием [9: 75; 18: 30].

Время шло, никаких новостей о Сейме не появлялось, что наводило на мысль о сознательном затягивании его созыва. «В грамоте гетмана был обещан созыв сейма в близком будущем; однако с тех пор прошло около 5 месяцев, и о сейме не слышно, – писала одна из газет. – Нет ни решения правительства о созыве сейма, ни избирательного закона. Украинский кабинет – сейчас единственный в Европе, который предпочитает обходиться без парламента...» [25]. Возникали

подозрения, что гетманский Сейм может быть не учредительным или национальным собранием, а неким сословно-представительным учреждением в духе старой Польши [6].

Ситуация изменилась лишь осенью 1918 г., после поездки гетмана в Германию и встречи с императором Вильгельмом II. Вероятно, и немцы согласились на созыв Сейма, и сам гетман осознал его необходимость в связи с ожидаемым окончанием войны и поражением Германии. Незадолго до этого газета «Відродження» призывала подумать о Сейме, т. к. скоро начнётся мирный конгресс и украинцы предстанут перед ним «с голыми руками и с подмоченной репутацией никчёмных творцов недоделанной державы», за которыми не будет «единого национального фронта широкой общественности и народных масс, укреплённого авторитетным голосом национального парламента» [2]. Видный деятель украинского движения Е.Х. Чикаленко также полагал, что, возможно, «державы не захотят принять на мирную конференцию украинскую делегацию, т. к. правительство это создано немцами, а не населением», поэтому для решения данной проблемы и нужен созыв Сейма [37: 178]. Один из лидеров киевских русских националистов А.И. Савенко, напротив, считал, что инициатива созыва Сейма принадлежит немцам, желающим провести выборы до подписания мирного трактата и тем самым оформить «самостийность» Украины [7: 122 об.–123].

15 октября 1918 г. на заседании Совета министров было оглашено письмо гетмана к премьеру Ф.А. Лизогубу, в котором отмечалось, что первый период строительства Украинской державы приближается к завершению и поэтому настало время приступить к разработке закона о выборах в Державный сейм. Совет министров, придавая вопросу о Сейме исключительное значение, решил посветить ему одно из ближайших заседаний [15].

Украинские партии отнеслись к объявлению о скором созыве Сейма с некоторым скепсисом. «Робітнича газета», орган УСДРП, напоминала, что формально народным представительством была и законосовещательная «Булыгинская дума», поэтому необходимо выяснить, какие права будут у Сейма и каков будет избирательный закон, и лишь потом делать выводы [35]. В середине ноября 1918 г. произошёл разрыв между гетманом, провозгласившим федерацию с будущей небольшевистской Россией, и основными украинскими партиями – эсерами, социал-демократами, социалистами-самостийниками, создавшими Директорию и перешедшими к вооружённой борьбе против Скоропадского. Политику гетмана поддержала лишь УФДП, а Украинская партия социалистов-федералистов (УПСФ) попыталась балансировать между гетманом и его противниками,

предпринимая попытки примирить их. Было совершенно очевидно, что в условиях вооружённого восстания ни о каком участии большей части украинских партий в выборах в Сейм говорить не приходится.

Среди российских политических сил единого мнения по отношению к идее созыва Сейма не было. Временный председатель правоцентристского Совета государственного объединения России (СГОР) С.Н. Маслов отнёсся к ней скептически, отметив, что в текущих тяжёлых условиях о законодательной работе не может быть и речи. Председатель левоцентристского Союза возрождения России (СВР) Л.М. Брамсон заявил, что его организация планирует участвовать в выборах, выдвинув лозунг «России единой, федеративной, демократической». Один из лидеров крайне правых В.М. Пуришкевич выразил надежду на возрождение цензовой Государственной думы, отношение же к Сейму у него было утилитарным: если занятия последнего приведут к тому, что у главнокомандующего графа Ф.А. Келлера окажется «богатая артиллерия», то созыв Сейма стоит того. В обратном же случае «созыв Сейма послужит только новым поводом к бесцельному блудословию и чесанию языком в те дни, когда нужно работать над воссозданием единой России, а не произносить митинговые речи, будящие страсти» [32]. Эсеры и меньшевики заявлений о Сейме не делали, но их участие в выборах представляется нам маловероятным, т. к. они при гетмане фактически находились на полулегальном положении.

Наиболее яркими противниками созыва Сейма оказались русские националисты, ориентировавшиеся на Добровольческую армию и страны Антанты. Ещё летом 1918 г. лидеры «русской партии» (В.В. Шульгин, А.И. Савенко и др.) демонстративно отказались от украинского гражданства. На заседании 27 октября 1918 г. Совет Русского национального центра (РНЦ), объединявшего сторонников Шульгина и правое крыло киевских кадетов, принял резолюцию, в которой отметил, что поспешность в созыве Сейма диктуется стремлением инсценировать «якобы волеизъявление населения Южной Руси прежде, чем закончится мирный конгресс, и прежде, чем будет восстановлено единое Русское государство». Совет РНЦ, полагая проведение выборов в Сейм недопустимым и невозможным во время анархии и распада, делал вывод, что они «явились бы опасной и совершенно недопустимой авантюрой, рассчитанной исключительно на то, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение Держав Согласия» [8: 6–7].

К последней декаде ноября было очевидно, что наиболее значимые политические силы в выборах участвовать не планируют, но, несмотря на это, власти не отказались от созыва Сейма. На заседании 20 ноя-

бря 1918 г. Совет министров постановил образовать при Державной канцелярии немногочисленную техническую комиссию из представителей науки для выработки избирательного закона. Сейм должен был быть парламентом с учредительными функциями, избранным на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Проект должен был быть готов к 5 декабря, а сам Сейм созван к 15 февраля 1919 г. [33: 383]. Державный секретарь С.В. Завадский, игравший роль посредника между комиссией и правительством, заявил прессе о том, что придание Сейму характера учредительного собрания было бы величайшей ошибкой, хотя он при этом вполне допускал, что Кабинет министров может подать в отставку из-за недоверия Сейма [31].

В состав комиссии вошли президент Державного сената и профессор Киевского державного украинского университета Н.П. Василенко (председатель), профессор того же университета Б.А. Кистяковский, заслуженный профессор Харьковского университета Н.О. Куплеваский (в тот момент находился в Екатеринославе, был вызван в Киев телеграммой и присоединился к работе лишь полторы недели спустя), приват-доцент Киевского университета Е.М. Кулишер и приват-доцент Петроградского университета Н.М. Тоцкий. Был приглашён, но отказался войти в состав комиссии профессор Московского университета П.И. Новгородцев [12]. Василенко и Кулишер были членами кадетской партии, Кистяковский – УФДП, не отличавшейся от кадетов по большинству программных пунктов, Куплеваский – одним из основателей Всероссийского национального союза. Сведений о партийной принадлежности Тоцкого нам найти не удалось, но известно, что ранее он сотрудничал в околокадетском журнале «Городское дело». Таким образом, комиссия состояла из двух представителей кадетов, двух близких к кадетам и одного русского националиста, на тот момент придерживавшегося «гетманской» ориентации. Участниками украинского движения (правда, его наиболее умеренного крыла) были Василенко и Кистяковский, остальные члены комиссии, хотя и родились на Украине, вряд ли могли считаться украинцами. Кроме постоянных членов, в заседаниях принимали участие приглашённые эксперты – юрист и член кадетской партии Л.Э. Чолганский, ректор Киевского коммерческого института профессор К.Г. Воблый, вице-директор департамента местного самоуправления МВД В.А. Сципион-де-Кампо, вице-директор законодательного департамента Державной канцелярии Б.Э. Шен, заведующий статистическим отделом департамента сельскохозяйственной экономики Н.Н. Черненко.

Первое заседание состоялось 23 декабря на квартире одного из членов комиссии (по всей видимости, Василенко) [31]. С тех пор ко-

миссия заседала по вечерам несколько раз в неделю. Она оказалась между Сциллой и Харибдой: с одной стороны, нужно было создать такую систему, которая способствовала бы победе умеренных кандидатов, с другой – не сильно отойти от заявленных демократических принципов. Женщин лишили права голоса, но решение это было вызвано не принципиальными соображениями, а тем, что допущение их к выборам перегрузило бы избирательные списки, увеличив число избирателей более чем в два раза, и тем самым могло бы отсрочить время созыв Сейма [20]. Единодушно члены комиссии высказались за тайное и прямое голосование, 25-летний ценз для активного избирательного права, другие же вопросы вызвали острые споры. Так, например, активно обсуждался ценз оседлости. Кулишер находил необходимым ввести полугодичную оседлость. Ему возражал Тоцкий, полагавший, что полугодовой ценз оседлости не даст устойчивости Сейму и скорее ударит не по тем, по кому нужно, т. е. не по рабочим и крестьянам, а по буржуа, чиновнику, помещику, интеллигенту. В итоге было принято решение о введении полугодового ценза оседлости, смягчённого поправкой Тоцкого, согласно которой ценз понимался не только в смысле фактического проживания, но и в смысле нахождения на службе, связанности с округом домашним обзаведением и занятием.

Споры вызвал и вопрос о равенстве избирательных прав граждан. Тоцкий отметил, что если преобладание в Сейме крайне левых элементов нежелательно, то нужно ограничить или всеобщность, или равенство избирательных прав. Ограничение всеобщности он считал нежелательным, поэтому предлагал ограничить равенство, но не путём введения куриальной системы, а путём предоставления отдельным группам дополнительных голосов, иначе Сейм будет революционным. Против плюрального вотума возражал Василенко, полагавший эту меру непопулярной и несправедливой. К тому же, он считал, что должна быть сохранена формула всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, хотя в неё можно вносить коррективы. Опасения в революционности Сейма ему казались излишними, т. к. 25-летний возрастной ценз устранил самые горячие элементы. Впрочем, он допускал возможным ввести 30-летний ценз для кандидатов. Его поддержал Кистяковский, полагавший, что в деревнях плюральные голоса потонут, а в городе будут преобладать наиболее реакционные элементы, установление же 30-летнего ценза для кандидатов даст Сейму зрелый и устойчивый характер. Им возражал Кулишер – по его мнению 30-летний ценз ничего не даст, т. к. важен не возраст, а партийная указка, ведь в парламенте выступают немногие, остальные же идут следом за ними. Кулишер считал, что предоставлять допол-

нительные голоса на основании имущественного ценза никак нельзя, образовательный же ценз не даст желательных результатов: низкий совсем не годится, а высокий – по меньшей мере гимназия – слишком мало отразится на итогах выборов. Тоцкий предлагал дать дополнительный голос для лиц, имевших право на первый классный чин, и ещё один голос для лиц со средним образованием. В итоге вопрос о плюральности, поставленный на голосование, был отвергнут («за» проголосовал лишь Тоцкий).

Кистяковский активно настаивал на повышении возрастного ценза для кандидатов до 30 лет. Возраст, утверждал он, играет огромную роль, и даже представители левых групп и течений, достигшие 30 и более лет, будут иначе реагировать на события по сравнению со слишком молодыми представителями тех же групп. Против повышения возрастного ценза высказывался Тоцкий, соглашавшийся с тем, что зрелые более устойчивы, но полагавший, что они в то же время более стойки в своей партийной принадлежности, и неизвестно что хуже. Василенко видел в повышении возраста кандидатов и выгоды и невыгоды стороны. Вопрос был поставлен на голосование: за повышение ценза высказался лишь Кистяковский, против – все остальные, включая Василенко, первоначально выдвинувшего эту идею. Зато идея разрешить баллотироваться только умеющим читать и писать получила поддержку всех членов комиссии.

Если по вопросу о необходимости мажоритарной системы все члены комиссии были единодушны, то вопрос о том, какая разновидность мажоритарной системы должна применяться, не был столь однозначен. Рассматривались два варианта: мажоритарная система абсолютного большинства в одномандатных округах и мажоритарная система относительного большинства в многомандатных округах, которая в те времена чаще всего именовалась выборами по спискам. Кулишер выступал за то, чтобы в каждом округе избирался только один депутат, т. к. это необходимо для полной оценки его личности. Тоцкий же, который, опираясь на свои наблюдения в нескольких уездах Полтавской и Харьковской губерний, был убеждён, что в одномандатных округах, примерно совпадающих с волостями, благодаря своей известности и популярности на местах в Сейм пройдут лица, революционизирующие население. Если же округ сделать многомандатным и соотнести его с уездом, то с радикальными «волостными» кандидатами смогут бороться более умеренные кандидаты, известные всему уезду. В итоге лишь Тоцкий высказался за многомандатные округа, остальные члены комиссии проголосовали за одномандатные. Единогласно без прений был принят принцип избрания по абсолютному большинству голосов с перебаллотировками [36: 6–10 об.].

Таким образом, в комиссии не было однозначно «реакционных» или «прогрессивных» группировок, отдельные члены её могли высказываться за ужесточение правил в одном случае и послабление – в другом. Возможно, более консервативный курс проводил бы монархист Куплеваский, но он присоединился к комиссии лишь 2 декабря, когда все основные принципиальные вопросы были уже разрешены [5].

К 5 декабря комиссия закончила основную работы над Положением о выборах [27], которое должно было поступить державному секретарю С.В. Завадскому, а затем на рассмотрение Совета министров. Сейм планировалось избрать на основе всеобщего, без различия вероисповеданий и национальностей, и равного избирательного права посредством прямых выборов и тайного голосования. Активное избирательное право получили украинские граждане мужского пола, достигшие к 1 января 1919 г. 25-летнего возраста, проживающие в течение 6 месяцев до начала составления избирательных списков в соответствующем городском поселении или волости, входящих в состав округа, или имеющие в данном округе домашнее обзаведение, или состоящие там на службе, или имеющие иные, связанные с данным местом, определенные занятия. Исключались из числа избирателей монашествующие, сумасшедшие, глухонемые, состоящие на действительной военной службе, в округах своей служебной деятельности – служащие Державной варты (Государственной стражи), губернские уездные старосты, городские атаманы (градоначальники), единоличные административные судьи, судьи административного отделения окружного суда, чины прокурорского надзора. Кроме того, голосовать не могли несостоятельные должники, признанные злонамеренными банкротами, осужденные за кражу, мошенничество, растрату чужого имущества, ростовщичество, лихоимство, превышение предельных цен и спекуляцию. Пассивное избирательное право получали украинские граждане вне зависимости от пола, причем баллотироваться можно было от любого округа, а не только от того, в котором они проживали. Кандидаты в Сейм должны были быть не младше 25 лет, уметь читать и писать, а также не относиться к указанным выше категориям, лишённым активного права.

Всего избранию подлежал 251 депутат. Уезды с населением от 100 до 200 тыс. человек составляли 1 избирательный округ, от 200 до 350 тыс. – 2, от 350 до 500 тыс. – 3, более 500 тыс. человек – 4. В отдельные округа выделялись города с населением свыше 100 тыс. человек, и в таком случае 1 депутат избирался от полных 100 тыс. населения. В отдельный округ также выделялись все губернские города вне зависимости от численности населения. В итоге Украина была

разделена на 251 одномандатный округ, 32 из них были городскими, а 219 – смешанными (преимущественно сельскими; негубернские города с населением менее 100 тыс. объединялись с окружающими их уездами). В прессе было показано распределение 30 городских округов: Киев – 7, Одесса – 6, Харьков – 4, Екатеринослав – 3, Бердичев, Гомель, Елисаветград, Кременчуг, Луганск, Мариуполь, Николаев, Полтава, Херсон, Чернигов – по 1. Вероятно, два оставшихся места должны были достаться Каменец-Подольскому и Житомиру как губернским городам. Смешанные округа распределялись между губерниями следующим образом: Харьковская – 33, Киевская – 29, Волынская – 27, Полтавская – 26, Черниговская – 25, Екатеринославская – 24, Подольская – 23, Херсонская – 18. Остальные 14 мандатов, вероятно, должны были быть распределены между Таврическим округом (три северных уезда Таврической губернии), Полесским округом (пять уездов Минской губернии) и теми частями Холмской губернии, которые контролировались гетманской администрацией.

Кандидаты в депутаты выдвигались группами избирателей. Для регистрации нужно было подать не позднее чем за 15 дней до дня голосования 50 подписей лиц, пользующихся правом участия в выборах по данному округу. При желании кандидата он мог указать рядом со своей фамилией название группы или партии, выдвинувшей его. Выставить свою кандидатуру можно было не более чем в трех округах. Голосование проводилось на избирательных участках посредством подачи избирательных записок установленного образца, причём голосовать можно было не только за заявленных кандидатов, но и вообще за любое лицо, обладающее активным избирательным правом (понятно, что шансов у таких кандидатов, не внесённых в вывешиваемые в избирательных бюро официально утверждённые списки, было немного). Текст записки мог быть отпечатан или написан от руки на русском или украинском языках. Избранным считался кандидат, получивший абсолютное большинство поданных голосов. В том случае, если такового не было, через две недели проводилась перебаллотировка, в которой принимали участие два кандидата, получивших наибольшее количество голосов. Избранным при перебаллотировке считался кандидат, получивший более половины действительных записок, в случае же равенства голосов – тот, кто получил больше записок при первоначальных выборах. В том случае если лицо, избранное в члены Сейма, в течение 5 дней по опубликовании результатов отказывалось от избрания или не изъявляло своего согласия на избрание, в трёхнедельный срок назначались перевыборы [5; 11; 19; 26].

Выработанное положение было во многом похоже на француз-

ский закон о выборах в Палату депутатов, действовавший в 1889–1919 гг., так что оно находилось вполне в русле европейской традиции тех лет. Связанная с УПСФ газета «Нова рада» оценила новый закон как «достаточно демократический», но при этом выразила опасение, что политическая ситуация может опрокинуть все расчёты [24]. Умеренно левая газета «Киевская мысль» отмечала несовершенство закона, указывая на лишение женщин, т. е. «почти половины населения», избирательного права и другие ограничения [16], но при этом считала Сейм «шагом вперёд по пути устройства украинской, а с тем вместе и российской государственности» [17].

Подготовленный комиссией закон, несмотря на свой компромиссный характер, мало кого устроил. Для социалистических партий – как украинских, так и российских – он был неприемлем в силу резкого повышения возрастного ценза, лишения женщин права голоса, введения ценза оседлости и отказа от пропорциональной системы. Русских националистов, которым закон сам по себе, вероятно, пришёлся бы по нраву, не устраивало то, что Сейм будет украинским (а не южнорусским или малорусским). Для украинских националистов было недопустимо то, что Сейм из парламента независимого государства превращался в представительный орган одной из областей федеративной России. Таким образом, из всех организаций в выборах согласились бы принять участие, вероятно, только представители карликовой УФДП, СВР (напоминавшего в тот момент скорее клуб, чем партию), украинофильски настроенная часть кадетов, а также отдельные украинские социалисты-федералисты. Возможно, лично поучаствовали бы и некоторые монархисты, скептически относившиеся к Украине, но лояльные гетману. Подавляющая же часть как украинских, так и общероссийских партий выборы бы бойкотировала.

Н.П. Василенко полагал, что, если принять во внимание усталость населения от революции, в Сейме могут возобладать даже реакционные элементы [36: 8]. С ним согласен был и Е.Х. Чикаленко, считавший, что «сельское население уже теперь не будет стоять за Украину, как оно стояло год назад; тогда оно надеялось, что Украина ему даст землю, а вышло, что Украина отобрала у него землю; а про городское население и говорить нечего – оно все за “воссоединение”, потому что боится “украинского шовинизма” и “насильственной украинизации”» [37: 178–179].

Несмотря на это, правительство, опасавшееся, что в Сейм пройдут революционно настроенные элементы, задумало сделать его двухпалатным. Вопрос о возможности создания второй палаты обсуждался ещё в конце ноября, но за неё высказался лишь Кистяковский. По предложению Тоцкого решение было передано на усмотрение Совета министров. 9 декабря состоялось экстренное заседание комиссии, на

котором державный секретарь С.В. Завадский сообщил, что правительство стоит за двухпалатную систему, поэтому решение должно быть пересмотрено. По словам державного секретаря, верхняя палата должна повысить авторитетность и устойчивость народного представительства. Его поддержали Кистяковский и Куплеваский; Василенко, Кулишер и Тоцкий возражали [3; 14; 29]. Комиссия, вынужденная подчиниться правительству, склонялась к созданию верхней палаты на основе представительства от губерний – по 12 депутатов от каждой (но ни в коем случае не от городов или земств, т. к. они выбирались на основе куриальной системы [13]). В течение последующих дней члены комиссии планировали заниматься подготовительными работами по вопросу организации выборов, а очередное заседание было назначено на 14 декабря [28]. Вероятно, оно не состоялось, т. к. именно в этот день войска Директории вошли в Киев, а гетман отрёкся от власти. О Сейме и комиссии больше никто не вспоминал.

Подводя итоги, можно сказать, что идея созыва Сейма не была чем-то новым, привнесённым гетманским режимом, а существовала и до революции. Другое дело, что различные политические силы по-разному понимали характер и функции Сейма, видя в нем и парламент независимого государства, и представительный орган одного из российских регионов. Гетман, долгое время откладывавший созыв Сейма, занялся организацией выборов слишком поздно. В то время, когда члены комиссии спорили о деталях избирательной системы, Киев был уже окружён войсками Директории. Дни гетмана были сочтены, но, несмотря на это, газеты до самого последнего момента обсуждали выборы, которые каким-то непостижимым образом должны были быть проведены в регионе, охваченном пламенем Гражданской войны. Публицист Е.А. Ефимовский писал, что «кабинет авторов законопроекта не достигает голос жизни», который «звучит всё настойчивее и все громче» [10: 1]. Правда, Ефимовский ошибочно полагал, что этот голос сообщает о восстановлении единой России, в действительности же оказалось, что он предвещает новый приход «самостийников», анархию и вторичное появление большевиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бевз Т.А. Партія соціальних перспектив і національних інтересів (Політична історія УПСР). Київ: ІПіЕНД імені І. Ф. Кураса НАН України, 2008. 587 с.
2. Войнаровський А. Чи не пора? // Відродження. 1918. 11 вересня. № 134. С. 2.

3. Вопрос о двухпалатной системе // Киевская мысль. 1918. 10 декабря. № 235. С. 2.
4. *Вороненко В.В., Кістерська Л.Д., Матвеева Л.В., Усенко І.Б.* Микола Прокопович Василенко. Київ: Наукова думка, 1991. 272 с.
5. Выборы в сейм // Киевская мысль. 1918. 3 декабря. № 230. С. 2.
6. *Галант І.В.* Сейм // Нова рада. 1918. 9 червня. № 96. С. 1.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Агентурные сводки разведывательного отделения штаба Добровольческой армии и контрразведывательной организации «Азбука» и доклады о политическом состоянии Украины. 1918.
8. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 70. Резолюции Национального центра, копия доклада Федорова, Астрова и других, поданного генералу Пулю 1 декабря 1918 г.
9. Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году / под ред. И.И. Минца и Е.Н. Городецкого. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1942. 240 с.
10. *Ефимовский Е.А.* Передовая статья // Голос Киева. 1918. 3 декабря. № 170. С. 1–2.
11. Закон о выборах в державный сейм // Мир. 1918. 5 декабря. № 1. С. 4.
12. К выборам в сейм // Киевская мысль. 1918. 23 ноября. № 222. С. 2.
13. Комиссия по выборам в сейм // Наш путь. 1918. 10 декабря. № 19. С. 1.
14. Одна или две палаты? // Мир. 1918. 10 декабря. № 5. С. 1.
15. Пан Гетман о Сейме // Последние новости. 1918. 16 октября. № 5241. С. 2.
16. Передовая статья // Киевская мысль. 1918. 27 ноября. № 225. С. 1.
17. Передовая статья // Киевская мысль. 1918. 8 декабря. № 234. С. 1.
18. *Пиріг Р.Я.* Проблема виборів до сейму у внутрішній політиці гетьманату П. Скоропадського (квітень – грудень 1918 р.) // Український історичний журнал. 2012. № 3. С. 28–35.
19. Положение о выборах в сейм // Киевская мысль. 1918. 6 декабря. № 232. С. 2.
20. Президент Сената об избирательном законе в Державный Сейм (Беседа с Н.П. Василенко) // Вечер. 1918. 6 декабря. № 50. С. 3.
21. Программа Украинской федеративно-демократической партии. Киев, 1918.
22. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. / отв. сост. В.В. Кривенький, Н.Н. Тарасова. М.: Рос. полит. энцикл., 1995. 464 с.
23. Резолюция украинской федеративно-демократической партии // Киевская мысль. 1918. 23 июня. № 109. С. 2.
24. *Ромул.* Виборчий закон // Нова рада. 1918. 8 грудня. № 232. С. 2.
25. Св. Украинский сейм // Одесские новости. 1918. 13 сентября. № 10792. С. 1.
26. Сейм // Голос Киева. 1918. 3 декабря. № 170. С. 3.

27. Сейм // Голос Києва. 1918. 6 декабря. № 172. С. 3.
28. Сейм // Голос Києва. 1918. 12 декабря. № 178. С. 3.
29. Система Сейма // Голос Києва. 1918. 12 декабря. № 178. С. 3.
30. *Скоропадський П.* Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. Київ – Філадельфія, 1995. 493 с.
31. Созыв Сейма // Наш путь. 1918. 23 ноября. № 5. С. 1.
32. Созыв сейма (Анкета «Нашего пути») // Наш путь. 1918. 24 ноября. № 6. С. 4.
33. Українська Держава (квітень – грудень 1918 року). Документи і матеріали. Т. 1 / упоряд. Р. Пиріг (керівник) та ін. Київ: Темпора, 2015. XVIII + 790 с.
34. Українська Держава (квітень – грудень 1918 року). Документи і матеріали. Т. 2 / упоряд. Р. Пиріг (керівник) та ін. Київ: Темпора, 2015. XX + 412 с.
35. Український сойм // Робітнича газета. 1918. 18 жовтня. № 393. С. 1.
36. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України. Ф. 799. Оп. 1. Д. 5. Протоколи засідань комісії по розробці проекту положення о выборах в Украинский державный сейм. 1918.
37. *Чикаленко Є.* Щоденник (1918–1919). Київ: Темпора, 2011. 424 с.
38. *Шетэля В.* Словарь полонизмов русских текстов XIX–XX веков = Słownik polonizmów rosyjskich tekstów XIX–XX wieków. М.: Прометей, 2019. 436 с.

REFERENCES

1. Bezv, T.A. (2008) *Partiya sotsial'nikh perspektiv i natsional'nikh interesiv (Politichna istoriya UPSR)* [Party of social perspectives and national interests (Political history of the UPSR)]. Kyiv: NAS of Ukraine.
2. Voynarovskiy, A. (1918) Chy ne pora? [Isn't it time?]. *Vidrozhennja*. 11th September. p. 2.
3. *Kievskaya mysl'*. (1918a) Vopros o dvukhpalatnoy sisteme [The question of the bicameral system]. 10th December. p. 2.
4. Voronenko, V.V., Kisterska, L.D., Matveeva, L.V. & Usenko, I.B. (1991) *Mykola Prokopovych Vasylenko*. Kyiv: Naukova dumka.
5. *Kievskaya mysl'*. (1918b) Vybery v seym [Elections to the Sejm]. 3rd December. p. 2.
6. Galant, I.V. (1918) Sojm [Sejm]. *Nova rada*. 9th June. p. 1.
7. The Headquarters of the Volunteer Army and the Counterintelligence Organization "Azbuks". (1918) *Confidential reports of the intelligence department of the headquarters of the Volunteer Army and the counterintelligence organization "Azbuks" and reports on the political condition of Ukraine. 1918*. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-446. List 2. File 43.
8. The State Archive of the Russian Federation (GARF). *Resolutions of the National Center, copy of the report by Fedorov, Astrov and others, submitted to General Poole on December 1, 1918*. Fund R-446. List 2. File 70.

9. Mints, I.I. & Gorodetsky, E.N. (eds) (1942) *Dokumenty o razgrome germanskikh okkupantov na Ukraine v 1918 godu* [Documents on the defeat of the German invaders in Ukraine in 1918]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.

10. Efimovskiy, E.A. (1918) Peredovaya stat'ya [Leading article]. *Golos Kiev*. 3rd December. pp. 1–2.

11. *Mir*. (1918) Zakon o vyborah v derzhavnyy seym [Law on elections to the State Sejm]. 5th December. p. 4.

12. *Kievskaya mysl'*. (1918) K vyboram v seym [To the elections to the Sejm]. 23rd November. p. 2.

13. *Nash put'*. (1918) Komissiya po vyboram v seym [Commission for Elections to the Sejm]. 10th December. p. 1.

14. *Mir*. (1918) Odnа ili dve palaty? [One or two chambers?]. 10th December. p. 1.

15. *Poslednie novosti*. (1918) Pan Getman o Seyme [Pan Hetman about the Sejm]. 16th October. p. 2.

16. *Kievskaya mysl'*. (1918) Peredovaya stat'ya [Leading article]. 27th November. p. 1.

17. *Kievskaya mysl'*. (1918) Peredovaya stat'ya [Leading article]. 8th December. p. 1.

18. Pyrih, R.Ja. (2012) The problem of elections to the Sejm in the domestic policy of P. Skoropadsky's Hetmanate (April – December 1918). *Ukrains'kiy istorichnyi zhurnal*. 3. pp. 28–35 (in Ukrainian).

19. *Kievskaya mysl'*. (1918) Polozhenie o vyborah v seym [Law on Elections to the Sejm]. 6th December. p. 2.

20. *Vecher*. (1918) Prezident Senata ob izbiratel'nom zakone v Derzhavnyy Seym (Beseda s N.P. Vasilenko) [President of the Senate on the electoral law to the State Sejm (Interview with N.P. Vasilenko)]. 6th December. p. 3.

21. The Ukrainian Federative Democratic Party. (1918) *Programma Ukrainskoy federativno-demokraticeskoy partii* [Program of the Ukrainian Federative Democratic Party]. Kiev: [s.n.].

22. Krivenkiy, V.V. & Tarasova, N.N. (eds) (1995) *Programmy politicheskikh partiy Rossii. Konets XIX – nachalo XX vv.* [Programs of political parties in Russia. Late 19th – early 20th centuries]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.

23. *Kievskaya mysl'*. (1918) Rezolyutsiya ukrainskoy federativno-demokraticeskoy partii [UFDP resolution]. 23rd June. p. 2.

24. Romul. (1918) Viborchiy zakon [Electoral law]. *Nova rada*. 8th December. p. 2.

25. Sv. (1918) Ukrainskiy seym [Ukrainian Sejm]. *Odesskie novosti*. 13th September. p. 1.

26. *Golos Kiev*. (1918) Seym [Sejm]. 3rd December. p. 3.

27. *Golos Kiev*. (1918) Seym [Sejm]. 6th December. p. 3.

28. *Golos Kieva*. (1918) Seym [Sejm]. 12th December. p. 3.
29. *Golos Kieva*. (1918) Sistema Seyma [System of the Sejm]. 12th December. p. 3.
30. Skoropadsky, P. (1995) *Spogady. Kinec' 1917 – gruden' 1918* [Memoirs (Late 1917 – December 1918)]. Kiev; Philadelphia: [s.n.].
31. *Nash put'*. (1918) Sozyv Seyma [Convocation of the Sejm]. 23rd November. p. 1.
32. *Nash put'*. (1918) Sozyv seyma (Anketa “Nashego puti”) [Convocation of the Sejm (Questionnaire of the newspaper “Nash put’”)]. 24th November. p. 4.
33. Pyrih, R. (ed.) (2015) *Ukraïns'ka Derzhava (kviten' – gruden' 1918 roku). Dokumenty i materialy* [Ukrainian state (April – December 1918). Documents and materials]. Vol. 1. Kyiv: Tempora.
34. Pyrih, R. (ed.) (2015) *Ukraïns'ka Derzhava (kviten' – gruden' 1918 roku). Dokumenty i materialy* [Ukrainian state (April – December 1918). Documents and materials]. Vol. 2. Kyiv: Tempora.
35. *Robitnicha gazeta*. (1918) Ukraïns'kiy soym [Ukrainian Sejm]. 18th October. p. 1.
36. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). *Protocols of the meetings of the commission on the development of a bill on elections to the Ukrainian State Sejm*. 1918. Fund 799. List 1. File 5.
37. Chykalenko, E. (2011) *Shhodennyk (1918–1919)* [The Diary (1918–1919)]. Kyiv: Tempora.
38. Shetelya, V. (2019) *Slovar' polonizmov russkikh tekstov XIX–XX vekov* [Dictionary of Polonisms in Russian texts of the 19th – 20th centuries]. Moscow: Prometei.

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Anton A. Chemakin – Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

УДК 93/94:050

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/11

Сибирско-польская история на страницах журналов «Sybirak» и «Каторга и ссылка»*

И.В. Нам

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: namirina@bk.ru

Авторское резюме

В статье рассматривается отражение польской ссылки в Сибирь на страницах журналов, издаваемых в межвоенный период (1920–1930 гг.): «Каторга и ссылка» в Москве и «Сибиряк» («Sybirak») в Варшаве. И в том и в другом центральное место занимала тема ссылки и каторги в Сибирь. Журнал «Сибиряк» («Sybirak») издавался в 1934–1939 гг. «Союзом сибиряков», который был организован в 1926–1927 гг. вернувшимися из России поляками, бывшими ссыльными и военнопленными. Журнал публиковал статьи и воспоминания, посвященные сосланным в Сибирь участникам восстания 1863–1864 гг. в Польше. Эти материалы способствовали выявлению и собиранию материалов по сибирско-польской истории и одновременно закреплению «черной легенды» о польской ссылке в Сибирь, сформированной мемуарной традицией XIX в. Журнал «Каторга и ссылка» издавался в 1921–1935 гг. Всесоюзным обществом бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Основные разделы журнала включали историю революционного движения и репрессивной политики государства в Российской империи, а также некрологи, библиографию и хронику. Тема ссылки поляков в Сибирь и их участия в революционном движении также находила отражение на страницах журнала, но несопоставимое по количеству и разнообразию материалов, опубликованных в журнале «Сибиряк». Публикация этих материалов заложила историографическую традицию рассмотрения темы польской политической ссылки в Сибирь в широком контексте истории революционного движения в России и формирования русско-польских революционных связей.

Ключевые слова: Сибирь, Январское восстание, ссылка, каторга, польские ссыльные, русско-польские революционные связи

* Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Siberian-Polish history in the journals *Sybirak* and *Katorga i ssylka**

Iraida V. Nam

Tomsk State University

36 1 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: namirina@bk.ru

Abstract

The article focuses on what the Moscow journal *Katorga i ssylka* and Warsaw journal *Sibiryak* published about the Polish exile to Siberia in the interwar period. The issues of hard labour and exile to Siberia have been central in both periodicals. *Sibiryak* was published in 1934–1939 by the Union of Siberians, founded in 1926–1927 by the Poles who returned from Russia. They were former exiles and prisoners of war. These materials contributed to the identification and collection of the information about the Siberian Polish history and to the consolidation the “Black Legend” about the Polish exile to Siberia, formed by the memoir tradition of the 19th century. The journal published articles, memories and other materials related to the participants in the Polish uprising in 1863–1864, subsequently exiled to Siberia. *Katorga i ssylka* was published in 1921–1935 by All-Union Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers. The main sections of the journal published on the revolutionary movement history in the Russian Empire, together with obituaries, bibliography, and chronicles. The questions of Polish exile to Siberia and participation of the exiled in the revolutionary movement were among the topics discussed by this journal, too. However, it published much less on the discussed problem if compared to what was published in *Sibiryak*. The publication started the historiographical tradition of considering the issue of Polish political exile to Siberia in the broad context of the revolutionary movement history in Russia and the formation of Russian Polish revolutionary ties.

Keywords: Siberia, January Uprising, exile, penal servitude, Polish exiles, Russian-Polish revolutionary ties

Сибирско-польская история, которая ведёт своё начало с XVI в., сегодня имеет обширную историографию, как российскую/советскую, так и польскую. Начало её становлению было заложено в 1860–1870-х гг. известными работами А. Гиллера и С.В. Максимова [13: 278–

* The results were obtained under the grant of the Russian Federation Government, Project № 075-15-2021-611 “Human and the Changing Space of Ural and Siberia.”

290; 17: 33–70; 20: 8–22; 22: 3–30 и др.] Воссоздание независимого польского государства в 1918 г. актуализировало историю ссылки поляков в Сибирь. Сложившаяся к этому времени «Черная легенда» о Сибири [14] усиливала ценность и значение завоёванной польской свободы. Образ польского политического ссыльного оставался для поляков социально и культурно значимым, поэтому книги о Сибири в то время можно было встретить почти в каждом польском доме [10: 73]. Сибирское прошлое имели многие политические деятели, включая первого главу воссозданной независимой Польши Юзефа Пилсудского, а также известных исследователей Сибири – Б.И. Дыбовского, В.Л. Серошевского, Э.К. Пекарского, А.Л. Чекановского, И.Д. Черского и др. Старший брат Ю. Пилсудского Бронислав, сосланный на Сахалин за участие в организации покушения на Александра III, собрал уникальный лингвистический и фольклорный материал о народах Сибири.

Важный вклад в развитие мемуарной традиции в историографии ссылки и пребывания поляков в Сибири внёс журнал «Сибиряк» («Sybirak»), который издавался в 1934–1939 гг. «Союзом сибиряков», организованным в 1926–1927 гг. вернувшимися из России поляками, бывшими ссыльными и военнопленными. Независимо от того, были ли они в Сибири, на Урале, на Дальнем Востоке, на Крайнем Севере или даже в Средней Азии, все они называли себя сибиряками. «Не случайно и в межвоенный период, во Второй Речи Посполитой, и ныне, после II Мировой войны, к “Союзу сибиряков” принадлежали и принадлежат все побывавшие на каторге и в ссылке (а в XX веке – в ссылке, на поселении и в лагерях), независимо от того, были ли они в настоящей Сибири или на Дальнем Севере, в степях Казахстана или в пустынном Узбекистане» [14]. Всего вышло 19 номеров¹. Журнал публиковал статьи, воспоминания и другие материалы, посвящённые сосланным в Сибирь участникам польских восстаний. Чаще всего эти публикации были приурочены к очередной годовщине участников восстания в Царстве Польском в 1863–1864 гг. – Январского восстания в польской традиции. Отметим статьи Ю. Сокольского [26; 27; 28], А. Забенского [29; 30], С. Гиза [24], М. Андроновского о своем отце [23] и В. Маньковского [25] в переводе на русский язык А. Гузеевой [9]. Воспоминания В. Маньковского дополняет исторический очерк А. Мачеши, сына высланного в 1864 г. в Сибирь участника Январского восстания [16: 207–208]. Вместе эти два текста, представляющие переработанные доклады на съезде бывших воспитанников томских школ в Варшаве в 1934 г., позволяют воссоздать картину жизни польских повстанцев 1863 г. в Томске во второй половине XIX и начале XX в. Значимость вышеперечисленных мемуарных публикаций для польско-

сибирской историографии уже не раз отмечалась как польскими, так и российскими историками [10; 13: 280; 20: 10; 21: 5; 22: 14–15 и др.].

Эти публикации способствовали закреплению в общественном сознании поляков убеждения, что, несмотря на все тяготы их пребывания в этом краю неволи, «Сибирь никогда не исчезнет из памяти, сколько бы ни было там тяжёлых и неприятных воспоминаний, сколько бы ни было каторг, принудительных арестантских работ, тюрем, расстрелов, сколько бы ни было концентрационных лагерей и чрезвычайных судов» [10: 73; 31: 29]. Ссылные поляки героизировались, представлялись «энтузиастами», «людьми действия», исповедующими «возвышенные этические идеалы» [10: 74]. Сибирь рассматривалась как объект польской культурной и экономической экспансии. С этой целью при главном и окружных правлениях «Союза сибиряков» были созданы специальные экономические секции для сбора материалов. Поиск рынков сбыта осмысливался как реализация исторического предназначения Польши, призванной быть посредником между Западом и Востоком в обмене материальных и духовных ценностей [10: 75]. Другими авторами популярная в дореволюционной польской публицистике идея культурной и хозяйственной миссии поляков в Сибири подвергалась критике. Так, известный польский экономист В. Комаровский утверждал, что Сибирь была для борцов за свободу Польши не «территорией польской хозяйственной экспансии», а всего лишь местом ссылки [10: 76].

Поиск и публикация в журнале новых источников, преимущественно мемуарных, способствовали росту интереса профессиональных историков к сибирско-польской истории. В 1928 г. в Кракове выходит первое, написанное на основе мемуаристики монографическое исследование М. Яника «Поляки в Сибири». Со времени появления этой книги, ставшей классической, определение «поляки в Сибири», обобщённо отражающее сущность польско-сибирской истории, «прижилось» и в научной литературе, и в «разговорном обиходе» [22: 14, 66, 189–192].

В советской историографии межвоенного периода и вплоть до окончания Второй мировой войны тема польской политической ссылки не получила сколько-нибудь заметного освещения. Исключением является статья Ф.А. Кудрявцева о восстании поляков на строительстве Кругобайкальского тракта в 1866 г. [22: 15]. Этому же автору принадлежит первая и единственная в то время статья о ссылке поляков в Сибирь в 4-м томе «Сибирской советской энциклопедии» [7: 417–420].

На первый взгляд, кажется удивительным столь малое внимание, которое уделялось советской историографией польской ссылке в

межвоенный период, ведь в это время «Всесоюзным обществом бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев» издавался специализированный журнал «Каторга и ссылка», выходивший с 1921 по 1935 г. под общей редакцией В.Д. Виленского (Сибирякова) (1923–1927), Ф.Я. Кона (1927–1929), И.А. Теодоровича (1929–1935). Всего вышло 116 номеров². Основные разделы журнала включали историю революционного движения и репрессивной политики государства, а также некрологи, библиографию и хронику. Журнал публиковал как архивные материалы и мемуары, так и исследовательские статьи. Тема участия поляков в революционном движении и ссылке в Сибирь получила отражение на страницах журнала, но публикаций, посвящённых ссылке поляков и их пребыванию в Сибири, было мало. Причина заключалась в том, что основной целью журнала являлось изучение революционного движения, в контексте которого рассматривалась и тема польского национального (освободительного) движения и ссылка поляков в Сибирь.

К числу немногих публикаций, касающихся польского национального движения и польской ссылки, относятся воспоминания участника восстания 1863–1864 гг. в Польше В.Б.-К. Арендта³, которые были посвящены двум известным участникам этого восстания («польским повстанцам») – Иосафату (Юзефату) Огрызко⁴ [1] и Анне Теофиловне Пустовойтовой⁵ [2]. Оба текста были опубликованы в разделе «Из истории революционного движения» под одинаковым заголовком «Из воспоминаний о польском восстании 1863 г.», из чего можно заключить, что задумывалась серия публикаций о Январском восстании, но этого не произошло. В.Б.-К. Арендту принадлежат также воспоминания «Дни Коммуны 1871 года» [3], в которых он рассказал об участии поляков во французской революции 1871 г. В их числе были А.Т. Пустовойтова и В.Б.-К. Арендт.

Иосафат (Юзефат) Огрызко исполнял в 1863 г. обязанности представителя польского повстанческого руководства – Национального правительства в Петербурге, за что в 1864 г. был арестован и приговорён Виленской следственной комиссией к смертной казни, заменённой 20-ю годами сибирской каторги [19: 11–12]. Некоторые обстоятельства, связанные с арестом и ссылкой И. Огрызко в Сибирь, описал в своих воспоминаниях, хорошо известных российским и польским исследователям, Л.Ф. Пантелеев, член «Земли и Воли», отбывавший многолетнюю ссылку в Сибири по подозрению в причастности к восстанию 1863 г. в Польше [12]. Воспоминания В. Арендта о И. Огрызко не фигурируют ни в российской, ни в польской историографии. Между тем эти воспоминания, посвященные петербургскому периоду деятельности И. Огрызко, существенно проясняют запутанную ситу-

ацию, связанную с его ролью в подготовке «шляхетского» восстания в Польше, которая прежде, по словам Арендта, ограничивалась изданием польской газеты «*Slowo*» и подготовкой молодёжи к «ксёндзо-шляхетскому мятежу». В действительности же И. Огрызко, которому отводилась роль министра юстиции в будущем правительстве Польши, рассчитывал создать под прикрытием газеты в Петербурге типографию с целью перепечатывания сборника польских законов «*Volumia legum*», чтобы «будущей польской администрации иметь под рукой однообразные юридические прецеденты» для проектируемого государственного уложения, подобного «Полному собранию законов» Российской империи. Планировалось снабдить экземплярами этого сборника законов все города и местечки Польши, Литвы, Галиции и Познани. Предполагалось, что ко времени «отделения Речи Посполитой от Москвы, отпечатание законов могло быть закончено». Доверие к Огрызко, который занимал важный административный пост и пользовался покровительством со стороны петербургских чиновников, было подорвано публикацией в газете письма Иоахима Лелевеля, одного из предводителей восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском, которое было воспринято чиновниками «брандером гомерического размера, от которого Российская империя должна разбиться вдребезги», хотя к началу 1860-х гг. Лелевель отошёл от активной политической деятельности и «вся криминальность» письма заключалась не в его содержании, а в имени «старого заговорщика, имени совершенно безвредным для русских... и утратившем всякое обаяние среди самих поляков» [1: 58–63].

Воспоминания В. Арендта об Анне Пустовойтовой, опубликованные в разные годы – 1924 и 1929, позволяют воссоздать короткую, но насыщенную бурными событиями историю её жизни, связанную с Январским восстанием и с Парижской коммуной. В. Арендт писал об Анне Пустовойтовой как о «самой необыкновенной, по тем временам, женщине», которая «поражала всех не только своим высоким интеллектом, но и своей эрудицией по любому вопросу» [3]. Из воспоминаний Арендта следует, что Анна Пустовойтова входила в гарибальдийский кружок, образовавшийся в Варшаве в 1859 г. в ответ на призыв Джузеппе Гарибальди помочь в объединении Италии. Членами этого кружка были и будущие активные участники Январского восстания в Польше и Парижской коммуны Ярослав Домбровский, Валерий Врублевский, Антон Березовский и автор воспоминаний В. Арендт. В 1860 и 1861 гг. А. Пустовойтова активно участвовала в патриотических манифестациях в Польше. А когда в январе 1863 г. вспыхнуло восстание, она «мгновенно примчалась» в Варшаву и уже в начале февраля явилась в Центральный революционный комитет

(речь идёт, видимо, о Центральном национальном комитете. – И.Н.) с просьбой отправить её на службу в отряд Марианна Лангевича, к которому имела рекомендательные письма. М. Лангевич, принявший Анну «с большой радостью», назначил её личным адъютантом и произвёл в офицерский чин – хорунжего. «Обладая чрезвычайно хорошим здоровьем, Анна Пустовойтова... легко переносила все невзгоды повстанческой жизни... никто в отряде не подозревал, что она девушка». А. Пустовойтова оставалась адъютантом М. Лангевича, который в марте 1863 г. был провозглашён диктатором Польши, вплоть до их ареста австрийскими властями. После неудачной организации побега Лангевича, Пустовойтова вернулась в Польшу. В мае 1863 г. она была арестована и заключена в Александровскую цитадель в Варшаве, а затем сослана в Вологодскую губернию на 5 лет с лишением всех «лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ». В марте 1864 г. вместе с В. Арендтом она была отправлена в Великий Устюг и через 3 года помилована Манифестом 1867 г. по случаю бракосочетания наследника Александра с Дагмарой Датской [2]. Ещё через 3 года, в 1870 г., они встретились с В. Арендтом уже в Париже, где в дни Парижской коммуны оба сражались на баррикадах под командованием Я. Домбровского. 24 мая Домбровский был тяжело ранен и вскоре скончался. 26 мая ранение получила и Анна Пустовойтова. Больше В. Арендт с ней не встречался. Он считал, что ранение её было смертельным. Но она выжила и прожила ещё 10 лет. В. Арендт после поражения Коммуны бежал сначала в Женеву, затем в Варшаву, где был арестован «за предполагаемое участие в Коммуне» и выслан на Кавказ, где пробыл в ссылке 5 лет [2: 100–103; 1929].

Другая тема, получившая освещение в журнале «Каторга и ссылка», – адаптация сосланных в Сибирь участников Январского восстания после манифеста 1883 г., когда им было разрешено вернуться на родину, но многие из них остались в Сибири. Упоминания, касающиеся судеб польских повстанцев и их потомков, мы находим в опубликованных в журнале воспоминаниях Ф.Я. Кона⁶ и М.М. Чернавского. Ф. Кон писал, что в Якутской области ему «пришлось натолкнуться на... бывших участников польского восстания 1861–1863 гг. (так в тексте. – И.Н.). Многие из них вернулись на родину по амнистии 1883 г., но многие уже прочно осели в Сибири и не воспользовались возможностью возвратиться в Польшу, не желая “начать жизнь снова”, как они выражались» [5: 88].

Вернувшихся в Польшу приветствовали отнюдь не как героев. Ян Цишек с горечью вспоминал, как его встретили в Кракове: «Сибиряки идут, дегтём воняют!», а другой автор так писал о своём возвращении из ссылки на родину: «И тут началась моя настоящая каторга»

[15: 26]. Поэтому среди тех, кого потянуло на родину, было немало разочаровавшихся и вернувшихся в Сибирь: «Большой процент тех... которые часто разорялись для того, чтобы иметь возможность вернуться, разочаровались и вернулись. Романтики, десятки лет жившие мыслью о Польше и о борьбе, в которой они принимали участие... по возвращении были ошарашены тем, что они там застали: и примиренчеством по отношению к царскому правительству, и погоней за восточными рынками, в жертву которой было принесено все... С большой горечью вспоминали повстанцы о причинах, вызвавших их обратное возвращение в Сибирь. Нет там для нас места...» [5: 88].

Основная причина разочарования заключалась в том, что после подавления Январского восстания в Польше наступил спад патриотического национального движения. На смену ему пришла эпоха позитивизма. Отвергая идею вооружённой борьбы за национальную независимость, либеральная интеллигенция выдвинула программу «органического труда», призывая все классы польского общества укреплять экономику страны, согласованно трудиться во имя общественного блага. Второй лозунг «варшавского позитивизма» – «работа у основ» – призывал шляхетскую и буржуазную интеллигенцию просвещать народ, строить в деревне школы и больницы. Эти новые идеи не были поняты и приняты польскими повстанцами: «И для них, романтиков-националистов, – писал Ф.Я. Кон, – в тогдашней Польше действительно не было места. Буржуазия “трезво” смотрела на дело. Русские рынки были для них дороже независимости родины, за которую боролись повстанцы, а пролетарское движение, к которому примкнули рабочие, вместе с ними участвовавшие в восстании, им, националистам, было чуждо» [6: 202].

Но и в Сибири, по словам Ф. Кона, польским повстанцам тоже «было тяжело при виде прежних товарищей по борьбе, совершенно опустившихся. Одни выплыли. Разбогатели и прослыли на всю Сибирь своим эксплуататорством, другие пошли на службу в полицию, ещё иные превратились в уголовных». Ф. Кон приводит в качестве примера свой рассказ «Несчастный», впервые опубликованный в 1902 г. в Томске [4] о Войцехе Комаре, который был поселён после каторги в деревне на берегу Ангары и открыл там кабак, «превратившийся впоследствии... в воровской притон. Уличенный в скупке краденых вещей, он был сослан в Якутский округ и здесь, в одном из наслегов, продолжал прежнее ремесло: спаивал якутов и поселенцев, скупая за бесценок украденный в околоте скот» [5: 88].

Современники сходились во мнении, что в основном ссыльные повстанцы и их потомки сумели приспособиться к местным условиям, влиться в местное население, принять местные правила и культурные

нормы. Об этом писал в своих воспоминаниях ссыльный народник М.М. Чернавский, отмечая, что большинство бывших польских повстанцев в Сибири «хорошо акклиматизировалось... и прочно слилось с местным населением. Многие прекрасно устроились в материальном отношении. Об освобождении родины если и мечтали, то как о деле отдалённого будущего, принять участие в котором им не суждено. Население относилось к ним хорошо и почти считало своими людьми» [18: 190–191].

С появлением новых польских ссыльных из числа членов партии «Пролетариат», народников, польских социал-демократов между ними и повстанцами 1863–1864 гг. возникали серьёзные идеологические разногласия, особенно в национальном вопросе. Старшее поколение польских ссыльных, давно оторванных от родины и активной политической жизни, не разделяло политических взглядов и целей, выдвигаемых польской мыслью в 1870–1890-е гг. И. Огрызко заявлял, в частности: «Действия нынешней молодёжи я не только не одобряю, но осуждаю. Поступки их вовсе не понимаю, и кажется мне, что у них все перепуталось в голове. Я очень жалею, что русской молодёжи удалось повлиять на польскую...» [22: 492–493]. Характерна следующая деталь, которую отметил М.М. Чернавский: «Рядовой обыватель программную и идейную разницу между поляками-повстанцами и народниками смутно чувствовал... Наименование “социалист” применялось к народникам довольно часто и никогда не употреблялось по отношению к повстанцам-полякам» [18: 191].

Ещё одна важная тема нашла отражение на страницах журнала «Каторга и ссылка» – роль польских ссыльных в исследовании Сибири. В статье В.И. Николаева «Сибирская политическая ссылка и изучение местного края» отмечалось «исключительное влияние» польских повстанцев – геологов И.Д. Черского, А.Л. Чекановского, археолога И.В. Витковского и Б.И. Дыбовского, исследовавшего озеро Байкал, его флору и фауну, на развитие краеведческой работы в Иркутске. Их заслуги были отмечены присуждением золотых медалей Географического общества [11: 103–104, 107]. В изучении Якутского края, по словам автора статьи, «наиболее крупный след» оставили В.Л. Сорошевский и Э.К. Пекарский. В.Л. Сорошевский, проживший в Якутии 12 лет (1880–1892 гг.), написал свой классический труд «Якуты: опыт этнографического исследования», включивший широкий круг вопросов, касающихся географии и климата края, происхождения якутов, их расселения, экономических и бытовых особенностей, семейно-брачных отношений и др. Автор статьи отметил почётную роль в развитии якутского краеведения Э.К. Пекарского, составившего якутско-русский словарь и написавшего ряд работ по экономике и

этнографии края. Вместе с Ф.Я. Коном Пекарский принял участие в Сибиряковской экспедиции в Якутию (1894–1896 гг.) [11: 109–114].

Таким образом, издаваемые в межвоенный период в СССР и в Польше почти синхронно два журнала со схожей тематикой – «Каторга и ссылка» в Москве и «Сибиряк» («Sybirak») в Варшаве – внесли несомненный вклад в становление и развитие сибирско-польской истории и с точки зрения ее осмысления, и с точки зрения публикации исторических источников, прежде всего мемуаров. Но концептуально этими журналами закладывались разные историографические традиции освещения польской ссылки в Сибирь. Анализ польской мемуаристики и других материалов, опубликованных в журнале «Сибиряк», показывает, что они способствовали укреплению в общественном сознании традиционного «шляхетского» восприятия Сибири, как «места страдания, изгнания и смерти». Воспоминания и другие материалы, опубликованные в журнале «Каторга и ссылка», рассматривающие ссылку поляков в Сибирь в контексте истории революционного движения, заложили историографическую традицию русско-польских революционных связей, которая получила своё оформление и развитие в России и Польше после окончания Второй мировой войны, когда возникли новые, общие для изучения сибирской польской истории, условия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полный комплект журнала «Sybirak» хранится в Национальной библиотеке Польши в Варшаве.

2. Большинство номеров этого журнала находится в собраниях Научной библиотеки Томского государственного университета, Томской областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина и других библиотек.

3. Арендт Виктор-Казимир Болеславович (1843–1929?). Интересной сложилась дальнейшая судьба В. Арендта и его потомков. Спустя несколько лет после падения Парижской коммуны он попытался нелегально вернуться в Российскую империю, был арестован и отправлен в ссылку, сотрудничал с Красным Крестом «Народной воли». В начале XX в. служил в земстве, был близок к партии эсеров, дожил до советской власти. Его мемуары были изданы Обществом политкаторжан. Дальше след В. Арендта теряется. Но известно, что его сын – Всеволод Викторович Арендт, историк и музеевед, занимавшийся историей средневекового оружия – был расстрелян в 1937 г. по 58 статье за «антисоветскую деятельность», которая заключалась в том, что он вёл переписку с зарубежными учёными [8].

4. Огрызко Иосафат (Юзефат) (1826–1890). Видный деятель поль-

ского освободительного движения 1860-х гг., белорусский дворянин, издатель польской газеты «Слово» («Slowo») в Петербурге. Пользовался большим авторитетом в русских революционных кругах, поддерживал отношения с партией «Земля и воля». Был близко знаком с Н.Г. Чернышевским. С февраля 1863 г. – главный представитель (агент) Варшавского повстанческого правительства в Петербурге. В 1864 г. был арестован, в 1865 г. – приговорён к смертной казни, заменённой двадцатью годами сибирской каторги. В 1866 г. за участие в протесте заключённых против жестоких условий акатуйского тюремного режима был отправлен с Ю. Дворжачеком в ссылку в Якутскую область. 4 года он содержался в полном одиночестве в специально построенном остроге в Вилуйске, без фамилии (под № 11), а с 1871 г. в ссылке в Якутске. Там он занимался сельским хозяйством, разводил скот, учил якутов земледелию, снискал любовь местных жителей. С 1874 г. И. Огрызко отбывал ссылку в Верхотенске и Иркутске, где пытался добывать золото, а также занимался адвокатурой среди золотопромышленников. Умер в Иркутске в 1890 г., похоронен на Иерусалимском кладбище, могила утрачена.

5. Пустовойтова Анна Теофиловна (1838–1881). Дочь русского генерала Трофима (Теофила) Павловича Пустовойтова и польской дворянки Марианны из дома Коссаковских. Вначале училась в Люблине, затем в женской школе в Варшаве, после вместе с сестрой окончила Пулавский институт благородных девиц. Участвовала во многих религиозных и патриотических мероприятиях в Люблине и Житомире. Наиболее известна своим участием в Польском восстании 1863–1864 гг., когда, переодевшись мужчиной и взяв себе имя Михаил Смок, сражалась под началом генерала Марианна Лангевич как его адъютант. После пленения 26 ноября 1863 г. была сослана в Вологодскую губернию, но в 1867 г. амнистирована. После освобождения эмигрировала сначала в Прагу, затем в Швейцарию; в 1870 г. переехала в Париж, где принимала активное участие во Франко-прусской войне и Парижской коммуне как военная медсестра, сражаясь на баррикадах; за участие во Франко-прусской войне была награждена крестом «За заслуги». После подавления Парижской коммуны была арестована, но затем освобождена благодаря вмешательству международного Красного Креста. В Париже жила до конца жизни.

6. Кон Феликс Яковлевич (1864–1941). Общественный и политический деятель, член польских партий «Пролетариат», «ППС», историк, этнограф, публицист. В 1884 г. по делу «Пролетариата» приговорён к каторжным работам. Отбывал наказание на Каре, в Забайкалье. Участвовал в Карийском протесте против применения телесных наказаний. В декабре 1890 г. переведён на поселение в Якутскую

область. С 1895 г. жил под надзором полиции в Иркутске, Балаганске, Минусинске, где встретился с В.И. Лениным. Участвовал в Якутской историко-этнографической экспедиции; в начале 1900-х гг. провёл экспедицию в Урянхайский край (Туву), за что антропологическим отделом Общества естествоиспытателей в Москве награждён золотой медалью. Собранная Ф. Коном этнографическая коллекция хранится в Иркутском областном краеведческом музее. После возвращения из ссылки в 1904 г. вернулся в Польшу, где стал одним из лидеров ППС, а позже ППС-левицы. После революции жил в Австрии, где сблизился с большевиками. Вернулся в Россию после Февральской революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арендт В.Б.* Из воспоминаний о польском восстании 1863 г. Иосафат Огрызко // Каторга и ссылка. 1924. № 3 (10). С. 56–64.
2. *Арендт В.Б.* Из воспоминаний о польском восстании 1863 г. Анна Теофиловна Пустовойтова // Каторга и ссылка. 1924. № 6 (3). С. 95–103.
3. *Арендт В-К.Б.* Дни Коммуны 1871 г. М.: Ц.К. МОПР, 1929. URL: <https://istmat.org/node/27631> (дата обращения: 14.09.2022).
4. *Кон Ф.* Сказки из сибирской действительности. Томск: Издание кн. маг. П.И. Макушина, 1902. 130 с.
5. *Кон Ф.* На поселении в Якутской области // Каторга и ссылка. 1928. № 12 (49). С. 81–93.
6. *Кон Ф.* За пятьдесят лет. Т. 3–4. М.: Советский писатель, 1936. 516 с.
7. *Кудрявцев Ф.* Поляки в Сибири // Сибирская советская энциклопедия. Т. IV (Макет). Б. м. Б. г. С. 417–420.
8. Люди и судьбы: История Анны Пустовойтовой. URL: <https://naiwen.livejournal.com/1519972.html> (дата обращения: 14.09.2022).
9. *Маньковский В.* Поляки в Томске в 1910–1921 гг. // Поляки в Сибири. Поляки о Сибири. Томск, 2012. С. 227–237.
10. *Мулина С.А.* Память о Сибири в межвоенной Польше // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2016. С. 73–78.
11. *Николаев В.И.* Сибирская политическая ссылка и изучение местного края // Каторга и ссылка. 1927. № 5 (34). С. 87–116.
12. *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания. М.: Госиздат, 1958. 847 с.
13. *Сливовская В.* Старые и новые исследования судеб польских ссыльных в Сибири: их место в истории и культуре // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: Ладомир, 2002. С. 278–290.
14. *Сливовская В.* Польская Сибирь – мифы и действительность. URL: http://polonia42.ru/news_269.html (дата обращения: 10.10.2022).
15. *Сливовская В.* Побег из Сибири. СПб.: Алетейя, 2014. 536 с.

16. Ханевич В. Александр Мачеша // Поляки в Сибири, поляки о Сибири. Томск, 2012. С. 207–208.
17. Цабан В. Ссылка поляков в Сибирь в XIX веке. Обзор польских и российских/советских публикаций // Поляки в Сибири в конце XIX века: историографические традиции, новые направления и перспективы исследований. СПб.: Алетейя, 2021. С. 33–70.
18. Чернавский М.М. На поселении (Воспоминания народника-семидесятника) // Каторга и ссылка. 1932. № 8–9. С. 190–191.
19. Шостакович Б.С. Сибирские годы Юзефата Огрызко // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1974. Вып. 2. С. 11–53.
20. Шостакович Б.С. Историография политической ссылки поляков в Сибирь в XIX – начале XX века // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1985. Вып. 9. С. 8–22.
21. Шостакович Б.С. История поляков в Сибири. Иркутск, 1995. 165 с.
22. Шостакович Б.С. Феномен польско-сибирской истории (XVII в. – 1917 г.): Основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы. М.: МИК, 2015. 752 с.
23. Andronowski M. Ze wspomniem ojca, powstancja 1863 r., Sybiraka // Sybirak. 1938. № 2 (14). S. 14–23.
24. Giza St. Powstanie Polaków nad Bajkalem // Sybirak. 1936. № 1 (9). S. 27–35.
25. Mańkowski W. Polacy w Tomsku w latach 1910–1920 // Sybirak. 1938. № 3 (15). S. 41–54.
26. Sokulski J. Pomoc Krakowa dla wygnanców sybirskich (1865–1869) // Sybirak. 1936. № 1 (9). S. 36–44.
27. Sokulski J. Prawdziwe oblicze Ludwika Zychlinskiego // Sybirak. 1938. № 3 (15). S. 65–71.
28. Sokulski J. Irkutsk. Metropolia wygnanców polskich po powstaniu styczniowym // Sybirak. 1939. № 3 (19). S. 28–34.
29. Zabęski A. W perspektywie 300 lat // Sybirak. 1934. № 1. S. 30–38.
30. Zabęski A. Powstancy 63 r. w Orenburgu // Sybirak. 1938. № 2 (14). S. 21–26.
31. Zemko J. Stberia nie znilka s pamrięci // Sybirak. 1934. № 1. S. 28–29.

REFERENCES

1. Arendt, V.B. (1924a) Iz vospominaniy o pol'skom vosstanii 1863 g. Iosafat Oгрыzko [From the memories about the Polish Uprising of 1863. Iosafat Oгрыzko]. *Katorga i ssylka*. 3(10). pp. 56–64.
2. Arendt, V.B. (1924b) Iz vospominaniy o pol'skom vosstanii 1863 g. Anna

Teofilovna Pustovoytova [From the memories about the Polish Uprising of 1863. Anna Teofilovna Pustovoytova]. *Katorga i ssylka*. 6(3). pp. 95–103.

3. Arendt, V.-K.B. (1929) *Dni Kommuny 1871 g.* [Days of the Commune 1871]. Moscow: Central Committee of MOPR. [Online] Available from: http://istmat.info/files/uploads/27631/commune_v-arendt.pdf (Accessed: 14th September 2017).

4. Kon, F. (1902) *Skazki iz sibirskoy deystvitel'nosti* [Fairytale from the Siberian reality]. Tomsk: P.I. Makushin.

5. Kon, F. (1928) Na poselenii v Yakutskoy oblasti [At the settlement in Yakutsk region]. *Katorga i ssylka*. 12(49). pp. 81–93.

6. Kon, F. (1936) *Za pyat' desyat let* [For fifty years]. Vol. 3–4. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

7. Kudryavtsev, F. (n.d.) Polyaki v Sibiri [Poles in Siberia]. In: Azadovsky, M.K. (ed.) *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 4. pp. 417–420.

8. Livejournal.com. (n.d.) *Lyudi i sud'by: Istoriya Anny Pustovoytovoy* [Peoples and fates. The story of Anna Pustovoytova]. [Online] Available from: <https://naiwen.livejournal.com/1519972.html> (Accessed: 14th September 2022).

9. Mankovskiy, V. (2012) Polyaki v Tomske v 1910–1921 gg. [Poles in Tomsk in 1910–1921]. In: *Polyaki v Sibiri. Polyaki o Sibiri* [Poles in Siberia, Poles about Siberia]. Tomsk: [s.n.]. pp. 227–237.

10. Mulina, S.A. (2016) Pamyat' o Sibiri v mezhvoennoy Pol'she [Memory of Siberia in the interwar Poland]. In: Suvorova, N.G. (ed.) *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii* [Asiatic Russia: people and structure of the Empire]. Omsk: Polygraphicheskiy Tsentr KAN.

11. Nikolaev, V.I. (1927) Sibirskaya politicheskaya ssylka i izuchenie mestnogo kraya [Siberian political exile and regional study]. *Katorga i ssylka*. 5(34). pp. 87–116.

12. Panteleev, L.F. (1958) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Gosizdat.

13. Slivovskaya, V. (2002) Starye i novye issledovaniya sudeb pol'skikh ssyl'nykh v Sibiri: ikh mesto v istorii i kul'ture [Old and new studies of the Polish exiles' fates in Siberia: Their place in history and culture]. In: Kuchiunsky, A. & Romanov, P.S. (eds) *Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda* [Siberia in the History and Culture of Polish People]. Moscow: Ladomir.

14. Slivovskaya, V. (2010) *Pol'skaya Sibir' – mify i deystvitel'nost'* [Polish Siberia – myths and reality]. [Online] Available from: http://polonia42.ru/news_269.html (Accessed: 10th October 2022).

15. Slivovskaya, V. (2014) *Pobegi iz Sibiri* [Escapes from Siberia]. St. Peterburg: Aleteyya.

16. Khanevich, V. (2012) Aleksandr Machesha [Aleksandr Machesha]. In: *Polyaki v Sibiri, polyaki o Sibiri* [Poles in Siberia, Poles about Siberia]. Tomsk: [s.n.]. pp. 207–208.

17. Tsaban, V. (2021) Ssylka polyakov v Sibir' v XIX veke. Obzor pol'skikh i rossiyskikh/sovetskikh publikatsiy [Poles' exile to Siberia in the 19th century. Review of Polish and Russian/Soviet papers]. In: *Polyaki v Sibiri v kontse XIX veka: istoriograficheskie traditsii, novye napravleniya i perspektivy issledovaniy* [Poles in Siberia in the late 19th century: historiographical traditions, new directions and perspectives of researches]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 33–70.

18. Chernavskiy, M.M. (1932) Na poselenii (Vospominaniya narodnika-semidesyatnika) [At the settlement (Memories of a Narodnik of the 1870s)]. *Katorga i ssylka*. 8-9. pp. 190–191.

19. Shostakovich, B.S. (1974) Sibirskie gody Yuzefata Ogryzko [Juzefat Ogryzko's Siberian years]. *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Exiled revolutionists in Siberia (19th – February 1917)]. Vol. 2. Irkutsk: [s.n.]. pp. 11–53.

20. Shostakovich, B.S. (1985) Istoriografiya politicheskoy ssylki polyakov v Sibir' v XIX – nachale XX veka [Historiography of Poles' political exile to Siberia in the 19th – early 20th century]. In: *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Revolutionary exiles in Siberia in the 19th century – February 1917]. Vol. 9. Irkutsk: [s.n.]. pp. 8–22.

21. Shostakovich, B.S. (1995) *Istoriya polyakov v Sibiri* [History of Poles in Siberia]. Irkutsk: [s.n.].

22. Shostakovich, B.S. (2015) *Fenomen pol'sko-sibirskoy istorii (XVII v. – 1917 g.): Osnovnye aspekty sovremennykh nauchnykh traktovok, rezul'tatov i zadach dal'neyshey razrabotki temy* [Phenomenon of Polish-Siberian history (the 17th century – 1917): Basic aspects of modern scientific interpretations, results and tasks of further development of the topic]. Moscow: MIK.

23. Andronowski, M. (1938) Ze wspomniem ojca, powstanca 1863 r., Sybiraka. *Sybirak*. 2(14). pp. 14–23.

24. Giza, St. (1936) Powstanie Polaków nad Bajkałem [Uprising of the Poles over Baikal]. *Sybirak*. 1(9). pp. 27–35.

25. Mańkowski, W. (1938) *Polacy w Tomsku w latach 1910–1920* [Poles in Tomsk in 1910–1920s]. *Sybirak*. 3(15). pp. 41–54.

26. Sokulski, J. (1936) Pomoc Krakowa dla wygnancow sybirskich (1865–1869) [Krakow's help for Siberian exiles]. *Sybirak*. 1(9). pp. 36–44.

27. Sokulski, J. (1938) Prawdziwe oblicze Ludwika Zychlinskiego [Ludwik Zychlinski's true face]. *Sybirak*. 3(15). pp. 65–71.

28. Sokulski, J. (1939) Irkutsk. Metropolia wygnancow polskich po powstaniu styczniowym [Irkutsk. Metropolis of Polish exiles after the January uprising]. *Sybirak*. 3(19). pp. 28–34.

29. Zabęski, A. (1934) W perspektywie 300 lat [In the perspective of 300 years]. *Sybirak*. 1. pp. 30–38.

30. Zabęski, A. (1938) Powstancy 63 r. w Orenburgu [Insurgents of 1863 in Orenburg]. *Sybirak*. 2(14). pp. 21–26.

31. Zemło, J. (1934) *Siberia nie znikas pamieci* [Siberia didn't disappear from memory]. *Sybirak*. 1. pp. 28–29.

Нам Ираида Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета (Россия).

Iraida V. Nam – Tomsk State University (Russia).

E-mail: namirina@bk.ru

УДК 327.51

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/12

Концепция «Старой» и «Новой» Европы Романа Дмовского и её роль в дискурсе современной польской международной политики

М.Д. Трезубов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
E-mail: m.trezubov@gmail.com

Авторское резюме

Важное место в польской истории занимает Роман Дмовский – польский националист и один из основателей независимого польского государства. После восстания Польши на политической карте Европы возникла потребность в определенном внешнеполитическом курсе, способном дать процветание стране, лишённой субъектности де-факто на 123 года. Дмовский находит наиболее приоритетным путь защиты своей национальной идентичности от протестантских стран Запада, определяя собственную нацию в качестве одного из главных хранителей латинской цивилизации. Сформулировал он данный тезис на основе «Основания XIX столетия» Хьюстона Чемберлена, «Заката Европы» О. Шпенглера и многочисленных трудов Ф. Конечного, который произвёл на Дмовского, как нам видится, основополагающее влияние. Целью его концепции является спасение латинской цивилизации (Италия, Польша, Франция во главе с Ш. Моррасом) от отрицательных явлений еврейской цивилизации и протестантизма в частности, представляя латинскую цивилизацию во многом благодаря реинтерпретации протестантских стран и дальнейшей ее антагонизации. Этот блок был сугубо оборонительным и на практике осуществлен не был. Говоря о дискурсе современной польской международной политики, можно найти большое количество рецепций, связанных с Дмовским, хотя, безусловно, следует понимать, что польское правительство не является эндемиками. Так, например, мы можем встретить уже использовавшуюся Дмовским дихотомию «немец–поляк», которая сейчас является во многом одной из главных, связанных с внутриевропейским кризисом. На данный момент, в связи с событиями, начавшимися 24 февраля, Польша

потенциально имеет все шансы стать гегемоном в восточноевропейской политике Евросоюза благодаря всецелой поддержке Украины и идеям тесной интеграции с ней. Поскольку Украина уже является кандидатом на членство в ЕС, это позволит составить конкуренцию Германии в политике Евросоюза и, возможно, даже приведет к реформированию ЕС за счет активной проукраинской политики.

Ключевые слова: Феликс Конечный, Дмовский, Польша, латинская цивилизация, украинский кризис, евроскептицизм, Право и Справедливость

The concept of “Old” and “New” Europe by Roman Dmowski and its role in the discourse of modern Polish foreign policy

Matvey D. Trezubov

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: m.trezubov@gmail.com

Abstract

Roman Dmowski, a Polish nationalist and a founder of the independent Polish state, occupies an important place in Polish history. After the restoration of Poland on the political map of Europe, there was a need for a certain foreign policy that could give prosperity to a country *de facto* deprived of its agency for 123 years. Dmowski argues that the national identity can be protected from the Protestant countries of the West only through defining it as a main guardian of the Latin civilization. He formulated this thesis on the basis of Houston Chamberlain's *The Foundation of the 19th Century*, Oswald Spengler's *The Decline of Europe* and numerous works of Feliks Konieczny, who had a fundamental influence on Dmowski. His concept aimed at saving the Latin civilization (Italy, Poland, and France, led by Charles Maurras) from the affects of Jewish civilization and Protestantism in particular, representing the Latin civilization largely due to the reinterpretation of the Protestant countries and its further antagonization. This bloc was purely defensive and wasn't implemented in practice. Speaking about the discourse of modern Polish foreign policy, one can find many allusions to Dmowski, although it should be understood that the Polish government are not *endecja* (Narodowa Demokracja). So, for example, the “German-Pole” dichotomy, which was used Dmowski, is now in many ways one of those associated with the intra-European

crisis. Now, in connection with the events of February 24, Poland potentially has every chance of becoming a hegemon in the Eastern European policy of the European Union, since it fully supports Ukraine and close integration with it. Since Ukraine is already a candidate for EU membership, this will allow it to compete with Germany in EU politics and possibly even result in EU reforms, due to its active pro-Ukrainian policy.

Keywords: Feliks Koneczny, Dmowski, Poland, Latin civilization, Ukrainian crisis, Euroscepticism, Prawo I Sprawiedliwość

Идентифицируя себя с Европой в XIX в., польские мыслители представляли себя во многом частью Старого Света, являющегося для них базисом целой цивилизации [20: 1476–1477], неотделимой от неё структурой. Однако это явление было, скорее, характерно для рафинированных интеллектуалов эпохи «Органического труда». Интеллектуалы же новой эпохи, показавшие себя в полной красе уже ближе к *Fin de siècle*, представляли эгалитарные националистические партии конца века, презиравшие подход и аксиоматику предыдущего поколения. Как очень метко заметил Роман Вапиньский, «для сверстников Дмовского Январское восстание было уже историей, а не пережитым событием» [26: 18]. И в этой фразе мы просто не можем не заметить явный дискурсивный водораздел, интеллектуально разъединяющий два поколения польских патриотов.

Впитав в себя этот проевропейский дискурс, Дмовский еще до Великой войны испытал разочарование в эфемерной культурной парадигме Старого Света, которая напоминала ему простую мещанскую культуру [9: 653], отрицающую идеальные категории, так необходимые ему для постройки национального государства, одной из основ которого является конфессиональная принадлежность. Находя патетику Востока в виде Японии подходящей для решения национальных задач, Дмовский видит в ней плавный переход к концепции корпоративизма, которая воплотится уже после Первой мировой войны в первую очередь в Италии. При всём этом нам надо понимать, что сама суть взглядов Дмовского сводилась не к пустому и бессмысленному отрицанию своей европейской интеллектуальной принадлежности, а к созданию нового дискурсивного, можно даже сказать государственного, проекта, направленного на «модернизацию» европейского типа мышления, попытку его переформатирования для нужд польской нации.

Важным этапом в деятельности Р.Дмовского в качестве одного из лидеров национал-демократического движения является «Галицийский период» нахождения его во Львове – центре украинской национальной мысли. В своей статье 1895 г. «Национальное единство»

в журнале «Всепопольское обозрение» Дмовский начинает развивать идеи социал-дарвинизма для пояснения и распространения политической доктрины Национальной лиги, организованной им ранее.

«В отношениях между другими нациями нет правых или виноватых, есть только сила и слабость» [22: 14].

В данной цитате мы можем это напрямую проследить, однако же это был один из первых этапов становления Дмовского как идеолога и публициста, поэтому данные идеи пока слабо развиты и в дальнейшем подвергались метаморфозам, особенно после Великой войны. Помимо этого, выходит в свет самая известная его работа «Мысли современного поляка» – программный документ, выстроенный в простом для читателя стиле и являющийся во многом пересказом произведения его коллеги-сопартийца Зыгмунта Балицкого «Национальный эгоизм по отношению к этике». Целевой аудиторией «Мыслей» были непосредственно польские националисты, поэтому эту работу можно считать самым настоящим пособием для «народовца».

Дмовский сформировал своё виденье украинского вопроса на территории достаточно украинизированной Галиции. Он считал, что украинское национальное движение является проектом Германской и Австрийской империй против польской нации, таким образом её ослабляя, создавая раздор между народами на этих землях [11: 129]. Данную точку зрения, например, он излагал в своей работе «Украинский вопрос» в 1930 г.

«В это время германская политическая литература начала разработку концепции нового государства – Великой Украины. В то же время было создано германское консульство во Львове, но не для немецких граждан, которых в Восточной Галиции на самом деле не было, а для политического сотрудничества с украинцами, что, впрочем, скоро вскрылось» [11: 130].

Мы видим, как Дмовским поднимается тезис об «искусственности» украинской нации, взращённой, в первую очередь, немцами, а не путём постоянной борьбы, о которой любили говорить народовцы в эпоху разделов. Однако же при всём этом Дмовский в «Мыслях» 1903 г. предлагает два решения «русинского» вопроса (Дмовский, как и многие националисты той эпохи, избегает обозначения «украинец») [12: 48]:

1. Полонизировать в лучшем случае всех или хотя бы часть «русинов».

2. Самим взрастить их как самостоятельную нацию, построенную на тесной дружбе с польским соседом.

Тем не менее при этом Дмовский заостряет особое внимание на создании прежде всего собственной нации со своей польской наци-

ональной идеей и государством, способным репрезентовать «польскость» на международной арене и особенно для самих поляков.

Однако же для понимания сути «польскости» и адекватного восприятия национального проекта национал-демократов необходимо погрузиться в национальный дискурс т. н. «польских разделов» и Царства Польского в частности. «Я поляк, следовательно, имею польские обязательства» [12: 17]. Этой известной почти каждому поляку фразой можно сразу охарактеризовать отношение к коллективизму Романа Дмовского и в целом Национал-демократической партии.

Концепция народовцев строилась во многом на принципе общего духовного слияния индивидуумов, которые готовы притупить свой индивидуальный эгоизм в пользу другого эгоизма – национального. Индивид должен присоединиться к нации, которая не была определена какими-то конкретными лицами, а все качества индивида будут впитаны в нацию и должны укреплять корни общества, нуждающегося в качественной культурной и материальной опоре для осуществления своих целей [4: 23]. Эндеки (национал-демократы) считали, что этническое происхождение и язык не могут определять национальную принадлежность индивида. Если характеристики индивида были для него первостепенны по отношению к нации, то тогда уже не имело бы никакой разницы, откуда этот человек и на каком языке он разговаривает, потому что он не является частью национального организма и не желает ему процветания своим вкладом в него. Если же личность готова принять национальные интересы за свои, то перед ней также не ставится вопрос о языке и происхождении, потому что идеологи Эндеции считали возможным поменять характеристики человека и «изменить» его путём взаимодействия с другими участниками социума разных поколений, которые путём социализации воздействовали на мышление людей [24: 410].

«Рождение или проживание на конкретной территории и происхождение от определённой группы (племени) не только не способно идентифицировать национальность тысяч и миллионов людей, но и даже одного индивидуума. Столетия общей политической жизни, совместной духовной и материальной культуры, общих интересов и пр. ценятся в сто раз больше, чем общее происхождение или даже язык» [19: 110].

Однако тогда возникает недвусмысленный вопрос: как определить, кто является поляком, если этнический критерий, как мы заметили, в случае эндеков нерелевантен? Если мы сможем опереться на еженедельник «Пшеглёнд Вшехпольски», то там анонимный автор под псевдонимом Syzuf излагает свои мысли по этому поводу. Поскольку главным редактором «Пшеглёнда» был Я. Поплавский, один из трёх

главных польских национал-демократов, а активным участником редколлегии Р.Дмовский, то эта позиция по многим вопросам в целом сходилась с их мнением.

«Национальность – преимущественно психологический факт, основанный на свободном и спонтанном решении индивида... [Национальность] не должна быть основана на какой-то внешней характеристике, как, например, место рождения, этническая идентификация или происхождение в случайном регионе. Тот, кто считает себя поляком, таковым и является [и это менее важно], если он из литовского, белорусского или украинского рода, был ли он рождён на Камчатке или в Америке, находится ли он под правлением Вильгельма или Николая» [23: 327].

Свой взгляд на международные отношения, в которых Польша является уже хоть каким-то актором политических процессов, Дмовский в полной мере показывает в 1908 г. в своей известной работе «Германия, Россия и Польский вопрос», которую он отказывался переводить на немецкий язык. Уже в этом труде мы можем проследить явный дисбаланс отношений в пользу России. Она виделась меньшим из зол, в силу слабости своей бюрократии и низкого уровня культуры неспособным уничтожить и ассимилировать польскую нацию. Тут следует обратить внимание на явный антагонизм «поляки – немцы», который ставит в качестве основы Дмовский. Он обращает особое внимание на опасность тесных взаимоотношений с немцами, имеющими возможность грамотно подавлять польский элемент на своих территориях и доводить его до состояния *Wasserpölacken* (известно, что это, скорее, немецкий экзоним к жителям Силезии, однако Дмовский отсылает его к иной дефиниции) – «правильных» поляков, уже фактически утративших своё этническое самосознание. Однако при этом в его риторике пока что нет никакого сколько бы то ни было качественного цивилизационного различия между немцами и поляками, хотя прецеденты для этого вполне могли повлиять на его ценностную систему. Одним из главных подобных бестселлеров рубежа веков были «Основания девятнадцатого столетия», написанные Х.С. Чемберленом. Чемберлен достаточно подробно говорит о гетерогенности европейской цивилизации, построенной на культурном господстве германцев, по сути, о самой гегемонии «Тевтонского мира», ставшего наследником Римской империи, утратившей свою витальную сущность вследствие собственной культурной толерантности и господства неарийских рас, уничтоживших данный культурно-политический пласт [3: 56]. Однако если взять данный трактат за нечто дискурсивно важное для Дмовского, то там мы сможем заметить намного более важную мысль, которую лидер Эндеции начинает крайне активно

муссировать после Первой мировой войны в своих работах «Церковь, нация и государство» и «Послевоенный мир и Польша»: XIX век стал важным для развития в первую очередь технологий, а не личности и идей, человек становится второстепенен. К тому же очень важным моментом является тема антисемитизма и враждебности еврейской культуры по отношению к германской у Чемберлена, ведь нечто синонимичное мы можем проследить и у Дмовского без каких-то особых проблем, потому что данный тезис он всячески обставлял и делал его одним из столпов своей концепции.

В брошюре «Церковь, нация и государство» Дмовский пишет довольно недвусмысленно о духовной роли католичества в обществе. Однако поскольку протестанты отказались от папской моральной доктрины, то этой регулирующей культурной практики больше нет, и, следовательно, они лишились «внутреннего ограничителя» [10: 5], под которым подразумевались возможные обязанности, ответственность перед социумом и следующими поколениями за свои поступки и решения. В системе взглядов Дмовского католицизм является моральным камертоном для всей латинской цивилизации, включающей в себя де-факто все католические страны, германский мир и англосаксов. Однако некогда единый религиозный мир оказался расколот, и протестантизм, который был сначала деструктивным и, скорее, антипапским, развил в человеке множество навыков и своим экономическим процветанием вынудил католиков следовать своему примеру, апроприируя на себя паттерны протестантского образа жизни и мировоззрения. Однако «в самом корне протестантизма находился атеизм» [13: 142]. И здесь во многом складывается паззл, который позволит нам обрисовать цельную картину взглядов Романа Дмовского по этому интереснейшему вопросу, который расширяется даже на международные отношения.

Дмовский видел в основе своей концепции международной политики дискурс «Угроза с востока и запада», который он уже активно применял и ранее, даже заостряя своё внимание, однако не используя религиозную принадлежность как что-то весомое, от чего реально зависят взаимоотношения между европейскими государствами. Своеобразной точкой бифуркации, приведшей к кризису (Дмовский говорит о явной катастрофе, экономической и моральной), Дмовский называет Великую войну, которая уничтожила де-факто старый либеральный мир, построенный на стремлении к науке, техноцентризму и индивидуализму. Обосновывая сначала экономически, а затем и культурно распад «Старой», довоенной Европы, Дмовский предлагает реконструировать католическую Европу. Определяет он её, правда, во многом через реинтерпретацию протестантской, представляя

её практически полным антиподом текущих развитых государств. Очевидно, националист Дмовский не может предлагать какую-то средневековую реставрацию или «возвращение к истокам» в виде язычества, которое он практически сразу отрицает как что-то позитивное, выставляя на щит именно Латинскую церковь, противостоящую масонству и еврейству, которые зачастую являются у него понятиями синонимичными.

Базисом польской международной политики, по его задумке, должны были стать крупнейшие католические страны Европы: Италия, Польша и Франция. В случае с Францией он вынужден был указать, что это возможно только при условии победы «Аксьон Франсез» с Ш. Моррасом во главе государства [10: 14]. Таким образом, на карте должен был появиться политический блок из трех крупных государств, способных бороться за спасение своих стран, потому что сутью этого «блока» являются не порабощение и уничтожение протестантских стран, их переформатирование путём насилия. Первоочередная задача – попытка «очистить» свое отечество от тлетворного влияния масонства и еврейства в надежде вернуться к традиционным моральным устоям и мировоззрению, которое продвигает Католическая церковь. Взяв за основу учение О. Шпенглера, Дмовский фактически разделяет Европу на две тесно переплетённых цивилизации, находящихся в непосредственном контакте друг с другом. Можно обозначить их как «латинская» и «еврейская». Под еврейской цивилизацией понимается совокупность различных культурных практик, ставшая доминирующей в европейской культурной жизни начиная с периода Реформации. Сразу же необходимо прояснить, что Дмовский видит протестантские движения как отход к иудаизму, потому что в доминирующих направлениях протестантизма, по его мнению, имеется примат Ветхого Завета над Новым и, следовательно, происходит явный отход от учения Иисуса Христа к каббалистическим мотивам, разлагающим традиционное общество.

Данную проблематику Дмовский поднимает в очень важном для нас романе «Наследие», который надо рассматривать не с позиции художественной ценности, а сугубо с идеологической, пропагандистской точки зрения. В «Наследии» вполне конкретно описывается агрессивность протестантского, можно даже сказать, «Западного», или «Европейского», дискурса по отношению к местному польскому населению, к которому относятся, как к людям второго сорта, а те и сами не против такой иерархии. Для них «европейскость» является чем-то далёким и притягательным, следом цивилизации, недоступным простым полякам. Мы подобное можем увидеть во многих работах и фильмах той эпохи, например в кинокартине «Czy Lucyna to

dziewczyna?”, начинающейся как раз с приезда героини из Франции в качестве де-факто суфражистки, прошедшей обучение в инженерной школе на автомеханика. Далее она переодевается в мужскую одежду, чтобы работать на заводе, что является, конечно, явным вызовом и во многом даже упреком к польскому обществу, не принимающему женщину в рабочей профессии. Исходя из этой мысли, мы можем предположить, что, по мнению Дмовского, это является заигрыванием с западным дискурсом, пытающимся и так поглотить остатки латинской цивилизации.

Одним из базисов мировоззренческой системы Дмовского являются работы известнейшего учёного Феликса Конечного, представившего свою модель цивилизационной теории, сделав свою вариацию, основанную во многом на совокупности юридических практик, считая этот критерий одним из основных. Но нас сейчас не интересуют другие цивилизации, кроме еврейской и латинской. Конечный обозначает Польшу как одного из главных и самого близкого преемника латинской цивилизации, строящейся на таких добродетелях, как грамотный индивидуализм, способность к самоорганизации и децентрализации. Наше внимание привлекла, можно сказать, концептуальная дифференциация этих двух цивилизаций на принципе соотношения этики и права, что ещё яснее подчёркивает основную борьбу в Европе. По Конечному, еврейская правовая практика сводится к верховенству права над моралью, тем самым детерминируя новую мораль, зачастую искусственную и выгодную бюрократическому аппарату, стремящемуся к унитаризму, усилению роли государства и разрастанию «Левиафана» [15: 225], отнимая свободы у простого населения. В католичестве же ему видится антагонистический мотив, во многом обратный самой концепции еврейского паттерна. Тут уже этика имеет примат над правом, и с помощью этой морали законы могут изменяться, таким образом, борясь с всевластием государственной машины, образуя гражданское общество, базирующееся, очевидно, на христианских ценностях. И такими размышлениями, терзающими межвоенную Польшу, Конечный вполне мог спровоцировать написание Дмовским своих эссе и программных документов, в которых явно видны очертания концептуальных философских концепций.

Дмовский ставит ещё одну границу между католичеством и протестантизмом, подводя черту под «европейством», которое лидер Эндеции видит лишь спекуляцией, рассчитанной на не слишком образованных поляков, стремящихся стать «европейцами» и полностью «европейской» страной. По мнению Конечного и, мы полагаем, самого Дмовского, Польша является, безусловно, частью латинской цивилизации, которая исходит от Римской империи и Святого Пре-

стола, однако «европейской» она не является в толковании термина польских националистов ни у голландца, ни у немца, ни у англичанина. Под «европейскостью» Дмовский понимает ярко выраженный, возможно, доведённый до предела индивидуализм, напоминающий, скорее, гедонизм, материалистический склад ума, в центре которого находятся скепсис и научное восприятие картины мира, хладнокровность, которая присуща многим скептикам и проявляется в том числе и в отсутствии сострадания. В противовес же этому косвенно выделяются характерные черты католика-поляка, не подверженно-го масоно-еврейскому влиянию: порядочность, эмоциональность, преданность, открытость, принятие идеалистической картины мира, доверие к людям, работа во благо общества, нации, которая может быть и в ущерб себе. Так, например, представляет большой интерес отрывок из «Наследия» Дмовского, в котором мы видим одну из черт, которую автор произведения стереотипирует евреям:

«Вы затронули самое важное. Вы видите только банальную ложь и только пошлые, беспомощные преступления. Великие и самые гнусные преступления скрываются от наших глаз. И это происходит во всех цивилизованных странах. И знаете почему? Потому что наша цивилизация еще со времен Эллады взращивает в нас культ правды и презрения ко лжи. Она не научила нас лгать. Когда к нам приходят люди из другой цивилизации, не имеющие такого уважения к истине, мы не в состоянии их распознать. Вот почему евреи так успешны. Их цивилизация возвела ложь в достоинство великого искусства, я бы даже сказал – добродетели. Врут в таком масштабе, что поляк, что француз, англичанин и кто-либо, не способны предположить, что можно так лгать. Вот почему мы ловим их на самой мелкой, малозначимой лжи, а когда они начинают врать полномасштабно, то мы им верим» [28: 206].

Говоря о современной политике в целом и польской в частности, мы должны понимать, что она, как правило, опирается на популизм и решение краткосрочных вопросов без ее индоктринации как таковой. Поэтому мы ни в коем случае не можем утверждать, что правящие элиты Польши являются «пилсудчиками» или «эндеками», потому что это было бы грубейшим обобщением, скорее строящимся на спекуляции фактами, нежели являющимся попыткой отследить более конкретные примеры, которые могли бы быть рассмотрены как вдохновленные интеллектуальными изысканиями прошлого.

Для исследования представляет определенный интерес работа Л.С. Лыкошиной «Радикальный национализм в современной Польше в свете идейного наследия Романа Дмовского» [2]. На данный момент этот аналитический обзор не имеет уже той актуальности, которая

была при его публикации, однако же в нем достаточно обширно изложены основы польского радикализма для русскоязычного читателя. В первую очередь проблема актуальности состоит в «размытии» границ между «Кукизем» и «Правом и Справедливостью» («ПиС») из-за коалиционных решений и провала «партии» (формально она не зарегистрирована в качестве политической партии) на выборах в Сейм в 2019 г. Вследствие этого мы проводим исследование с помощью дискурс-анализа.

9 августа 2022 г. в газете Dziennik Gazeta Prawna вышла статья с крайне интересным заголовком “Tusk: Kaczyński właśnie wyciąga nas z UE” (Туск: Качиньский просто вытаскивает нас из ЕС). «Газета Правна» имеет репутацию надёжного издания, и в этот раз заголовок не оказался обманым. Всё дело в том, что Польша в силу проведения антидемократических реформ, не нравящихся истеблишменту ЕС, имеет большие проблемы с сокращением финансирования от Евросоюза, что сильно задевает экономическую стабильность и развитие государства. В ответ на это генеральный секретарь партии «ПиС» Кшиштоф Соболевский ответил: «Если бы [у Польши] не было бы этой основной части бюджета ЕС, если бы эти отчисления попытались заблокировать, а Еврокомиссия уже пошла бы на это, можно сказать, что он [ЕС] попытался бы прижать нас к стенке, то нам ничего не остается, кроме как вытащить все пушки, которые есть в нашем арсенале, и ответить огнем на подавление» [25].

С одной стороны, мы можем всё свести к банальным экономическим интересам, прямо влияющим на электоральный потенциал правящей партии, и в чём-то будем правы. Но при всём этом необходимо отметить, что сам конфликт строится во многом на своеобразной вариации построения собственного суверенного государства с независимой экономикой, как это уже много раз отмечал Ярослав Качиньский – фактически первый человек в государстве де-факто и управляющий всей жизнью польского правительства, не имея при этом никакой государственной должности, будто маршал Пилсудский. Поэтому данный конфликт можно интерпретировать как борьбу европейской Польши с европейским Западом в лице бюрократов Евросоюза, старающихся распространить свои идеолого-культурные доктрины на восточную границу своей конфедерации.

Исходя из вышесказанного, мы можем крайне аккуратно наложить это на концепт международных отношений Польши Дмовского эпохи Интербеллума. Безусловно, это не прямая аналогия, поскольку понимание современной политической конъюнктуры не позволяет нам сказать об этом без улыбки. Мы видим вновь повторяющийся идеологический и культурный конфликт между Польшей и ведущими

странами ЕС, создающий пространство для дискурса евроскептицизма в Третьей Речи Посполитой, который не выливается в цивилизационный конфликт, но ставит вопрос о существовании Польши в современной европейской политической и культурной модели. В подтверждение наших выводов мы можем процитировать премьер-министра Польши Матеуша Моравецкого в ноябре 2020 г.: «Это не тот ЕС, в который мы вступили, и это не тот ЕС, у которого впереди есть будущее» [21].

Здесь мы вынуждены вспомнить кейс Дмовского, который видел Европу совсем иначе, чем она была фактически, и произошли очень серьезные дискурсивные разрывы. Тут мы видим нечто похожее: воображая себе «Европу» в качестве главных добродетелей, произошло разочарование недопониманием от центра ЕС и ответным отрицанием реальной европейской современной политической конъюнктуры со стороны польской бюрократии. И сейчас, и тогда простое местное население осознавало себя европейцами, но при этом часть истеблишмента открыто конфликтовала с текущей действительностью. При всём этом на дистанции в 19 лет, сравнивая официальные данные референдума о вступлении в ЕС 2003 г. и недавнего опроса издания Rzeczpospolita совместно с SW Research [5], мы видим определённые тенденции, направленные в сторону евроскептицизма как среди населения в целом, так и среди молодёжи 18–24 лет. В 2003 г. на референдуме голоса распределились таким образом: 77,45 % – за присоединение к ЕС, 22,55 % – против. Сейчас мы видим подобные результаты: 59,9 % – за, 14,9 % – против, 17,5 % – не знают, 7,7 % не захотели участвовать. При этом составители социологического опроса отмечают явную тенденцию развития евроскептицизма у молодого поколения и граждан, зарабатывающих менее 5 000 злотых брутто в месяц (т. е. получают зарплату ниже, чем средний уровень доходов в стране).

«Процент людей, которые поддержали бы членство, увеличивается с возрастом респондентов (52 % среди людей до 24 лет, 66 % среди респондентов, которым исполнилось 50 лет). Принадлежность к Европейскому сообществу поддержали бы 2 из 3 участников опроса, имеющих высшее образование, и такой же процент респондентов (64 %) – с доходом, превышающим 5 000 злотых нетто. Такой ответ указали почти 7 из 10 жителей городов с населением от двухсот до пятисот тысяч жителей» [5].

Сегодня наблюдается явный рост популярности партии «Конфедерация» в основном среди польской молодёжи и незначительный подъём уровня электоральной поддержки у лиц среднего возраста, которые являются основными избирателями двух других сил в виде

«Гражданской коалиции» и «Права и Справедливости» [16]. «Конфедерация» стоит на достаточно жёсткой позиции евроскептицизма и ставит в основу своих политических взглядов национал-либерализм, сочетающийся с сохранением традиционных ценностей, независимости польской экономики от дотаций ЕС и суверенности в своей внешней и внутренней политике. Учитывая результаты, описанные выше, мы не можем спрогнозировать будущее Польши: будет ли она в дальнейшем находиться в ЕС и в каком положении. Но при этом в достаточно узких слоях политически активного населения уже возникает дискурс т. н. «Евросовка», который является реакцией на негативно воспринимаемые поляками действия бюрократии Европейского союза. Тем не менее, несмотря на непопулярность такого мнения, в крупных изданиях публикуются статьи с размышлениями на данную тему, оспаривая подобное сравнение [14]. Данная проблематика изначально активно муссировалась в среде польских националистов «Национального движения», и вот мнение главы этой партии Роберта Винницкого, датированное июлем 2017 г.: «То, что всегда было ясно нам, националистам, теперь становится ясным и очевидным для большинства поляков. Посольство Еврокомиссии в Варшаве – это в сегодняшних реалиях то же, что 30 лет назад было посольством Советского Союза в Польше» [7].

Подобные фразы мы можем косвенно услышать и от первых лиц, таких как Качиньский, крайне аккуратно сравнивающих ЕС с СССР для Польши, что вызывает серьезные дискуссии в польском обществе, которые хочется направить в сторону евроскепсиса [7]. Вот, например, одно из его высказываний, относящееся к 2020 г.: «Даже при коммунизме [существовали] некоторые сферы человеческой свободы, присутствовала возможность выбора (...) И сегодня институты Евросоюза (...) требуют от нас проверки всей нашей культуры, отказа от всего, что для нас крайне важно» [21].

Под Евросоюзом при этом понимается господство Берлина в ведении общеевропейской политики, которое неприемлемо для польского правительства, старающегося уйти от этой практики. Вспоминая антагонистическую дихотомию Дмовского «немец – поляк», которую он использовал в «России, Германии и польском вопросе», мы можем предположить, что национал-демократические веяния во многом сохранились даже несмотря на фактическую военную пассивность ФРГ.

Антагонизм по отношению к Германии в Польше выделился в полноценный своеобразный пейоратив, обозначая, таким образом, предательство польских национальных интересов. Так, ещё 23 октября 2022 г. Качиньский использовал подобное обвинение по отношению к «Гражданской коалиции», являющейся главной оппозиционной

«ПиС» партией. Председатель «Права и Справедливости» на встрече с избирателями в Замосце объявил: «Мы проводим суверенную политику, центр власти в Польше независимый, а главное оппозиционное формирование – Гражданская коалиция, по сути, является немецким формированием, имеет открытое, прямое отношение к Германии» [6].

Необходимо, очевидно, прояснить, что восточные регионы Польши являются традиционным оплотом правящей партии, а грядущие выборы в Сейм в 2023 г. требуют мобилизации электорального потенциала, однако подобные утверждения требуют дальнейшего рассмотрения, поскольку показывают достаточно серьезную проблему польского общества. Притом это можно трактовать, как явный упрёк в сторону Германии, потенциально выливающийся в эскалацию внутрисистемного европейского конфликта. На той же встрече с избирателями Качиньский обозначил свою версию будущего в случае победы оппозиции: «Это образование, которое открыто, напрямую связано с Германией, и поэтому здесь не будет допущена эта независимость, этот суверенитет в принятии решений. И это имеет много разных, очень далеко идущих последствий» [6].

Мы можем это воспринимать как шаг для начала новой стадии польско-германских отношений, однако сейчас об этом рассуждать не имеет большого смысла, поскольку после выборов в Сейм все может измениться.

Переломным моментом в риторике польских первых лиц на официальном уровне стали события 24 февраля. Польша одной из первых выступила в поддержку Украины и с помощью самых решительных действий призвала к общему сплочению всего западного мира для борьбы с «имперским соседом», который недвусмысленно заявляет об уничтожении польской государственности в случае благополучного сценария [1], что не может не вызывать сугубо отрицательную реакцию, которая способна повлечь серьезные метаморфозы в структуре международной политики Польши. С самого начала боевых действий Польша находилась в авангарде и тем самым именно она стала неформальным локомотивом европейской политики в Восточной Европе, продвигая санкции против Российской Федерации, поставку оружия в Украину – как своего, так и стран-союзниц по НАТО [17]. Таким образом, уже Германия во многом оказалась в фарватере польской политики на Востоке, хотя и всячески этому сопротивляется. Так, например, скромные действия Германии для помощи Украине провоцируют польское правительство выступать с требованиями к бундесканцлеру Олафу Шольцу. Одним из подобных шагов стал отказ от покупки «Леопардов» из-за промедления решения о продаже со стороны Бундестага, вместо них было куплено 180 южнокорейских

танков K2, и еще 820 будет собрано по лицензии, которую выдала Корея на создание собственной вариации K2PL. Это представляется серьёзным жестом в отношении Германии и свидетельствует о неприятии ее политической линии, пропагандирующей умеренность в милитаризации своих стран-союзников.

Польша, в отличие от Венгрии, из главного евроскептика превратилась в одну из самых деятельных стран Евросоюза, и еврооптимизм связан как раз-таки с попыткой объединения ЕС за счёт консолидации сил в поддержку Украины. Можем ли мы сказать, что здесь сыграл фактор согласования бюджета, который утверждает Еврокомиссия и в котором нуждается Польская республика для получения крупнейших дотаций? Безусловно, однако нам видится потенциальная возможность создания нового политического блока на восточных территориях Евросоюза. Можно заметить, что Польша наиболее активна в формате Вишеградской группы, представляющей максимально близкие ей политически страны, формируя пока что зачаток альтернативы германскому центру. Вполне возможно, что в этот блок будут включены страны Балтии на основе антиимперского дискурса и прямой угрозы со стороны России. Напомним, что в такой блок потенциально могут войти многие страны, находившиеся в ОВД, в которых подавлялись антисоветские восстания. Однако мы наблюдаем, возможно, за одним из самых амбициозных проектов Польши за последнее время: попытка выстроить новую «Речь Посполитую трёх народов» вместе с Беларусью и Украиной, но только не в привычном нам историческом восприятии, а новую, построенную на крайне тесной интеграции. Сразу вспоминаются слова, сказанные президентом Польши Анджеем Дудой на праздновании Конституции 3 мая: «Я верю, что в будущем границы между Польшей и Украиной не будут» [18].

Безусловно, рассматривать это как новое государство на карте Европы никто, кроме, пожалуй, самых радикальных польских националистов не станет [27]. Но при всём этом Польша планомерно выстраивает линию доброжелательности по отношению к славянским странам постсоветского пространства – Беларуси и Украине. Для этого Сейм даже учредил в 2007 г. «Карту поляка», которой пользуются, как правило, граждане этих двух соседних стран. И таким путём происходит интеграция их в польскую общность, не разрывая связи со своей родиной. Конечно, Беларусь при пророссийски ориентированном главе государства не будет проводить никаких интеграционных мероприятий, но в случае переориентации на Запад польский истеблишмент не останется в стороне и попытается ввести Беларусь в фарватер своей политики. И, создав такой своеобразный экономико-политический неформальный союз в Восточной Европе, польское

правительство уже будет способно пошатнуть гегемонию Германии.

Мы не планируем оспаривать суждение, что федеративный проект – прерогатива Пилсудского, а не унитариста Дмовского, проводившего политику моноэтничного польского государства, правда, в масштабах, даже больших, чем границы, сформированные Рижским договором 1921 г. Однако при этом у Дмовского и других эндеков тоже было свое отчётливое видение судеб стран Восточной Европы, хоть и в другом качественном состоянии, которое бы не позволило налаживать тёплые отношения с восточными соседями, провоцируя серьёзные противоречия в политике памяти. В то же время Анджей Дуда во время дня памяти жертв Волынской резни 11 июля 2022 г. однозначно призвал всех к «перелистыванию» этой страшной страницы истории в польско-украинских отношениях и восприятию этих событий не как чего-то актуального и повода для мести украинцам: «Но истина должна быть выражена конкретно и ясно. Но, что чрезвычайно важно во всем этом, я хочу очень ясно подчеркнуть, именно в настоящее время, – потому что, хотя это и драматично, в этом контексте страшная Волынь, волынские погромы, геноциды, которые были там на Востоке, все эти отношения имели место, потом акция Висла, все то, что висит тяжким грузом в нашей общей истории и трагической памяти, надо четко и твердо сказать: речь не шла и не идет ни о каком возмездии. Для этого больше времени у нас сейчас нет. Несмотря на то, что это так сложно, в то же время то, что происходит сегодня между поляками и украинцами, является лучшим доказательством того, что речь идет не о мести» [8].

Исследовав внешнеполитические взгляды Романа Дмовского, мы смогли выяснить основные положения, на которых стоит его «доктрина», позволяющая Польше противостоять Германии и другим западным странам в борьбе за собственную культурную идентичность и национальный суверенитет. Помимо этого, был замечен явный цивилизационный подтекст, вдохновлённый работами Шпенглера, Конечного и Чемберлена, позволяющий ему поднять конфликт между Германией и Польшей на уровень цивилизационного, представить его как борьбу латинской цивилизации против еврейской. В современности же данный подход претерпел существенные изменения и стал конъюнктурным в соответствии с принципами актуальной политики. Стоит крайне аккуратно сравнивать явления эпохи Интербеллума с веяниями современной международной политики, однако некоторые тезисы продолжают встречаться в заголовках польских таблоидов, и, быть может, в ближайшем будущем произойдёт ещё один виток изменения этих позиций в среде польского истеблишмента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демидов А. Кадыров предупредил Польшу об исчезновении. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/05/28/17825930.shtml> (дата обращения: 23.10.2022).

2. Лыкошина Л.С. Радикальный национализм в современной Польше в свете идейного наследия Романа Дмовского: аналитический обзор. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 81 с

3. Чемберлен Х.С. Основания девятнадцатого столетия. М.: Русский Мирь, 2012. Т. 1. 688 с.

4. *Balicki Z.* Egoizm Narodowy Wobec Etyki: z dodatkiem Charaktery a Życie Polityczne. Lwów: Towarzystwo wydawnicze we Lwowie, 1914. 60 s.

5. *Bartkiewicz A.* Sondaż: co trzeci Polak byłby dziś przeciw wejściu do UE lub nie wie jak by głosował. URL: <https://www.rp.pl/spoleczenstwo/art36868531-sondaz-co-trzeci-polak-bylby-dzis-przeciw-wejsciu-do-ue-lub-nie-wie-jak-by-glosowal> (дата обращения: 23.10.2022).

6. *Białkowski R., Bogaczyk G.* Jarosław Kaczyński: Koalicja Obywatelska to w istocie «formacja niemiecka». URL: <https://www.gazetaprawna.pl/wiadomosci/kraj/artykuly/8573437,jaroslaw-kaczynski-polityka-zagraniczna-koalicja-obywatelska-niemcy.html> (дата обращения: 24.10.2022).

7. *Danielewski M.* Jarosław Le-Pen-Kaczyński. Prezes porównał UE do ZSRR. To język polexitu. URL: <https://oko.press/jaroslaw-le-pen-kaczynski-prezes-porownal-ue-do-zsrr> (дата обращения: 24.10.2022).

8. *Dąbkowska-Pożycka S., Replewicz M.* Duda: Prawda o rzezi wołyńskiej musi być mocno wypowiedziana, ale nie chodzi o zemstę. URL: <https://www.gazetaprawna.pl/wiadomosci/kraj/artykuly/8489469,duda-wolyn-rzez-wolynska-przemowienie.html> (дата обращения: 24.10.2022).

9. *Dmowski R.* Ex oriente lux // Przegląd Wszechpolski. 1904. No. 9. 812 s.

10. *Dmowski R.* Kościół, naród i państwo. Częstochowa, 1938. 30 s.

11. *Dmowski R.* Kwestia Ukraińska // Nowa Geopolityka. 2019. No. 4. S. 121–152.

12. *Dmowski R.* Myśli nowoczesnego Polaka. Wydanie piąte, 1943. 122 s.

13. *Dmowski R.* Świat powojenny i Polska. Częstochowa: Antoni Gmachowski i S-ka, 1937. 176 s.

14. *Kaczyński M.P.* Czy UE naprawdę przypomina Związek Radziecki? [OPINIA]. URL: <https://www.gazetaprawna.pl/wiadomosci/kraj/artykuly/8054852,piotr-maciej-kaczynski-czy-ue-przypomina-zwiazek-radziecki-opinia.html> (дата обращения: 24.10.2022).

15. *Koneczny F.* O wielości cywilizacji. Kraków: Gebethner i Wolff, 1935. 253 s.

16. *Kublik A.* Sondaż Kantar Public: Koalicja Obywatelska przed PiS. URL: <https://wyborcza.pl/7,75398,28714998,kantar-public-koalicja-obywatelska-przed-pis.html> (дата обращения: 22.10.2022).

17. Lentowicz Z. Polska broń dla Ukrainy. Pierwsze transporty dotarły, kolejne w drodze. URL: <https://www.rp.pl/biznes/art35754421-polska-bron-dla-ukrainy-pierwsze-transporty-dotarly-kolejne-w-drodze> (дата обращения: 24.10.2022).

18. Pławski M. Duda: wierzę, że między Polska a Ukrainą w przyszłości nie będzie granicy. URL: <https://kresy.pl/wydarzenia/duda-wierze-ze-miedzy-polska-a-ukraina-w-przyszlosci-nie-bedzie-granicy-video> (дата обращения: 24.10.2022).

19. Popławski J.L. Nasz demokratyzm. Pisma. Lwów, 1900. T. 1. 387 s.

20. Porter B.A. Social Nation and Its Future. English Liberalism and Polish Nationalism in Late Nineteenth Century Warsaw // The American Historical Review. 1996. Vol. 104, No. 5. P. 1470–1492.

21. Premier przeciw Unii. Mateusz Morawiecki zaatakował UE w czasie sejmowego wystąpienia. URL: <https://www.newsweek.pl/polska/polityka/mateusz-morawiecki-w-sejmie-o-unii-europejskiej/tx1h2dm> (дата обращения: 22.10.2022).

22. Skrzycki R. Jedność narodowa // Przegląd Wszechpolski. Lwów, 1895. No. 6-8. 60 s.

23. Syzuf. Z powodu pewnej broszury // Przegląd Wszechpolski. 1898. S. 387.

24. Topor G. [Tadeusz Gruszeński]. Naród, tradycja i postęp cywilizacyjny // Przegląd Wszechpolski. 1905. S. 410.

25. Tusk: Kaczyński właśnie wyciąga nas z UE. URL: <https://www.gazetaprawna.pl/wiadomosci/kraj/artykuly/8514018,tusk-kaczynski-wyciaga-nas-z-ue.html> (дата обращения: 23.10.2022).

26. Wapiński R. Roman Dmowski. Lublin: Wyd. Lubelskie, 1988. 392 s.

27. Wójcik P. Dlaczego fantazje o unii polsko-ukraińskiej można włożyć między bajki. URL: <https://krytykapolityczna.pl/gospodarka/unia-polsko-ukrainska-prawica-ue> (дата обращения: 24.10.2022).

28. Wybranowski K. Dziedzictwo. Wyd. Nortom, 2019. 288 s.

REFERENCES

1. Demidov, A. (2022) *Kadyrov predupredil Pol'shu ob ischeznoventii* [Kadyrov warned Poland about the disappearance]. [Online] Available from <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/05/28/17825930.shtml> (Accessed: 23th October 2022)

2. Lykoshina, L.S. (2016) *Radikal'nyy natsionalizm v sovremennoy Pol'she v svete ideynogo naslediya Romana Dmowskogo: analiticheskiy obzor* [Radical Nationalism in Modern Poland in the Light of the Ideological Legacy of Roman Dmowski: An Analytical Review]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS.

3. Chamberlain, H.S. (2012) *Osnovaniya devyatnadsatogo stoletiya* [The Foundations of the Nineteenth Century]. Vol. 1. Translated from German by E.B. Kolesnikova. Moscow: Russkii Mir".

4. Balicki, Z. (1914) *Egoizm Narodowy Wobec Etyki: z dodatkiem Charaktery a Życie Polityczne*. Lwów: Towarzystwo wydawnicze we Lwowie.
5. Bartkiewicz, A. (n.d.) *Sondaż: co trzeci Polak byłby dziś przeciw wejściu do UE lub nie wie jak by głosował* [Online] Available from: <https://www.rp.pl/spoleczenstwo/art36868531-sondaz-co-trzeci-polak-bylby-dzis-przeciw-wejsci-do-ue-lub-nie-wie-jak-by-glosowal> (Accessed: 23th October 2022).
6. Białkowski, R. & Bogaczyk, G. (n.d.) *Jarosław Kaczyński: Koalicja Obywatelska to w istocie "formacja niemiecka"* [Online] Available from: <https://www.gazeta-prawna.pl/wiadomosci/kraj/artykuly/8573437,jaroslaw-kaczynski-polityka-za-graniczna-koalicja-obywatelska-niemcy.html> (Accessed: 24th October 2022).
7. Danielewski, M. (n.d.) *Jarosław Le-Pen-Kaczyński. Prezes porównał UE do ZSRR. To język polexitu*. [Online] Available from: <https://oko.press/jaroslaw-le-pen-kaczynski-prezes-porownal-ue-do-zsrr> (Accessed: 24th October 2022).
8. Dąbkowska-Pożycka, S. & Replewicz, M. (n.d.) *Duda: Prawda o rzezi wołyńskiej musi być mocno wypowiedziana, ale nie chodzi o zemstę*. [Online] Available from: <https://www.gazetaprawna.pl/wiadomosci/kraj/artykuly/8489469,duda-wolyn-rzez-wolynska-przemowienie.html> (Accessed: 24th October 2022)
9. Dmowski, R. (1904) *Ex oriente lux. Przegląd Wszechpolski*. 9.
10. Dmowski, R. (1938) *Kościół, naród i państwo*. Częstochowa: [s.n.].
11. Dmowski, R. (2019) *Kwestia Ukraińska. Nowa Geopolityka*. 4. pp. 121–152.
12. Dmowski, R. (1943) *Myśli nowoczesnego Polaka*. Wydanie piąte.
13. Dmowski, R. (1937) *Świat powojenny i Polska*. Częstochowa: Antoni Gmachowski i S-ka.
14. Kaczyński, M.P. (n.d.) *Czy UE naprawdę przypomina Związek Radziecki? [OPINIA]*. [Online] Available from: <https://www.gazetaprawna.pl/wiadomosci/kraj/artykuly/8054852,piotr-maciej-kaczynski-czy-ue-przypomina-zwiazek-radziecki-opinia.html> (Accessed: 24th October 2022).
15. Koneczny, F. (1935) *O wielości cywilizacji*. Kraków: Gebethner i Wolff.
16. Kublik, A. (n.d.) *Sondaż Kantar Public: Koalicja Obywatelska przed PiS*. [Online] Available from: <https://wyborcza.pl/7,75398,28714998,kantar-public-koalicja-obywatelska-przed-pis.html> (Accessed: 22th October 2022).
17. Lentowicz, Z. (n.d.) *Polska broń dla Ukrainy. Pierwsze transporty dotarły, kolejne w drodze*. [Online] Available from: <https://www.rp.pl/biznes/art-35754421-polska-bron-dla-ukrainy-pierwsze-transporty-dotarly-kolejne-w-drodze> (Accessed: 24th October 2022).
18. Plawski, M. (n.d.) *Duda: wierzę, że między Polska a Ukrainą w przyszłości nie będzie granicy*. [Online] Available from: <https://kresy.pl/wydarzenia/duda-wierze-ze-miedzy-polska-a-ukraina-w-przyszlosci-nie-bedzie-granicy-video/> (Accessed: 24th October 2022).
19. Popławski, J.L. (n.d.) *Nasz demokratyzm. Pisma*. Vol. 1. Lwów: [s.n.].
20. Porter, B.A. (1996) *Social Nation and Its Future. English Liberalism and Polish Nationalism in Late Nineteenth Century Warsaw*. *The American Historical Review*. 104(5). pp. 1470–1492.

21. Newswweek.pl. (n.d.) *Premier przeciw Unii. Mateusz Morawiecki zaatakował UE w czasie sejmowego wystąpienia*. [Online] Available from: <https://www.newswweek.pl/polska/polityka/mateusz-morawiecki-w-sejmie-o-unii-europejskiej/tx1h2dm> (Accessed: 22th October 2022)

22. Skrzycki, R. (1895) *Jedność narodowa. Przegląd Wszechpolski*. 6–8.

23. Syzuf. (1898) *Z powodu pewnej broszury. Przegląd Wszechpolski*.

24. Topor, G. [Tadeusz Gruszeński]. (1905) *Naród, tradycja i postęp cywilizacyjny. Przegląd Wszechpolski*.

25. Tusk, D. (n.d.) *Tusk: Kaczyński właśnie wyciąga nas z UE*. [Online] Available from: <https://www.gazetaprawna.pl/wiadomosci/kraj/artykuly/8514018,tusk-kaczynski-wyciaga-nas-z-ue.html> (Accessed: 23th October 2022)

26. Wapiński, R. (1989) *Roman Dmowski*. Wyd. Lubelskie.

27. Wójcik, P. (n.d.) *Dlaczego fantazje o unii polsko-ukraińskiej można włożyć między bajki*. [Online] Available from: <https://krytykapolityczna.pl/gospodarka/unia-polsko-ukrainska-prawica-ue> (Accessed: 24th October 2022)

28. Wybranowski, K. (2019) *Dziedzictwo*. Wyd. Nortom.

Трезубов Матвей Дмитриевич – студент-бакалавр Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Matvey D. Trezubov – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: m.trezubov@gmail.com

УДК 94(437)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/13

Идея славянской взаимности в мышлении чешских националистов в 1860-е – начале 1870-х гг. (на примере сокольского движения)

В.В. Котов

Независимый исследователь

Москва, Россия

E-mail: vikvikkot@gmail.com

Авторское резюме

Рассматриваются представления о славянском происхождении чешской нации и её своего рода «родственной связи» с другими славянами как важный элемент мышления чешских националистов. Данные представления были изучены на примере сокольского движения в 1860-е – начале 1870-х гг. Возникшее на рубеже 1861–1862 гг. по образцу немецких «Турнферайнов», данное движение соединяло занятия широко понимаемой гимнастикой и приверженность чешскому национализму. Изучение данной проблемы было осуществлено в первую очередь на материале прессы, выступавшей в качестве «несущей стены» чешской националистической культуры. Чешские националисты постоянно стремились подчёркивать свою «славянскость» посредством различных вербальных, визуальных и музыкальных символов. Одним из главных принципов, на которых строилось их мышление, была тотальность, т. е. восприятие чешской нации как наивысшей ценности, исходя из которой должны были совершаться все умозаключения и действия. Руководствуясь данным принципом, националисты подходили к идее славянской взаимности инструменталистски, используя её для формулирования и решения собственных задач. Одно из проявлений этого подхода – приверженность концепции австрославизма, заключавшейся в сотрудничестве славянских наций с целью поставить политику монархии Габсбургов на службу совместным интересам. С этой концепцией был связан стабильный интерес чешских «соколов» к галицким полякам, а также словенцам и хорватам. Внимание чешских националистов к остальным славянам имело волнообразный характер. В изучаемый период такого рода волны были вызваны одним

из регулярных черногорско-турецких военных конфликтов в 1862 г. (популярность т. н. юнацких образов), польским восстанием в Российской империи в 1863 г. (полонофилия и русофобия) и поиском чешскими националистами внешней поддержки после заключения Австро-венгерского соглашения в 1867 г. (русофилия). Перечисленные тенденции оказали влияние на формирование сокольской культуры и деятельность сокольских обществ.

Ключевые слова: австрославизм, сокольское движение, славянская взаимность, чешский национализм, чешско-русские связи

The idea of Slavic reciprocity in Czech nationalist thinking in the 1860s and early 1870s (a case study of the Sokol movement)

Viktor V. Kotov

Independent researcher

Moscow, Russia

E-mail: vikvikkot@gmail.com

Abstract

The author uses the case of the Sokol (Czech for a “falcon”) movement in the 1860s – early 1870s to examine the ideas of the Slavic origin of the Czech nation and its kind of “kinship” with the other Slavs as an important component of Czech nationalist thinking. The first Sokol was founded at the turn of 1862 in Prague and followed the model of the German “Turnvereins”, combining nationalism with physical exercises. Analysing the print media that played a vital role in Czech nationalist culture, the author shows that Czech nationalists constantly sought to emphasize their belonging to the Slavs through verbal, visual, and musical representations. Among the main principles of Czech nationalist thinking was totalism, which meant conceiving the nation as the highest value. Putting Czech national interests over everything else led Czech nationalists to take the idea of Slavic reciprocity as their subsidiary identity used as an instrument to define and achieve their goals. One of the manifestations of this approach was the Czech commitment to the concept of Austro-Slavism – the cooperation of Slavic nations to make the policy of the Habsburg monarchy serve their joint interests. This concept can be associated with the stable interest in the issues of Galician Poles, Slovenes, and Croats. The attention of Czech nationalists to the rest of the Slavs had a wave-like

character. During the period under study, such waves were caused by one of the regular Montenegrin-Turkish military conflicts in 1862 (the popularity of the so-called Junak or heroic discourse), the January Uprising in 1863 (Polonophilia and Russophobia) and the Austro-Hungarian Compromise of 1867, which made Czech nationalists seek the external support (Russophilia). These trends have influenced the formation of the Sokol culture and the activities of the Sokol societies.

Keywords: Austro-Slavism, Czech nationalism, Czech-Russian relations, Slavic reciprocity, Sokol movement

К значимым чертам развития монархии Габсбургов в XIX в. относится подъём национальных движений, включая чешское. 1860-е гг. стали началом нового, более массового периода в его развитии. Одним из проявлений перемен было возникновение множества добровольных объединений, в том числе сокольских обществ. Эти организации объединяли занятия широко понимаемой гимнастикой и приверженность чешскому национализму. Образцом для «соколов» послужило немецкое турнерское движение, также сочетавшее политическую и спортивную деятельность. Члены сокольских обществ образовывали единое движение и разделяли общую культуру, включавшую, например, такие практики, как совершение «вылетов» (походов или поездок), проведение публичных гимнастических выступлений, организация маскарадов-«шибржинок», использование обращений «брат» и «ты», а также ношение особой сокольской формы. К концу 1871 г. общее число сокольских обществ в Богемии и Моравии превысило 120, а количество их членов составляло более 10 000 человек, что стало временным пиком в процессе распространения движения. Кроме того, в изучаемый период было основано около 20 сокольских обществ за пределами чешских земель (включая словенские, польские, чешские эмигрантские и одну общеславянскую организацию в Швейцарии), уступавших по своему масштабу «Пражскому Соколу» и не образовывавших густой сети.

Разнообразная деятельность «соколов» может служить «пробным камнем» при исследовании мышления чешских националистов. Данное мышление строилось на таких принципах, как историзм (придание прошлому функции ключа к пониманию настоящего и даже будущего), органицизм (восприятие всех чехов в качестве частей огромного тысячелетнего живого существа), прогрессизм (убежденность в том, что совершенствование общества и всего мира является возможным и необходимым), эгалитаризм (представление о равенстве всех представителей нации), владение общим набором символов и тотальность

(восприятие чешской нации как наивысшей ценности, исходя из чего должны были совершаться все умозаключения и действия).

Тотальность позволяет определить чешский национализм как политическую религию. Культ чешской нации вел к инструменталистскому отношению ко всем остальным известным идентичностям, в том числе к религиозным (в традиционном понимании этого понятия), сословным, профессиональным, гендерным и территориальным. Что касается последних, в качестве элемента чешского националистического мышления изучаемого периода может быть выделена система территориальных идентификационных установок, включавшая вторичные идентичности, такие как земельные, локальные, франкофильская и рассматриваемая в данной статье славянская, антиидентичности (немецкая) и идентичности, выполнявшие обе эти функции (еврейская и австрийская).

История идеи славянской взаимности представляется одним из ключевых вопросов исторической славистики, которому посвящена обширная научная литература [2; 8; 10; 12; 13; 25]. Значение этой идеи для мышления чешских националистов XIX в. затрагивается в ряде обобщающих [16: 79–90, 95–102; 21: 291–342; 30: 34–40] и специальных работ [9; 52] по истории т. н. чешских земель¹, а также в исследованиях по чешско-русским [3; 5; 7; 11; 22] и иным чешско-славянским связям [23]. Помимо этого, данный вопрос рассматривается в отдельных межвоенных трудах о сокольском движении [26: 35, 37, 48–49; 27: 63–65], в обрётшей классический статус монографии американской исследовательницы Клэр Нолти о чешских «соколах» во второй половине «долгого XIX в.» [37: 23–24, 31–33, 81–83, 98–100] и в двух статьях этого же историка, касающихся окончания данного периода [35; 36]. Наконец, следует упомянуть работы её чешских коллег-«соколологов» о распространении движения за пределами чешских земель [15; 48] и о международных контактах общества «Сокол» в Брно [59].

Функцию «несущей стены» чешской националистической культуры изучаемого периода выполняли периодические издания, включая пражскую газету с характерным названием *Národní listy* («Национальная газета»), начавшую выходить в 1861 г.² Материалы периодики, а также другие исторические источники позволили установить и уточнить ряд сведений, касающихся, во-первых, представлений о славянском происхождении национального «организма» и о его своего рода «родственной связи» с другими славянами как важном элементе мышления чешских националистов и, во-вторых, влияния данных представлений на деятельность чешских «соколов» в 1860-е – начале 1870-х гг.

Идея о славянской взаимности повлияла уже на начальный этап формирования сокольской культуры. Так, происхождение названия сокольского движения связано с культурным трансфером южнославянского героического образа сильного и смелого мужчины, воина-патриота, обозначаемого словом «сокол». Восхищение героями антиосманской вооружённой борьбы за независимость проявлялось и в популярности среди чешских националистов ряда других образов, составлявших т. н. юнацкий дискурс (термин балканиста Франтишека Шистека, связанный с образом «юнака», т. е. молодца-героя) [6]. Также известно, что при разработке сокольской формы предлагалось включить в её состав элементы различных славянских народных костюмов [39: 180–187].

«Соколы» постоянно подчёркивали чешскую принадлежность к славянству. Например, 1 июня 1862 г., в день освящения знамени «Пражского Сокола», знаменосец Ян Долежал назвал в своей речи одной из целей «соколов» – быть «достойными сыновьями матери Славии» [53], а 6 июня 1869 г., в день первого «вылета» «Сокола» Брно, выступление главного редактора местной газеты *Moravská orlice* («Моравская орлица») Йиндржиха Дворжака было посвящено «большой славянской семье, которой суждено скорое великое будущее», и сокольским обязанностям по отношению к ней [43]. Среди использовавшихся «соколами» визуальных символов чешскости были и такие, которые воспринимались как общеславянские: сине-бело-красный триколор и липа [54]. Само слово «славянский» использовалось чешскими «соколами», чтобы отделить себя от моравских немцев и евреев [56], тогда как в Богемии они использовали термин «чешско-славянский» [38]. Далее, одной из часто исполнявшихся на сокольских мероприятиях песен был гимн «Гей, славяне!» [42]. Также известно, что первая версия незарегистрированного устава Союза сокольских обществ содержала пункт о том, что рабочими языками объединения являются «все славянские наречия» [68: 3]. Намеченный на июнь 1868 г., сокольский съезд не состоялся, однако его подготовка стала важным этапом в разработке концепции гимнастических фестивалей, позднее обозначаемых как слеты. Наконец, в возникшем в 1871 г. журнале *Sokol* («Сокол») рецензируемая литература о гимнастике разделялась на два типа: «славянская» и «инонациональная» [40]. Эти сведения опровергают встречающиеся в историографии утверждения о том, что приверженность «соколов» славянской идее стала заметной лишь в период накануне Первой мировой войны [50: 144, 146].

Хотя отдельные чешские деятели XIX в. могли ставить славянские интересы выше национальных, в целом, как отмечает множество исследователей, приверженцы чешского национализма как тотальной

идеологии подходили к идеям чешской славянскости и славянской взаимности инструменталистски, используя их для формулирования и решения собственных задач [16: 79–80; 21: 298–299; 22: 11; 30: 36–37, 65–66].

Представления о славянской взаимности во многом основывались на родственности языков. При этом в изучаемый период носители наиболее близкого к чешскому словацкого языка находились на периферии интересов националистов [16: 83; 23: 47–49, 63–64]. Например, как отметила историк Клэр Нолти, словаки не упоминались в текстах Мирослава Тырша, одного из основателей и главного идеолога сокольского движения [37: 100]. Политические условия и материальное положение словацкого движения на севере Королевства Венгрия не были благоприятными для появления сокольских обществ в этом регионе, хотя отдельные инициативы такого рода имели место уже в 1860–1870-е гг. Импульсом для одной из них послужила церемония освящения знамени «Сокола» в Брно в 1871 г., участникам которой словаки отправили множество приветственных телеграмм [60]. Сокольское празднество посетил ряд известных словацких националистов, например священник Йозеф Милослав Гурбан и адвокат Павол Мудронь. На банкете П. Мудронь произнёс речь о чешско-словацком братстве, в которой было задействовано как естественное («Кровь – не вода!»), так и историческое понимание нации и её территории, – последнее выражалось в отсылке к Великой Моравии и входившей в её состав Нитре [34: 2].

Идея исторического государственного права была одной из определяющих в идеологии чешского национализма. Согласно этой концепции, многовековая чешская государственность являлась национальной, суверенной и непрерывной. Однако данная идея чаще связывалась с землями Короны святого Вацлава и, таким образом, не затрагивала венгерскую территорию. При этом входившая до XVII в. в состав Чешской Короны Верхняя и Нижняя Лужица также не была предметом активного интереса чешских националистов. Редким исключением была, например, приветственная телеграмма, отправленная в октябре 1863 г. в саксонский Баутцен (Будишин) участникам певческого праздника от «соколов» г. Нова-Пака [69].

В дальнейшем внимание, уделявшееся чешскими националистами лужицким сербам, и особенно словакам, возрастёт, что также отразится на сокольском движении. История развития чешских образов этих двух наций в период до Первой мировой войны отражает волнообразный характер интереса националистов ко всем славянам, кроме тех, чьи политические представители могли претендовать на главенство в избираемых органах власти отдельных австрийских

земель. Примером такого рода волны может служить своеобразная «лихорадка» 1862 г., связанная с одним из регулярных черногорско-турецких военных конфликтов. Всплеск интереса к южным славянам проявил себя особенно ярко в среде членов чешских гимнастических обществ из-за переплетения их образа с представлениями о черногорских воинах-«соколах». Например, на праздничном вечере в гимнастическом зале «Пражского Сокола» в мае 1862 г. хорватский студент Август Шеноа, впоследствии ставший известным писателем, в пространным тосте предложил вспомнить «ещё одно соколиное гнездо» – Черногорию [33]. В августе того же года, во время чешского празднества на горе Радгошь в Моравии, пражский «сокол» Франтишек Барвич призвал организовать сбор средств для черногорцев и назвал последних «этими южными соколами» [65]. Следующий подобный подъём интереса к южным славянам произошел лишь в период т. н. «Восточного кризиса» второй половины 1870-х гг.

В начале 1863 г. внимание чешской националистической прессы переключилось с черногорских событий на польское восстание в Российской империи [22: 104–111; 64: 142–143]. Характерным в этом смысле был фельетон в одном из мартовских номеров газеты *Moravan* («Мораванин», Оломоуц): «...образованная Европа... в данный момент безучастно наблюдает за борьбой польских белых орлов, как ранее за битвами черногорских соколов» [47]. Согласно воспоминаниям члена «Пражского Сокола» Вацлава Червинки, большая часть «соколов» заняла полонофильские и русофобские позиции, считая, что «все поляки – это образцовые патриоты, храбрецы и благородные люди, а русские всегда были настоящими угнетателями и извергами» [20: 92, 98]³. Как и во время черногорских событий, «соколы» участвовали в сборе средств на помощь раненым [46]. Несколько «соколов» даже якобы отправились, писал Червинка, на поле боя в качестве добровольцев [20: 100–101]. Польские события стали важным фактором чешской внутренней политики, способствовав кристаллизации течений младочехов и старочехов [16: 96–99, 219–220; 22: 111]. Сокольские симпатии к восстанию означали поддержку младочехов. Так, Червинка вспоминал, что его друг, врач Эмануэл Энгел, демонстративно вышел из «Пражского Сокола» из-за казавшейся ему несправедливой критики в адрес «вождей» чешского национального движения: Франтишека Палацкого, Франтишека Ладислава Ригера и Франтишека Августа Браунера [20: 93, 103–104]⁴ (при этом уже в 1864 г. Энгел станет инструктором «Пражского Сокола», а Ригер – рядовым членом [39: 196, 215]).

Импульсом к сближению «Пражского Сокола» и всего сокольского движения с младочехами послужила их особая связь с газетой

Národní listy, во главе которой стояли братья Эдуард и Юлиус Грегры. Хотя эта тенденция была заметна ещё до польского восстания [37: 51], данное событие могло повлиять на произошедшую в октябре 1863 г. смену руководства «Пражского Сокола», в результате которой сторонники аполитичного направления были смещены т. н. «старой гвардией», одним из лидеров которой был Э. Грегр [37: 68]. В последующий период, несмотря на регулярные заявления о внепартийном характере соколизма, движение сохраняло особую связь с младочехами [37: 31, 110–111].

Ежедневная пресса и органицистское мышление националистов позволяли последним остро воспринимать те происходившие на значительном расстоянии события, которые затрагивали «нервные окончания» чешской и других славянских наций. Подобным образом во второй половине 1863 г. для австрийских гимнастов-турнеров и других немецких националистов большое значение приобрёл конфликт по поводу Шлезвиг-Гольштейна⁵.

Если имевшая место в 1863 г. волна внимания чешских националистов к полякам из Царства Польского и других частей Российской империи была связана с сочувствием их радикальной борьбе за национальную независимость, то стабильный интерес чехов к галицким полякам, а также словенцам, хорватам и иным австрийским славянам был связан со стремлением к мирным преобразованиям в монархии Габсбургов. Предпочтение этого пути выражалось, например, в речи секретаря «Пражского Сокола» Томаша Черного на сессии общего собрания членов организации в марте 1863 г.: «Я не думаю, что здесь, вокруг нашего города, когда-нибудь будут иметь место страшные кровавые картины, подобные тем, что можно видеть сейчас вокруг польской Праги⁶; я не думаю, что нам когда-нибудь потребуется, как несчастной братской нации, с героическими боями продвигаться через потоки крови от одного разрушенного города к другому и прорываться через опустошённые родные края к лучам свободы; я надеюсь, что никакие тучи не затмят рассвет свободы над Австрией и нашей Родиной и что без всякой крови и оружия это пока только лишь восходящее солнце окажется в зените...» [78].

Способом достичь «зенита свободы» многие чешские националисты считали реализацию концепции австрославизма, заключавшейся в сотрудничестве славянских наций, якобы составлявших в монархии Габсбургов большинство⁷ (т. е. обладавших наряду с историческими большими естественными правами), с целью поставить политику государства на службу совместным интересам [16: 80–90; 22: 47–48, 51–53, 92; 30: 38–40]. Основная интерпретация данной концепции предполагала переустройство Австрии в федеративное государство.

Чешские националисты поддерживали галицких сторонников данной программы. В 1867 г. во Львове, столице Королевства Галиции и Лодомерии, было учреждено польское общество «Сокол». В сентябре 1868 г. «Пражский сокол» и его «братья» из соседнего Карлина отправили благодарственные телеграммы польскому политику Францишеку Яну Смолке, безуспешно выступавшему против делегирования представителей Сейма Галиции в Рейхсрат [57; 58]. Частью Галиции было де-юре автономное Великое княжество краковское. В июле 1869 г. в Кракове прошли повторные похороны короля Казимира III Великого, чьё тело было обнаружено накануне. «Соколы» Смихова, ещё одного поселения рядом с Прагой, подписали официальное письмо местного магистрата Краковскому городскому совету. Федералистский смысл имели упоминание союзных отношений польского монарха с чешским королём Карлом IV и пожелание возрождения былой славы города [44].

Ещё одним партнёром чешские политики желали видеть словенских националистов, которые, как и галичане, основали в рассматриваемый период несколько сокольских обществ (включая первую такую организацию за пределами чешских земель в Любляне в 1863 г.). Различные «австрославянские» общества рассматривались как потенциальные члены вышеупомянутой центральной организации, которую пытались создать в Праге в 1868 г. [28]. Характерно, что одной из любимых песен чешских «соколов» был словенский марш *Naprej zastava slave* [51]⁸. Само словенское слово '*Naprej*' («Вперед») заканчивает текст программной статьи М. Тырша «Наша задача, направление и цель» (1871) и встречается в других его работах [61: 4]. Чешские националисты с интересом следили за политическими событиями в Герцогстве Крайна и других землях, где проживали словенцы. Так, их внимание привлекли сообщения о физических столкновениях люблянских турнеров с местными «соколами» в 1867 г. [71] и словенскими крестьянами в 1869 г. [70]. Они воспринимались как часть немецко-славянского конфликта в Австрии. Одним из последствий интереса к политической борьбе в Крайне было то, что 1869 г. на короткое время в чешский политический словарь проникло словенское понятие *nemžkutár* («онемеченный»), применявшееся, например, в отношении к жителям моравского Тишнова, негативно настроенным к «соколам» [75]. Летом 1869 г. инцидент, произошедший с богемскими «соколами» в деревне Велка-Боровнице, и подобный конфликт с участием моравских турнеров в деревне Быстрц ставились чешскими националистами в один ряд со словенскими событиями [18].

Как и при взаимодействии с галицкими поляками, «соколы» использовали телеграфию для осуществления контактов с хорватскими

националистами. Так, в октябре 1862 г. «Пражский Сокол» поздравил загребское певческое общество «Коло» с их первым музыкальным вечером [63]⁹, а в марте 1863 г. «Коло», в свою очередь, отправило телеграмму чешским гимнастам, праздновавшим свою первую годовщину [67: 2]. В декабре 1866 г. «соколы» отослали приветствие венскому «Славянскому певческому обществу», отмечавшему 300-летие смерти хорватского национального героя полководца Николы Зринского (Миклоша Зрины) [76]. В июле 1867 г. загребское «Коло» организовало концерт в честь открытия «Южнославянской академии». Пражские гимнасты отправили новому обществу поздравительную телеграмму. Среди инициаторов создания «Академии» был епископ Дзяково (Дьяково (Славония)) Йосип Юрай Штросмайер [77], почётный член люблянского «Южного Сокола» (этим статусом также обладали М. Тырш и Т. Черный) [32: 10]. В ноябре 1863 г. этот хорватский политик посетил Прагу. «Соколы», по данным прессы, планировали принять участие в факельном шествии в его честь, которое, однако, не было согласовано [17].

Австро-венгерское соглашение 1867 г., шедшее вразрез с концепциями чешского исторического и естественного государственных прав и австрославизма, послужило импульсом для поиска чешскими националистами внешней поддержки. Вплоть до последних лет существования монархии Габсбургов большинство из них рассматривало в качестве своих главных союзников Россию и Францию [16: 99–101; 21: 286–287, 313; 22: 128; 64: 151]. Ориентация на Россию опиралась на идею славянской взаимности. Как отмечал историк Йиржи Коржалка, развитию образа этой страны в чешской культуре длительное время было свойственно быстрое преодоление периодов разочарования [30: 66]. Так, за волной русофобии 1863 г. последовал бум русофильства в 1867 г. [16: 101; 64: 145, 150], во многом схожего с предшествующими черногорской и польской модами.

Этот феномен был тесно связан с прошедшими в апреле–июне 1867 г. Всероссийской этнографической выставкой и Славянским съездом в Москве, а также с сопутствующими мероприятиями в Санкт-Петербурге. Чешские националисты отправили на данное мероприятие наиболее крупную иностранную делегацию, что являлось демонстрацией протеста против немецко-венгерского дуализма [3: 56–57; 22: 117–118; 64: 158–159]. В состав чешской делегации входил заместитель старосты «Пражского Сокола» Т. Черный, а также ряд других лиц, связанных с изучаемым движением, например бывший член правления упомянутой организации Ю. Грегр [3: 57, 64; 45]¹⁰. В письме организатора чешской поездки, писателя и учёного Карела Яромира Эрбена, священнику русской посольской церкви в

Вене Михаилу Федоровичу Раевскому Черный был представлен как сокольский деятель [19: 57].

Подобным образом он описывался и в Санкт-Петербургской газете «Русский инвалид». Журналист Василий Васильевич Андреев составил краткий биографический очерк о Т. Черном, к которому прилагалось одно из первых описаний сокольского движения на русском языке. Среди прочего в данном тексте утверждалось, что сокольево «в недолгое существование своё уже успело принести немалую пользу не одному чешскому, но вообще славянскому народному делу». Также газета «желала придать возможно полную гласность» предложению об «учреждении подобных же обществ в России» [1]¹¹. Там же сообщалось, что Черный передал русским деятелям первый сокольский статистический сборник (издан в 1866 г.). Согласно позднейшим источникам, специально для этого мероприятия М. Тырш создал малотиражную работу «Сокольские упражнения» [39: 332].

Текст о Т. Черном и сокольево в «Русском инвалиде» содержал указание на то, что одним из источников В.В. Андреева были разговоры с владевшим русским языком переводчиком Эмануэлом Ваврой. Вавра подробно сообщал о поездке в Россию в письмах своему тещу – литератору Карелу Сабине. Последний, будучи агентом австрийской полиции, передавал эти письма властям [22: 118–119]. Среди прочего Вавра упоминал разговоры о планах «организовывать сокольские общества вроде нашего во всех русских городах с центральным обществом в Москве» [29: 133]. Такого рода планы касательно «святой Руси» также упоминались в одном из цитируемых в историографии писем М. Тырша [27: 63–64].

Славянский съезд длительное время был одной из главных тем чешской «Национальной газеты», в ней были опубликованы пересказ материала «Русского инвалида» о сокольево [49] и текст телеграммы «От “сокола”», отправленной из Праги в Москву: «Мы, чешские славяне, передаем привет нашим братьям, великой славянской нации! Будущее – за нами!» [41: 2]¹². Одновременно среди чешских националистов возникла мода на всё русское [21: 311; 22: 145, 150]. В первую очередь это касалось языка. Например, редакция пражского журнала Květy («Цветы»), преобразованного летом 1867 г. в иллюстрированное издание, до конца 1868 г. подписывала все изображения по-русски: так, уже первый после смены формата номер этого издания включал изображение проекта «Памятника Фюгнера»¹³, старосты общества Сокол в Праге», и сделанную Франтишеком Чермаком зарисовку публичного выступления гимнастов, обозначенного как «Продукция общества Сокол на Роганском острове в Праге 19/7 мая»¹⁴ [31: 1, 5]. Согласно данным прессы, в июне 1867 г. в Кутна-Горе

пражских «соколов» и других участников освящения знамени местного чешского гимнастического общества приветствовали надписи на кириллице (вероятно, на русском языке, но также возможно, что это были транслитерированные чешские предложения) [66], а в июле того же года осуществлению подобной акции в Турнове, который был целью совместного «вылета» «Пражского Сокола» и общества «Художественная беседа», стремилась помешать местная полиция [73] (в историографии также сообщается, что в 1868 г. кириллица была использована при создании знамени «Сокола» Бероуна [26: 43]). В сентябре 1867 г. внимание органов правопорядка привлёк другой «вылет» пражских «соколов»: во время юбилейных празднеств в Двур-Кралоуе, связанных с 50-летием «обнаружения» поддельной Краледворской рукописи, неоднократно звучал возглас «Ура!» (чеш. *Urá*), ассоциировавшийся в этот период с Россией [39: 117]. Ещё в мае того же года во время похода «Сокола» Млада-Болеслава этот возглас прозвучал в честь чешских участников «паломничества в Москву» [72]¹⁵.

Несмотря на миссию Т. Черного, единственными сокольскими обществами в России в рассматриваемый период были организации чешских колонистов на Волыни – в селах Мирогоща и Теремно¹⁶, возникшие в 1870–1871 гг. Со стремлением распространить движение в крупнейшем славянском государстве был связан инцидент, произошедший в начале 1871 г. с посетившими Прагу графом Фёдором Львовичем Соллогубом и купцом Александром Александровичем Пороховщиковым (см.: [4: 407, 552]). Согласно сообщениям прессы, они якобы заявили о желании пригласить одного из сокольских инструкторов в Россию и договорились о проведении для них демонстрации гимнастических упражнений членами «Пражского Сокола», однако затем не явились в назначенное время. М. Тырш отреагировал на этот инцидент, опубликовав заметку в журнале *Sokol*. Лидер движения подчеркнул, что поведение Соллогуба и Пороховщикова не повлияет на «искренние чувства любви, которые мы всегда испытывали к русским братьям и никогда не перестанем испытывать». Тырш также высказал надежду, что в будущем движение объединит всю славянскую «омладину» (юнацкое обозначение молодёжи), всю «богатырскую силу ваших Игорей и наших Забоев»¹⁷ [62].

Этот текст свидетельствует о сохранении в начале 1870-х гг. русофильской тенденции. Характерно, что в июне 1870 г., во время публичного выступления поддерживаемого «соколами» чешского «Гимнастического общества пражских дам и барышень», звучала песня «Красный сарафан», считавшаяся «русской народной» [74]¹⁸. Ещё одним проявлением этой тенденции был тост, прозвучавший в мае

1871 г. во время торжеств по случаю освящения знамени «Сокола» Брно. Участник праздничного банкета, адвокат и сокольский деятель Йозеф Фандерлик, предложил выпить «за славянское единство и нацию, простирающуюся от Карпат до Тихого океана» [34: 2].

К. Нолти предположила, что осенью 1871 г. недостаточная поддержка со стороны России «Фундаментальных статей», т. е. проекта австро-богемского соглашения, привела к охлаждению русофильства М. Тырша [37: 99] (ср.: [22: 139]). Тем не менее после определенного падения интереса к России в первой половине 1870-х гг., во второй половине десятилетия она вновь вместе с балканскими славянами станет объектом симпатий чешских националистов. Эти симпатии порой использовались в немецкой публицистике XIX в. как повод для обвинений чешских «соколов» в «панславизме», т. е. стремлении к политическому объединению славян под крылом России [21: 331; 64: 140–141]. Как отмечается в историографии, изначально данное слово не было связано с подобным стремлением [10: 47–50], однако впоследствии термин «панславизм» приобрёл соответствующее значение. В этой связи его использование в отдельных работах о сокольском движении в качестве синонима идеи славянской взаимности представляется неточным [14; 50: 143, 151] (ср.: [8: 55; 16: 79, 96]).

В последующий период идея славянской взаимности продолжила играть значимую роль в мышлении чешских националистов. Так, в феврале 1881 г. темой сокольского маскарада-«шибржинок» стал Славянский съезд, а местом проведения – Дворец Жофин, где прошло знаменитое собрание 1848 г. [39: 209]. В октябре 1882 г. Т. Черный, возглавлявший «Пражский Сокол» с 1872 г., стал приматором (мэром) столицы Богемии. В своей инаугурационной речи он назвал этот город «золотой славянской Прагой» [55]. Ранее, в июне 1882 г., в Праге прошёл первый сокольский слёт. На эти масштабные фестивали всегда приглашались представители различных славянских наций, которых чешские «соколы» стремились объединить в Союзе славянского сокольства (1908–1914) и Союзе «Славянское сокольство» (1925–1939). В 1947 г. совокупное число взрослых членов чехословацких сокольских обществ и обучавшихся в них детей и подростков превысило миллион человек, однако вскоре возникшие в 1860-е гг. сокольские движение и культура перестали являться значимым фактором развития изучаемого региона. Вторая мировая и холодная войны усилили значение категорий «Восток» и «Запад» для чешского мышления. Они остались востребованными и после 321989 г., при этом представления о «Востоке» оказали заметное влияние на восприятие славянской взаимности.

Подводя итоги, следует вновь отметить значение для мышления

чешских националистов принципа тотальности, руководствуясь которым они стремились к определению свойств всех считавшихся вторичными идентичностей, включая славянскую. Чешские националисты подходили к идее славянской взаимности инструменталистски, используя её для формулирования и решения собственных задач. Одним из проявлений этого подхода была приверженность концепции австрославизма, заключавшейся в сотрудничестве славянских наций с целью поставить политику государства на службу совместным интересам. С этой концепцией был связан стабильный интерес чешских «соколов» к галицким полякам, а также словенцам и хорватам.

Внимание чешских националистов к славянам, чьи политические представители не могли претендовать на главенство в избираемых органах власти отдельных австрийских земель, имело волнообразный характер. В изучаемый период такого рода волны не затронули все славянские нации: например, словаки и лужицкие сербы находились на периферии интересов чешских националистов. К 1862 г. относится волна внимания к южным славянам, связанная с одним из регулярных черногорско-турецких военных конфликтов. Особенно ярко она проявилась в среде членов чешских гимнастических обществ из-за переплетения их образа с юнацкими представлениями о черногорских воинах-«соколах». В начале 1863 г. внимание националистов переключилось на польское восстание в Российской империи. Значительная часть чешских «соколов» заняла полонофильские и русофобские позиции, которые, однако, вскоре были оставлены.

Австро-венгерское соглашение 1867 г. послужило импульсом для поиска чешскими националистами внешней поддержки. Большинство из них рассматривало в качестве своих главных союзников Россию и Францию. Бум русофильства, ставший в рассматриваемый период третьей «славянской волной», был тесно связан со Славянским съездом, прошедшим в мае и июне 1867 г. в Москве. В состав чешской делегации на этом съезде входил Т. Черный, предпринявший первую попытку инициировать распространение сокольского движения в России. В этот период среди чешских националистов возникла мода на всё русское, проявившаяся в том числе в ходе ряда сокольских мероприятий.

История сокольского движения также может служить подтверждением стремления чешских националистов постоянно подчёркивать свою «славянскость» посредством различных вербальных, визуальных и музыкальных символов. Таким славянским символом постепенно стал сам «Сокол», что, в свою очередь, способствовало распространению этого движения за пределы чешских земель. Это распространение означало осуществление трансфера сокольской

культуры, сформированной в 1860-е гг. в специфических условиях начала массового этапа развития чешского национального движения, включая заметное влияние идеи славянской взаимности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Во второй половине XIX в. уже не существовало особой административной связи между Богемией, Моравией и Австрийской Силезией, анахронично обозначаемыми в историографии как «чешские земли».

2. В 1867–1868 гг. данная газета печаталась под названием *Národní poviny*, что также означало «Национальная газета».

3. В чешском языке XIX–XXI вв. понятия «русские» и «россияне» не разграничивались (в отличие от, например, категорий «мадьярское» и «венгерское»).

4. Утверждение историка Франтишека Чапки о невовлечённости членов общества в дискуссии о польском восстании представляется дискуссионным [15: 35].

5. Сравнение противоположных внешних идентификационных установок чешских и немецких националистов, проживавших в т. н. чешских землях, представляется одним из перспективных путей продолжения данного исследования.

6. Один из районов Варшавы.

7. В изучаемый период носители славянских языков зачастую ещё не воспринимали национальную идентичность в качестве главной и неизменной.

8. В 1918–1989 гг. этот марш был гимном Словении как части Королевства сербов, хорватов и словенцев и затем – Югославии, а в настоящее время используется Вооружёнными силами Словении. Его первая строка означает «Вперёд, знамя славы», однако также она могла восприниматься как «Вперёд, знамя Славии» (славянства).

9. Ф. Чапка (или переводчик его статьи) неверно интерпретировал название этой организации, названной в честь южнославянского танца, как «Колесо» [15: 36].

10. В историографии встречается неверное сообщение о том, что съезд якобы посетил член правления «Пражского Сокола» Э. Грегр [24: 34].

12. Выходные данные этой газеты даются по юлианскому календарю, а обнаруженные в ней и других источниках имена, названия и цитаты приводятся в соответствии с новой орфографией.

12. Утверждение Ф. Чапки о том, что летом 1867 г. в «Национальной газете» сообщалось об отсутствии понимания сокольской идеи в России [15: 38], не находит подтверждения в данном источнике.

13. То есть Йиндржиха Фигнера, возглавлявшего общество в 1862–1865 гг.

14. То есть 19 мая 1867 г. по грегорианскому календарю и 7 мая – по юлианскому.

15. За исключением Москвы все упомянутые в данном абзаце города располагались в Богемии.

16. В настоящее время – в составе города Луцк (Украина).

17. Герои «Слова о полку Игореве» и Краледворской рукописи, отождествляемые, соответственно, с русскими и чехами.

18. Её авторами были Александр Егорович Варламов и Николай Григорьевич Цыганов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В.В. Славяне, приехавшие в Россию // Русский инвалид. 1867. 28.05. С. 8.

2. Белоя М.В. Перекрестная история «славянской взаимности» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 2. С. 3–14. DOI: 10.21638/11701/spbu19.2017.204

3. Главачка М. Еще раз о поездке австрийских славян в Россию в 1867 г. // Славяноведение. 2007. № 1. С. 54–65.

4. Дмитриев А.П. Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов / отв. ред. Б.Ф. Егоров. СПб.: Родник, 2018. 912 с.

5. Киселькова Н.В. Российский фактор в общественно-политической жизни чехов в 50–70-е гг. XIX в. (по материалам архива М.Ф. Раевского) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 33 с.

6. Котов В.В. Южнославянско-чешский культурный трансфер образа сокола как формы репрезентации нации // Люди, львы, орлы, куропатки... Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций и государств в славянском культурном дискурсе: сб. науч. статей / под ред. М.В. Лескинен, Е.А. Яблокова. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2020. С. 61–88. DOI: 10.31168/0441-1

7. Ксенофонт И.А. Франтишек Ладислав Ригер в поисках зарубежных союзников в 1867–1871 гг. // Славянский мир: общность и многообразие: тезисы молодежной науч. конф. в рамках Дней славянской письменности и культуры, 22–23 мая 2018 г. / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 55–59. DOI: 10.31168/2619-0869.2018.1.4.2

8. Лескинен М.В. Славянское единство: от лингво-культурной классификации к политической мифологизации // Славяноведение. 2013. № 6. С. 52–61.

9. Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в нач. XX века. Чехи, словаки и неославизм. 1898–1914. М.: Наука, 1984. 240 с.

10. Павленко О.В. Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60.

11. *Серпионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: вбейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006. 512 с.

12. *Славянская идея: история и современность* / отв. ред. В.А. Дьяков. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1998. 174 с.

13. *Славянский вопрос: веки истории* / отв. ред. М.Ю. Досталь. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. 212 с.

14. *Федотова О.Д., Спивак И.А., Карпова Г.Ф.* Влияние панславистских идей Мирослава Тырша на просветительскую деятельность российских общественных организаций начала XX века // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. № 1. 10 с. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/02PDMN122.pdf> (дата обращения: 04.11.2022).

15. *Чапка Ф.* Начальный этап развития физкультурного движения «Сокол» в чешских землях и славянство // Славянский сборник: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А.Н. Галямичев. Саратов: Наука, 2013. Вып. 11. С. 30–40.

16. Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850 – начало 70-х годов XIX в. / отв. ред. В.И. Фрейдзон. М.: Наука, 1989. 272 с.

17. *Biskup Strossmayer v Praze* // *Moravská orlice*. 1863. 29.10. S. 3.

18. *Bystrcké události* // *Moravská orlice*. 1869. 17.07. S. 1.

19. *Cesty na východ: Češi v korespondenci M.F. Rajevského* / ed. V. Doubek. Praha: Masarykův archiv, 2006. 378 s.

20. *Červinka V.* U kolébky Sokola. Praha: Šolc a Šimáček, 1920. 105 s.

21. *České země v 19. století: proměny společnosti v moderní době. II* / ed. M. Hlavačka. Praha: Historický ústav AV ČR, 2014. 476 s.

22. *Doubek V.* Česká politika a Rusko (1848–1914). Praha: Academia, 2004. 315 s.

23. *Doubek V.* Latent Czechoslovakism: a topic of politicization for nineteenth-century liberal elites // *Czechoslovakism* / eds. A. Hudek, M. Kopeček, J. Mervart. London; New York: Routledge, 2022. P. 37–67. DOI: 10.4324/9781003205234

24. *Havránková H.* Vznik Sokola a jeho vývoj do vytvoření České obce sokolské // *Sokol v české společnosti 1862–1938*. Praha: Fakulta tělesné výchovy a sportu University Karlovy, 1996. S. 9–54.

25. *Inventing Slavia: proc. of the workshop held and organized by Slavonic Library (Prague, November 12th 2004)* / eds. T. Glanc, H. Meyer, J. Vel'mezova. Prague: National Library of the Czech Republic – Slavonic Library, 2005. 139 p.

26. *Jandásek L.* Přehledné dějiny Sokolstva. Část I. Od vzniku Sokola (1862) do založení České obce sokolské (1889). Praha: Československá obec sokolská, 1936. 143 s.

27. *Jandásek L.* Život Dr. Miroslava Tyrše. Brno: Moravský legionář, 1932. 174 s.

28. K sjezdu sokolskému // *Národní listy*. 1868. 01.07. S. 3.

29. *Kazbunda K.* Pouť Čechů do Moskvy 1867 a rakouská diplomacie. Praha: Orbis, 1924. 143 s.

30. *Kořalka J.* Češi v habsburské říši a v Evropě 1815–1914: sociálněhistorické souvislosti vytváření novodobého národa a národnostní otázky v českých zemích. Praha: Argo, 1996. 354 s.

31. Květy. 1867. № 1. 8 s.

32. Letno poročilo telovadnega društva «Sokol» v Ljubljani za društveno dobo od 21. decembra 1879 do 31. decembra 1880. Ljubljana: Narodna tiskarna, 1881. 10 s.

33. Národní slavnost // Národní listy. 1862. 20.05. S. 3.

34. Národní slavnost brněnská // Národní listy. 1871. 31.05. S. 1–2.

35. *Nolte C.E.* All for one! One for All! The federation of Slavic Sokols and the Failure of Neo-Slavism // Constructing nationalities in East Central Europe / eds. P.M. Judson, M.L. Rozenblit. New York: Berghahn Books, 2005. P. 126–140.

36. *Nolte C.E.* Celebrating Slavic Prague: Festivals and the Urban Environment, 1891–1912 // Bohemia. 2012. № 1. P. 37–54.

37. *Nolte C.E.* The Sokol in the Czech lands to 1914: Training for the Nation. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. 258 p.

38. Od výboru tělocvičné jednoty Pražské // Národní listy. 1863. 11.09. S. 3.

39. Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského / eds. J. Müller, F. Tallowitz. Praha: Sokol Pražský, 1883. 340 s.

40. Písemnictví slovanské // Sokol. 1871. № 1. S. 8–9.

41. Pouť hostí slovanských na výstavu národopisnou v Moskvě // Národní noviny. 1867. 22.06. S. 1–2.

42. První sjezd česko-západních jednot sokolských v Plzni // Národní listy. 1871. 27.09. S. 2.

43. První výlet “Sokola” brněnského // Moravská orlice. 1869. 09.06. S. 2.

44. Přípis městské rady smíchovské k městské radě krakovské // Národní listy. 1869. 11.07. S. 2.

45. Přípravy k uvítání hostí slovanských // Národní listy. 1867. 27.04. S. 2.

46. Příspěvky. Pro raněné Poláky // Národní listy. 1863. 06.06. S. 3.

47. Revoluce polská 1831 // Moravan. 1863. 19.03. S. 1.

48. *Roček A.* Sokol a Rusko do bolševické revoluce v roce 1917 // Sokol v české společnosti 1862–1938. Praha: Fakulta tělesné výchovy a sportu University Karlovy, 1996. S. 185–202.

49. Ruský hlas o našich Sokolech // Národní noviny. 1867. 13.06. S. 3.

50. *Sirotkina I.* Cultivating the Slavic body: The Rugged Flight of the Russian Sokol // Konzepte des Slawischen / eds. T. Glanc, C. Voß. Leipzig: Bibliion Media, 2016. S. 143–156.

51. Slavnost Havlíčková v Borové // Národní listy. 1862. 22.08. S. 1.

52. “Slavme slavně slávu Slávón slavných”: slovanství a česká kultura 19. století: sborník příspěvků z 25. ročníku symposia k problematice 19. století, Plzeň, 24.–26. února 2005 / eds. Z. Hojda, M. Ottlová a R. Prah. Praha: KLP, 2006. 438 s.

53. Slavnost svěcení práporu “Sokola” // Národní listy. 1862. 02.06. S. 1.

54. Slavnost svěcení práporu "Sokola" brněnského // Moravská orlice. 1871. 01.06. S. 1–2.
55. Slovanská Praha // Národní listy. 1882. 10.10. S. 1.
56. Sokolům Brněnským! // Moravská orlice. 1865. 13.06. S. 3.
57. Solidárnost slovanská (1) // Národní noviny. 1868. 23.09. S. 2.
58. Solidárnost slovanská (2) // Národní noviny. 1868. 24.09 (příloha). S. 1.
59. Strachová M., Vostrý Z. International Relations of Sokol Brno I Association between 1862 and 1914 // Czech-Polish Historical and Pedagogical Journal. 2020. № 1. P. 142–153. DOI: 10.5817/cphjp-2020-000
60. Telegramy k slavnosti došle // Moravská orlice. 1871. 01.06. S. 2.
61. Tyrš M. Náš úkol, směr a cíl // Sokol. 1871. № 1. S. 1–4.
62. Tyrš M. Sovremennyya Izvestia // Sokol. 1871. № 5. S. 40–41.
63. Ve valné hromadě // Národní listy. 1862. 27.10. S. 1.
64. Vlček R. Ruský panslavismus – realita a fikce. Praha: Historický ústav AV ČR, 2002. 291 s.
65. Výlet na Radhošť // Národní listy. 1862. 19.08. S. 2.
66. Výlet Sokola do Hory Kutné // Národní noviny. 1867. 29.06. S. 3.
67. Výroční slavnost "Sokola" // Národní listy. 1863. 02.03. S. 1–2.
68. Výroční valná schůze tělocvičné jednoty pražské "Sokol" // Národní listy. 1872. 22.03. S. 2–3.
69. Z Budyšína, 9. října // Národní listy. 1863. 12.10. S. 1.
70. Z Lublaně, 23. května // Národní listy. 1869. 25.05. S. 1.
71. Z Lublaně, 24. července // Národní noviny. 1867. 28.07. S. 2.
72. Z Mnich. Hradiště // Boleslavan. 1867. 07.06. S. 93.
73. Z Prahy, 20. července // Moravská orlice. 1867. 23.07. S. 1.
74. Z tělocvičného spolku paní a dívek pražských // Ženské listy. 1870. № 2. S. 7.
75. Z Tišnova // Moravská orlice. 1869. 15.07. S. 3.
76. Zábava Sokolů // Národní listy. 1866. 21.12. S. 3.
77. Ze Záhřeby, 29. července // Národní listy. 1867. 01.08. S. 2.
78. Zpráva jednatele // Národní listy. 1863. 18.03. S. 3.

REFERENCES

1. Andreev, V.V. (1867) Slavyane, priekhavshie v Rossiiu [The Slavs who came to Russia]. *Russkiy invalid*. 28th May. p. 8.
2. Belov, M.V. (2017) Histoire croisée of "Slavic reciprocity". *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2. pp. 3–14 (in Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu19.2017.204
3. Hlavačka, M. (2007) Eshche raz o poezdke avstriyskikh slavyan v Rossiiu v 1867 g. [Once more about Austrian Slavs visiting Russia in 1867]. *Slavyanovedenie – Slavic Studies*. 1. pp. 54–65.

4. Dmitriev, A.P. (2018) *N.P. Gilyarov-Platonov i russkaya literatura 1850 – 1880-kh godov* [N.P. Gilyarov-Platonov and Russian literature from the 1850s to the 1880s]. St. Petersburg: Rodnik.

5. Kiselkova, N.V. (2008) *Rossiyskiy faktor v obshchestvenno-politicheskoy zhizni chekhov v 50 – 70 e gg. XIX v. (po materialam arkhiva M.F. Raevskogo)* [The Russian factor in the Czech social and political life in the 1850s – 1870s (based on the materials of the M.F. Raevskiy archive)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow: M.V. Lomonosov Moscow State University.

6. Kotov, V.V. (2020) Yuzhnoslavyansko-cheshskiy kul'turnyy transfer obraza sokola kak formy reprezentatsii natsii [The South Slavic-Czech cultural transfer of the falcon image as a nation's representation form]. In: Leskinen, M.V. & Yablokov, E.A. (eds) *Lyudi, l'vy, orly, kuropatki... Antropomorfnye i zoomorfnye reprezentatsii natsiy i gosudarstv v slavyanskom kul'turnom diskurse* [Men, lions, eagles, partridges... Anthropomorphic and Zoomorphic Representations of Nations and States in Slavic Cultural Discourse]. Moscow: The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 61 – 88. DOI: 10.31168/0441-1

7. Ksenofontov, I.A. (2018) František Ladislav Ríger v poiskakh zarubezhnykh soyuznikov v 1867–1871 gg. [František Ladislav Rieger in search of foreign allies (1867–1871)]. In: Uzeneva, E.S. & Khavanova, O.V. (eds) *Slavyanskiy mir: obshchnost' i mnogoobrazie* [Slavic World: Community and Diversity]. Moscow: The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 55 – 59. DOI: 10.31168/2619-0869.2018.1.4.2

8. Leskinen, M.V. (2013) Slavic unity: from linguistic-cultural classification to political myth-making. *Slavyanovedenie – Slavic Studies*. 6. pp. 52 – 62 (in Russian).

9. Nenasheva, Z.S. (1984) *Ideyno-politicheskaya bor'ba v Chekhii i Slovakkii v nach. XX veka. Chekhi, slovaki i neoslavizm. 1898–1914* [Ideological and political struggle in the Czechia and Slovakia in the early 20th century. The Czechs, Slovaks, and Neo-Slavism]. Moscow: Nauka.

10. Pavlenko, O.V. (1998) Panslavizm [Pan-Slavism]. *Slavyanovedenie – Slavic Studies*. 6. pp. 43 – 60.

11. Serapionova, E.P. (2006) *Karel Kramaržh i Rossiya. 1890–1937 gody: Ideynye vozzreniya, politicheskaya aktivnost', svyazi s rossiyskimi gosudarstvennymi i obshchestvennymi deyatelyami* [Karel Kramář and Russia. 1890–1937: Ideological views, political activity, relations with Russian state and public figures]. Moscow: Nauka.

12. Dyakov, V.A. (ed.) (1998) *Slavyanskaya ideya: istoriya i sovremennost'* [The Slavic idea: History and modern times]. Moscow: The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

13. Dostal, M.Yu. (ed.) (1997) *Slavyanskiy vopros: Vekhi istorii* [The milestones in the history of Slavic question]. Moscow: The Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences.

14. Fedotova, O.D., Spivak, I.A. & Karpova, G.F. (2022) Influence of the Pan-

Slavist ideas of Miroslav Tyrš on the educational activities of Russian public organizations in the early 20th century. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya – World of Science. Pedagogy and Psychology*. 1. (In Russian). [Online] Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/02PDMN122.pdf> (Accessed: 4th November 2022).

15. Čapka, F. (2013) Nachal'nyy etap razvitiya fizkul'turnogo dvizheniya "Sokol" v cheshskikh zemlyakh i slavyanstvo [The initial stage of the development of the gymnastics movement "Sokol" in the Czech lands and the Slavic peoples]. In: Galyamichev, A.N. (ed.) *Slavyanskiy sbornik* [The Slavic Collection]. Vol. 11. Saratov: ITs "Nauka." pp. 30–40.

16. Freydzon, V.I. (ed.) (1989) *Cheshskaya natsiya na zaklyuchitel'nom etape formirovaniya. 1850 – nachalo 70-kh godov XIX v.* [The Czech nation in the final stage of its formation from the 1850s to the early 1870s]. Moscow: Nauka.

17. *Moravská orlice*. (1863a) Biskup Strossmayer v Praze. 29th October.

18. *Moravská orlice*. (1869a) Bystrcké události. 17th July. p. 1.

19. Doubek, V. (ed.) (2006) *Cesty na východ: Češi v korespondenci M.F. Rajevského*. Praha: Masarykův archiv.

20. Červinka, V. (1920) *U kolébky Sokola*. Praha: Šolc a Šimáček.

21. Hlavačka, M. (ed.) (2014) *České země v 19. století: proměny společnosti v moderní době. II*. Praha: Historický ústav AV ČR.

22. Doubek, V. (2004) *Česká politika a Rusko (1848–1914)*. Praha: Academia.

23. Doubek, V. (2022) Latent Czechoslovakism: a topic of politicization for nineteenth-century liberal elites. In: Hudek A., Kopeček M. & Mervart, J. (eds) *Czechoslovakism*. London; New York: Routledge. pp. 37–67. DOI: 10.4324/9781003205234

24. Havráňková, H. (1996) Vznik Sokola a jeho vývoj do utvoření České obce sokolské. In: *Sokol v české společnosti 1862–1938*. Praha: Fakulta tělesné výchovy a sportu University Karlovy. pp. 9–54.

25. Glanc, T., Meyer, H. & Velmezova, J. (eds.) (2005) *Inventing Slavia*. Proc. of the workshop held and organized by Slavonic Library (Prague, November 12th 2004). Prague: National Library of the Czech Republic – Slavonic Library.

26. Jandásek, L. (1936) *Přehledné dějiny Sokolstva. Část I. Od vzniku Sokola (1862) do založení České obce sokolské (1889)*. Praha: Československá obec sokolská.

27. Jandásek, L. (1932) *Život Dr. Miroslava Tyrše*. Brno: Moravský legionář.

28. *Národní listy*. (1868) K sjezdu sokolskému. 1st July. p. 3.

29. Kazbunda, K. (1924) *Pouť Čechů do Moskvy 1867 a rakouská diplomacie*. Praha: Orbis.

30. Kořalka, J. (1996) *Češi v habsburské říši a v Evropě 1815–1914: sociálněhistorické souvislosti vytváření novodobého národa a národnostní otázky v českých zemích*. Praha: Argo.

31. Květy. (1867). 1.

32. Anon. (1881) *Letno poročilo telovadnega društva Sokol v Ljubljani za društveno dobo od 21. decembra 1879 do 31. decembra 1880*. Ljubljana: Narodna tiskarna.
33. *Národní listy*. (1862a) Národní slavnost. 20th May. p. 3.
34. *Národní listy*. (1871a) Národní slavnost brněnská. 31st May. pp. 1–2.
35. Nolte, C.E. (2005) All for one! One for All! The federation of Slavic Sokols and the Failure of Neo-Slavism. In: Judson, P.M. & Rozenblit, M.L. (eds) *Constructing nationalities in East Central Europe*. New York: Berghahn Books. pp. 126–140.
36. Nolte, C.E. (2012) Celebrating Slavic Prague: Festivals and the Urban Environment, 1891–1912. *Bohemia*. 1. pp. 37–54.
37. Nolte, C.E. (2002) *The Sokol in the Czech lands to 1914: Training for the Nation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
38. *Národní listy*. (1863a) Od výboru tělocvičné jednoty Pražské. 11th September. p. 3.
39. Mueller, J. & Tallowitz, F. (eds) (1883) *Památník vydaný na oslavu dvaceti-letého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského*. Praha: Sokol Pražský.
40. *Sokol*. (1871) Písemnictví slovanské. 1. pp. 8–9.
41. *Národní noviny*. (1867a) Pouť hostí slovanských na výstavu národopisnou v Moskvě. 22nd June. pp. 1–2.
42. *Národní listy*. (1871b) První sjezd česko-západních jednot sokolských v Plzni. 27th September. p. 2.
43. *Moravská orlice*. (1869b) První výlet “Sokola” brněnského. 9th June. p. 2.
44. *Národní listy*. (1869a) Přípis městské rady smíchovské k městské radě krakovské. 11th July. p. 2.
45. *Národní listy*. (1867a) Přípravy k uvítání hostí slovanských. 27th April. p. 2.
46. *Národní listy*. (1863b) Příspěvky. Pro raněné Poláky. 6th June. p. 3.
47. *Moravan*. (1863) Revoluce polská 1831. 19th March. p. 1.
48. Roček, A. (1996) Sokol a Rusko do bolševické revoluce v roce 1917. In: *Sokol v české společnosti 1862–1938*. Praha: Fakulta tělesné výchovy a sportu University Karlovy. pp. 185–202.
49. *Národní noviny*. (1867b) Ruský hlas o našich Sokolech. 13th June. p. 3.
50. Sirotkina, I. (2016) Cultivating the Slavic body: The Rugged Flight of the Russian Sokol. In: Glanc, T. & Voß, C. (eds) *Konzepte des Slawischen*. Leipzig: Biblion Media. pp. 143–156.
51. *Národní listy*. (1862b) Slavnost Havlíčková v Borové. 22nd August. p. 1.
52. Hojda, Z., Ottlová, M. & Prah, R. (eds) (2006) “*Slavme slavně slávu Slávův slavných*”: slovanství a česká kultura 19. století: sborník příspěvků z 25. ročníku symposia k problematice 19. století, Plzeň, 24.–26. února 2005. Praha: KLP.
53. *Národní listy*. (1862c) Slavnost svěcení práporu “Sokola”. 2nd June. p. 1.
54. *Moravská orlice*. (1871a) Slavnost svěcení práporu “Sokola” brněnského. 1st June. pp. 1–2.
55. *Národní listy*. (1882) Slovanská Praha. 10th October. p. 1.
56. *Moravská orlice*. (1865) Sokolům Brněnským! 13th June. p. 3.

57. *Národní noviny*. (1868a) Solidárnost slovanská. 23rd September. p. 2.
58. *Národní noviny*. (1868b) Solidárnost slovanská. 24th September (příloha). p. 1.
59. Strachová, M. & Vostrý, Z. (2020) International Relations of Sokol Brno I Association between 1862 and 1914. *Czech-Polish Historical and Pedagogical Journal*. 1. pp. 142–153. DOI: 10.5817/cphpj-2020-000
60. *Moravská orlice*. (1871b) Telegramy k slavnosti došle. 1st June. p. 2.
61. Tyrš, M. (1871a) Náš úkol, směr a cíl. *Sokol*. 1. pp. 1–4.
62. Tyrš, M. (1871b) Sovremennyya Izvēstia. *Sokol*. 5. pp. 40–41.
63. *Národní listy*. (1862d) Ve valné hromadě. 27th October. p. 1.
64. Vlček, R. (2002) *Ruský panslavismus – realita a fikce*. Praha: Historický ústav AV ČR.
65. *Národní listy*. (1862e) Výlet na Radhošť. 19th August. p. 2.
66. *Národní noviny*. (1867c) Výlet Sokola do Hory Kutné. 29th June. p. 3.
67. *Národní listy*. (1863c) Výroční slavnost “Sokola”. 2nd March. pp. 1–2.
68. *Národní listy*. (1872) Výroční valná schůze tělocvičné jednoty pražské “Sokol”. 22nd March. pp. 2–3.
69. *Národní listy*. (1863d) Z Budyšína, 9. října. 12th October. p. 1.
70. *Národní listy*. (1869b) Z Lublaně, 23. května. 25th May. p. 1.
71. *Národní noviny*. (1867d) Z Lublaně, 24. července. 28th July. p. 2.
72. *Boleslavan*. (1867) Z Mnich. Hradiště. 7th June. p. 93.
73. *Moravská orlice*. (1867) Z Prahy, 20. července. 23rd July. p. 1.
74. *Ženské listy*. (1870) Z tělocvičného spolku paní a dívek pražských. № 2. p. 7.
75. *Moravská orlice*. (1869c) Z Tišnova. 15th July. p. 3.
76. *Národní listy*. (1866) Zábava Sokolů. 21st December. p. 3.
77. *Národní listy*. (1867b) Ze Záhřeby, 29. července. 1st August. p. 2.
78. *Národní listy*. (1863e) Zpráva jednatele. 18th March. p. 3.

Котов Виктор Викторович – независимый исследователь (Москва, Россия); выпускник Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (специалитет, 2011) и философского факультета Университета Масарика в Брно (магистратура, 2015).

Viktor V. Kotov – independent researcher (Russia).

E-mail: vikvikkot@gmail.com

УДК 93/94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/14

В.В. Шульгин: размышления о происхождении Руси и украинском вопросе (по материалам эмигрантской публицистики)*

Е.О. Ковалева

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

E-mail: st055567@student.spbu.ru

Авторское резюме

На основе анализа работ известного политика и мемуариста В.В. Шульгина, опубликованных им в эмигрантских газетах и журналах, рассматриваются его взгляды на происхождение славянских народов и украинский вопрос. Стремясь доказать «русскость» населения Украины, он нередко обращался к историческим источникам, хотя использовал их как публицист, а не как учёный. Размышляя о происхождении Руси, В.В. Шульгин неоднократно пересказывал теорию, пропагандируемую генералом Г.Е. Янушевским и основанную на легенде о трёх братьях – Чехе, Лехе и Русе. Согласно этому преданию, в III в. н. э. они прибыли из римской провинции Паннонии и обосновались в Чехии, Польше и Галицкой Руси и стали «прародителями чешского, польского (ляшского) и русского народов». Отсутствие в этой легенде «брата Укра» представлялось политику серьёзным аргументом в пользу того, что украинский народ носит искусственный характер. По его мнению, термин «украинцы» был изобретён поляками в XVIII в., ранее же народа под таким названием не существовало, а сам термин использовался для обозначения жителей окраин, т. е. имел территориальное, а не национальное значение. В своих статьях Шульгин выступал против «политического украинства», стремившегося к сепаратизму и насаждению «языка Грушевского», хотя никогда не отрицал наличия местной культурной традиции. Решение же украинского вопроса он видел в признании правильности выбранного некогда Богданом Хмельницким пути.

* Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для молодых учёных – кандидатов наук МК-98.2022.2 «Эмигрантская публицистика В.В. Шульгина 1921–1939 гг.: Русское зарубежье, Советская Россия, украинский вопрос».

Ключевые слова: В.В. Шульгин, украинский вопрос, происхождение Руси, Г.Е. Янушевский, легенда о Чехе, Лехе и Русе

Vasily Shulgin: Reflections on the origin of Rus' and the Ukrainian question (based on the émigré journalism)*

Elizaveta O. Kovaleva

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: st055567@student.spbu.ru

Abstract

The author analyses the works of the prominent politician and memoirist Vasily Shulgin published in the émigré periodicals to examine his views on the origin of the Slavic people and the Ukrainian question. Trying to prove the “Russianness” of the Ukrainian people, Shulgin often referred to historical sources as a journalist, not as a scholar (although Shulgin remarked ironically, “Sure, I am not a historian, but I have an affinity for history – a sort of the disease.”) Speculating about the origin of Rus, Shulgin repeatedly told the theory championed by General Grigory Yanushevsky based on the legend of three brothers – Czech, Lech, and Rus. According to this legend, they came from the Roman Pannonia in the 3rd century to settle down in Czechia, Poland, and Galicia. They became “the progenitors of the Czech, Polish (Lachian) and Russian people.” Since there was no “brother Ukr” in the legend, Shulgin considered it a strong argument supporting the artificial construction of the Ukrainian nation. In his opinion, Poles invented the term “Ukrainians” in the 18th century, and before that there had been no nation with such name, so the term had been used to denote the residents of the borderlands. Thus, the term referred to the territory and did not mean a nation. In his journalism, Shulgin argued against the “political Ukrainism” that was striving for separatism and imposition of “Grushevsky’s language”, though he never denied the local cultural tradition. He saw the solution to the Ukrainian question in recognizing that the path chosen once by Bohdan Khmelnytsky was the right one.

* The research is supported by Grant of the President of the Russian Federation for young scientists – candidates of sciences MK-98.2022.2 “Émigré journalism of Vasily Shulgin, 1921–1939: Russian Émigré, Soviet Russia, the Ukrainian Question”.

Key words: Vasily Shulgин, Ukrainian question, the origin of Rus, Grogory Yanushevsky, the legend about Czech, Lech, and Rus

Василий Витальевич Шульгин – известный политический и общественный деятель, проживший поистине удивительную жизнь. Ему довелось выступать с трибуны Государственной думы, принимать отречение Николая II во время Февральской революции, стать одним из идеологов и организаторов Белого движения, а позже активным деятелем русской эмиграции. Однако перечисленные события составляют лишь малую часть его биографии. Кроме того, В.В. Шульгин известен своим богатым публицистическим наследием, которое и сегодня не теряет актуальности, активно издаётся и используется историками в исследованиях различной тематики. Многие из написанного политиком стало пророческим. В дореволюционный период В.В. Шульгин в своих статьях неоднократно обращал внимание на опасность украинского национализма, а позже продолжал раскрывать данную тему уже в эмигрантской публицистике. В 1929 г. он напишет: «Можно, конечно, думать, что украинский вопрос переживёт коммунистов. Первые изжиты больше, главным образом, потому что внешние силы их не поддерживают... Украинцев же поддерживает целый ряд внешних сил явно и тайно и будет поддерживать. Перечислять их сейчас не место, но в этом, конечно, причина, почему украинский вопрос может оказаться более долголетним, чем большевистский» [26: 1–2].

О политической деятельности В.В. Шульгина написано множество статей, затрагивающих её различные аспекты. Это работы А.В. Репникова [4–6], А.А. Чемакина [8–10], А.С. Пученкова [2], Д.И. Бабкова [1]. Рассмотрению точки зрения политика на украинский вопрос посвящена статья А.В. Репникова [3], в которой автор приводит краткую биографию Василия Витальевича и публикует материалы из его книги «Украинский народ». Отдельно стоит упомянуть главу из кандидатской диссертации Д.И. Бабкова, в которой исследователь на основе материалов публицистики анализирует отношение политика к данной проблеме.

Стоит сказать, что ранее взгляды Шульгина на историю в политическом контексте подробно не рассматривались. Между тем именно к легендам, летописным сведениям, хроникам он обращался достаточно часто. Как отмечает Д.И. Бабков, в руках Шульгина исторические свидетельства были беспроегрышным козырем [1: 235]. Однако с этим утверждением едва ли можно согласиться, поскольку их Василий Витальевич использовал как публицист, а не как учёный (впрочем, сам Шульгин иронично замечал про себя: «Ну да, я не историк, но у

меня к истории влечение – род недуга» [14: 2]). Тем не менее сама интерпретация политиком источников, которые он использовал, прежде всего, в идеологических целях, заслуживает отдельного внимания.

Размышляя о происхождении Руси, В.В. Шульгин неоднократно обращался к теории, пропагандируемой генералом Г.Е. Янушевским и основанной на хорватской легенде о трёх славянских братьях – Чехе, Лехе и Русе. Согласно этой легенде, они прибыли в III в. н. э. из римской провинции Паннонии и обосновались в Чехии, Польше и Галицкой Руси, став «прародителями чешского, польского (ляшского) и русского народов». Поскольку имя четвёртого брата – «Укра», «от которого можно было бы вести украинский народ» [18: 2], в летописи не обнаружено, Шульгин делал вывод о том, что такой народ никогда не существовал. Время появления терминов «Украина» и «украинский» политик датировал XVIII в. и полагал, что они были изобретены поляками. Обоснование этому он находил все в той же легенде, согласно которой «у брата Леха был тяжёлый спор с братом Русом», и он решил отомстить ему таким образом. Это привело к раздорам в государстве Руса, т. к. часть населения стала считать себя потомками «никогда не жившего, но “назло” выдуманного брата Укра» [29: 67–70]. До этого, как указывал политик, эти понятия использовались для обозначения «обитателей окраин (украин), безотносительно их национальности» [14: 2]. Польша же по понятным причинам стала покровительствовать «странным индивидуумам», для которых национальный признак заменён «признаком *пребывания на границах государства* (здесь и далее курсив В.В. Шульгина. – Е.К.)» [19: 2].

Первое издание книги генерала Г.Е. Янушевского, на которое ссылался В.В. Шульгин, было напечатано в 1923 г. Позже, в 1934 г. вышло дополненное издание этой работы под названием «Начало истории русского народа по новейшим данным», которое подверглось жёсткому критическому разбору А.В. Соловьёвым. Историк отмечал, что книга Янушевского «не даёт никаких новейших данных», а лишь «повторяет старые средневековые сказки о праотцах Чехе, Лехе и Русе» [7: 2–3]. В.В. Шульгин выпустил ответную статью, в которой вступился за работу генерала. Интересны аргументы, которые использует политик. Так, А.В. Соловьёв негативно высказался относительно интерпретации Г.Е. Янушевским «нового источника», упоминаемого им, – мраморной таблицы, найденной в городе Зальцбург, на которой имелась надпись на латинском: «...в 477 году по Р. Хр. Князь Русинов Одоакр (*Odoacer rex Rhutenorum*)... опустошил пограничную римскую провинцию Норик» [27: 16]. Историк справедливо отметил, что перенесение имени Рутении на Русь было филологической «путаницей средневековья», а Одоакр считался предводителем германского племени. На замечание

А.В. Соловьёва Шульгин отвечал в публицистическом стиле: «Может быть, это и справедливо, но сердиться всё же нет причины, ибо ругии с острова Рюгена – это как будто бы *vieux jeu* (старомодно. – Е.К.), тогда как “русская” плита... это нечто совсем современное. Во всяком случае, это пикантно!» [28: 5–8].

В.В. Шульгин был также не согласен с тезисом А.В. Соловьёва о сказочности хорватской легенды, но своё мнение политик не аргументировал, предлагая просто дать этому преданию шанс. Он полагал, что оно может подтвердиться более поздними находками и свидетельствами, как, например, было с Генрихом Шлиманом и раскопками Трои.

Отсутствие историографического обзора в работе Г.Е. Янушевского В.В. Шульгин тоже не считал проблемой, поскольку исследователи вступают в споры и часто опровергают мнения друг друга. Поэтому на этот вопрос политик смотрел несколько скептически и писал, что «каждому даётся возможность судить и рядить, как ему вздумается». Интересно, что в выводах к своей статье В.В. Шульгин пишет не о научном значении книги Г.Е. Янушевского, что изначально являлось предметом спора с историком, а указывает, что генерал своей работой «зияющую пробоину залатал» [28: 5–8], продвинув нестандартную версию происхождения Руси.

Пытаясь обосновать «русскость» украинского народа, Шульгин рассуждал об общности исторического прошлого Украины и России. Он считал, что «колыбелью Руси» была Волынь, которую германский племенной союз готов именовать «Ochsenland», от слова «Окс», что значит по-немецки бык, вол, и от слова «ланд» – страна». После прихода гуннов жители этой территории мигрировали в районы Киева, где часть их осела, другая же часть дошла до Карпат. В VI в. они соединились и образовали «первый в истории славян “военный союз”, некое своеобразное Волынское государство», которое вело борьбу с аварами, совершало грабительские набеги на Византию, но через 200 лет распалось. Третья часть народа, именовавшая себя россами или руссами, «пошла вверх по Днепру, перетасила свои челны в Волхов, прошла в Балтийское море и залезла в Скандинавию» [14: 2]. В.В. Шульгин также считал, что акта приглашения варягов славянскими и финно-угорскими племенами не было. События 862 г. он расценивал как «воссоединение временно разлученных, т. е. скандинавских россос с теми россами, что сидели на реке Роси» [14: 2].

Вторым местом, откуда можно было вести историю Руси, В.В. Шульгин считал Прикарпатскую Русь, куда Рус, по легенде, привёл народ из Паннонии [8: 39]. Он отмечал, что эта земля – «более древняя “домовина” русского народа» [23: 5], и в дальнейшем её население не утратило осознания своей «русскости» и всячески сопротивля-

лось сепаратизму. В.В. Шульгин подчёркивал, что русским следовало бы равняться на жителей Прикарпатья и так же твёрдо, как и они, нести свой долг – «исповедывать своё русское имя...» [11: 2–3]. Родословную русского народа он также предлагал вести отсюда. Норманнскую теорию политик считал ошибочной, не видя разницы между концепцией, используемой с целью показать неспособность восточных славян к созданию своего государства, и вопросом о роли варягов в этом событии.

В отношении Галичины В.В. Шульгин подчёркивал, что эта территория никогда не называлась Украиной, а была частью Руси. Для подтверждения этого довода он вновь обращался к историческим свидетельствам. Так, публицист отмечал, что князь Даниил Галицкий называл себя «королём Русским, *Русским, а не Украинским*» (здесь и далее выделено мной. – Е.К.) [19: 2], а в грамотах Юрия II и польского короля Казимира III эта территория именовалась Малой Русью.

Интересной также представляется точка зрения Шульгина на появление русинов на этой территории. Он указывал, что местное население в середине XIX столетия было переименовано австрийским правительством из русских в русинов с целью подавления русского самосознания, полагая, что «можно “русинов” посчитать нерусскими». Позже австрийские политики поняли, что разницы между ними не существует, и стали «искать чего-нибудь поистине разделительного и нашли» [19: 2] – стали именовать население Галичины, Прикарпатья и Буковины украинцами. В другой статье он отмечал, что термин «русины» использовался во времена доминирования Киева, когда же центр русского народа переместился на север, то появилось наименование «россияне», которое «больше приклеилось к обитателям северной Руси» [22: 2].

Возвращаясь вновь к легенде о трёх братьях, В.В. Шульгин подчёркивал, что Русь является преемницей Рима и взяла от него лучшее – представление о праве. По его мнению, уже на тот момент население Восточно-Европейской равнины было знакомо с правовой традицией, которая позже найдёт выражение в правотворческой деятельности Ярослава Мудрого и первом письменном сборнике законов Руси – «Русской правде». Это обстоятельство, по мысли В.В. Шульгина, может быть опровержением представления о России как о родине анархизма и стереотипах о русской «невоздержанности» и «*бесшабашной русскости*» [20: 2]. В этом отношении он считал, что акт приглашения «варягов-Русь» был проявлением унаследованного от Рима правового сознания, стремлением избавиться от беспорядка.

Вообще же киевский период времён правления князя Владимира казался В.В. Шульгину наиболее идеальным. Для реконструирования

образа этого времени он использовал стихи А.К. Толстого. Идеальными Василию Витальевичу казались древнее вече, которое в отличие от европейских органов не стремится к ограничению власти князя; здоровое осознание своей связи с Западом, основанное на принципе «брать от Европы всё, что может возвеличить Россию!». Импонировало Шульгину и то, что А. Толстой признавал особенности и разнообразие народов, населяющих Россию, и выступал против «пострижения всех под московский образец». Политик отмечал, что поэт, проведший своё детство в Малороссии, «умел сочетать уютный местный патриотизм с великодержавным национализмом». Думается, что при описании позиции А.К. Толстого через интерпретацию его творчества Шульгин, конечно, в большей степени писал о себе. Это выражается и в его признании местных культурных традиций народов, и в чувстве одиночества от непонимания его идей современниками, и, наконец, в надежде на возрождение России: «Пирует Владимир, со светлым лицом, // В груди богатырской отрада; // Он верит: победно мы горе пройдем, // И весело слышать ему над Днепром: // Ой, ладо, ой, ладошко-ладо!» [25: 4–5].

Ещё одним историческим сюжетом, к которому неоднократно обращался Шульгин, была Переяславская рада 1654 г. Отмечая значимость этого события для истории, политик в то же время иронично писал о том, что «хохлы, до тех пор сидевшие спокойно, почувствовали явную потребность в самоопределении выражавшуюся в утверждении: “Они де, хохлы, народ Русский и веры Восточной, Православной, а ляхи и жида делают им всякие притеснения и обиды, и что они на это категорически не согласны”. Поговорив так между собою на эту тему свыше пятидесяти лет, хохлы надумали, наконец, “восставать”» [12: 8–9]. Несмотря на это, фигуре Богдана Хмельницкого, которого он считал «до художественности законченным образом русского отчизнолюбца» [17: 2], Шульгин уделял особое внимание. То обстоятельство, что Хмельницкий мечтал быть «самодержцем русским», а на заседаниях Переяславской Рады термины «Украина» и «украинский народ» не использовались, политик интерпретирует как наличие осознания населением Малороссии своей «русскости». Шульгин также считал ошибочным в стремлениях к «украино-угодливости» называть «Малороссию – Украиной; население Южной России – украинцами; и даже от века всем известный “малороссийский борщ”» [22: 2] вкушать как «украинский».

Однако при этом неверно было бы считать В.В. Шульгина украинофобом. Он высказывался против «политического украинства», выступающего за отделение от России, насаждение «языка Грушевского» и искусственное создание собственной истории. Однако при этом

никогда не отрицал существования местной культурной традиции – малорусской. Так, он признавал наличие особого малороссийского говора, на котором говорит «35-миллионная малороссийская деревня» [15: 72–80]. Причём малорусский язык Шульгин считал более приближенным к древности, чем великорусский, поскольку первый сохранил схожесть между произношением и написанием слов. Он полагал, что оба они были говорами, которые происходили от одного «пра-русского языка», но на каком-то этапе пошли в своём развитии в разные стороны, обогащаясь словами из других языков. «Если московская русская *народная* речь превосходна, – писал политик, – то и полтавский народный русский говор прекрасен. Оба они выросли из одного пня и оба одинаково – *русские*» [21: 2–3].

В.В. Шульгин также считал, что малороссы больше заслуживают звание «народа-пахаря», которое обычно ассоциируется с русским народом, поскольку его жизнь была в значительной степени связана с земледелием. Политик признавал также разницу в политической судьбе малороссов и великороссов. Он отмечал, что Левобережная Украина, вошедшая в состав России, после 1654 г. прекратила «свою столетнюю повстанческую практику», тогда как в Правобережной «хохлы продолжали свою вековую практику восстания ещё сто лет». Несмотря на множество различий между малороссами и великороссами, к которым Шульгин также причислял климатические, географические и кровные особенности, он видел между ними одну большую общую черту – смутное представление о своём прошлом [12: 8–9]. Именно с ней он считал необходимым работать особенно тщательно.

Политик также отмечал, что у небольшой части населения Малой Руси, находившейся в поиске своих корней и прошлого, возник «*некий местный патриотизм*». Однако он не только не вызвал интереса интеллигенции, но и преследовался правительством. По мнению Шульгина, это в итоге привело к тому, что «беспризорные чувства» подхватили так называемые украинцы [12: 8–9].

Под «украинцами» он понимал людей, стремящихся к сепаратизму, переписывающих историю, навязывающих искусственные украинские культуру и язык. Он обращался к ним с призывом перестать «*Рюриковичей* называть “украинскими князьями”, ибо они называли себя князьями *русскими* <...> перестать (ибо это просто смешно) “*Русскую правду*” называть памятником “украинского правотворчества”; перестать полян, древлян и другие племена, упоминаемые Нестором, называть “украинским народом”, ибо летописец такого названия не знает; перестать, наконец, обширное государство, собранное киевскими князьями, называть “Украиной”, ибо оно самое себя называло Русью» [16: 2–3]. Он считал, что такими действиями украинцы со-

вершают «историческое святотатство, совершенно несовместимое с патриотическими чувствами уважения к своему прошлому». Население и территорию «от Карпат до Кавказа» политик считал наиболее русским [15: 72–80] и выступал против «самостийных» стремлений.

Решение «украинского вопроса» В.В. Шульгин видел в том, чтобы твёрдо и честно отстаивать курс, принятый некогда Богданом Хмельницким. Он крайне негативно смотрел как на идею выделения данной территории в отдельное государство, так и на «федералистические проекты». Политик полагал, что во втором случае «украинцы», договорившись с Великороссией, не станут притеснять её население, а займутся «украинизацией» малороссов. Шульгин был обеспокоен такой перспективой и предупреждал, что последствия «будут грандиозно ошибочны», поэтому предлагал сначала вырвать власть из рук «украинцев», а только после разговаривать с населением. Однако стоит отметить, что В.В. Шульгин полностью не отвергал идею заключения федерации, но лишь в том случае, если у власти на Украине будут русские. При этом политик также подчёркивал, что эти люди могут даже называть себя «украинцами», но в то же время должны осознавать свою «русскость». Он предостерегал, что в противном случае украинцы станут «загнанной в тело русского народа иноземной занозой!» [24: 1–2].

Таким образом, в своих политических рассуждениях В.В. Шульгин часто прибегал к использованию в качестве аргументов событий истории. Он считал основной проблемой народа Украины забвение памяти о своём историческом прошлом, которое усугублялось сознательными искажениями и обманами со стороны их деятелей (Петлюра, Грушевский, Винниченко). Поэтому средством идеологической борьбы для Шульгина стали свидетельства прошлого, которые он считал необходимым активно использовать для противостояния «украинской лжи» [15: 72–80]. Важно при этом отметить, что политик боролся именно с «политическим украинством». Он никогда не выступал против наличия особенной местной культуры, подчёркивая её уникальные черты, однако в своих рассуждениях всегда исходил из идеи «Триединого Русского Племени» [13: 2–3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабков Д.И. Политическая деятельность и взгляды В.В. Шульгина в 1917–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2008. 336 с.

2. Пученков А.С. В.В. Шульгин и южнорусское Белое движение в 1917–1918 годах // Политические партии России: прошлое и настоящее: сб. статей. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. С. 198–207.

3. *Репников А.В.* Василий Шульгин и «украинский вопрос» // Актуальный архив. 2015. № 1. С. 147–171.
4. *Репников А.В.* Долгая жизнь Василия Шульгина // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2013. № 4. С. 135–168.
5. *Репников А.В.* Свидетель грозного века // Наука и религия. 2018. № 704. С. 24–30.
6. *Репников А.В., Христофоров В.С.* Василий Витальевич Шульгин // Исторические портреты. 2009. № 5. С. 155–169.
7. *Соловьёв А.В.* О начале Руси по «новейшим данным» // Русский голос. 1935. 14 (1) января. № 197. С. 2–3.
8. *Чемакин А.А.* Неизвестные статьи В.В. Шульгина из газеты «Вестник Ривьеры» (Ницца, 1930 г.) // Шульгинские чтения: сборник материалов 2017–2019 гг. С. 28–52.
9. *Чемакин А.А.* Политическая и публицистическая деятельность В.В. Шульгина в 1917–1920 гг. // Шульгин В.В. «Белые мысли». Публицистика 1917–1920 гг. / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. и коммент. А.А. Чемакин. М., 2020. С. 17–53.
10. *Чемакин А.А.* Южно-Русский национальный центр В.В. Шульгина: идеология, деятельность и влияние на Белое движение // Вопросы истории. 2020. № 11(2). С. 29–44.
11. *Шульгин В.* «Матушка-Русь» // Возрождение. 1927. 18 февраля. № 626. С. 2–3.
12. *Шульгин В.* «Мовчать, бо благоденствують» // Зарницы. 1921. 17 июля. № 16. С. 8–9.
13. *Шульгин В.* 8 января // Новое время. 1924. 17 февраля. № 843. С. 2–3.
14. *Шульгин В.* В ночь под Ивана Купала // Возрождение. 1925. 9 июля. № 37. С. 2.
15. *Шульгин В.* Великая правда и великая ложь // Русская мысль. 1927. Кн. 1. С. 72–80.
16. *Шульгин В.* Да или нет? // Русская газета. 1925. 7 января. № 217. С. 2, 5; 8 января. № 218. С. 2–3.
17. *Шульгин В.* Имя русское // Россия и славянство. 1929. 19 января. № 8. С. 2.
18. *Шульгин В.* Парфянская стрела // Возрождение. 1927. 10 августа. № 799. С. 2.
19. *Шульгин В.* Первая тучка // Возрождение. 1927. 12 марта. № 648. С. 2.
20. *Шульгин В.* Русская правда и варяжская сила // Возрождение. 1927. 2 марта. № 638. С. 2.
21. *Шульгин В.* Русский язык // Русская газета. 1925. 13 января. № 222. С. 2–3.
22. *Шульгин В.* Тонкий слух // Россия и славянство. 1929. 16 ноября. № 51. С. 2.
23. *Шульгин В.* Non possumus! // Россия и славянство. 1930. 6 сентября. № 93. С. 5.

24. Шульгин В.В. Святогоры и Горесвяты // Голос. 1929. 24 января. № 29. С. 1–2; 26 января. № 31. С. 1–2.
25. Шульгин В.В. Три столицы и Алексей Толстой // Голос России. 1936. 16 июля. № 5. С. 4–5; 28 июля. № 6. С. 5.
26. Шульгин В.В. *Manu facta, manu destruo* // Голос. 1929. 17 февраля. № 49. С. 1–2; 19 февраля. № 50. С. 1–2.
27. Янушевский Г.Е. Начало истории русского народа по новейшим данным. Брест, 1934. 115 с.
28. Янушевский Г.Е. Ответ профессору А.В. Соловьёву (Через редакцию белградской газеты «Русский голос»). Б.м., 1935. С. 5–8.
29. Šulgin V. Bratři // *Zahraniční rusové Československu. Sborník článků, črt, vzpomínek a pozdravů ruských veřejných a kulturních pracovníků, věnovaný československému národu k desítiletí čsl republiky* / red. M.G. Michějčev, L.F. Magerovský, G.I. Senkevič. Praha-Vinohrady: Svaz Ruských Válečných Invalidů v ČSR, 1928. S. 67–70.

REFERENCES

1. Babkov, D.I. (2008) *Politicheskaya deyatel'nost' i vzglyady V.V. Shul'gina v 1917–1939 gg.* [Political activities and views of V.V. Shulgin in 1917–1939]. Abstract of History Cand. Diss. Bryansk.
2. Puchenkov, A.S. (2005) V.V. Shul'gin i yuzhnorusskoe Beloe dvizhenie v 1917–1918 godakh [V.V. Shulgin and the South Russia White movement in 1917–1918]. In: Artemiev, I.B. (ed.) *Politicheskie partii Rossii: proshloe i nastoyashchee* [Political parties of Russia: past and present]. pp. 198–207 (In Russian).
3. Repnikov, A.V. (2015) Vasilij Shul'gin i "ukrainskiy vopros" [Vasily Shulgin and the "Ukrainian question"]. *Aktual'nyy arkhiv*. 1. pp. 147–171.
4. Repnikov, A.V. (2013) Dolgaya zhizn' Vasiliya Shul'gina [The long life of Vasily Shulgin]. *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 4. pp. 135–168.
5. Repnikov, A.V. (2018) Svidetel' groznogo veka [A witness of the terrible century]. *Nauka i religiya*. 704. pp. 24–30.
6. Repnikov, A.V. & Khristoforov, V.S. (2009) Vasilij Vital'evich Shul'gin [Vasily Shulgin]. *Istoricheskie portrety*. 5. pp. 155–169.
7. Solov'ev, A.V. (1935) O nachale Rusi po "noveyshim dannym" [About the origin of Rus according to "the latest data"]. *Russkiy golos*. 197. pp. 2–3.
8. Chemakin, A.A. (2020) Neizvestnye stat'i V.V. Shul'gina iz gazety "Vestnik Riv'ery" (Nitssta, 1930 g.) [Unknown articles of Vasily Shulgin from the newspaper "Vestnik Riv'ery" (Nice, 1930)]. In: Mishina, I.V. (ed.) *Shul'ginskie chteniya: sbornik materialov 2017–2019 gg.* [The Shulgin Readings: A collection of materials 2017–2019]. pp. 28–52.

9. Chemakin, A.A. (2020) Politicheskaya i publitsisticheskaya deyatel'nost' V.V. Shul'gina v 1917–1920 gg. [Political and publicist activities of V.V. Shulgin in 1917–1920] In: Shulgin, V.V. *“Belye mysli”. Publitsistika 1917–1920 gg.* [“White Thoughts.” Journalism 1917–1920]. Moscow: Kuchkovo pole. pp. 17–53.

10. Chemakin, A.A. (2020) Yuzhno-Russkiy natsional'nyy tsentr V.V. Shul'gina: ideologiya, deyatel'nost' i vliyanie na Beloe dvizhenie [The V.V. Shulgin South-Russian national center: ideology, activities and influence on the White movement]. *Voprosy istorii*. 11(2). pp. 29–44. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202011Statyi49

11. Shulgin, V. (1927a) “Matushka-Rus” [“Mother Rus”]. *Vozrozhdenie*. 626. pp. 2–3.

12. Shulgin, V. (1921) “Movchat, bo blagodenstvuyut” [“They are silent, for they are prosperous”]. *Zarnitsy*. 12. pp. 8–9.

13. Shulgin, V. (1924) 8 yanvarya [January, 8]. *Novoe vremya*. 17th February. pp. 2–3.

14. Shulgin, V. (1925a) V noch' pod Ivana Kupala [At Midsummer night]. *Vozrozhdenie*. 9th July. p. 2.

15. Shulgin, V. (1927b) Velikaya pravda i velikaya lozh' [The great Truth and a great Lie]. *Russkaya mysl'*. 1. pp. 72–80.

16. Shulgin, V. (1925b) Da ili net? [Yes or no]. *Russkaya gazeta*. 217. p. 2, 5; 218. p. 2–3.

17. Shulgin, V. (1929a) Imya russkoe [Russian name]. *Rossiya i slavyanstvo*. 8. p. 2.

18. Shulgin, V. (1927c) Parfyanskaya strela [Parthian arrow]. *Vozrozhdenie*. 10th August. p. 2.

19. Shulgin, V. (1927d) Pervaya tuchka [The first cloud]. *Vozrozhdenie*. 12th March. p. 2.

20. Shulgin, V. (1927e) Russkaya pravda i varyazhskaya sila [The Russian truth and the Varangian strength]. *Vozrozhdenie*. 2nd March. p. 2.

21. Shulgin, V. (1925c) Russkiy yazyk [Russian language]. *Russkaya gazeta*. 13th January. pp. 2–3.

22. Shulgin, V. (1929b) Tonkiy slukh [Sensitive ear]. *Rossiya i slavyanstvo*. 16th November. p. 2.

23. Shulgin, V. (1930) Non possumus! *Rossiya i slavyanstvo*. 6th September. p. 5.

24. Shulgin, V.V. (1929c) Svyatogory i Goresvyaty [Svyatogory and Goresvyaty]. *Golos*. 24th January. pp. 1–2; 26th January. pp. 1–2.

25. Shulgin, V.V. (1936) Tri stolitsy i Aleksey Tolstoy [Three Capitals and Aleksey Tolstoy]. *Golos Rossii*. 16th July. pp. 4–5; 28th July. p. 5.

26. Shulgin, V.V. (1929d) Manu facta, manu destruo. *Golos*. 17th February. pp. 1–2; 19th February. pp. 1–2.

27. Yanushevskiy, G.E. (1934) *Nachalo istorii russkogo naroda po noveyshim dannym* [The origin of Russian people according to the latest data.]. Brest: [s.n.].

28. Yanushevskiy, G.E. (1935) *Otvet professoru A.V. Solov'evu (Cherez redaktsiyu belgradskoy gazety "Russkiy golos")* [The answer to Professor A.V. Solovyov (through the Belgrade newspaper "Russkiy golos")]. [s.l.: s.n.]. pp. 5–8.

29. Shulgin, V. (1928) Bratři [Brothers]. In: Michějěv, M.G., Magerovský, L.F. & Senkevič, G.I. (eds) *Zahraniční rusové Československu*. Praga; Vinograpy: Svaz Ruskikh Valechnykh Invalidu v ChSR. pp. 67–70.

Ковалева Елизавета Олеговна – лаборант-исследователь Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Elizaveta O. Kovaleva – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: st055567@student.spbu.ru

УДК 94(47+57):741.5"1953/1984"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/15

Эволюция графической модели праздничных выпусков газет Советской Украины (1953–1984 гг.)*

Е.А. Федосов

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: e.a.fedosov@yandex.ru

Авторское резюме:

Объектом исследования выступают выпуски периодических изданий УССР «Правда Украины» (Киев) и «Рабочая газета» (Киев), приуроченные к наиболее массово отмечаемым общегражданским праздникам советского времени: Новому году, Первомаю и Великому Октябрю. Всего рассматривается графическая модель около 180 номеров, охватывающих период 1953–1984 гг. Раскрываются подходы к заполнению газет различными визуальными элементами, к числу которых следует отнести рисунки на передовицах, карикатуры, шаржи и иные декоративные вставки. Характер образно-символического ряда, анализируемого на продолжительном хронологическом отрезке, наглядно показывает эволюцию ключевых политических категорий, их актуальность, разнообразие и внутреннюю взаимосвязь с учетом региональной специфики, продиктованной местом издания газет. Схема визуализации каждого из праздников закономерно различалась по своим акцентам. Так, первомайские и особенно ноябрьские торжества практически неизменно сопровождались образом В.И. Ленина, тогда как политический символизм новогодних празднеств чаще всего заключался в изображении кремлевских башен. В разные годы фоном, формировавшим сюжет праздничных рисунков, могли выступать индустрия или космос, интернациональная колонна трудящихся или семья. При этом повторяемость тех или иных композиционных и смысловых элементов представляется не только показателем их значимости, но и, по прошествии времени, признаком недостатка новых идей. Параллельно политическая сатира, представленная внешнеполитическими

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00083, <https://rscf.ru/project/22-78-00083>.

карикатурами, в праздничных номерах постепенно уступала место юмористическим шаржам на внутренние бытовые темы. Национальная специфика изобразительных материалов прослеживалась нечасто, только в отдельных типах визуальных образов, а также в сопутствующих текстах на украинском языке.

Ключевые слова: Советская Украина, пропаганда, газета, графика, карикатура, шарж, общегражданские праздники

The evolution of graphics in newspaper holiday issues in the Soviet Ukraine (1953–1984)*

Egor A. Fedosov

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: e.a.fedosov@yandex.ru

Abstract

The article focuses on the issues of the Soviet Ukrainian periodicals *Pravda Ukrainy* (Kyiv) and *Rabochaya gazeta* (Kyiv), timed to the most popular Soviet public celebrations: New Year, May Day, and October Revolution Day. The author analyses the graphics of about 180 newspapers of 1953–1984 to determine the approaches to selecting visual elements (front page drawings, caricatures, cartoons and other decorative sketches). The chronology of newspaper images and symbols clearly shows the evolution of key political categories, their relevance, diversity, and interrelation, depending on the regional specificity of the newspaper. The visualization scheme naturally differed for each celebration. For example, the May Day or, especially, October Revolution Day newspaper issues invariably published portraits of Vladimir Lenin, while the political symbolism of New Year holiday referred to the Kremlin towers. In different years, the background that formed the plot of holiday illustrations was industry or space exploration, international workers' parade or family life. The repetition of compositional and semantic elements not only emphasized their significance, but, in time, began to indicate the lack of new ideas. Meanwhile, the political satire, represented by foreign policy caricatures, gradually gave way to humorous cartoons related to domestic casual topics. The national specificity of visual symbolism could be found only in some types of visual images, as well as in accompanying texts in Ukrainian.

* The research is supported by Russian Science Foundation Grant (Project № 22-78-00083), <https://rscf.ru/en/project/22-78-00083>.

Keywords: Soviet Ukraine, propaganda, newspaper, graphics, caricature, cartoon, public celebrations

В настоящее время одним из атрибутов массовых общегражданских празднеств остаются публичные или телевизионные политические послания, где зачастую озвучиваются тезисы и о ценностных основах государства, и о текущем его курсе. В советскую эпоху в качестве наглядного канала их трансляции наряду с другими средствами визуальной пропаганды выступали праздничные выпуски газет, графическая модель которых обладала своим особым образно-символическим рядом. Претерпевая изменения на протяжении времени, её композиционные и смысловые элементы отражали актуальность, разнообразие и эволюцию ключевых идеологем.

Руководствуясь практическими задачами улучшения восприятия газетной информации, в СССР исследователи касались и вопроса насыщения полос иллюстративными материалами [2; 12]. При этом сами по себе праздники позиционировались в качестве формы выражения «гражданской обрядности», призванной закреплять советский образ жизни. На основе результатов социологического опроса¹ утверждалось, что они служат средством восполнения *эстетических и художественно-эмоциональных* запросов, а почти шестой части опрошенных в первую очередь нравилось именно художественное оформление, сопровождавшее торжества [3: 115; 10: 60]. Постсоветская историография, применительно к исследованию закономерностей влияния изображений, шрифтов, цветов и т. п. на прочтение различных информационных сообщений, активно разрабатывает понятие «креолизованного текста», главное свойство которого заключается в комплексном сочетании вербальных и невербальных элементов, призванных усиливать общее воздействие на адресата [1; 6]. Типичным примером «креолизации» следует считать и специфически украшенные праздничные выпуски газет. На их идеолого-пропагандистскую роль также указывали современные авторы в работах, анализирующих практику ноябрьских торжественных мероприятий довоенного и военного периода или специфику связанного с ними визуального языка [5; 11; 13]. Отдельные публикации обращались и к рисункам, размещённым на страницах региональной периодики к Новому году или Дню Победы [4; 9].

В данном исследовании рассматриваются малоизученные общественно-политические периодические издания УССР («Правда Украины» и «Рабочая газета»²) с точки зрения визуального оформления выпусков, приуроченных к наиболее массово отмечаемым общегражданским праздникам: новогодним, первомайским и ноябрьским. Всего проа-

нализировано около 180 таких номеров, охвативших период 1953–1984 гг.³ Избранные хронологические рамки представляют интерес по целому ряду причин. С одной стороны, с конца 1950-х гг. советские газеты начинали переживать оформительский бум [12: 101–102, 108], в результате чего усилился акцент и на графическую составляющую. С другой стороны, появление телевидения и развитие фотосъёмки несколько снижало былое наглядно-агитационное значение графики. В общегосударственном контексте период характеризуется появлением признаков идеологического кризиса в СССР и проявлением националистического фактора в связи с тенденциями «украинизации». Поэтому представляется целесообразным проследить, как газеты Советской Украины менялись на фоне данных функциональных и мировоззренческих сдвигов. Предполагается выявить подходы к заполнению полос различными изобразительными компонентами и определить их образно-символическое содержание с учётом региональной специфики, продиктованной местом выпуска периодических изданий.

Особое новогоднее и Первомайское оформление обычно имели номера соответственно за 1 января и 1 мая, хотя иногда тематические иллюстрации публиковались ещё накануне [7: 1961. 31 дек.; 8: 1959. 30 апр.]. В случае же с Великим Октябрем чаще всего декорировался выпуск за 6 ноября и гораздо реже непосредственно за 7-е число, как это было, например, в юбилейные 1967 и 1977 гг. В целом в структуре праздничных газет можно выделить следующие основные типы графики: «передовой» рисунок (коллаж); карикатура на международную тему; шарж на внутренне-бытовую тему. При этом на протяжении рассматриваемого периода место и роль каждого из перечисленных компонентов менялась.

С конца 1950-х гг. рисунок, ранее появлявшийся лишь эпизодически и занимавший сравнительно небольшую площадь первой страницы, начал превращаться в регулярное, исполненное в броском плакатном стиле обрамление передовиц. В «Рабочей газете» встречаются примеры колоризации данных изображений: в красный цвет – на Первомай или Великий Октябрь [8: 1965. 1 мая; 1976. 7 нояб.; 1980. 6 нояб.], в синий – на Новый год [8: 1964. 1 янв.; 1965. 1 янв.; 1969. 1 янв.]. Существенная доля «передовых» рисунков принадлежала авторству художников-оформителей, очевидно, работавших на регулярной основе. В 1960-е гг. к их числу следует отнести А. Свинцова, Н. Фомичева, П. Денисова, Л. Туровецкого, работы которых обнаруживаются в обоих рассматриваемых изданиях. С 1970-х гг. «Правду Украины» иллюстрировали в основном В. Лукьянец, В. Стерлев, А. Рязанова, тогда как в «Рабочей газете» сложнее выявить постоянных авторов (зачастую они не указывались).

Карикатуры активнее публиковались до середины 1960-х гг. Это могли быть достаточно крупные, размещённые на последних страницах праздничных номеров, многофигурные коллективные «портреты» Запада. В новогодних и Первомайских сюжетах они формировались из социально-политического типажа капиталиста или колониалиста, национально-символических фигур американского Дяди Сэма или британского Джона Булля, а также милитаризированных или фашизированных персонажей, посредством которых обличались главные угрозы холодной войны [7: 1954. 1 янв.; 1961. 1 мая; 8: 1962. 1 янв.; 1966. 1 мая]. Для ноябрьских праздников характерно и высмеивание уже ранее «битых» противников Страны Советов [7: 1957. 6 нояб.; 1960. 6 нояб.; 8: 1972. 5 нояб.]. Постепенно само появление карикатур становилось редкостью, а отрицательные образы переставали отличаться вариативностью, примером чего может служить повторявшаяся с перерывами сатира на заокеанского «Санта-Клауса», который приносил войны и кризисы вместо подарков [8: 1966. 1 янв.; 1977. 1 янв.; 1980. 1 янв.].

Дружеские или юмористические шаржи на всём протяжении рассматриваемого периода оставались постоянными спутниками газет, прежде всего новогодних. Иногда в такой манере изображались реальные представители рабочего класса, преуспевшие в труде [8: 1959. 1 янв.; 1 мая; 1973. 1 мая], но смысл большинства сюжетов представлял собой сугубо бытовую изюшку, лишённую каких-либо явных социальных подтекстов или политических оценок. Наконец, также следует отметить отдельные графические элементы, а именно различные рамки, орнаменты, декоративные шрифты или целые символические вставки, которые обрамляли страницы праздничных номеров. Подобные приёмы в большей степени характерны для «Рабочей газеты», а в «Правде Украины» распространились только на рубеже 1970–1980-х гг.

Далее подробнее рассмотрим сюжетные особенности «передовых» плакатных рисунков, определявших идейно-символическое лицо газетного выпуска, приуроченного к советскому празднику. В целом их содержание представляет собой комбинацию универсально-смысловых и ситуативно-актуальных элементов. Для *Нового года*, помимо ёлок и снежинок, относительно сквозной характер носило изображение башни Кремля и рубиновой звезды, которые, с одной стороны, ассоциировались с боем курантов, а с другой – олицетворяли сердце политической жизни страны, откуда исходят все её начинания. Среди наиболее символических следует выделить работу В. Лукьянца, где на фоне кремлёвских часов пожилой рабочий вручал молодому выпел с профилем В.И. Ленина и эмблемой серпа и молота, словно трудовую эстафету от уходящего к грядущему году [7: 1971. 1 янв.] (рис. 1).

Рис. 1. Худ. В. Лукьянец.
Правда Украины. 1971.
1 янв.

XXII Съездом КПСС [8: 1963 1 янв.]. Объекты, отсылавшие читателей к космической теме, которые с 1959 г. появлялись как знак уже свершившихся и будущих успехов страны, после 1966 г. практически исчезли с первых страниц новогодних номеров, очевидно, утратив свою былую информационно-идеологическую новизну. Лишь эпизодически в газетах появлялись сюжеты с личностно-семейным [7: 1963. 1 янв.; 8: 1965. 1 янв.] или глобально-международным подтекстом [7: 1961. 1 янв.].

В праздничных рисунках к *Первoмаю* приёмы визуализации идеи интернационализма закономерно получили основополагающее и сквозное хождение. В 1950–1960-е гг., как правило,

Кроме центральных фигур, наделённых пролетарскими чертами, в других новогодних сюжетах часто присутствовала и некая индустриальная среда, очерченная силуэтами заводов,строек, башенных кранов и т. п. Ленинской темой отмечена встреча 1969 и 1970 гг., озаглавленных подготовкой мероприятий к столетию вождя революции. Изображение иной политической символики (серпа и молота, герба, флага) носило нерегулярный характер, хотя и несколько более интенсивный в «Правде Украины» 1970-х гг. С 1960-х гг. в визуальный обиход прочно вошёл символический персонаж Мальчик Новый Год, также ставший проводником социально-политических смыслов эпохи. По задумке художников, он представлял в скафандре космонавта или комбинезоне рабочего [7: 1960. 1 янв.; 1977. 1 янв.] (рис. 2), либо нёс ёлку с надписями, перечислявшими цели коммунистического общества из программы,

Рис. 2. Автор не указан.
Правда Украины. 1977. 1 янв.

это была колонна демонстрантов, которая внешними чертами, национальными костюмами или сопутствующими надписями на разных языках олицетворяла народы СССР или всего мира в целом. Подобные сюжеты отличает высокая детализация, в части из них международное единство конкретизировалось или собирательно, через представителей трёх основных рас человечества [7: 1960. 1 мая], или прямой отсылкой к союзникам СССР, как, например, хорошо узнаваемый кубинец с характерной бородой и в берете [8: 1964. 1 мая]. К концу рассматриваемого периода данные смыслы стали чаще вкладываться в более отвлечённое изображение земного шара. Несмотря на то, что главными героями праздника являлись трудящиеся, здесь даже несколько реже, чем в новогоднем оформлении, использовался индустриальный фон. В этой связи весьма необычна первая страница праздничного выпуска «Правды Украины» за 1966 г., состоящая из двух зрительных пространств. Одно выстраивалось внизу страницы вокруг типичной картины интернационального шествия, но другое, верхнее, занимала панорама завода и гидроэлектростанции с крупной шрифтовой фигурой «Пятилетка». В целом высока была сюжетная роль образов вождей коммунистического движения, представленных Лениным, а иногда также Марксом и Энгельсом. В 1960–1970-е гг. художники, рисовавшие для «Правды Украины», уделяли немалое внимание и коллективному портрету советского народа, стремясь зафиксировать всю полноту его социального многообразия (рис. 3). Газетой активно изображалась, особенно в 1970-е гг., символика СССР, а серп и молот порой становились не просто символическими

Рис. 3. Худ. В. Лукьянец. Правда Украины. 1972. 1 мая.

Рис. 4. Худ. П. Денисов. Рабочая газета.
1964. 6 ноября.

выполнял как политическую, так и коммеморативную функцию, поскольку около двух третей сюжетов помимо Ленина содержали ещё историческую зарисовку, отсылавшую читателей к событиям 1917 г. Также примерно в половине случаев демонстрировались индустрия или космос как главные области достижений Страны Советов (рис. 4). Именно здесь отсылки к космической теме продержались дольше всего – до 1975 г., что объяснимо некоторой ретроспективностью самого смысла праздника, когда отмечаются не только актуальные, но и ранее достигнутые прорывы.

Наиболее показательно и детально подобный подход реализован в работе К. Николаенко, подготовленной для «Правды Украины» к 50-летию Октябрьской революции и состоявшей из нескольких агитационно-художественных миниатюр, которые отражают ключевые

штрихами к композиции, а особыми структурирующими её элементами [7: 1971. 1 мая; 1974. 1 мая]. При этом виды Кремля нечасто встречаются в череде первомайских политических метафор. К числу ситуативных или эпизодических визуальных контекстов следует отнести космический, который актуализировался в основном только «Рабочей газетой», а также семейный, где порой весьма символично подчёркивалась историческая преемственность праздника: от маёвок первых коммунистов к всенародным торжествам, объединявшим молодое и старшее поколения [7: 1967. 1 мая].

Применительно к празднованию *Великого Октября* следует отметить ключевое значение ленинианы – в частности, в «Правде Украины» практически ни один передовой рисунок рассматриваемого периода не остался без образа вождя революции. Он

вехи советской истории. После идущих за Лениным революционных рабочих, солдат и матросов читатель газеты мог сначала остановить взгляд на красноармейцах Гражданской войны, затем – на стройках индустриализации и фронтовых атаках Великой Отечественной войны и, наконец, прийти к «сегодняшнему» дню, героями которого являются трудящиеся, обратившие свои взоры в даль неба, куда устремился космический корабль [7: 1967. 7 нояб.] (рис. 5).

Композиция обрамляла стихотворение с характерным названием «Подвиг». На данном рисунке, как и на многих других, посвящённых Октябрю, присутствовала символика СССР. Изображение многоликого в социальном и национальном плане собирательного образа советских людей встречалось несколько реже. Международная тематика фигурировала лишь в единичных случаях, например, на рисунке за 1960 г., создававшемся в атмосфере нового мощного витка деколонизации, вдохновлённого идеями Октября. Данный сюжет необычен ещё и тем, что центральная роль в нем отведена действующим политическим фигурам: шествие здесь возглавлял Н.С. Хрущёв, а рядом с ним запечатлён Фидель Кастро [7: 1960. 6 нояб.].

Региональные особенности визуализации праздников прослеживаются в газетах Советской Украины в основном в 1960-е гг. – первой половине 1970-х гг. При этом большее число национально окрашенных образов встречается в «Правде Украины», а в «Рабочей газете» изображениям чаще сопутствовали краткие тексты на украинском языке: различные поздравления, стихи или пожелания согражданам. В частности, в первом номере наступившего года художник-офор-

Рис. 5. Худ. К. Николаенко. Правда Украины. 1967. 7 нояб.

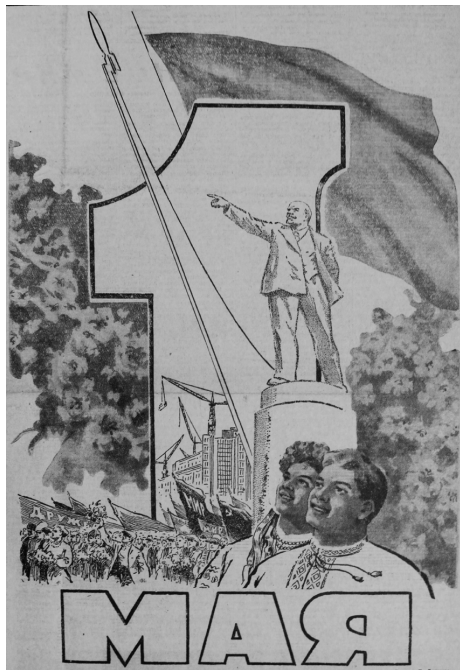

Рис. 6. Худ. П. Денисов. Рабочая газета.
1960. 1 мая.

митель разместил на огромной шестерёнке надпись по-украински «3 Новим роком!» [8: 1973. 1 янв.]. С визуальной точки зрения более показательны передовые рисунки к ноябрьским и особенно Первомайским торжествам, на которых примерно в четверти случаев часть главных героев представляла в народных костюмах, украшенных характерной вышивкой и иными подобными элементами [8: 1960. 1 мая; 1969. 1 мая] (рис. 6). Обычно это были женские образы, которые олицетворяли тружениц сельского хозяйства и тем подчёркивали роль житницы, закреплённую за Украиной в семье советских республик. Впрочем, иногда имел место более отвлечённый подход к визуализации, синонимич-

ный скорее весне в целом, чем какой-либо конкретной социальной функции. Как представляется, наибольший акцент на этническую составляющую был достигнут в работе художника П. Денисова, где среди многоликой колонны демонстрантов по внешним деталям можно различить жителей разных регионов УССР, а также прочитать политические лозунги на украинском языке [8: 1961. 1 мая].

В целом анализ графической модели газет Советской Украины указывает на несколько тенденций. В ходе рассматриваемого периода прежде всего менялся характер передовых рисунков. Контекстуальная многослойность их содержания постепенно превращалась в более отвлечённый символизм: плакатность стиля вытеснялась открыточностью, смыслополагание сменялось иллюстративностью. Исключением можно считать лишь отдельные праздничные номера 1982–1983 гг., оформленные художниками А. Рязановой и И. Скаковским и манерой повторявшие опыт 1960-х гг. [7: 1982. 1 янв.; 1983. 1 мая; 8: 1982. 1 мая; 1983. 1 янв.]. Параллельно снижалась роль острых международных карикатур в пользу довольно аполитичных бытовых шаржей. Всё вышеперечисленное можно считать наглядным

свидетельством кризиса идей в создании печатных форм визуальной пропаганды, а также отсутствия оригинальных приёмов и образов. Кроме того, графика зачастую вообще не использовалась, уступив место фотоподборкам или фотоколлажам. Что касается национальной специфики, то в визуальных материалах газет она прослеживалась нерегулярно, лишь в отдельных образах, наделённых соответствующим внешним колоритом, а также, как в случае с «Рабочей газетой», в сопутствующих текстах на украинском языке. Представляется, что дальнейшее изучение региональных особенностей газетных иллюстраций перспективно выстроить через сравнительный анализ, сопоставив их с аналогами как из общесоюзной печати и прессы других союзных республик, так и из украиноязычной периодики, выходившей в СССР.

Примечания

1. Опросы проводились среди жителей Ивано-Франковской области УССР.

2. «Правда Украины» (Киев) – печатный орган ЦК КПУ, Верховного совета и Совета министров УССР, выходила с 1938 г. шесть дней в неделю на русском языке. «Рабочая газета» (Киев) – печатный орган Украинского республиканского совета профсоюзов (с 1963 г. – ЦК КПУ), выходила с 1957 г. шесть дней в неделю на русском языке с использованием украинского.

3. Использовался фонд периодики Научной библиотеки ТГУ: «Правда Украины» – фронтально с 1953 по 1984 г. (отсутствуют выпуски за 1 января 1967 и 1974 гг.); «Рабочая газета» – фронтально с 1959 по 1984 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ворошилова М.Б.* Политический креолизированный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. 194 с.

2. *Галкин С.И.* Оформление газеты и журнала: от элемента к системе. М.: Изд-во МГУ, 1984. 152 с.

3. *Закович Н.М.* Советская обрядность и духовная культура. Киев: Наукова думка, 1980. 221 с.

4. *Клинова М.А., Трифонов А.В.* Великая Отечественная война: коммеморативные практики и образы в газетной периодике (1946–1965 гг.) // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 36–45. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-36-45

5. Красильникова Е.И. «Мы помним день 7 ноября». Октябрьские торжества в Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945). Новосибирск: Золотой колос, 2017. 226 с.

6. Креолизированный текст: смысловое восприятие / отв. ред. И.В. Васькина. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 206 с.

7. Правда Украины (Киев).

8. Рабочая газета (Киев).

9. Скуридина С.А., Вохминцева А.В. Новогодний выпуск регионального издания как социокультурный источник (на примере районной общественно-политической газеты «Вести Придонья» г. Павловск Воронежской области) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 2 (45). С. 127–133. DOI: 10.36622/AQMPJ.2022.16.29.018

10. Тульцева Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР. М.: Наука, 1985. 192 с.

11. Ушакин С.А. Медиум для масс – сознание через глаз: фотомонтаж и оптический поворот в раннесоветской России. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2020. 328 с.

12. Цыганов О.В. Режиссура газетного номера. М.: Мысль, 1968. 190 с.

13. Шаповалов С.Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930-е гг. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012. 125 с.

REFERENCES

1. Voroshilova, M.B. (2013) *Politicheskiy kreolizovannyy tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political creolized text: Keys to understanding]. Ekaterinburg: USPU.

2. Galkin, S.I. (1984) *Oformlenie gazety i zhurnala: ot elementa k sisteme* [Newspaper and magazine design: From element to system]. Moscow: Moscow State University.

3. Zakovich, N.M. (1980) *Sovetskaya obryadnost' i dukhovnaya kul'tura* [Soviet ritual and spiritual culture]. Kyiv: Naukova dumka.

4. Klinova, M.A. & Trifonov, A.V. (2021) The Great Patriotic War: commemorative practices and images in newspaper periodicals (1946–1965). *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2(71). pp. 36–45 (in Russian). DOI: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-36-45

5. Krasilnikova, E.I. (2017) *“My pomnim den' 7 noyabrya”. Oktyabr'skie torzhestva v Sibiri: kommémorativnyy aspekt (1920–1945)* [“We remember 7th November.” The October celebrations in Siberia: A commemorative aspect (1920–1945)]. Novosibirsk: Zolotoy kolos.

6. Vashunina, I.V. (ed.) (2020) *Kreolizovannyy tekst: smyslovoe vospriyatie* [Creolized text: semantic perception]. Moscow: Institute of Linguistics of RAS.

7. *Pravda Ukrainy*. (Kyiv).

8. *Rabochaya gazeta*. (Kyiv).
9. Skuridina, S.A. & Vokhmintseva, A.V. (2022) New Year's edition of the regional edition as a socio-cultural source (on the example of the regional socio-political newspaper "Vesti Pridonya", Pavlovsk, Voronezh region). *Aktual'nye voprosy sovremennoy flologii i zhurnalistiki*. 2(45). pp. 127–133. DOI: 10.36622/AQMPJ.2022.16.29.018
10. Tultseva, L.A. (1985) *Sovremennye prazdniki i obryady narodov SSSR* [Modern holidays and rituals of the ethnic groups of the USSR]. Moscow: Nauka.
11. Ushakin, S.A. (2020) *Medium dlya mass – soznanie cherez glaz: fotomontazh i opticheskiy povorot v rannesovetskoj Rossii* [Medium for the masses – consciousness through the eye: photomontage and optical turn in early Soviet Russia]. Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh."
12. Tsyganov, O.V. (1968) *Rezhissura gazetnogo nomera* [Directing a newspaper issue]. Moscow: Mysl'.
13. Shapovalov, S.N. (2012) *Genezis sovetskikh gosudarstvennykh prazdnikov na Kubani v 1918–1930-e gg.* [The genesis of Soviet public celebrations in Kuban in the 1918–1930s]. Krasnodar: Kuban State University

Федосов Егор Андреевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры российской истории Томского государственного университета (Россия).

Egor A. Fedosov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: e.a.fedosov@yandex.ru

УДК 930(2); 94(47); 32.019.52

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/16

Герои национальных нарративов в зеркале исторической памяти Рунета (на материале больших данных социальной сети «ВКонтакте»)*

Н.В. Трубникова¹, А.Ю. Саркисова²

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: troub@mail.ru

² E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

Авторское резюме

Представлены результаты исследования нарративов о национальных героях в исторических сообществах наиболее популярной российской социальной сети «ВКонтакте». Материал для исследования составило 332 781 уникальное текстовое сообщение, извлечённое автоматизированными методами с помощью открытого API «ВКонтакте». Для обработки данных использовались узлы аналитической платформы PolyAnalyst: поисковый запрос, анализ тональности, кластеризация текстов, резюме, узлы визуализации, а также ряд узлов для предобработки текстов. Для интерпретации данных использовались теоретико-методологические положения современной нарратологии, согласно которым любой процесс коммуникации может быть представлен как форма повествования. Прослежено, что в современные национальные контексты регулярно включаются исторические деятели как компонент единого знакового пространства, определяющего национальную идентичность и национальное самосознание. Наиболее популярными из них оказались В.И. Ленин (17 092 упоминания), И.В. Сталин (13 830 упоминаний), Николай II (4 917 упоминаний). Основные нарративы, связанные с именем В.И. Ленина, касаются веры в вождя в борьбу за улучшение жизни народа, основания советской власти, отмеченной по-

* Результаты были получены в рамках государственного задания Минобрнауки, проект № FSWM-2022-0004 «Сетевой анализ современных представлений сообществ Рунета о России: основные исторические нарративы как основа национальной идентичности».

уже Победой в Великой Отечественной войне. Имя Ленина остаётся значимым на бытовом уровне. Мнения о Сталине традиционно полярны. Самый большой кластер текстов о Сталине выявляет нарратив о Великой Отечественной войне и человеке, который привел свою страну к великой Победе. В текстах о Николае II лидирует семейный нарратив. Для части современных пользователей Рунета последний российский император становится символом «России, которую мы потеряли». Статистически заметными также оказываются нарративы о святом и невинно убиенном, о плохом правителе, об отречении. Прикладной анализ неструктурированных больших данных социальных медиа позволяет решать принципиально новые задачи, выявлять новые особенности массового исторического сознания, расширяя наши представления о пространстве исторической памяти и специфических характеристиках национальной идентичности современной России.

Ключевые слова: российские исторические деятели, Ленин, Сталин, Николай II, нарратив, историческая память, национальная идентичность, социальные сети, большие данные.

Heroes of national narratives in the Runet historical memory (based on big data from the VKontakte social network)*

Natalia V. Trubnikova¹, Anna Yu. Sarkisova²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: troub@mail.ru

² E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

Abstract

The article presents the results of a study of narratives about national heroes in the historical communities of the most popular Russian social network VK. The study is based on 332,781 unique text messages extracted by automated methods using the VK open API. For data processing, the nodes of the PolyAnalyst analytical platform are

* Results were obtained within the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science, Project No. FSWM-2022-0004 "Network analysis of current representations Runet communities about Russia: the main historical narratives as the basis of national identity".

used: the search query, sentiment analysis, text clustering, summaries, visualization nodes, and a number of nodes for text preprocessing. The data was interpreted on the base of the theoretical and methodological provisions of modern narratology, according to which any communication process can be represented as a form of narration. The authors argue that historical personalities are regularly included in modern national contexts as a component of a single sign space that determines national identity and self-consciousness. Among the most popular are Vladimir Lenin (17,092 references), Josef Stalin (13,830 references), Nicholas II (4,917 references). The main narratives associated with Lenin relate to his faith in the struggle to improve people's life and the foundation of Soviet Union, later marked by the Victory in the Great Patriotic War. Lenin's name remains significant at the everyday level. Opinions about Stalin are traditionally controversial. The largest cluster of texts about Stalin reveals the narrative of the Great Patriotic War and the man who led his country to the Great Victory. The family narrative dominates in the texts about Nicholas II. For some modern Runet users, the last Russian emperor is a symbol of "Russia that we have lost." Statistically significant are also narratives about Nicholas II as a saint, a martyr, a bad ruler, and about renunciation. The applied analysis of unstructured big data of social media allows solving fundamentally new tasks of identifying new features of the mass historical consciousness, which expands our understanding of the historical memory space and specific characteristics of the national identity of modern Russia.

Keywords: Russian historical personalities, Lenin, Stalin, Nicholas II, narrative, historical memory, national identity, social networks, Big Data.

В условиях современных геополитических вызовов требуется «пересборка» представлений о национальной идентичности, в основе которой всегда лежит исторический опыт, отраженный в репрезентациях коллективной памяти. Одним из обширных и малоизученных ресурсов таких репрезентаций являются социальные медиа, представленные сотнями сообществ по интересам, тяготеющим к исторической тематике.

В качестве материала исследования выбрана наиболее популярная российская социальная сеть «ВКонтакте» (<https://vk.com>), охватившая в суточном эквиваленте 52 % всех пользователей Рунета. По данным Brand Analytics [13], только в марте 2022 г. более **27 млн** авторов опубликовали **468 млн** постов и комментариев «ВКонтакте», что больше, чем на всех остальных платформах русскоязычного сегмента Интернета, вместе взятых.

Авторами ставилась задача отобрать для анализа тематический контент – большой массив сообщений пользователей, посвящённых избранным российским историческим деятелям, правившим государ-

ством в разные исторические периоды, с именами которых связаны значимые для национального сознания нарративы.

Данные публикаций собирались через открытый API «ВКонтакте» с использованием разработанной Центром прикладного анализа больших данных НИ ТГУ программной библиотеки методов по выгрузке и анализу данных Vkarі8 [11]. Используемые в Центре методы и инструменты автоматизированного сбора данных большой размерности, актуальные для социальных и гуманитарных исследований, описаны в работе А.Л. Благина, Э.Р. Сайфулина, А.Ю. Саркисовой [1].

Для выборки тематических сообщений был подготовлен список лингвистических маркеров, включающий 26 имен избранных российских исторических деятелей и ряд обобщающих понятий (табл. 1). Смысловой акцент делался на государствообразующей семантике, не рассматривались деятели культуры и науки, хронология отбора не затрагивала постсоветский период.

Поиск маркеров осуществлялся вне зависимости от словоформы и регистра.

Таблица 1

Лингвистические маркеры, использованные для поиска тематических сообщений

Лингвистические маркеры		
Владимир Красное Солнышко	Екатерина II	Троцкий
Александр Невский	Екатерина Вторая	Сталин
Ярослав Мудрый	Екатерина Великая	Маршал Жуков
Дмитрий Донской	Суворов	Хрущёв
Иван III	Декабрист	Гагарин
Иван Грозный	Александр II	Брежнев
Иван IV	Александр Второй	Андропов
Борис Годунов	Царь-освободитель	Горбачёв
Лжедмитрий	Николай II	Российский император
Иван Сусанин	Николай Второй	Русский император
Петр I	Столыпин	Российский полководец
Петр Первый	Ленин	Русский полководец
Петр Великий	Чапаев	Русские цари
		Правители России

С использованием ресурсов автоматизации из социальной сети «ВКонтакте» были извлечены все сообщества, в названии, статусе или описании которых встречается как минимум один из указанных маркеров. Результатом выборки стали 150 997 сообществ (время выгрузки – сентябрь 2022 г.). Полученный реестр сообществ был профильтрован: удалены закрытые паблики (в связи с невозможностью выгрузить их контент) и сообщества с числом участников менее 50 человек. Далее с использованием стоп-слов удалён значительный

массив нерелевантных сообществ (реклама, объявления, гороскопы, кулинария, а также сообщества, в заголовке, статусе, описании которых искомое историческое имя использовано исключительно в качестве названия улицы, проспекта и т. п.). Полученная выборка была разделена на два сегмента: содержащий ключевой корень слова «истор» в содержательных колонках и не содержащий. Группы в каждом из сегментов были просмотрены вручную (сегмент с корнем слова «истор» оказался ожидаемо более релевантен и проранжирован более основательно). Не коррелирующие с тематикой исследования сообщества были удалены, итоговая выборка пабликов составила 622 сообщества.

На следующем этапе был выгружен для более детального рассмотрения контент данных сообществ, который составил 708 155 сообщений (постов).

Дальнейшая обработка текста осуществлялась с использованием аналитической платформы PolyAnalyst (<https://www.megaputer.com/ru/polyanalyst/>, разработчик – Megaputer Intelligence), доступной для исследователей в Центре коллективного пользования на базе суперкомпьютера НИ ТГУ «СКИФ Cyberia» [12].

На этапе предобработки были удалены посты, не содержащие текст или повторяющиеся, итоговая выборка постов составила 332 781 уникальное текстовое сообщение.

При автоматизированной обработке текстов использовались узлы платформы PolyAnalyst: поисковый запрос, извлечение ключевых слов, извлечение сущностей, анализ тональности, кластеризация, резюме, узлы визуализации.

Теоретико-методологическая основа исследования

В основу исследования был положен ряд теоретических положений современной нарратологии, в которой любой процесс коммуникации может быть представлен как форма повествования. В настоящее время в качестве нарративов могут восприниматься не только отдельные тексты, но и весьма обширные информационные пласты современной медиакультуры, которые рассматриваются в виде «полиморфных феноменов». В них, как и в отдельном тексте, могут быть выявлены и стратегия повествования, и разделяемое большой группой авторов целеполагание, и развертывание определённой общей истории, и эмоциональные тональности, и связи с текущей реальностью, что в совокупности формирует специфический способ упорядочивания коллективно переживаемого опыта [8]. Нарративный анализ подобных сложносоставных коллективных репрезентаций

может включать такие критерии, как «информационная значимость» (важность сообщения для текущей событийной повестки), «кредит доверия» (достоверность приведённых фактов), «каузальность» (причинно-следственные отношения излагаемых событий), «степень одобрения» аудиторией интерпретации, предложенной нарратором, наконец, степень «объективности» – личной идеологической (не) ангажированности в оценке событий [14].

Что же касается понятия «исторического нарратива», то здесь конвенциональные (разделяемые большинством профессионального сообщества) основы ещё не обрели достаточной прочности. Диапазон представлений, по мнению Е.В. Мишаловой, варьирует от традиционных описательно-повествовательных исторических произведений до постструктуралистского способа осмысления мира, схваченного в специфических для разных эпох понятиях, и дискурсов (подобных эпистемам у М. Фуко) либо «великих рассказов», реконструирующих общезначимые исторические процессы [10: 160–161].

Достаточно эффективным применение подобной исследовательской модели оказалось в современной истории памяти, к ориентациям которой следует отнести и представленное исследование: здесь под историческим нарративом понимаются обобщённые коллективные репрезентации и связанные с ними эмоциональные тональности, которые могут быть сведены к некоторому количеству, безусловно, упрощённых идей и социальных посылов, связывающих прошлое и современность. В этом смысловом поле исторические нарративы формируются как интерпретация знаковых явлений коллективной памяти и обретают автономное сюжетное существование в пространстве коллективного воображаемого, идеологическую окраску и даже государственную поддержку (официальные нарративы и контрнарративы) [9].

Информационно-политические фильтры и идеологические воздействия

Идея борьбы исторических нарративов легко находит подтверждение в мире социальных медиа: этому информационному ресурсу присущ высокий градус дискуссий о российской истории, значительная часть их вектора подвержена политическим манипуляциям, попыткам обесценивания как отдельных событий, так и целых эпох бытования российского государства практикой стратегически выстроенных информационных «вбросов».

Чтобы понять, до какой степени «инфильтрация» антироссийскими нарративами присуща историческим сообществам «ВКонтакте»,

исследуемая текстовая коллекция (332 781 сообщение) была подвергнута специальному анализу, включающему в себя выборочное выделение лингвистических маркеров с последующим полнотекстовым поиском.

В качестве основы для проверки рассматриваемых материалов использовались лингвистические маркеры (будут показаны ниже в результатах), предложенные в аналитическом обзоре «Великая Отечественная война. Фальсификация истории. Манипуляции в социальных медиа» и отражающие несомненное манипулятивное воздействие, широко распространённое в Интернете. Обзор был выполнен коллективом авторов на основе прикладного анализа больших данных на электронной платформе «Крибрум» [2]. Опасности такого рода идеологически мотивированных стратегий «разоблачения прошлого» на примере памяти о Великой Отечественной войне подробно проанализировали Е.А. Данилова и С.Г. Суляк [6; 7].

Полнотекстовый поиск выявил следующие результаты: термин «победобесие» встречается в постах и комментариях 24 раза, «день памяти и примирения» – 22, «советский концлагерь» – 2, «советский» и «фашистский» в контексте не более 5 слов – 2, «Сталин – преступник» – 17, «СССР – оккупант» – 1, «СССР – виновник» – 1, «России / русским нечем гордиться» – 0. При низком пороге упоминаемости контент этих текстов отразил полярность мнений в отношении заявленных вопросов; чаще встречается категорическое осуждение выраженных маркерами позиций. Приведём несколько примеров (орфография и пунктуация постов здесь и далее сохранены).

«**Победобесие** – это бешенство, гипертрофированная истерия прозападников и либералов от нашей Великой Победы»; «Приближается годовщина 75-летия нашей Победы над фашистской Германией. Не нужно быть Вангой, чтобы сделать точный прогноз, что, как и все последние годы, 9 Мая нам снова попытаются испортить либералы, называя празднование Дня Победы: “**победобесием**”».

«Враги России это прекрасно понимают, поэтому память о Великой Отечественной войне – один из фронтов новой Холодной войны: Запад настойчиво пытается приравнять СССР к фашистской Германии, выставить **СССР виновником** войны, лишить Россию статуса страны победителя, потребовать покаяния и выплаты компенсаций».

«Даже великий праздник героической истории советского народа – **День Победы**, был подменен **Днем памяти и примирения** только ради того, чтобы дистанцироваться от общего с Россией героического прошлого».

Незначительные показатели частотности указанных маркеров позволяют говорить о слабом влиянии возможных политически

мотивированных информационных кампаний на результаты исследования. Этот вывод отнюдь не опровергает наличия самых разных по целям воздействия информационных материалов анти-российской и антисоветской направленности, поскольку они легко обнаруживаются и в комментариях к различным видео, и в форумах общей тематики в пространстве Интернета. Вполне вероятно, что исторические сообщества – не тот тип площадки и не та целевая аудитория, где подобные манипуляции находят активный отклик. К тому же такого рода открытые паблики, как правило, имеют модераторов, распознающих и удаляющих откровенные «информационные вбросы».

Возвращаясь к основному предмету обсуждения – героям национальных нарративов, следует показать количественные результаты полномасштабного поиска релевантных сообществ по каждому из заданных маркеров: маркер имеет место в названии, статусе или описании сообщества (при этом в них могут упоминаться и другие искомые маркеры). В табл. 2 отражены персоналии-лидеры по количеству найденных сообществ.

Таблица 2

**Количество найденных релевантных сообществ
по заданным лингвистическим маркерам (первые 12 позиций)**

Маркер	Количество сообществ
Ленин	173
Сталин	144
Николай <--> II	63
Горбачев	61
Александр <--> Невский	38
Столыпин	37
Иван <--> (Грозный IV)	31
Суворов	20
Гагарин	19
Русские <--> цари	19
Екатерина <--> II	16
Троцкий	15

Указанные исторические персоналии не обязательно при этом располагаются в фокусе основной тематики данного сообщества, однако включаются в актуальные современные контексты как компонент единого знакового пространства, определяющего национальную идентичность и национальное самосознание.

На следующем этапе был выгружен контент сообществ (332 781 сообщение), содержащий указанные лингвистические маркеры, и выявлена статистика сообщений (табл. 3).

Таблица 3

Статистика сообщений рассматриваемых сообществ

№	Лингвистический маркер	Количество сообщений	№	Лингвистический маркер	Количество сообщений
1.	Ленин	17 092	14	Брежнев	979
2.	Сталин	13 830	15	Декабрист	901
3.	Николай II (Николай Второй)	4 917	16	Столыпин	543
4.	Пётр I (Пётр Первый, Пётр Великий)	3 101	17	Маршал Жуков	501
5.	Горбачёв	2 948	18	Чапаев	464
6.	Иван Грозный (IV)	2 805	19	Андропов	311
7.	Хрущёв	2 049	20	Иван III (Иоанн III, Иван Великий, Иоанн Великий)	277
8.	Александр Невский	1 668	21	Дмитрий Донской	221
9.	Гагарин	1 625	22	Борис Годунов	163
10.	Троцкий	1 492	23	Лжедмитрий	114
11.	Суворов	1 392	24	Сусанин	80
12.	Екатерина II (Екатерина Вторая, Екатерина Великая)	1 283	25	Ярослав Мудрый (Ярослав Первый)	73
13.	Александр II (Александр Второй, Царь-Освободитель)	995	26	Владимир I (Владимир Красное Солнышко)	27

Наиболее частотными ожидаемо оказались имена, связанные с недавней историей (Ленин, Сталин, Хрущёв, Горбачёв). В числе популярных также предсказуемо были определены четыре имени, вызывающие наиболее полярные оценки у россиян: В. Ленин, И. Сталин, Пётр I, Иван Грозный. На третьем месте оказалось имя Николая II, последнего российского императора. В первой половине списка – национальные герои, ценимые за совершенные подвиги, – Ю. Гага-

рин, А. Суворов, Александр Невский; выдающиеся и не вызывающие диаметральных оценок правители – Екатерина II и Александр II; революционер и идеолог коммунизма Л. Троцкий.

Ниже будут рассмотрены исторические нарративы Рунета на конкретных примерах трёх лидеров упоминаний в сети, выявленных на основе извлечения больших данных: В. Ленина, И. Сталина и их политического антагониста Николая Второго.

Общие наблюдения по содержанию сообщений

Исторические сообщества Рунета придерживаются академического, «книжного» стиля сообщений, проявляют склонность к документалистике, выстраивают аргументацию с помощью большого количества цифр, фактов и имён, исторической конкретики. Язык общения – более сдержанный, лишённый эмоционального накала, содержит меньше голословных утверждений, чем можно увидеть в нетематических сообществах. Публики редко транслируют лженаучные мифы или бытовые стереотипы, с осторожностью относятся к дискуссиям, выражающим полярные мнения.

Исторические сообщества Рунета знакомы и со словоупотреблением «нарратив», которое встречается 91 раз. Грамматически и стилистически верно подобранные контексты для термина «нарратив» свидетельствуют и об определённом запасе академической культуры, и о следовании новым научным трендам со стороны «держателей смыслов» исследуемого сегмента Интернета.

Наиболее частотным и значимым словом в полной текстовой коллекции оказалось слово «война», сопровождаемое близкими по семантике ключевыми словами «армия», «фронт», «конфликт», «противник», «операция», «победа», «войско», «оружие» и др. (рис. 1).

В списке ключевых слов, за исключением слова «музей», отражающего связь с влиятельным типом сообществ, аффилированных с историческими музеями, первые шесть слов имеют прямое отношение к войне (конфликт, противник, войско, союз, оружие, намерение).

Облако смыслов, сформированных войной, имеет ключевое значение для национального самосознания современных россиян и поддерживается историческими нарративами следующего типа.

Русская история – это кровавая история, история войн.

Главные «союзники» России – это её армия и флот. Или Россия будет сильной в военном плане, или её не будет.

Великая Отечественная война – ключевое событие национальной памяти.

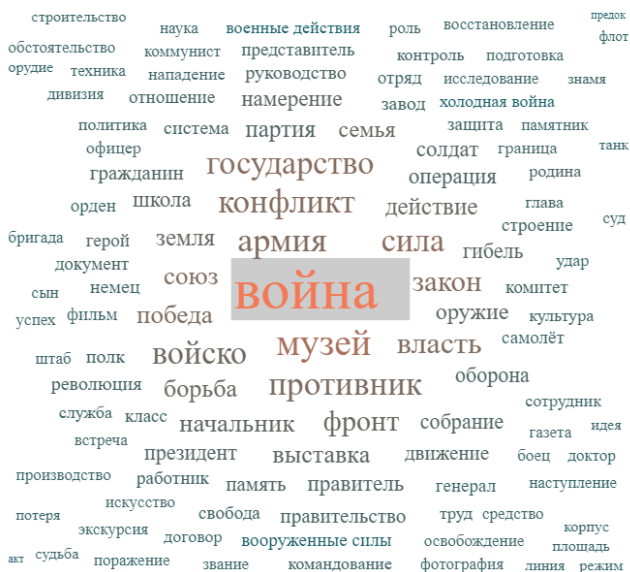

Рис. 1. Облако ключевых слов в текстах о национальных героях (332 781 пост «ВКонтакте».

В целом в рассматриваемом массиве сообщений война (в широком смысле) упоминается 49 736 раз, из них Великая Отечественная война – 17 487.

Характерно, что при разделении текстов по персоналиям (узел «Поисковый запрос») у всех рассматриваемых исторических деятелей «война» тоже образует одно из главных слов (например, у Столыпина – третье, у Ярослава Мудрого – четвёртое, у Ивана Грозного – пятое, у Андропова – второе, у Ленина – первое).

Исторические нарративы о национальных героях, отражая живую и напряжённую связь прошлого с настоящим и предвосхищениями будущего (темпоральный дискурс), тесно связаны с современностью, в которой история представляется неразрывным целым. Тема связи прошлого и настоящего отражена широкой статистикой тематик, включающих и политические события современности, и тематику памяти, и предвосхищения будущего.

ЛЕНИН

С использованием программной платформы PolyAnalyst (узел «Анализ тональности») нами было выявлено процентное соотношение оценок, вербализованных в эмоционально-оценочной лексике,

которая употреблялась в контексте обсуждения избранных исторических лиц.

В.И. Ленин, оказавшийся наиболее популярным по частотности упоминаний в нашей текстовой коллекции, характеризуется в положительном контексте в 68,12 % случаев, в отрицательном – в 31,88 %. Это коррелирует с результатами социологического опроса ВЦИОМ 2016 г., где на вопрос о личном эмоциональном отношении к вождю 8 % заявили о горячей симпатии, 24 % – об умеренной симпатии, 32 % – скорее о симпатии, чем антипатии, а об отрицательном отношении к нему разной степени выраженности сообщили 18,6 % респондентов. Ещё 14 % респондентов затруднились в ответе [4].

Связи терминов, отражающие статистически значимые результаты, представлены на графе (рис. 2).

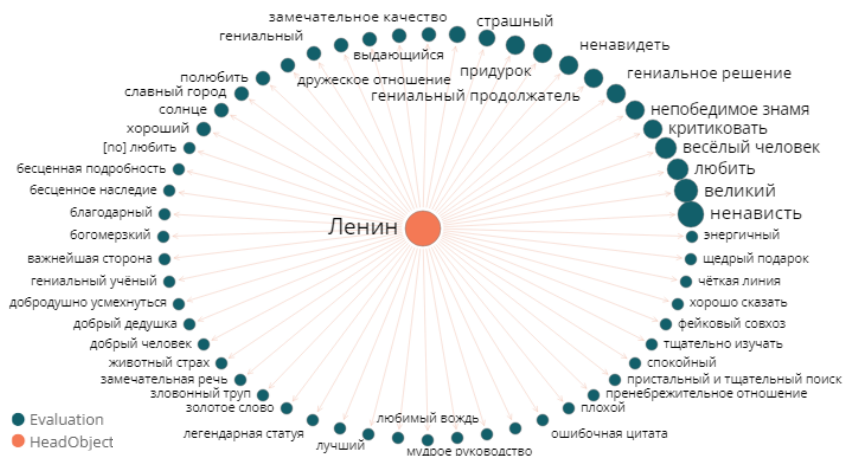

Рис. 2. Результаты автоматизированного анализа тональности текстов применительно к объекту «Ленин» (связь терминов).

Коллективные репрезентации Ленина, полученные в результате прикладного анализа больших данных, отличаются высокой степенью эмоциональной вовлечённости и полярности.

8 % всех оценок, атрибутированных Ленину в текстах, содержат слово «любить» и формируют нарратив о любви и вере народа в вождя, подарившего ему новую жизнь и, несомненно, желавшего народу добра, вне зависимости от исхода его начинаний.

При этом 17 % от всех оценок занимает слово «ненависть» / «ненавидеть». Однако в данном кластере нередко рассуждения, содер-

жащие это слово, носят апологетический по отношению к Ленину характер. Прослеживается отчетливый нарратив о необходимости защитить имя вождя от несостоятельных инсинуаций его врагов.

Положительно оцениваются усилия по созданию «нормальных» или «прогрессивных» условий становления советского государства: образования, науки, армии. В нарративах настойчиво прослеживается связь образов Ленина и Сталина: если первый создал советскую власть, то второй обеспечил победу в Великой Отечественной войне, которая оценивается как безусловное национально значимое положительное событие. Пример:

«Горизонты раздвинулись. Советский Союз стал мировой державой, без которой немислим послевоенный мир. Красная Армия стала передовой армией мира. Знамя великого Ленина веет над великой победой! Бессмертное имя повторяют благодарно все освобождённые народы. Правда дела Ленина – Сталина светит всему миру!».

Результаты кластеризации (автоматизированного выделения тематических блоков на основе сходства текстов). Самая обширная тема связана с практиками коммеморации вождя, она представлена музеями, улицами, экспозициями. Имя Ленина по-прежнему все время на слуху у детей и молодёжи, поддерживая значимость его образа на бытовом уровне (в отличие от почти столь же популярного образа Сталина, именем которого, тем не менее, ничего не названо). Второй по величине кластер связан с основным содержанием деятельности вождя: он посвящён пролетариату, революции, борьбе с буржуазией. Третий кластер собирает в себе тематику мавзолея и насущную дискуссию в российском обществе о том, следует ли предать земле тело вождя. И четвёртый кластер, как уже было сказано выше, олицетворяет тему войны.

Анализ ключевых слов подтверждает, что в нарративах о Ленине самым популярным словом остаётся именно слово «война» (встречается 18 254 раза непосредственно в текстах со словом «Ленин»). Более пристальный анализ текстов показывает, что речь здесь идёт о самых разных событийных контекстах XX в. – и о Гражданской войне, и о Первой мировой, и о Великой Отечественной войне, и о холодной войне (контексты рассуждений могут быть разнообразными – орден Ленина, Сталин – соратник Ленина, дело великого Ленина и т. д.).

Любопытной представляется репрезентация в сети популярной темы «Ленин и дети». Несколько поколений советских людей выросло на книгах, где идеализировался образ Ильича, последовательно переживающего этапы своей жизни; этот образ имеет отражение в публиках Рунета как воплощение определённого семейного канона. Приведём примеры.

«Начнём с рассказа об отношении Ленина к близким родственникам... особую любовь Ленин испытывал к своей маме, заботясь при этом и о матери Крупской. Близко знавшие Ленина говорили о том, какой заботой окружал он Надежду Константиновну, когда та заболела».

«Нельзя не вспомнить и о любви Ленина к детям».

«Заведующая... школой Ф. Халевская вспоминает, что с первых же минут общения с Лениным “всем стало весело и легко, а сам Владимир Ильич был обаятелен и прост”».

«Большевичка З. Лилина свидетельствует, что Ленин “горячо любил малышей”».

Ещё одна выраженная нарративная стратегия в пубliках о Ленине – желание защитить его от «напрасно возведённой» клеветы; здесь неожиданно достигают единения сторонники тысячелетней имперской истории, которые считают, что «красный проект» стал спасением для русской цивилизации после не связанного напрямую с большевиками падения монархии, и социалисты, для части которых Ленин был инициатором всяческих народных благ, но слишком рано покинул этот мир, и пришедший к власти Сталин всё перевернул «с ног на голову». В итоге светлые обещания Ленина так и остались обещаниями (но не Ленин в этом виноват).

СТАЛИН

Большие данные показывают, что фигура И.В. Сталина однозначно вызывает наибольшее количество эмоциональных реакций среди российских национальных героев. Это отражает, в частности, плотность графа, репрезентирующего анализ тональности текстов, связанных с его именем (рис. 3).

Мнения о Сталине традиционно полярны, 59,47 % оценок – положительные, 40,53 % – отрицательные. Его личность, действия, политические решения, их последствия и историческое значение мало кого оставляют равнодушными.

Если обратиться к данным ВЦИОМ, полученным по результатам социологического опроса, то палитра мнений окажется во многом сходной: так, в опросе 2016 г. о том, больше пользы или вреда принесла деятельность Сталина, 37 % оценили его деятельность как в большей степени положительную, 35 % – как деятельность, в которой были и позитивные, и негативные результаты, 20 % оценили роль Сталина сугубо отрицательно, 8 % затруднились в ответе [5].

В отношении личности Сталина, как и Ленина, в нарративах пользователей Рунета часто используется эпитет «великий». Но если величие

Ленина состояло в сохранении, хотя и в новом формате, могущества Российской империи или в проекте новой жизни для народа, то для Сталина частотность оценки «великий» связана преимущественно с событиями Великой Отечественной войны.

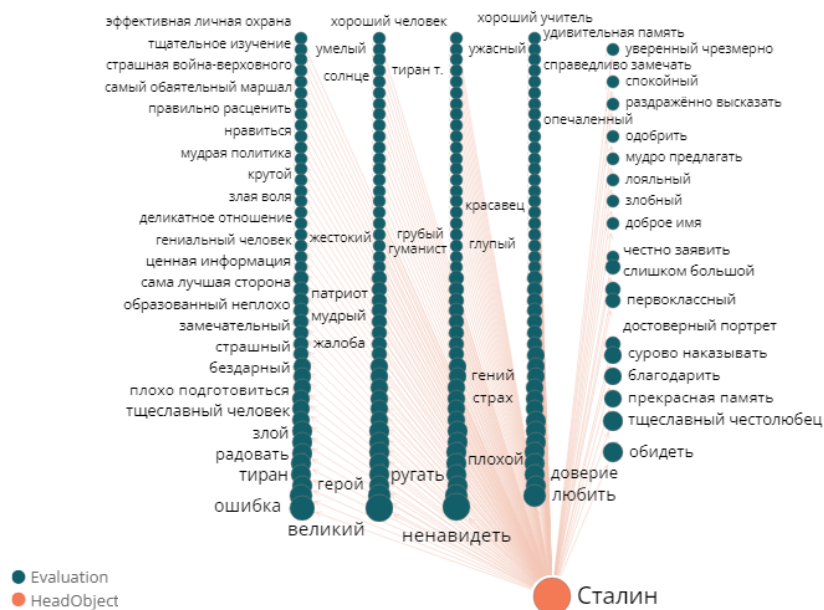

Рис. 3. Результаты автоматизированного анализа тональности текстов применительно к объекту «Сталин» (связь терминов).

«Будем же приветствовать всем благодарным сердцем великого Сталина, спасшего мир от мрака уничтожения, спасшего нашу Родину и всех нас! И мы прервем наши труды и будем радоваться, потому что на дворе праздник, на нашей улице сияет и гудит бессмертное девятое мая!»

«Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, ещё теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Реже, но встречаются оценки величия всей его миссии. Сталину часто приписывают мудрость, профессионализм, гениальность, которые позволили стать достойным преемником неоспоримо гениального Ленина.

«В предыдущей статье я приводил свидетельства Мерецкова относительно высокого профессионализма Сталина, хорошо разбиравшегося в военных вопросах».

«Итак, Ленин и Сталин – это две величайшие исторические фигуры из когда-либо существовавших на Земле... И речь не идет о некоей реидеализации – только об их реальных, фактических заслугах перед историей и человечеством».

Сталин часто становится предметом горячих полемик и диаметральных по характеру разоблачений, полных резкой, порой даже обценной лексики.

«Сталин был гениальный уголовник от политики, государственные преступления которого узаконивало само государство. Из амальгамы уголовщины с политикой и родился уникум: Сталинизм».

«Сталин гений, а гении ошибок не совершают. Если автор не согласен, пусть назовет ошибочные решения Сталина, а не его преемников».

Иногда в пику противникам Сталина демонстративно называют слишком добрым, гуманным.

«Все эти воры и педофилы заслуженно были приговорены к длительным срокам заключения. Сейчас данные граждане числятся в числе репрессированных кровавым режимом, а их потомки, закатывая глаза, рассказывают про тирана Сталина. Товарищ Сталин был гениальный человек. Но слишком гуманный! За такое надо было к стенке ставить, тогда бы у них внуков не было, которые сейчас рулят в России».

«Этот эпизод в очередной раз свидетельствует, что несмотря на всю свою требовательность, товарищ Сталин был вполне лояльным руководителем. Конечно, не для тех, кто воровал или злоупотреблял служебным положением, а для тех кто честно и профессионально работал».

13 % всех оценок содержат слова «любить» / «любимый», что выражает тональность теплоты, отсутствие дистанции, более интимную эмоциональность, однако нередко – с саркастическим подтекстом.

«В эти годы по радио часто звучала песня с припевом: “В коммунизм любимый Сталин нас ведет, / Он дал нам счастье и свободу! / Он нас на подвиги зовет, / великий, мудрый вождь народа!”»

10 % оценок, найденных в текстах, выражают благодарность Сталину (маркер «спасибо» и синонимы) за преданность государственным интересам России, для многих Сталин воплощает идею подлинного патриотизма.

«Сталин был успешным руководителем потому, что просто любил Россию... Такое отношение к России не у всякого русского встретишь. Может быть потому, что принятие русской культуры и судьбы – это

всегда осознанный выбор для того, кто не был рожден русским, но полюбил Россию всем сердцем и душой».

Историческая память Рунета о Сталине и руководимой им стране пронизана параллелями с современностью.

«Современная Россия – это лишь блеклая тень СССР, которая после его распада встроилась в мировую капиталистическую систему на правах периферии, то есть по сути сырьевой базы для “западных партнёров”».

Сталин является основным поводом для жёстких словесных баталий, поляризации мнений, гражданского противостояния, разделяющего людей на тех, кто за Сталина, и тех, кто против.

«...Сталин был тружеником и не любил бездельников, заставлял их работать и гонял за тунеядство. Поэтому все тунеядцы, лентяи и бездельники ненавидят Сталина. Они не хотят трудиться, хотят только потреблять, жрать, гадить и наслаждаться всем, чем можно и чем нельзя, но за чужой счет. В общем любой халявщик – это всегда ярый антисталинист».

Широко представлены в Интернете дискуссии о политических репрессиях и ограничениях личной свободы, «степенях жестокости» тоталитарного режима.

«Как ученые сидели в лагерях при Сталине. В тюрьме над ним издевались, зубы выбивали, голодом морили! Тогда я спросил у себе-седника: “Сегодня ученых не бросают в лагеря, им не выбивают зубы и не морят голодом. Как объяснить то, что величайшие достижения страны приходится на время правления тирана, который всем мешал работать?” Отвечу я за него: именно потому ученые и блистали при Сталине, что им были созданы отличные условия для работы... Питались хорошо... боролись, соревновались в беге, занимались на турнике. Они даже могли обращаться с мелкими жалобами и просьбами лично к Берии, и Берия их удовлетворял.

...Неволя есть неволя, и этим все сказано; каждый из заключенных променял бы все лагерные развлечения на то, чтобы оказаться дома. Я говорю, что все эти глупые рассказы об истерзанных ученых, рисующих проекты ракет на стенах бараков – уж совсем расчет на простачков».

В результате тематической *кластеризации текстов* был получен следующий вывод. Самый большой кластер текстов о Сталине, с большим отрывом обгоняющий прочие (которые не формируют однозначных выводов), выявляет нарратив о Великой Отечественной войне и человеке, который привёл свою страну к Великой Победе.

Анализ ключевых слов также подтверждает, что ключевой нарратив, связанный с именем Сталина, – это нарратив о войне. Первые

четыре наиболее употребимые слова в текстах о Сталине: война, противник, армия, фронт. Далее идут: партия, государство, власть (отражающие нарратив о талантливом управителе и «крепкой руке»). В числе первых 40 слов нет ни одного, связанного с политическими репрессиями, пытками, НКВД и ОГПУ, партийными чистками.

НИКОЛАЙ II

Третьим по популярности в рассматриваемой текстовой коллекции социальной сети «ВКонтакте» является Николай II. Автоматизированный анализ тональности применительно к объекту «Николай II» показал 70,91 % позитивных оценок, связанных с фигурой последнего российского императора, и 29,09 % негативных.

ВЦИОМ последний раз проводил опрос населения об оценке личности и деятельности Николая Романова в 2000 г., и он также показал, скорее, перевес сочувственных оценок его личности. Из предложенных вариантов ответа на вопрос: «19 мая 1868 г. родился последний российский император Николай II. С каким из следующих мнений о его жизни и деятельности вы бы скорее всего согласились?» – 34 % респондентов выбрали ответ «Он был не очень хорошим правителем и совершил много ошибок, но всё искупил своей мученической смертью»; 32 % – «Он – безвинная жертва большевистского террора»; 32 % ответов с негативной тональностью разбиваются на 15 % – «Он довёл жителей России до нищеты, страну – до катастрофы и был свергнут восставшим народом», и 18 % – «Он отрёкся от престола, бросил страну в трудный момент и ответствен за то, что случилось со страной после 1917 года» [3].

Анализ связи терминов («Николай II» и эмоционально-оценочных слов) выявил следующие кластеры оценочных текстов (рис. 4).

Рис. 4. Результаты автоматизированного анализа тональности текстов применительно к объекту «Николай II» (связь терминов).

Результаты кластеризации текстов показали следующее. В рассуждениях лидирует семейный нарратив, авторов которого качества Николая Второго как правителя не беспокоят. Многочисленные фотографии правителя и его семьи получают очень много «лайков» в Интернете. Николай, его жена и дети воплощают для части современных пользователей Рунета символ «России, которую мы потеряли», ностальгию по традиционным и патриархальным семейным отношениям. Приведём примеры «семейных» текстов.

«Очевидно, что царь просто обожает свою жену и было бы странно, если бы это не было так – ведь нет более нежной и прекрасной женщины, чем царица...»

«Русский царь Николай II не просто отличался от кайзера Вильгельма или короля Эдуарда, но был совершенно уникальным человеком».

«В день любви, семьи и верности поклонимся памяти Святой Царской четы – Императора Николая II и Императрицы Александры Фёдоровны, которые явили нам пример идеального брака!»

В этом же восторженном контексте идеализируются личные качества императора:

«Он скорее пожертвует жизнью, чем изменит своему слову... Добросовестность, человечность, кротость, честь – таковы, кажется мне, выдающиеся достоинства Николая II».

«Его манеры были настолько скромны, но есть воля, которую он умеет претворять в жизнь самым спокойным образом. Упорную и неутомимую волю в осуществлении своих планов отмечает большинство знавших царя людей».

Определённая часть текстов связана с комментариями к фотографиям, ссылками на страницы с иллюстрациями мест/вещей, имеющих отношение к жизни царя Николая и / или любимых им. Пользователям интересны его предпочтения, эмоциональные переживания, его частная жизнь.

Следующим заметным явлением текстовой коллекции является нарратив о святом и / или невинно убиенном, принесшим символическую жертву России Николае Втором, возрождая высокопарную стилистику агиографического жанра. Представим пример:

«Однажды в сумерках он вошёл в храм. Внизу было темно, и только купол прорезывался лучами заходящего солнца. Всё кругом казалось неземным и особенным. В этот момент художник увидел, что оставленный им незаполненный чистый овал как бы ожил: из него, словно из рамы, глядел скорбный лик Императора Николая II. Поражённый чудесным явлением, художник некоторое время стоял, как вкопанный».

В менее благостной тональности развивается нарратив про Николая II как хорошего семьянина, но плохого правителя, где акцент делается на последней, более важной для авторов оценке. В этом случае сначала признаются выдающиеся семейные качества царя, но основным посылом является то, что он был плохим правителем, «слабым и недалёким». В качестве подтверждения часто приводятся цитаты из воспоминаний Сергея Витте (всегда негативные) и других государственных деятелей (более разноплановые).

В нарративе об отречении царя обсуждаются обстоятельства свержения (если утверждается идея внешнего, навязанного Николаю Второму решения) или падения самодержавия в России (если педалируется мысль о том, что империя развалилась вследствие деградации самого политического режима и царя, доведшего страну до такого состояния). Обсуждается подлинность (подделка) манифеста об отречении.

Ещё один нарративный тренд в исследуемом информационном массиве противостоит советской версии объяснения причин краха Российской империи, в которой Николай Второй «был оболган».

«Мировоззрение Николая II было мировоззрением христианского государя, воспринимавшего своё императорское достоинство как служение Богу и России».

«Миф о слабых характеристиках Царя был создан авторами революции».

«Миф о слабых характеристиках последнего русского Царя Николая Второго был создан кругами, которые готовили кровавое свержение самодержавия».

Анализ ключевых слов отражает общую для всех национальных героев закономерность – сквозное системообразующее значение слова «война», слова, отражающие переломный момент истории (эпоха, революция), и специфически присущее только репрезентациям Николая Второго слово «семья».

Как следует из проведённого анализа, рассмотрение образов национальных героев В. Ленина, И. Сталина и Николая II сквозь призму количественных методов выявляет их общие черты: все они располагаются в горниле идейной полемики, принимающей русла различных исторических нарративов, имеют своих апологетов и противников, ниспровергателей одних мифов о них и сторонников других, объединены идеей войны, что, безусловно, является отражением трагического опыта, пережитого Россией и Советским Союзом в XX в. При этом каждая из коллективных репрезентаций имеет и свои специфические черты: у Ленина неожиданным образом формируются человеческий биографический профиль и связь с темой детства, у

Сталина доминирует образ победителя в войне с фашизмом, у Николая Второго – ностальгический патриархальный семейный нарратив, который не вызывал подобных ассоциаций у его современников.

Подводя итоги, следует отметить, что прикладной анализ неструктурированных больших данных социальных медиа позволяет решать принципиально новые задачи, выявлять новые особенности массового исторического сознания, которые не могут быть получены иным образом, тем самым расширяя наши представления о пространстве исторической памяти и специфических характеристиках национальной идентичности современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Благинин А.Л., Сайфулин Э.Р., Саркисова А.Ю.* Из опыта организации автоматизированного сбора данных в Томском университете // Большие данные и проблемы общества: сб. статей по итогам Междунар. науч. конф. (Киров, 19–20 мая 2022 г.). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2022. С. 34–46.

2. Великая Отечественная война. Фальсификация истории. Манипуляции в социальных медиа / А.Н. Курицын, Л.Г. Лемэр, И.С. Ашманов, А.А. Гребенюк. М.: Первое экономическое изд-во, 2020. 52 с.

3. ВЦИОМ-2000 г. 19 мая 1868 года родился последний российский император Николай II. С каким из следующих мнений о его жизни вы бы скорее всего согласились? URL: https://bd.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=503&q_id=36762&date=15.08.2000 (дата обращения: 25.09.2022).

4. ВЦИОМ-2016 г. А чисто по-человечески следующие политики вызывают у вас скорее симпатию или скорее неприязнь... Ленин? URL: https://bd.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1067&q_id=74118&date=31.01.2016 (дата обращения: 25.09.2022).

5. ВЦИОМ – 2016 г. Как вы считаете, деятельность следующих политиков принесла для России больше пользы или вреда... Сталин? URL: https://bd.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1067&q_id=74098&date=31.01.2016 (дата обращения: 25.09.2022).

6. *Данилова Е.А., Суляк С.Г.* Праздник со слезами на глазах: об отношении ко Дню Победы в России // Русин. 2021. № 65. С. 296–315.

7. *Данилова Е.А., Суляк С.Г.* Праздник со слезами на глазах: об отношении ко Дню Победы в России // Русин. 2021. № 66. С. 248–282.

8. *Качанов Д.Г.* Нарративный анализ как метод исследования традиционных и мультимедийных журналистских произведений // Медиаскоп. 2020. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2621>. DOI: 10.30547/mediascope.2.2020.5 (дата обращения: 25.09.2022).

9. *Миллер А.И., Малинова О.Ю., Ефременко Д.В.* Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128–140.

10. Мишалова Е.В. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2012. Т. XXXI, № 1. С. 158–173.

11. Палкин Р.В., Сапрыкин В.О., Гойко В.Л., Сайфулин Э.Р. VKAPI8. Библиотека методов по выгрузке и анализу данных из социальной сети «ВКонтакте». Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2019662001, 13.09.2019. Заявка № 2019661005 от 10.09.2019.

12. Петров Е.Ю., Саркисова А.Ю. Ресурс аналитической платформы Poly-Analyst в социогуманитарных научных исследованиях // *Открытые данные – 2021: материалы форума / под ред. А.Ю. Саркисовой*. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 94–104.

13. Brand Analytics. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-march-2022> (дата обращения: 25.09.2022).

14. Labov W., Waletzky J. Oral Versions of Personal Experience: Three Decades of Narrative Analysis // *Special Volume of a Journal of Narrative and Life History*. 1997. № 7. P. 3–38.

REFERENCES

1. Blaginina, A.L., Sayfulina, E.R. & Sarkisova, A.Yu. (2022) Iz opyta organizatsii avtomatizirovannogo sbora dannykh v Tomskom universitete [On organizing automated data collection at Tomsk University]. *Bol'shie dannye i problemy obshchestva* [Big Data and problems of society]. Proc. of the International Conference. Kirov, May 19–20, 2022. Tomsk: Tomsk State University. pp. 34–46.

2. Kuritsyn, A.N., Lemer, L.G., Ashmanov, I.S. & Grebenyuk, A.A. (eds) (2020) *Velikaya Otechestvennaya voyna. Fal'sifikatsiya istorii. Manipulyatsii v sotsial'nykh media* [The Great Patriotic War. Falsification of history. Manipulations in social media]. Moscow: Pervoe ekonomicheskoe izd-vo.

3. VTsIOM. (n.d.) *VTsIOM-2000 g. 19 maya 1868 goda rodilsya posledniy rossiyskiy imperator Nikolay II. S kakim iz sleduyushchikh mneniy o ego zhizni vy by skoree vsego soglasilis?* [VTsIOM-2000 On May 19, 1868, the last Russian Emperor Nicholas II was born. Which of the following opinions about his life would you most likely agree with?]. [Online] Available from: https://bd.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=503&q_id=36762&date=15.08.2000 (Accessed: 25th September 2022).

4. VTsIOM. (n.d.) *VTsIOM-2016 g. A chisto po-chelovecheski sleduyushchie politiki vyzyvayut u vas skoree simpatiyu ili skoree nepriyazn... Lenin?* [VTsIOM-2016. At a purely human level, the following politicians cause you more sympathy or rather hostility... Lenin?]. [Online] Available from: https://bd.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1067&q_id=74118&date=31.01.2016 (Accessed: 25th September 2022).

5. VTsIOM. (n.d.) *VTsIOM – 2016 g. Kak vy schitaete, deyatel'nost' sleduyushchikh politikov prinesla dlya Rossii bol'she pol'zy ili vreda... Stalin?* [VTsIOM – 2016 In your opinion, the activities of the following politicians brought more benefit or harm to Russia ... Stalin?]. [Online] Available from: https://bd.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1067&q_id=74098&date=31.01.2016 (Accessed: 25th September 2022).

6. Danilova, E.A. & Sulyak, S.G. (2021) A holiday with tears upon our eyes: On the attitude towards Victory Day in Ukraine. *Rusin*. 65. pp. 296–315 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/65/16 (Accessed: 25th September 2022).

7. Danilova, E.A. & Sulyak, S.G. (2021) A holiday with tears upon our eyes: On the attitude towards Victory Day in Russia. *Rusin*. 66. pp. 248–282 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/66/14

8. Kachanov, D.G. (2020) Narrativnyy analiz kak metod issledovaniya traditsionnykh i mul'timediynykh zhurnalistskikh proizvedeniy [Narrative analysis as a method of research of traditional and multimedia journalistic works]. *Mediascope*. 2. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2621>. DOI: 10.30547/mediascope.2.2020.5 (Accessed: 25th September 2022).

9. Miller, A.I., Malinova, O.Yu. & Efremenko, D.V. (2018) Politika pamyati i istoricheskaya nauka [The politics of memory and historical science]. *Rossiyskaya istoriya*. 5. pp. 128–140.

10. Mishalova, E.V. (2012) Istoricheskiy narrativ kak forma organizatsii i reprezentatsii istoricheskogo znaniya [Historical narrative as a form of organization and representation of historical knowledge]. *Epistemology & Philosophy of Science*. 31(1). pp. 158–173.

11. Palkin, R.V., Saprykin, V.O., Goyko, V.L. & Sayfulin, E.R. (2019) *VKAPI8. Biblioteka metodov po vygruzke i analizu dannykh iz sotsial'noy seti "VKontakte"* [VKAPI8. Library of methods for uploading and analyzing data from social network "VKontakte"]. Registration certificate for computer program RU 2019662001], 13.09.2019. Application № 2019661005 ot 10.09. 2019.

12. Petrov, E.Yu. & Sarkisova, A.Yu. (2021) Resurs analiticheskoy platformy PolyAnalyst v sotsiogumanitarnykh nauchnykh issledovaniyakh [Resource of PolyAnalyst analytical platform in sociohumanitarian research]. In: Sarkisova, A.Yu. (ed.) *Otkrytye dannye – 2021: materialy foruma* [Open data – 2021: forum materials]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 94–104.

13. *Brand Analytics*. [Online] Available from: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-march-2022> (Accessed: 25th September 2022).

14. Labov, W. & Waletzky, J. (1997) Oral Versions of Personal Experience: Three Decades of Narrative Analysis. *Special Volume of a Journal of Narrative and Life History*. 7. pp. 3–38.

Трубникова Наталья Валерьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Россия).

Natalia V. Trubnikova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: troub@mail.ru

Саркисова Анна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных Томского государственного университета (Россия).

Anna Yu. Sarkisova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

УДК 323.1(476)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/17

Русинский вопрос в общественно-политическом дискурсе Беларуси (1990-е гг.)

О.Г. Казак

Белорусский государственный экономический университет

Беларусь, 220070, г. Минск, Партизанский пр., 26

E-mail: olegkazak90@tut.by

Авторское резюме

Рассматриваются особенности присутствия русинского вопроса в общественно-политическом дискурсе Беларуси 1990-х гг. Отмечается, что обращение авторов к русинской проблематике было тесно связано с анализом феномена западнополесского этнополитического движения, развернувшегося в Беларуси в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. Отобраны и проанализированы различные по природе материалы (программные документы политических партий, публицистика, аналитические записки), в которых упоминаются русины. Определены мотивы обращения к русинской тематике различных общественных сил Беларуси (представители научного сообщества, деятели западнополесского и украинского этнополитических движений в Беларуси, пророссийские политические силы), выявлены основные механизмы репрезентации ими русинского вопроса. Наибольший интерес к русинскому вопросу демонстрировала пророссийская партия Славянский Собор «Белая Русь», что связано с желанием её активистов использовать русинский фактор для конструирования негативного образа властных элит постсоветских государств путём обвинения тех в дискриминационной национально-культурной политике. Делается вывод о слабой представленности русинской тематики в общественно-политическом дискурсе Беларуси. Пик интереса к ней пришёлся на 1991–1993 гг., после чего по мере затухания западнополесского движения внимание к проблеме снижается. К настоящему времени русинская проблематика затрагивается в научных публикациях белорусских историков (К.В. Шевченко, О.Г. Казак, А.П. Сальков и др.) и практически отсутствует в медиаповестке Беларуси.

Ключевые слова: русины, общественно-политический дискурс, Беларусь, национально-культурная политика, западнополесское движение

The Rusin question in the socio-political discourse of Belarus (1990s)

Oleg G. Kazak

26 Partizanskiy prosp., Minsk, 220070, Belarus

E-mail: olegkazak90@tut.by

Abstract

The article considers the rendition of the Rusin question in the socio-political discourse of Belarus in the 1990s. The author's attention to the Rusin question is closely connected with the analysis of the West-Polesian ethnopolitical movement in Belarus in the late 1980s – first half of the 1990s. The author has selected and analysed various materials (manifestos of political parties, journalism, analytical notes) to determine what motivated various public forces in Belarus (representatives of the academic community, activists of the West-Polesian and Ukrainian ethno-political movements in Belarus, pro-Russian political forces) to address the Rusin problem. He has also identified the main mechanisms used by those forces to represent the Rusin question. The main interest in the Rusin question came on part of the pro-Russian party Slavic Sobor Belaya Rus, since its activists wanted to use the Rusin factor to construct a negative image of the ruling elites of post-Soviet states by accusing them of discriminatory national-cultural policies. The author concludes that the Rusin question was poorly represented in the public and political discourse of Belarus. The peak interest to it was in 1991–1993. The attention to the problem decreased as the West-Polesian movement faded. Now, the Rusin question is discussed by Belarusian historians (K.V. Shevchenko, O.G. Kazak, A.P. Salkov, etc.) and is virtually absent in the Belarus media.

Keywords: Rusins, socio-political discourse, Belarus, national-cultural policy, West-Polesian movement

Белорусско-русинские культурные связи, а также присутствие русинской проблематики в общественно-политическом дискурсе суверенной Беларуси являются темами, которые фактически не нашли отражения в современной историографии. Одной из немногочисленных работ, посвящённых культурным контактам русинов и белорусов и различным нюансам взаимного восприятия представителями данных народов друг друга, является статья российского русиниста М.Ю. Дронова «Из истории белорусско-русинских культурных связей (до 30-х гг. XX в.)» [7]. В статье О.Г. Казака «“Скрытое русофильство” русинов социалистической Чехословакии» анализируется переписка фило-

лога, преподавателя Прешовского университета А.С. Шлепецкого с организатором партизанского движения в Советской Беларуси в годы Великой Отечественной войны И.Д. Ветровым (1960–1970-е гг.) [12]. Данные документы, обнаруженные в Национальном архиве Республики Беларусь, свидетельствуют о желании части русинской интеллигенции, проживавшей в послевоенной Чехословакии, ознакомить белорусскую общественность со своим видением этнокультурной природы автохтонного восточнославянского населения Восточной Словакии и национальной политики властей социалистической Чехословакии в отношении этого народа. Проблематика присутствия русинского вопроса в общественно-политическом дискурсе независимой Беларуси учёными не затрагивалась (в том числе и в работах, посвящённых белорусско-украинским отношениям).

В конце 1980-х гг. в Советской Беларуси зарождается западнopolесское этнополитическое движение, достигшее своего пика в первые годы существования суверенной Беларуси. Данное движение, лидером которого являлся молодой филолог, поэт и публицист Н.Н. Шелягович, имело много общих черт с русинским движением, которое в это же время получало своё развитие на Украине и в государствах Центральной Европы. Активисты западнopolесского движения требовали от властей Беларуси юридического признания западнopolесского (ятвяжского) этноса, делали попытки создания отдельного языка на основе местных говоров, выступали за предоставление региону национально-культурной автономии. Большинство упоминаний русинского вопроса в общественном пространстве Беларуси так или иначе связано с анализом природы западнopolесского движения. Цель статьи – оценить мотивы обращения к русинской проблематике различных общественно-политических сил Беларуси 1990-х гг. Русинская проблематика (русинский вопрос, русинская тематика и другие близкие по смыслу словосочетания) понимается как ситуация, в рамках которой активисты этнополитического движения требуют от властей Украины признания отдельного русинского этноса и предоставления ему возможностей свободного национально-культурного развития. Для реализации поставленной цели необходимо решение ряда задач, связанных с выявлением и анализом материалов, авторы которых (представители научного сообщества, активисты западнopolесского движения, деятели украинского движения в Беларуси, политики русофильских взглядов и др.) прямо или косвенно обращались к русинской проблематике.

Наиболее последовательно вопросом природы западнopolесского движения на протяжении многих лет (с начала 1990-х гг. по настоящее время) занимается белорусский этнолог П.В. Терешкович. Этот учёный

в своих публикациях постоянно подчёркивает общие черты западнополюсского и русинского движений. Так, в редакционной статье информационно-культурного бюллетеня «Форум» (1995–1996 гг.), основная часть которого была посвящена различным аспектам полюсской проблематики, П.В. Терешкович назвал западнополюсский и русинский регионализм «одним из конкретных проявлений постмодернистского сознания», которое при всей своей эклектичности тесно связано с «неоконсерватизмом, апелляцией к традиции, восприимчивой в качестве антитезы социальной и техногенной утопии». Учёный отметил, что движения возникли практически синхронно, хотя не имели очевидной связи друг с другом [24: 2]. В «Программе возрождения традиционной художественной культуры Полюсья», разработанной в 1994 г. по заказу Белорусского института проблем культуры Министерства культуры и печати Республики Беларусь, также упоминалось русинское движение на Украине (вероятнее всего, это связано с тем, что в состав коллектива по разработке программы входил П.В. Терешкович). В документе подчёркивалось, что «формирование западнополюсского этнополитического движения – явление полностью закономерное, которое соответствует основным тенденциям развития этнических процессов народов мира». В качестве примеров подобных движений (кроме русинского) назывались кашубское движение в Польше, латгальское движение в Латвии и др. [1: 42]. Разработчики программы считали, что активисты подобных социальных движений должны сосредоточивать усилия на изучении и популяризации этнокультурной специфики своих регионов, а не заниматься политизацией этничности, которая может нести угрозу целостности государств.

К русинской проблематике обращались также филологи, причём как те, кто с симпатией относился к «западнополюсскому возрождению», так и противники последнего. Сотрудник Института языкознания Академии наук Беларуси Ф.Д. Климчук (уроженец западнополюсского региона, с 1960-х гг. профессионально изучал местные диалекты) в одном из интервью в 1993 г. отметил, что имевшие место литературные публикации с использованием западнополюсских говоров давали основание судить о формировании отдельного микроязыка. Учёный указывал на аналогичные примеры групп говоров, на основе которых выкристаллизовывались литературные микроязыки. Среди них назывались «закарпатские говоры украинского языка». По мнению Ф.Д. Климчука, «литературный микроязык обслуживает определённую часть нации, часто небольшую» [10: 3]. Об отношении Ф.Д. Климчука к феномену этнополитических движений «малых народов» сложно сделать однозначный вывод. Коллега филолога, заведующий отделом

диалектологии и лингвогеографии Института языкознания Национальной академии наук Беларуси В.М. Курцова в интервью автору статьи отметила, что учёный поддерживал научно-просветительскую составляющую западнополесского движения, но выступал против его политизации, «отрыва региональной культуры от общеполесского контекста». После неожиданного прекращения западнополесского движения во второй половине 1990-х гг. Ф.Д. Климчук продолжил научное исследование полесских диалектов, опубликовал переводы на западнополесский микроязык произведений Л.Н. Толстого и книг Нового Завета, а также стал основателем общества «Загородье», которое объединило историков, филологов, краеведов. Данная организация позиционировала себя как сугубо культурно-просветительская структура, на её мероприятия Н.Н. Шелягович не приглашался [11]. Ф.Д. Климчук как крупнейший исследователь западнополесского языка принимал участие в работе созданной в 2008 г. Международным комитетом славистов «Комиссии по славянским микроязыкам», членами которой являлись в том числе специалисты в области истории и языка русинов (П.Р. Магочи, М. Капраль и др.) [8: 423–424]. Можно сделать вывод, что Ф.Д. Климчук с симпатией относился к попыткам литературной обработки локальных говоров (в том числе к феномену русинскоязычной литературы), однако не поддерживал движения, использовавшие культурные особенности этнических групп для обоснования политических требований.

Принципиально иной была позиция аспиранта Института языкознания Национальной академии наук Украины А.И. Скопненко, изложенная в статье для газеты «Берестейський край» («Брестский край») в 1996 г. На страницах данного украиноязычного издания, основателем которого была «Просвіта Брестчини имени Т.Г. Шевченко», последовательно отстаивалась концепция украинской этнической природы жителей Западного Полесья Беларуси. Факторы, которые представляли угрозу украинскому национальному проекту, игнорировались либо характеризовались негативно. А.И. Скопненко приводил лингвистические аргументы, призванные, по его мнению, доказать, что западнополесские говоры являются диалектом украинского языка. Из этого делался вывод о том, что жители Западного Полесья являются украинцами с «неразбуженным национальным сознанием». Автор подчёркивал определённую схожесть Западного Полесья и Закарпатья – регионов, которые находились на периферии украинского национального движения. Этноним «русин» рассматривался молодым филологом как пережиток прошлого: «Во второй половине XIX в., когда утверждение современного национального сознания и кристаллизация новейшей нации охватило преимуще-

ственное большинство этнических украинских земель, Брестчина, Подляшье, Закарпатье из-за неблагоприятных политических условий и в результате нехватки значительных национально-культурных структур и сознательной интеллигенции оказались в стороне от этих процессов. Именно к этому времени восходит известный красноречивый факт непринятия нового этнического самоназвания «украинец» и бытования вместо него давнего «русин» на территориях, которые позже затронула волна национального возрождения (например, на Закарпатской Украине)». А.И. Скопненко считал, что микроязыки будут постепенно угасать, поскольку «диалект не обслуживает многих сфер общественной жизни и не может бороться с литературными языками». К подобным «исчезающим» микроязыкам автор относил русинский микроязык, при этом отметил, что он функционировал в Сербии и Хорватии и имел некоторые общие черты с «закарпатскими украинскими говорами» [21: 6]. В иных украиноязычных изданиях Беларуси, которые регулярно освещали общественно-политическую жизнь на Украине, русинская проблематика не затрагивалась. Единичные упоминания отдельных аспектов русинской культуры встречались только в контексте ситуации в балканских странах. Например, в статье «Сколько славянских языков в мире?», опубликованной в 1993 г. в газете «Українець в Беларусі» («Украинец в Беларуси») Ассоциации украинцев в Беларуси «Ватра», шла речь о русинских диалектах в Сербии и Хорватии [20: 4]. Тем самым наличие русинской проблемы на Украине изданиями данного рода отрицалось.

Филологи привлекались органами власти Беларуси в качестве экспертов по западнополесскому вопросу, часто готовили для них аналитические записки. В проанализированных документах удалось обнаружить только косвенные отсылки к русинской тематике. Так, в аналитической записке сотрудников Института языкознания Академии наук Беларуси П.А. Михайлова и А.А. Кривицкого (1991 г.), подготовленной по запросу Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета БССР, отмечалось: «Несомненно, что под влиянием так называемых литературных микроязыков у некоторых славянских народов была также предпринята попытка создания полесского (ятвяжского) литературного микроязыка». Авторы документа отмечали, что «язык – это не лингвистическое, а социальное явление»: «Высокий ранг языка на шкале иерархии структурно-территориальной лингвистической формации имеют группы и системы местных говоров или диалектов не на основе их отличия от соседних говоров, а на основании определённого высокого этнокультурного и социально-экономического единства того социума, с которым они связаны». Также подчёркивались локальные различия

между отдельными западнополесскими диалектами. Данные умозаключения, по мнению авторов документа, должны были обосновать несостоятельность заявлений Н.Н. Шеляговича и его соратников о существовании отдельного западнополесского языка [15: 187–192]. Подобные доводы регулярно использовались представителями научного сообщества Беларуси, скептически оценивавшими природу западнополесского этнополитического движения (например, они присутствуют в аналитической записке Отделения гуманитарных наук Академии наук Беларуси (1992 г.) [16: 102–103]). Показательно, что идентичной системой аргументации пользуются украинские учёные и общественные деятели, отрицающие факт существования русинского этноса и не признающие требований активистов русинского движения.

В газете «Збудінне» («Пробуждение»), которая являлась изданием крупнейшей институции западнополесского движения – Общественно-культурного объединения «Полісьсе» («Полесье»), русинский вопрос не освещался, хотя регулярно публиковались материалы о других «малых народах» (алеуты, гагаузы и др.). При этом определённый интерес к русинской тематике у читателей газеты «Збудінне» присутствовал. В одном из номеров издания (октябрь 1992 г.) было опубликовано письмо читателя, который сообщал о своём интересе к «идее возрождения малых славянских народов – будь то западные полешуки в Республике Беларусь или русины на Украине». Вполне резонным выглядело следующее предложение читателя: «Было бы неплохо, на мой взгляд, печатать статьи о положении этих народов, попытаться проследить общие тенденции развития ситуации и взаимоотношений с окружающими “большими” народами, сравнить государственную политику в отношении “малых” этносов, возможно, в историческом аспекте» [9: 2]. Данный призыв, однако, не был услышан редакцией издания. Возможная причина этого кроется в особенностях формирования собственного исторического нарратива активистами западнополесского движения. Если во второй половине 1980-х гг. они утверждали, что автохтонные жители региона являются прямыми потомками ятвягов (балтское племя, ассимилированное славянами к XIII в.), то с начала 1990-х гг. получила распространение более реалистичная тенденция рассматривать ятвягов как один из компонентов населения края, признавая очевидную славянскую составляющую этнической группы [25: 333–334]. Более того, некоторые идеологи движения объявляли полешуков четвёртым восточнославянским этносом наравне с русскими, украинцами и белорусами. Данное утверждение, в частности, содержалось в письме Общественно-культурного объединения «Полісьсе», направленном председателю Верховного

Совета БССР Н.И. Дементю и Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета (1991 г.) [15: 133]. Вероятнее всего, активисты западнополесского движения не хотели широко информировать общественность о русинах, которые также претендовали на статус отдельного восточнославянского народа.

В октябре 1992 г. в республиканской газете «Звязда» («Звезда») была опубликована заметка «Русины без Руси». Статья вышла в рубрике «Сумежжа» («Пограничье»), которую вёл корреспондент газеты и активист западнополесского движения В.Ф. Калиновский, и представляла собой единственный полноценный материал на русинскую тематику в центральной белорусской прессе. Автор статьи В. Габуда отметил, что в деятельности «Общества подкарпатских русинов» имелось много общих черт с Общественно-культурным объединением «Полісье»: «Они (русины. – О.К.) также выработали свой письменный диалектный язык, наладили на нём выпуск газет». Особо подчёркивалось, что «национально ориентированные» представители интеллигенции вменяли в вину активистам русинского движения (на Украине) и западнополесского движения (в Беларуси) «прокоммунистичность» [4: 2]. Действительно, аргументация противников русинского и западнополесского движений была практически идентичной. Непримируемыми противниками русинского движения на Украине выступили некоторые историки, политологи, филологи из Ужгорода (О.В. Мишанич, П.П. Чучка, М.П. Тиводар и др.). Они сформулировали концепцию «политического русинства», состоящую из следующих тезисов: принятие автохтонным восточнославянским населением Закарпатья украинской национальной идентичности является исторически закономерным процессом; русинское движение является искусственным, инспирировано спецслужбами СССР и поддерживается силами, желающими подрыва единства Украины и украинского народа [2: 31–32]. Также высказывалась идея о том, что власти государств Центральной Европы (Польша, Словакия, Венгрия, Румыния) поддерживали русинские организации в своих странах с целью создания почвы для ассимиляции проживавшего там украинского меньшинства и нивелирования успеха украинского культурного строительства в Закарпатье [26: 230]. Схожие аргументы использовали в Беларуси критики западнополесского движения. Например, на заседании Учёного совета Института истории Академии наук Беларуси 3 марта 1992 г. были озвучены популярные в среде белорусской интеллигенции, но не нашедшие подтверждения гипотезы: западнополесское движение было инициировано партийными и советскими органами для «торпедирования» процесса белорусского национального возрождения (В.П. Крук, Н.М. Забавский), Н.Н. Шеляго-

вич и его соратники выступали за присоединение западнopolесского региона к Украине (М.М. Чернявский) [23: 26–29]. Данные доводы регулярно тиражировались в белорусской прессе.

Наиболее последовательно русинский вопрос был представлен в программных документах и политической публицистике партии Славянский Собор «Белая Русь». Данная политическая сила выступала с идеями культурно-цивилизационного единства восточнославянских народов, которое, по мнению активистов партии, должно было воплотиться в форме глубокой интеграции России, Беларуси и Украины. В программе Славянского Собора «Белая Русь» (раздел «Национально-языковая политика») декларировался следующий тезис: «Славяно-Русский Этнос (Русский Народ) состоит из четырёх ветвей: белорусской, великорусской, украинской (малорусской) и русинской, особенность национального самосознания каждой из которых состоит в том, что собственно белорусы, великороссы, украинцы и закарпатские русины одновременно осознают себя и представителями Славяно-Русского Этноса (Русского Народа). Таким образом, самосознание Русского Народа является двухуровневым по принципу: Русский-Белорус, Русский-Великоросс, Русский-Украинец, Русский-Русин. Каждая из ветвей Русского Народа имеет свою региональную, самобытную – белорусскую, великорусскую, украинскую и русинскую – культуру, представляющую собой местное своеобразное проявление русского духа» [19: 12]. В издании партии – газете «Русь Белая» – публиковались материалы авторов, считавших русинов органичной частью общерусского национально-культурного пространства. Так, в номере издания за декабрь 1994 г. была размещена «карта западной этнической границы русской народности», впервые опубликованная в 1975 г. в газете русинской эмиграции «Свободное слово Руси», издававшейся в США. В редакционном примечании подчёркивалось: «Эта карта отражает точку зрения русинов (полуторамиллионный народ Закарпатья) на западную границу русской народности» [13: 1]. В этом же номере была опубликована статья известного русинского деятеля русофильских взглядов А.Ю. Геровского «Папа Лев XIII и товарищ Сталин творцы независимой Украины» [6: 1–2]. В выпуске газеты за февраль 1995 г. было напечатано письмо, одним из авторов которого являлся деятель карпато-русинской эмиграции в США М.И. Туряница, Президенту США (1981–1989 гг.) Р. Рейгану. В документе был выражен протест против поддержки властями США движения «порабощённых народов», цель которого, по мнению авторов, заключалась в стремлении «покончить с более чем тысячелетней непрерывной государственностью России и её народов» [3: 4].

Довольно активное обращение печатного издания Славянского Собора «Белая Русь» к русинской проблематике объясняется общим критическим отношением данной партии к национально-культурной политике властей Беларуси и Украины. В вину властным элитам этих государств вменялись деструктивный национализм и отрицание общерусской природы белорусов и украинцев. В данной ситуации апелляция к русинской проблеме давала партии дополнительные аргументы для обличения дискриминационной по отношению к этническим меньшинствам политики Киева. Схожие процессы наблюдались в российском медиадискурсе после событий 2014 г.: в этот период российские средства массовой информации фактически открыли для себя наличие русинского этноса, который использовался в качестве противопоставления «плохим» украинцам [18: 302]. Показательно, что руководство Славянского Собора «Белая Русь» наладило конструктивные отношения с лидерами западнополесского движения в Беларуси. В феврале 1993 г. в газете «Збудінне» была опубликована информация о подписании соглашения о сотрудничестве между Славянским Собором «Белая Русь» и Общественно-культурным объединением «Полісьсе» [22: 1], обе организации входили в «Народное движение Беларуси» – зонтичную структуру, члены которой критиковали политику принудительной белорусизации и выступали за тесную интеграцию Беларуси и России [5: 9]. Впрочем, Славянский Собор «Белая Русь» не был влиятельной силой политического ландшафта Беларуси. Согласно данным республиканских социологических исследований, в мае 1995 г. рейтинг партии составлял 1,4 %, в октябре 1995 г. – 1,3 % [14: 117]. Ни один из членов Славянского Собора «Белая Русь» не был избран в Верховный Совет Республики Беларусь в 1995 г. В 1999 г. партия прекратила своё существование.

Таким образом, русинская тематика демонстрировала крайне слабое присутствие в общественно-политическом дискурсе Беларуси в 1990-е гг. В материалах абсолютного большинства авторов, затрагивавших русинский вопрос, в качестве основного объекта анализа выступало западнополесское движение в Беларуси. К русинской проблематике обращались прежде всего филологи, которые путём сопоставления литературных процессов в среде представителей интеллигенции, идентифицировавших себя с русинами и полешуками, пытались засвидетельствовать (Ф.Д. Климчук) или опровергнуть (А.И. Скопненко) перспективы развития восточнославянских микроязыков. В то же время белорусские учёные, которые по запросам органов власти готовили аналитические записки, посвящённые западнополесскому движению, в лучшем случае лишь косвенно упоминали русинский фактор. Это значительно снижало исследовательский

потенциал данных аналитических материалов, т.к. качественный компаративистский анализ схожих по природе феноменов (русинского и западнополесского движений) мог помочь лучше понять их сущностные характеристики. Одним из немногих учёных, которые учитывали данный подход в своих работах, был этнолог П.В. Терешкович. Сами деятели западнополесского движения в своих выступлениях и публицистике игнорировали русинский вопрос, т.к. усматривали в русинах «конкурента» в борьбе за звание четвёртого восточнославянского народа. В этом видится тактическая ошибка Н.Н. Шелеговича и его единомышленников: широкое информирование о борьбе этнической группы за свои права в соседнем государстве могло вызвать гораздо больший интерес у общественности, чем апелляция к процессам, происходившим в далёких от Беларуси странах и регионах. Наиболее широко русинская тематика присутствовала в программных документах и публицистике русофильской партии Славянский Собор «Белая Русь». При этом акцент делался на освещении творчества тех представителей русинской интеллигенции, которые считали русинов частью русского цивилизационного пространства. Однако Славянский Собор «Белая Русь» являлся довольно маргинальной политической силой Беларуси 1990-х гг.

Западнополесское этнополитическое движение, несмотря на амбиции его лидеров, не имело широкой популярности даже в среде жителей региона. В июле – декабре 1992 г., когда движение находилось на пике своего развития, сотрудниками Института социологии Академии наук Беларуси было проведено масштабное социологическое исследование, которое засвидетельствовало практически полное отсутствие особого «полесского» этнического самосознания у населения края. На вопрос о возможности выделения Западного Полесья в отдельный культурно-языковой регион Беларуси положительно ответили всего 7,3 % опрошенных [17: 10–11]. Неудачей закончились попытки Н.Н. Шеляговича баллотироваться на пост Президента Беларуси (1994 г.) и в Верховный Совет (1995 г.). В 1996 г. он покинул Беларусь. Западнополесское движение, во-многом являвшееся ответной реакцией на директивную белорусизацию конца 1980-х – первой половины 1990-х гг., практически сошло на нет после референдума 1995 г. Абсолютное большинство населения Беларуси (в том числе Брестчины) высказалось за предание русскому языку статуса второго государственного языка (наравне с белорусским), тем самым выбрав более близкую для себя культурно-идентификационную модель. Полесская тематика перестала широко освещаться в республиканской и региональной прессе, вслед за этим снизился интерес и к русинскому вопросу. В 2000–2010-е гг. в белорусских

средствах массовой информации встречались лишь единичные упоминания русинов. Несколько иначе обстоят дела в научной сфере. Положению русинов в составе межвоенной Чехословакии посвящены многочисленные научные работы известного слависта, профессора Минского филиала Российского государственного социального университета К.В. Шевченко; публикации доцента Белорусского государственного экономического университета О.Г. Казака освещают вопросы национальной политики властей хортистской Венгрии в отношении русинов; русинская проблематика затрагивается в трудах крупнейшего белорусского специалиста по истории национально-территориальных конфликтов в государствах Центральной Европы, заведующего кафедрой южных и западных славян Белорусского государственного университета А.П. Салькова. Вместе с тем русины до настоящего дня остаются загадкой для многих жителей Беларуси. Для исправления данной ситуации необходима комплексная работа не только учёных, но и представителей культурно-просветительских организаций, журналистского сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адраджэнне традыцыйнай мастацкай культуры Палесся. Міністэрства культуры і друку Рэспублікі Беларусь. Беларускі інстытут праблем культуры. Мінск: [б.м.], 1994. 116 с.
2. *Веселов В.И.* Русины Закарпатской области Украины: институализация и функционирование общественных организаций в 1989–2001 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 188 с.
3. Вечная Россия // Русь Белая. 1995. Февраль. С. 4.
4. *Габуда В.* Русіны без Русі // Звезда. 1992. 14 кастрычніка. С. 2.
5. *Гайдукевич С.* Лихое время. На осмотрительности не выедешь... // Рэспубліка. 1993. 12 мая. С. 9.
6. *Геровский А.Ю.* Папа Лев XIII и товарищ Сталин творцы незалежной Украины // Русь Белая. 1994. Декабрь. С. 1–2.
7. *Дронов М.Ю.* Из истории белорусско-русинских культурных связей (до 30-х гг. XX в.) // Русин. 2007. № 1. С. 108–116.
8. *Дуличенко А.Д.* О ситуации со славянскими микроязыками // Славянская микрофилология / под ред. А.Д. Дуличенко, М. Номати. Саппоро; Тарту: [Б.м.], 2018. С. 415–426.
9. 3 пошты «Збудіння» // Збудінне. 1992. 1–15 октября. С. 2.
10. Заходняе Палессе – дыялектны ландшафт (Гутарка з кандыдатам філалагічных навук Ф.Д. Клімчуком // Наша слова. 1993. 3 лістапада. С. 3.
11. *Казак О.Г.* «Западнополезское возрождение» в научных оценках. URL:

<http://naukaverakultjura.com/2526-2> (дата обращения: 27.07.2022).

12. Казак О.Г. «Скрытое русофильство» русинов социалистической Чехословакии // Аспект. 2019. № 1–4. С. 83–90.

13. Карта западной этнической границы русской народности // Русь Белая. 1994. Декабрь. С. 1.

14. Котляров И.В. Политические партии Беларуси как симулякры социального пространства (социологическое измерение) // Доклады Национальной академии наук Беларуси. 2014. Т. 58, № 4. С. 115–124.

15. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 968. Оп. 1. Д. 4090. Протоколы заседаний Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета БССР, 1991 г.

16. НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 4091. Протоколы заседаний Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета Республики Беларусь, 1992 г.

17. НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 4092. Протоколы заседаний Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета Республики Беларусь, 1993 г.

18. Подрезов М.В., Голдовская А.В. Русинский вопрос в медиаповестке российских средств массовой информации (2010–2019 гг.) // Русин. 2019. Т. 58. С. 294–305. DOI: 10.17223/18572685/59/19

19. Сим победиши! Программа Славянского Собора «Белая Русь». Минск: Славянский Собор «Белая Русь»; Научно-промышленная компания «Руян», 1994. 31 с.

20. Скільки слов'янських мов у світі? // Українець в Білорусі. 1993. Листопад. С. 4.

21. Скопненко О. Берестейщина // Берестейський край. 1996. Квітень. С. 5–6.

22. Хроныка // Збудінне. 1993. 1–28 февраля. С. 2.

23. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси. Ф. 3. Оп. 1. Д. 962. Протоколы заседаний Ученого совета Института языкознания Академии наук Беларуси, приложения к нему, 1992 г.

24. Церашковіч П. Ад рэдакцыі // Інфармацыйна-культурны бюлетэнь «Форум». 1995–1996. № 2. С. 2–3.

25. Шевченко К.В. Кризис идентичности и возникновение альтернативных этнических идентичностей у восточных славян: полешуки в Белоруссии // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2005/2006 / гл. ред. Б.Н. Флоря. М.: Индрик, 2008. С. 318–342.

26. «Ruszin voltam, vagyok, leszék...». Népismereti olvasókönyv / szerk.: C. Fedinec, I. Csernicskó. Budapest: Gondolat Kiadó, 2019. 316. old.

REFERENCES

1. Belarusian Institute of Cultural Problems, Ministry of Culture and Press of the Republic of Belarus. (1994) *Adradzhenne tradytsyynay mastatskay kul'tury Pallessya* [Revival of the Traditional Artistic Culture of Polesie]. Minsk: [s.n.].
2. Veselov, V.I. (2016) *Rusiny Zakarpatskoy oblasti Ukrainy: instutualizatsiya i funktsionirovanie obshchestvennykh organizatsiy v 1989–2001 gg.* [Rusins of Ukrainian Transcarpathia: Institutionalization and Functioning of Public Organizations in 1989–2001]. History Cand. Diss. Moscow.
3. *Rus' Belaya*. (1995) Vechnaya Rossiya [Eternal Russia]. February. p. 4.
4. Gabuda, V. (1992) *Rusiny bez Rusi* [Rusins without Rus]. *Zvyazda*. 14th October. p. 2.
5. Gaydukevich, S. (1993) Likhoe vremya. Na osmotritel'nosti ne vyedesh'... [Dashing Time. Can't Count on Discretion...]. *Respublika*. 12th May. p. 9.
6. Gerovskiy, A.Yu. (1994) Papa Lev XIII i tovarishch Stalin tvortsy nezalezhnoy Ukrainy [Pope Leo XIII and Comrade Stalin – Creators of Independent Ukraine]. *Rus' Belaya*. December. pp. 1–2.
7. Dronov, M.Yu. (2007) Iz istorii belorusko-rusinskikh kul'turnykh svyazey (do 30-kh gg. XX v.) [From the history of Belarus-Rusin cultural relations (until the 1930s)]. *Rusin*. 1. pp. 108–116.
8. Dulichenko, A.D. (2018) O situatsii so slavyanskimi mikroyazykami [On the situation with Slavic microlanguages]. In: Dulichenko, A.D. & Nomati, M. (eds) *Slavyanskaya mikrofilologiya* [Slavic microphilology]. Sapporo; Tartu: [s.n.]. pp. 415–426.
9. *Zbudinne*. (1992) Z poshty “Zbudinnya”. 1st – 15th October. p. 2.
10. *Nasha slova*. (1993) Zakhodnyae Palesse – dyalektny landshaft (Gutarka z kandydatam filalogichnykh navuk F.D. Klimchukom [Western Polesie – Dialectal Landscape. Conversation with Ph.D. in Philology F.D. Klimchuk]. *Nasha slova*. 3th November. p. 3.
11. Kazak, O.G. (2022) “Zapadnopolesskoe vozrozhdenie” v nauchnykh otsenkakh [“Revival of Western Polesie” in Scientific Assessments]. [Online] Available from: <http://naukaverakultjura.com/2526-2/> (Accessed: 30th July 2022).
12. Kazak, O.G. (2019) “Skrytoe rusofil'stvo” rusinov sotsialisticheskoy Chekhoslovakii [“Hidden Russophilism” of the Rusins of Socialist Czechoslovakia]. *Aspekt*. 1–4. pp. 83–90.
13. *Rus' Belaya*. (1994) Karta zapadnoy etnicheskoy granitsy russkoy narodnosti [Map of the Western Ethnic Border of the Russian People]. December. p. 1.
14. Kotlyarov, I.V. (2014) Politicheskie partii Belarusi kak simulyakry sotsial'nogo prostranstva (sotsiologicheskoe izmerenie) [Political parties of Belarus as simulacra of social area (sociological dimension)]. *Doklady Natsional'noy akademii nauk Belarusi*. 58(4). pp. 115–124.
15. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). *Protocols of*

Meetings of the Commission on National Policy and Interethnic Relations of the Supreme Council of the BSSR, 1991. Fund 968. List 1. File 4090.

16. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). *Protocols of Meetings of the Commission on National Policy and Interethnic Relations of the Supreme Council of the Republic of Belarus, 1992. Fund 968. List 1. File 4091.*

17. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). *Protocols of Meetings of the Commission on National Policy and Interethnic Relations of the Supreme Council of the Republic of Belarus, 1993. Fund 968. List 1. File 4092.*

18. Podrezov, M.V. & Goldovskaya, A.V. (2019) The Rusin question in the Russian media agenda (2010–2019). *Rusin*. 58. pp. 294–305 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/59/19

19. Slavyanskiy Sobor Belaya Rus. (1994) “*Sim pobedishi! Programma Slavyanskogo Sobora ‘Belaya Rus’*” [With this We Will Win. Program of Slavyanskiy Sobor “Belaya Rus”]. Minsk: Slavyanskiy Sobor “Belaya Rus”; Ruyan.

20. *Ukrainets’v Belarusi*. (1993) Skil’ki slov’yanskikh mov u sviti? [How Many Slavic Languages are there in the World?]. November. p. 4.

21. Skopnenko, O. (1996) Beresteyschina [Brest Region]. *Beresteys’kiy kray*. April. pp. 5–6.

22. *Zbudinne*. (1993) Hronyka [Chronicle]. 1st–28th February. p. 2.

23. The Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus. *Protocols of the Meetings of the Academic Council of the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of Belarus, Annexes to it, 1992. Fund 3. List 1. File 962.*

24. Tserashkovich, P. (1995–1996) Ad redaktsyi [From the Editor]. *Infarmatsyyna-kul’turny byuleten’ “Forum”*. 2. pp. 2–3.

25. Shevchenko, K.V. (2008) Krizis identichnosti i vozniknovenie al’ternativnykh etnicheskikh identichnostey u vostochnykh slavyan: poleshuki v Belorussii [The crisis of identity and the emergence of alternative ethnic identities among the Eastern Slavs: Poleshuks in Belarus]. In: Florya, B.N. (ed.). *Belorussiya i Ukraina. Istoriya i kul’tura. Ezhegodnik 2005/2006* [Belarus and Ukraine. History and Culture. Yearbook 2005/2006]. Moscow: Indrik. pp. 318–342.

26. Fedinec, C. & Csernicskó, I. (eds) (2019) “*Ruszin voltam, vagyok, leszek...*”. *Népismereti olvasókönyv* [“I was Ruthenian, I am, I will be ...”. Folklore reading book]. Budapest: Gondolat Kiadó.

Казак Олег Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета (Беларусь).

Oleg G. Kazak – Belarusian State Economic University (Belarus).

E-mail: olegkazak90@tut.by

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/18

**Васильченко М.А. Чехословацкий корпус
в борьбе за Поволжье (май – ноябрь 1918
года). Саратов: Техно-Декор, 2021. 172 с.**

А.В. Посадский

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина –
филиал РАНХиГС

Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164, в/г № 2.

E-mail: Posadav68@mail.ru

**Vasilchenko M.A. The Czechoslovak corps in the
struggle for the Volga region (May – November
1918). Saratov: Techno-Decor, 2021. 172 p.**

Anton V. Posadsky

Volga Institute of Management – The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

164, v/g 2, ul. Moskovskaya, 164, v/g 2, 140012, Saratov, Russia

E-mail: Posadav68@mail.ru

Гражданская война в России по-прежнему дает большое пространство для исследователей, несмотря на интенсивные усилия историков в последние два с половиной десятилетия. Постепенное выяснение достоверной картины Гражданской войны рождает новые дискурсы и задает новые темы. Одним из существенных исследовательских сюжетов является совокупное изучение периода 1914–1922 г., в том числе рождения новых общностей, новых смыслов, которым суждено было разворачиваться в дальнейшей драматургии Гражданской войны и позднее. Фронтовики, ударники, дезертиры, национальные формирования, национальные органы власти и прочие рождались в 1917 г. и начинали самостоятельную государственную или корпоративную жизнь.

Книга М. Васильченко посвящена как раз сюжету, вписанному сразу в несколько контекстов европейской и русской истории начала

XX в. Это бытие чешской диаспоры в России, чешское национальное движение на фоне Первой мировой войны и его организационные формы в Русской армии; это драматургия самоопределения чехов и словаков в результате Русской революции и деятельности чешской интеллигенции; это решения советской власти, как центральной, так и местной, по поводу чехословацких соединений и их ответная реакция, наконец, разворачивание совместной борьбы на Волжском фронте чехословацких и русских антибольшевистских сил. На наш взгляд, данными обстоятельствами как раз и определяется научная актуальность исследования. Автор комплексно рассматривает сюжеты, которые имеют разное происхождение и зачастую рассматривались в литературе изолированно друг от друга. Удачно выбранный объект исследования позволил увидеть неочевидные связи и влияния в сложной игре вокруг Чехословацкого корпуса в 1917–1918 гг.

Обозначенные обстоятельства сделали исследовательскую задачу М. Васильченко сложной и интересной. Он в целом справляется с непростым и разнохарактерным материалом.

В основу книги были положены материалы диссертационного исследования, которое содержит безусловные элементы новизны [1]. Во-первых, автор рассматривает как самостоятельного субъекта Гражданской войны обособленный сегмент Чехословацкого корпуса, а именно его Поволжскую группу. Как правило, отдельные группы чехословацких войск рассматриваются по-отдельности только в отношении ведения военных действий.

Автор посвящает первую главу монографии истории чешской диаспоры в России и формированию чехословацких частей в Русской императорской армии в 1914–1917 гг. Исследуются как мотивы, так и масштабы чешского проникновения в Россию. Представленная картина позволяет увидеть потенциальные возможности использования чешского фактора в Первой мировой войне. Вторая глава рассказывает о выступлении корпуса против Советов на фоне общей обстановки в волго-уральском регионе. Наконец, в третьей главе автор анализирует взаимодействие чехов и Комуча в политическом и военном горизонтах.

Васильченко ранее уже обращался к этому сюжету в отдельных работах [2]. Представляется верным вынесенное в название первого параграфа этой главы соображение о влиянии чехословацкого фактора как на формирование структур антибольшевистской власти, так и её политики. Автор убедительно подтверждает это соображение. Уход чехословацких частей с Волжского фронта является хронологической границей исследования.

М.А. Васильченко для достижения поставленной цели привлекает как советскую, так и современную российскую научную литературу, а также значительный массив чешской литературы.

Источниковая база представлена значительным количеством материалов центральных (ГАРФ, РГВА, РГВИА) и местных архивов, а также музейных фондов.

Монография дает возможность для полемики по конкретным сюжетам. Летне-осенние бои на Волге отличались стремительностью, слабостью задействованных сторонами сил, быстрым изменением обстановки. Соответственно, и сведения источников зачастую отрывочны и противоречивы. Поэтому любые количественные показатели целесообразно по возможности проверять или оговаривать источник. Так, на с. 138 речь идет о белой мобилизации в Хвалынском уезде, которая дала около 500 человек, т. е. провалилась [3:138]. Между тем, согласно документам белой стороны, мобилизация в уезде позволила призвать до 2 000 человек, что существенно меняет картину.

События 1918 г. в Поволжье ярко продемонстрировали роль, в условиях государственного распада, организованной силы. Как раз национально обособленные группы с организованным ядром, созданным во имя войны до революционных потрясений, правят бал на начальном этапе Гражданской войны. Чехи, латыши, сербы, китайцы и прочие «интернационалисты» оказываются решающим военным фактором. Это обстоятельство, в свою очередь, создает различные надежды и фобии как у самих комбатантов, так и политиков, и обывателей. М. Васильченко неизбежно касается этих сюжетов. В работах находят отражение как соображения политического и военного руководства чехословацких войск, так и настроения рядовых.

Автор подробно описывает процесс отчуждения Корпуса от Русской армии и России в условиях нараставшего хаоса в 1917 г., показывает роль в этом процессе Т. Масарика [4]. Вероятно, политическое отмежевание от России и Русской армии (в интересах выхода из-под условий Брестского мира) и окончательное преобладание среди личного состава австрийских подданных, которых отнюдь не воодушевляла идея союза с Россией, – это наиболее драматичная страница в истории чехословацких вооружённых сил в 1917–1918 гг.

Любые весомые военные величины неизбежно становятся объектом отчаянной политической борьбы на фоне продолжавшейся мировой войны. Автор убедительно показывает, что Комуч пытался опереться на чехов как носителей демократического начала в противостоянии с Временным Сибирским правительством.

М.А. Васильченко касается и острых стратегических вопросов 1918 г. Он рассматривает мотивы принимавшихся военных решений

летом 1918 г. и оценивает расхождения в позициях командования Поволжской группы и военного руководства Комуча. Позиции и решения в этот период во многом определялись конфигурациями мировой войны. В этом контексте автор разбирает и вопрос о броске на Казань – насколько он был импровизационен и целесообразен.

В своих работах М. Васильченко обратил внимание на инфраструктурные, информационные, бытовые аспекты бытия чехословацких войск в России, которые влияли на их настроение, мотивации, принятие решений. Нехватка вагонов, стремление поскорее преодолеть огромные расстояния на пути домой и многие подобные факторы в не меньшей степени, чем политические мотивации, определяли состояние умов легионеров и их руководства [5]. Показательно, что некоторая изолированность Поволжской группы чехословаков от остальных сил Корпуса как раз и сформировала известную самостоятельность и активность её командования.

В качестве недостатков можно указать на малую проработанность сюжета с захватом Уфы летом 1918 г., т. к. этот регион входит в Поволжье, но в работе она не получила широкого освещения. Кроме того, в монографии отсутствует иллюстративный и картографический материал, который существенно обогатил бы книгу.

Большим минусом работы является её хронологическая и территориальная локальность. Автор не упоминает о дальнейшей судьбе легионеров, воевавших в Поволжье. Кроме того, фокусируясь на деятельности антибольшевистских сил, М.А. Васильченко не уделяет должного внимания процессу становления РККА, поэтому переход от побед к поражениям войск Комуча выглядит достаточно резким, что несколько снижает объективность научного исследования.

Однако высказанные замечания несколько не умаляют значимости работы для изучения Гражданской войны в Поволжье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильченко М.А. Чехословацкий корпус на территории Поволжья в 1918 г.: от нейтралитета к участию в Гражданской войне: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014. 26 с.

2. *Васильченко М.А., Панин Е.В.* Чехословацкий корпус и антибольшевистские силы Поволжья: ключевые аспекты взаимодействия // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 7. С. 26–29. DOI: 10.30853/manuscript.2020.7.4

3. *Васильченко М.А.* Чехословацкий корпус в борьбе за Поволжье (май – ноябрь 1918 года) Саратов: Техно-Декор, 2021. 172 с.

4. *Васильченко М.А.* Мероприятия по сохранению боеспособности национальных воинских формирований в условиях разложения фронта и

тыла (на примере Чехословацкого корпуса) // Современные евразийские исследования. 2014. № 3. С. 56–61.

5. Васильченко М.А. Повседневность солдат Чехословацкого корпуса в марте–мае 1918 г. как фактор антибольшевистского мятежа // Клио. 2013. № 1(73). С. 93–95.

REFERENCES

1. Vasilchenko, M.A. (2014) *Chekhoslovatskiy korpus na territorii Povolzh'ya v 1918 g.: ot neytraliteta k uchastiyu v Grazhdanskoy voyne* [The Czechoslovak corps in the Volga region in 1918: from neutrality to participation in the Civil War]. Abstract of History Cand. Diss. Saratov.

2. Vasilchenko, M.A. & Panin, E.V. (2020) *Chekhoslovatskiy korpus i antibol'shevistskie sily Povolzh'ya: klyuchevye aspekty vzaimodeystviya* [The Czechoslovak Corps and the anti-Bolshevik forces of the Volga region: key aspects of interaction]. *Manuskript*. 13(7). pp. 26–29. DOI 10.30853/manuskript.2020.7.4.

3. Vasilchenko, M.A. (2021) *Chekhoslovatskiy korpus v bor'be za Povolzh'e (may – noyabr' 1918 goda)* [The Czechoslovak corps in the struggle for the Volga region (May – November 1918)] Saratov: Techno-Décor.

4. Vasilchenko, M.A. (2014) *Meropriyatiya po sokhraneniyu boesposobnosti natsional'nykh voinskiykh formirovaniy v usloviyakh razlozheniya fronta i tyla (na primere Chekhoslovatskogo korpusa)* [Measures to preserve the combat capability of national military formations in the conditions of the expansion of the front and rear (a case study of the Czechoslovak Corps)]. *Sovremennye evraziyskie issledovaniya*. 3. pp. 56–61.

5. Vasilchenko, M.A. (2013) *Povsednevnost' soldat Chekhoslovatskogo korpusa v marte-mae 1918 g. kak faktor antibol'shevistskogo myatezha* [Everyday life of the soldiers of the Czechoslovak Corps in March – May 1918 as a factor in the anti-Bolshevik rebellion]. *Klio*. 1(73). pp. 93–95.

Посадский Антон Викторович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия).

Anton V. Posadskiy – Volga Institute of Management – The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

E-mail: posadav68@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ **Русини**

Основаи в 2005 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2022. № 69

Республиканская общественная ассоциация «Рүсь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)
– 326 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, ул. Миорица 1С, кв. 83

E-mail: journalrusyn@rambler.ru, info@rusin.md

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайты «Международный исторический журнал "Русин"»:

<http://journals.tsu.ru/rusin>

<http://journalrusin.ru>

 www.facebook.com/groups/journalrusin

 <https://vk.com/journalrusin>

 <https://t.me/journalRusin>

Подписано к печати 9.11.2022. Формат 60x90 ¹/₁₆.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 13/0122.

Отпечатано в типографии «Taicom».

г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами и читателями в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2022 году международный исторический журнал
«Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

СЛАВЯНЕ

Николай Добронравов

Зловещий призрак снова бродит.

Восходит ржавая трава.

И снова жизнью верховодит

Иван, не помнящий родства.

Но мы спасаем наши души,

Спасаем рвущуюся нить.

Возможно здание разрушить,

Но души — не разъединить...

Ах, пока гром не грянет,

Мы не придём в себя.

Мы, чёрт возьми, на грани, —

Так вспомним, что мы славяне,

Славяне — это судьба!

Источник: <https://rustih.ru/nikolaj-dobronravov-slavyane>